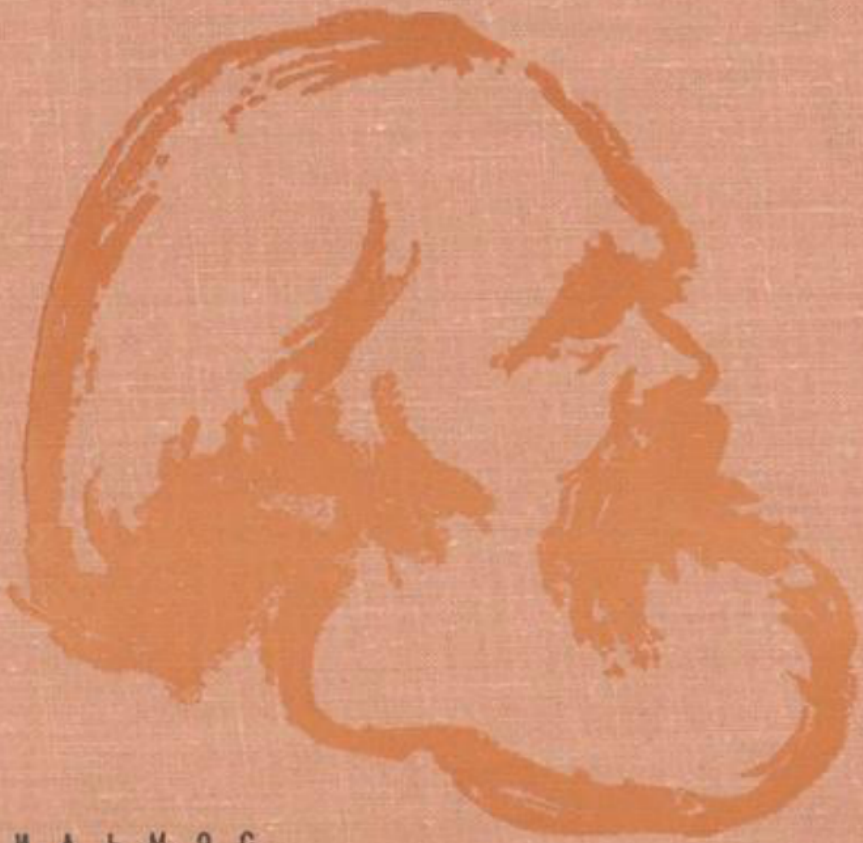

ВИЛЬМОС ИЛЬЗЕ КОРН

Мавр и лондонские грачи

Издательство „Детская литература"

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Вильмос и Ильзе Корн – писатели Германской Демократической Республики, авторы многих книг для детей и юношества. Но самое значительное их произведение – роман «Мавр и лондонские грачи». В этом романе авторы живо и увлекательно рассказывают нам о гениальных мыслителях и революционерах – Карле Марксе и Фридрихе Энгельсе, об их великой дружбе, совместной работе и героической борьбе. Книга пользуется большой популярностью у читателей Германской Демократической Республики. Она выдержала несколько изданий и удостоена премии, как одно из лучших художественных произведений для юношества. Иллюстрации к книге сделаны выдающимся художником ГДР, лауреатом Национальной премии – Куртом Циммерманом. Электронное издание без иллюстраций.

- Вильмос и Ильзе Корн.
- Омнибус
- Грачевник
- Черт срывается с цепи
- Мавр у Кровососа
- Пропали кружева!
- Мавр и его дети
- Кто поможет?
- Долговая расписка
- Робин делает открытие
- Два друга
- Кинг и его шайка грачей
- Просчитались
- Необыкновенный понедельник
- Мэми
- Ганс Рёкле и черт
- Горе от избытка
- Робинзон и электрическая железная дорога
- Одно место осталось пустым
- Дом с тремя золотыми шарами
- Длинный путь
- Бекки
- Стачка
- «Тамерлин»
- Грачи возвращают долг
- Сапоги времени
- Сноски

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33
  - 34
  - 35
  - 36

Вильмос и Ильзе Корн.
МАВР И ЛОНДОНСКИЕ ГРАЧИ.
Роман

Дорогие ребята!

Книгу, которую вы сейчас прочтете, написали для вас Вильмос и Ильзе Корн, писатели Германской Демократической Республики.

Эта книга посвящена вождям мирового пролетариата – Карлу Марксу и Фридриху Энгельсу. В ней рассказывается о дружбе двух великих людей, которая началась еще в юности и связывала их всю жизнь.

Прочитав первые же страницы этой замечательной книги, вы как бы попадаете в старый Лондон. Жалкие тесные переулки, люди ютятся в сырых подвалах полуразвалившихся домов; это и есть лондонский Грачевник, где живет семья старого прядильщика Эдварда Клинга.

Вместе с героем книги, сыном старого прядильщика – Джо, вы побываете в гостях у Маркса, в его тесной лондонской квартирке на Дин-стрит, познакомитесь с его женой – умной и обаятельной Женни Маркс, со всей его дружной семьей. Вы узнаете, каким был этот гениальный человек в жизни – дома, с друзьями, в кругу семьи.

Героями книги являются также юные английские пролетарии, с малолетства занятые непосильным трудом на фабрике.

События, описанные в книге, происходили в Англии в середине прошлого века. Авторы создают исторически верную и убедительную картину жизни английского пролетариата, рассказывают о первых выступлениях рабочего класса против капиталистической эксплуатации, от которой особенно тяжело страдали дети.

Омнибус

Они вышли из мрачного мира трущоб.

Грачевник с его зловонными, залитыми нечистотами переулками и тупиками остался позади, но еще с добрый час детям пришлось пробираться по узким, полным шума и гама улицам. Лишь когда начались палисадники коттеджей Ме́йтленд-парка и Ха́версток-хилла, брат и сестра замедлили шаг. Бе́кки в немом восхищении прижималась к чугунным решеткам оград: среди астр и золотых шаров еще цвели поздние розы. Но Джо торопил.

Наконец перед ними открылась пустошь. Джо вздохнул полной грудью; как приятно было под босыми ногами почувствовать теплую землю, травку! Бекки с удивлением поглядывала на брата. Его бледное лицо порозовело, глаза расширились и блестели. Он то и дело останавливался. Все здесь было для него ново: жуки с прозрачными крылышками, жужжание пчел, пестрые перышки птиц. На сером камне, пригревшись на солнышке, застыла какая-то зеленая змейка с лапками, лишь черные бусинки глаз поблескивали. Джо долго наблюдал за ящеркой.

– Гляди, гляди! – Он показал на пролетавшую над ними вереницу длинношеих птиц, устремлявшихся в дальние края.

– Дикие гуси! – тихо сказала Бекки, словно боясь громким возгласом разорвать летящую в небе цепочку.

Мягко очерченные холмы и лощины Хе́мпстедской пустоши подходят к самому Лондону. Детей обступили деревья в пестрой осенней листве, кусты, поросшие дроком пригорки, заросли ежевики; то откроется узенькая изумрудная долинка, то вдруг встанет косогор. А какой здесь воздух – не надышишься! Но Джо и Бекки послали сюда отнюдь не затем, чтобы нсладиться здешним воздухом. Цель была куда более практическая. Одиннадцатилетняя Бекки несколько раз в году собирала листья ежевики для лавочницы Квадл, у которой находилась в услужении. А так как брату сегодня заступать было только в ночную смену, то и он смог наконец побывать за городом и помочь Бекки набрать грибов, которые еще попадались кое-где в укромных местечках.

В позднюю осеннюю пору лавочница наживала немало денег на шампиньонах. Потому-то она вдруг расщедрилась и дала детям денег на проезд в омнибусе. Но Бекки и Джо, уже много месяцев откладывавшие каждый пенни, решили проделать дальний путь пешком.

Солнце стояло уже высоко. Вскоре Джо принялся искать грибы один, а заодно набирал для матери хворост. Наконец корзина была наполнена и три охапки хвороста увязаны. Бекки все еще стояла в кустах, проворно обирая шершавые листья ежевики и засовывая их в большой мешок. Она вся исцарапалась о колючки. Джо огляделся, ища, где бы прилечь.

Неподалеку на холмике росло несколько березок в золотистом уборе. Таких деревьев Джо никогда еще не видывал. Он с изумлением пощупал ствол. Кора была гладкая, как шелк, и белая-пребелая!

Джо растянулся под березой на сладко пахнувшем вереске. Он глубоко вздохнул, подложил руки под голову и долго-долго глядел в синеву неба сквозь шатер из листьев, по которому пробегала легкая рябь.

– Бекки, иди скорей сюда! Тут мягко, как на кровати.

– Сейчас! Только завяжу мешок!

Джо еще раз погладил ствол березы и засмеялся. Белая! Такая же белая, как чайки!

Тринадцатилетний Джо Клинг уже несколько лет работал на бумагопрядильной фабрике и мало видел в жизни хорошего. Изнурительная работа по двенадцати часов кряду, часто в ночную смену, да плетка надзирателя рано развеяли все детские мечты, придав лицу мальчика строгое, почти суровое выражение.

До сих пор Джо наблюдал кипучий и красочный мир лишь с мостов через Те́мзу да в доках, где кружили чайки и большие суда снаряжались в дальние плавания.

Сейчас лицо Джо смягчилось. Когда Бекки нагнулась над ним, он уже спал.

С холма девочке был хорошо виден весь огромный город с башнями и церковными шпилями. Слева на море домов наползала туманная дымка. Там раскинулся порт и густо торчали фабричные трубы. Кое-где сверкала серебром лента Темзы, тянувшаяся широкими изгибами через весь город. Как хорошо здесь, наверху!..

Но который час? Солнце еще приятно греет. Джо так крепко уснул. Пусть себе… Ему всю ночь работать. Бекки осторожно смахнула у него с руки муравья и бережно накрыла брата пестрой от заплат курткой, которую мама иногда в шутку называла «разбойничьим фраком». Джо настоял на том, чтобы куртку латали только пестрыми лоскутами и даже насадили несколько заплаток там, где их вовсе не требовалось. Из всей семьи одна только Бекки поняла, зачем это ему: когда изо дня в день ходишь в обшарпанных черных штанах, грязно-серой куртке и линялой рубахе, поневоле захочется чего-нибудь яркого.

На самой Бекки платье тоже серое. Может, когда-нибудь ткань и была синей или зеленой, но ей всегда всё перешивают из старого.

Медленно кружась, слетел желтый лист. Поздняя бабочка расправила крылышки, украшенные бархатистым узором. Бекки сидела неподвижно. По траве скакали солнечные зайчики. Глаза у нее слипались. Ветер уже по-вечернему похолодал. Но она не обратила на это внимания.

Вдалеке на церковной башне пробили часы. Бекки в испуге открыла глаза и принялась вслух считать:

– …Два… три… четыре… пять!

– Пять? – Джо так и подскочил, он сразу проснулся. – Как, уже пять? Мне заступать в шесть…

Не говоря ни слова, Бекки подбежала к кусту ежевики, схватила мешок и положила его рядом с вязанками хвороста.

– Нет, нет, – махнул рукой Джо, – хворост придется бросить. Надо скорее бежать! – Он выбивал из куртки приставшие к ней цветочки вереска.

– Бросить? Такой хороший хворост! Но ведь… – Бекки запнулась.

Неужели он забыл, как нужен матери сухой хворост, чтобы быстро вскипятить чай! Бекки хорошо знала, каково бывает, когда утром, еще не стряхнув с себя сон, разжигаешь огонь, а он, как назло, не раздувается. Ей самой часто в пятом часу приходилось готовить хозяевам завтрак. Нет, хворост она ни за что не бросит.

– Давай две вязанки спрячем в кусты, там их никто не найдет, – предложила Бекки. – На будущей неделе я за ними приду. А самую маленькую захватим с собой.

Вязанку она протянула брату, а мешок взвалила себе на спину. Джо даже не слушал, у него дрожали губы.

– Нельзя мне опаздывать, – с трудом проговорил он. – Сегодня получка. А завтра нам позарез деньги нужны. Что, если они сдерут с меня штраф? Скорей! Надо поспеть!

По узким тропкам они бегом спускались вниз. Джо тяжело дышал. Корзина с грибами оттягивала руку. За ворот стекал холодный пот. Спешка, страх опоздать на работу сдавливали грудь до удушья. Но вот наконец показались дома.

– Немножко передохнем! – попросила Бекки. Она видела, что у брата вот-вот начнется приступ астмы. – На омнибусе быстро доедем. Ты поспеешь! Давай корзину, а ты бери мешок, он полегче!

Но этого Джо не мог допустить – как-никак он старший и мужчина. Постояв несколько секунд, они побежали дальше.

Остановка находилась на окраине Хаверсток-хилла. Как раз,

когда дети вышли из перелеска, показался омнибус. Оставшийся кусок Джо бежал из последних сил. Задыхаясь, он обхватил столб с указателем остановки. Дыхание с хрипом вырывалось у него из груди. Лошади были уже рядом. Из омнибуса вышли две женщины. Стоявший на площадке кондуктор в форме с галунами глядел поверх детей, словно их и не было.

– Трогай! – гаркнул он и дал сигнал к отправлению.

– Стойте, стойте! – в ужасе воскликнула Бекки. – Дайте же нам сесть. До Оксфорд-стрит. Брат должен…

Страх не дал ей договорить. Она видела, как кондуктор повернулся к ней спиной. А Джо все еще так тяжко дышал, что не мог произнести ни слова. С перекошенным от ужаса лицом глядел он на кондуктора, не в силах даже руки поднять. Ему казалось, он вот-вот упадет. Лошади тронули, и омнибус покатил дальше. Как же так! Бекки бежала рядом и молила:

– Хоть его посадите! Ему в ночную смену…

Слезы катились у нее по щекам, голос срывался. Кое-кто из пассажиров, как ей показалось, уговаривал кондуктора. Но кучер на козлах щелкнул бичом, и омнибус покатил еще шибче. Бекки все бежала.

Но тут с площадки высунулся кондуктор:

– Еще всякую шваль возить с корзинами да мешками!

Все, конец! Утирая ручонками мокрые щеки, Бекки устало поплелась обратно к остановке. Но когда она увидела измученное и отчаянное лицо брата, то попыталась его обнадежить:

– Ты и на следующем поспеешь!

Но Джо как потерянный глядел вслед удаляющемуся омнибусу.

– Опоздаю я! В получку они всего злее, запирают ворота даже раньше времени.

Бекки знала это, но успокаивала Джо как умела:

– А ты попробуй в другие ворота пройти, где кружевницы. Там вахтер добрый. – Она сняла с Джо несколько травинок, приставших к залатанной куртке. – Вот, теперь все в порядке! – И, по-матерински пригладив упавшую на лоб прядку, добавила: – Одного-то тебя они возьмут. А я с вещами перейду на другую сторону улицы и поеду позже.

– Да разве ты все это дотащишь? – У Джо над переносицей залегла глубокая складка. – Нет, они обязаны нас посадить! Теперь уж я им скажу. Мы же платим за проезд, как все! – Он сжал кулаки. – Я прыгну на подножку еще до того, как омнибус остановится, и никто меня оттуда не спихнет.

Бекки не стала спорить. Она знала: когда у Джо такое лицо, он непременно упрется.

Кондуктору, должно быть, не понравилась поклажа, и дети постарались поставить ее так, чтобы вещи были под рукой, но не слишком бросались в глаза. Затем с нетерпением и страхом стали глядеть в ту сторону, откуда должен был подъехать омнибус. Джо – с одной лишь мыслью: запрут ли ворота, удастся ли проскочить? И чтоб без штрафа!

Снова пробили часы на башне: половина шестого!

А если омнибус запоздает? Руки Джо судорожно сжали столб. В этот самый миг из-за поворота поднимавшейся в гору улицы далеко-далеко показались трусящие рысцой лошадки – совсем еще крохотные, будто игрушечные, но ветер явственно донес хлопанье бича. И тут же со стороны пустоши послышался звонкий крик черного дрозда.

Бекки вздохнула с облегчением и кивнула брату.

Тут она увидела двух хорошо одетых мужчин, которые, прибавив шагу, спешили к остановке. Они были в модных высоких шляпах и с тросточками. Один из них, играя тросточкой, держал ее за середку, так что виден был серебряный набалдашник. Бекки подтолкнула Джо, торопливо рванула мешок и загородила собой поклажу. Джо все еще не понимал. Тогда она схватила вязанку хвороста и тоже спрятала ее за спиной.

Теперь и до Джо дошло, чем это им грозит. Насупившись, глядел он на приближавшихся господ. Для Джо все хорошо одетые люди были врагами. Он твердо решил не уступать своего права этим двум господам и, сдвинув брови, сделал шаг вперед.

У более высокого и стройного, одетого в хорошо сшитый светло-серый фрак, была коротко подстриженная русая бородка. Голубые глаза искрились весельем. Он что-то громко и оживленно говорил. У второго прежде всего обращало на себя внимание смуглое лицо, обрамленное могучей гривой и густой окладистой бородой. В руке у него дымилась почти докуренная сигара. Он был в темном сюртуке, придававшем ему не по возрасту солидный вид. На самом же деле смуглому господину было тридцать три года.

Хотя оба, видимо, торопились, они не прерывали своей беседы и хохотали громко и заразительно, как мальчишки, а отнюдь не как солидные господа.

Вдруг Джо вздрогнул. Было сказано слово, смысл которого он хорошо знал. Белокурый так громко, с издевкой его произнес, что нельзя было ослышаться.

– Почтенному коттонлорду[1] мы пообстрижем коготки. – Он засмеялся; смех был задорный, но в нем звучал и гнев. – Жаль, Мавр, что тебя при этом не будет!

Коттонлорд? Чудно́! Так отец называл хозяина, владельца

фабрики «Кросс и Фокс». «Еще когда у них были мастерские, они из людей жилы тянули, – говорил отец и с ненавистью добавлял: – А потом накупили всяких машин и стали коттонлордами. Для них наш брат рабочий – последнее дерьмо».

– Мне пора домой, Генерал! – ответил чернобородый. – У меня на столе гора материалов. Да и статья в Америку еще до конца не просмотрена. А хотел бы я поглядеть, как индюка раздует от злости. Но никак нельзя. Жаль, жаль!

– Ну, тогда, Мавр, до завтра! У тебя на Дин-стрит. Как встану, так и прикачу. Точнее говоря, не раньше одиннадцати и не позже двенадцати. Не забудь, что завтра воскресенье. И передай «святому семейству» мой нижайший поклон. Особенно моему другу Эдгару, великому полководцу Мушу. Я прихвачу для него три пуговицы. Конечно, красные, но чтоб он назубок знал «Песнь о дубинке и проворной метле».

Пока Джо недоверчиво разглядывал мнимого генерала в цилиндре и клетчатых фрачных брюках, все еще раздумывая о коттонлорде, которому собирались остричь когти, Бекки робко вскинула глаза на невысокого и широкоплечего господина. Ну и борода же у него! Такая красивая, окладистая, шелковистая! Никогда Бекки еще не встречалось такой бороды. Все бороды, какие ей приходилось видеть, были реденькие, нечесаные, часто с застрявшими в них крошками, и всё больше белокурые или же седые. А эта борода была черная-пречерная, и такие же, черные как смоль, волосы спадали у господина из-под шляпы чуть ли не до самых плеч. С изумлением глядела на него Бекки, но потом поспешно потупилась, потому что джентльмен «Мавр», как назвал его второй, испытующе взглянул на нее своими большими карими глазами.

Мавру было достаточно одного взгляда, чтобы правильно истолковать смущение детей, пытавшихся спрятать от них свою поклажу. Он дружелюбно кивнул босоногой девочке и, словно давнишней знакомой, сказал:

– Ну, вы, я вижу, времени даром не теряли! Ого, какие шампиньоны! – похвалил он грибы. – А теперь домой?

Бекки пересилила свою робость. Джентльмен с таким добрым голосом не может желать им зла. Она сделала шаг к нему и тихо, но решительно проговорила:

– Джо, брату то есть, надо заступать в ночную смену, сэр. А кондуктор нас не посадил, потому что… – Она вздохнула и молча указала на корзину, мешок и хворост.

Чернобородый вопросительно взглянул на Джо:

– Тебе в ночную смену? Сегодня? В субботу? Ты где работаешь?

Вопрос следовал за вопросом, не оставляя Джо времени на размышление.

– У «Кросса и Фокса», сэр, – ответил он нерешительно.

Мавр высоко вскинул брови.

– Гляди-ка! Отметь это себе, Фредрик. «Кросс и Фокс», бумагопрядильня. Старик, помнится, член парламента и к тому же еще церковный староста. Но ночная смена под светлый праздник воскресенья нисколько не тревожит этого субъекта. И фабричные законы тоже не про него писаны! – Метким ударом трости он отшвырнул окурок сигары на середину мостовой.

– Благочестивый Кросс. Великолепно! Это мне придется весьма кстати. – Генерал весело засмеялся. – Его мы тоже разок подденем!

Омнибус был уже недалеко. Поджидая его, дети стояли, прижавшись друг к другу.

Белокурый, сверкнув голубыми глазами, ободряюще сказал:

– Говорите, кондуктор, этот осел в галунах, вас не пустил? Может быть, у вас не было… – И он полез в карман.

Но Джо резко сказал:

– Есть у нас деньги! – И с горечью добавил: – «Омнибус не для такой швали», – сказал кондуктор. Но теперь-то я ему покажу… – И он расправил плечи, словно готовясь вступить в бой.

Кучер осадил лошадей, и кондуктор услужливо соскочил с подножки. Медные пуговицы блестели. На витом шнуре болтался сигнальный свисток. Ухмыльнувшись, кучер бичом указал ему на поклажу детей. Тотчас кондуктор грубо отпихнул взявшегося было за ручку худенького босоногого мальчика и сделал под козырек:

– Пожалуйте, господа!

Джо перехватил злобную усмешку кучера. И, когда кондуктор его оттолкнул, он как-то сразу пал духом, весь сник, кровь отлила у него от лица. Но тут он услышал, как Мавр не терпящим возражения тоном сказал:

– Посадите сначала детей!

Минутное слабодушие Джо как рукой сняло. Что это? Неужели господа хотят…

Кондуктор пробормотал:

– Этих?

Нет, Джо не ослышался.

– Дети со мной! – отрезал Мавр. – Полезай, Мэри!.. Вот, сначала корзину. Что же ты стоишь, Джо! – И он дружески подтолкнул его.

Джо споткнулся было, но тут же вскочил на площадку.

– Ах, вон оно что!.. – Сбитый с толку кондуктор отступил.

Он так оторопел, что даже не шевельнулся, когда два хорошо одетых господина подали детям мешок, хворост и корзину, и пришел в себя лишь после того, как джентльмен с черной львиной гривой, стоя рядом с детьми, помахал своему спутнику рукой и, смеясь, крикнул:

– До свиданья, Генерал, мое почтение коттонлорду!

Генерал! Ну и ну! Ошарашенный кондуктор, не сообразив, что для генерала русобородый господин чересчур уж молод, подобострастно поклонился ему и, дав сигнал к отправлению, вскочил на подножку.

Друзья обменялись на прощание плутовским взглядом.

Кондуктор указал на поклажу:

– Если бы я знал, сэр, что это ваши дети… гм… то есть, что это ваши вещи и дети взялись их донести… – Он поглядел на корзину с великолепными шампиньонами.

Мавр не стал слушать его сбивчивые извинения и повернулся к детям:

– Докуда же мы едем сегодня, Джо?

Услышав свое имя, мальчик так и подскочил, но сразу же нашелся.

– Оксфорд, угол Хóлборн-роуд, – прошептал он и полез в карман за деньгами.

Мавр сделал ему глазами знак и подал кондуктору монету:

– Три до Оксфорд-стрит.

Бекки подмигнула брату, у которого торжествующе подрагивали уголки губ. Но откуда незнакомец знает его имя? Пока кондуктор сердито компостировал билеты, двое наблюдавших эту сценку рабочих подвинулись, чтобы дать ребятам место. Но сидевшая напротив дама в шляпе с огромным пером что-то недовольно шепнула мужу. Тот опустил газету и, демонстративно сняв очки, окинул высокомерным взглядом Мавра и детей.

Взгляд этот заметил кондуктор. Он грубо накинулся на детей:

– Можете и постоять! Даже если джентльмен за вас заплатил и по доброте своей сказал, что вы едете с ним. Детям незачем сидеть.

Джо испуганно вскочил, но Мавр, нажав ему на плечо, усадил его на место.

– Сиди, сиди! Успеешь еще настояться за ночную смену! – Потом без всякой неприязни взглянул на кондуктора: – Да ведь и вам нелегко приходится, если только… – он улыбнулся, – вы не живете на Пикадúлли или Бонд-стрит.

– Я-то? Какое там! В Бéтнал-Грине, сэр! – пролепетал, смутившись, кондуктор.

– Ну вот! В рабочем районе! Никогда не следует забывать, кто ты и откуда, даже если и носишь форму с блестящими пуговицами.

Рабочие, не сводившие глаз с Мавра, перемигнулись, видимо, довольные, что кондуктора поставили на место.

Тут дама с пером не выдержала. Она высокомерно обратилась к мужу:

– Это просто неслыханно! Кондуктор выполняет свой долг. Таким бездельникам нечего разъезжать в омнибусе. А они еще расселись!

Пассажиры навострили уши в ожидании ответа чернобородого, который насмешливо уставился на супружескую чету. И он не замедлил ответить, притом достаточно громко, чтобы все его слышали:

– Бездельники, уважаемая, – это люди, которые сами ничего не делают и живут трудами других. Но эти дети, как видно всякому, кто не слеп, работают не меньше взрослых, хотя в их возрасте им полагалось бы еще играть.

Рабочие подтолкнули друг дружку локтем. Очкастый поспешил спрятаться за газетой. У дамы с пером даже дыхание перехватило, однако, сообразив, что поддержки ей ждать неоткуда, она поджала губы и уставилась на пыльные, исцарапанные ноги девочки.

Джо с изумлением следил за перепалкой. А чернобородый-то здóрово вступился за них, ничего не скажешь! Кто же он такой?

Когда Мавр снова принялся расспрашивать Джо о его работе, тот сперва отвечал очень сдержанно:

– Работаю в прядильне! На бумагопрядильной фабрике.

– У Кросса-Кровососа! – усмехнулся Мавр.

Джо опешил. Этому мистеру Мавру известно не только имя хозяина, но и прозвище, каким наградили его рабочие! И впервые Джо решился прямо и открыто взглянуть Мавру в лицо.

– В прядильном цехе? – спросил тот.

Джо подтвердил.

– И сколько же там работает ребятишек?

– Сколько? Да сто, а может, и больше.

– А в кардочесальном приходилось работать?

– Да, – пролепетал Джо со все возрастающим удивлением, – только недолго. Там очень пыльно… когда работают чесальные, в воздухе полно ворсинок. Я просто не выдержал. И в мокропрядильном тоже. В нем хуже всего. Сестра Дóроти там-то и заболела. Наш Рóбин ее оттуда вызволил. И меня тоже. Воздух, знаете… там горячий пар. И ты все время мокрый до нитки, а когда открывают окна…

– Знаю! – Мавр кивнул. – Так в кардном у Кросса-Кровососа до сих пор работают дети? – И, когда Джо кивнул, он еще спросил: – А на какой улице твоя фабрика: на Уа́йтчапл-роуд или на Па́ркер-стрит?

– На Паркер-стрит…

Этот мистер Мавр все знает! Может быть, он все-таки фабрикант или какой-нибудь родственник Кросса? Что, если он его нарочно выспрашивает? Нет. Фабриканты совсем другие. Разве они станут с ребятами так разговаривать?

– И часто работаешь в ночную? Или только изредка, в виде исключения?

– Да всегда, – с готовностью отвечал Джо. – Мы меняемся каждую неделю. Неделю в ночную, неделю в дневную. С шести до шести. Но сейчас, как они говорят, эта самая конъюнктура, и нам велят оставаться еще и с субботы на воскресенье. А так-то по субботам кончаем в полдень.

Джо удивился, что чернобородый коротко и резко свистнул сквозь зубы, будто поймав за руку вора, и осторожности ради добавил:

– Надзиратель говорит – машины не позволяют: им нельзя стоять слишком долго.

– Машины? Ха-ха! Машины-то позволяют, а вот прибыль – нет.

Мавр несколько секунд молчал. Неплохо бы испортить обедню этим ханжам – Джону и Сэмюелу Кроссам. Но каким образом? Что, если натравить на них Эндера? Визит фабричной инспекции среди ночи. Хорошенький сюрпризец для члена парламента! Пускай поперхнется воскресной сигарой!

Джо вдруг всполошился. Лучше бы он молчал. Работавшим у Кросса детям строго-настрого запрещали болтать о порядках на фабрике, а тем более рассказывать, сколько часов они работают.

Омнибус трясся по булыжной мостовой. Мавр вскоре заметил, что у мальчика слипаются глаза и он с трудом раздирает их, настороженно оглядываясь по сторонам.

– Не беспокойся, спи, не проедем, – мягко сказал Мавр.

Джо вздохнул, улыбнулся и тут же уснул.

Долго Мавр рассматривал лицо спящего мальчугана. Губы у него были еще по-детски пухлые, красиво очерченные, но бледные. Светло-каштановые волосы. Одна прядь упала на лоб. «Отливают медью, как у моей Лерхен, – подумал Мавр. – И лоб такой же ясный и чистый… Сколько может быть лет этому мальчику в диковинной куртке? Лет двенадцать-тринадцать. Весь день на ногах, чтобы помочь по дому. А ночью опять же на ногах – у машины. А крошке с искривленным плечом, в поношенном

ситцевом платьице? Года на два меньше? Как она по-матерински пеклась о брате! И какое милое, умное личико, несмотря на горько поджатый рот».

Джо хрипло дышал.

Бекки шепнула:

– У него астма, и ему совсем нельзя работать на фабрике. Если б я могла пойти туда вместо него! Но меня не берут. Мне уже одиннадцать лет, а ведь нанимаются с девяти… Так бы хотелось зарабатывать! – О том, что ее не взяли из-за искривленного плеча, она умолчала.

Наконец кондуктор объявил их остановку. Омнибус опустел, они были уже в Сúти, в самом центре Лондона. Мавр сошел вместе с ними, и озадаченная Бекки спросила:

– Вы разве здесь живете?

Но Мавр повернулся к Джо, он видел, что мальчик не знает, как ему быть.

– Не беспокойся о сестре и вещах! Беги! Если повезет, еще успеешь проскочить. Всего две-три минуты седьмого! – и легонько подтолкнул мальчика, прежде чем тот успел его поблагодарить.

Джо, не оглядываясь, тут же припустил со всех ног.

Грачевник

Омнибус, громыхая, покатил дальше. Мимо Бекки спешили прохожие, раздраженно отталкивая колючую вязанку хвороста. В это время дня на всех улицах, широких и узких, царили шум и толчея. Особенно оживленно было на Оксфорд-стрит, одной из крупнейших артерий города-исполина. Тут можно было встретить людей всех сословий и состояний. Молодые клерки, кончив свой рабочий день в банковских и торговых конторах, высыпали на субботнее гулянье. Щеголи во фрачных брюках из тончайшего сукна в крупную и мелкую клетку и пожилые джентльмены в нанковых сюртуках и коротких вельветовых штанах прохаживались, обозревая горы товаров, которые Лондон, этот крупнейший торговый город Старого Света, выставляет на прилавках и в витринах магазинов для кичащихся своим богатством горожан. Скромные мещанки в темных капорах с шелковыми лентами тащили доверху набитые воскресными припасами корзинки и сумки. Они спешили, как и все, что не мешало им то и дело останавливаться и завистливым взглядом провожать элегантных дам, перебегавших тротуар, чтобы впорхнуть в собственную коляску или наемную пролетку. За этими видениями из высшего света шествовали с важным видом лакеи в белых чулках, ловя взгляды, устремленные не столько на них, сколько на корзины с тонкими яствами, букеты цветов и картонки с тортами и шляпами.

В такие минуты людской поток, будто по молчаливому уговору, замедлял свое течение. Молодые франты вытягивали шеи, женщины в ситцевых платьях и капорах таращили глаза, чтобы ничего не упустить, и с волнением прикидывали, сколько метров шелковой ленты и кружевной оборки пойдет на такую или почти такую накидку, если скроить ее самой.

Даже состоятельный человек, любуясь богатым выездом, принимался мечтать об умножении своих доходов. Но всех тут же подталкивала и уносила дальше непочтительная толпа.

Лишь изможденные работницы спешили мимо, не оборачиваясь. Мир хорошо одетых был для них так же недосягаем, как звезды на небе. Да и магазины на Окси не про них. Свои покупки они делали в других местах. За сверкающими центральными улицами прятался лабиринт тесных и грязных улочек и закоулков, где ютилась беднота. Если запоздаешь, получишь на свои трудовые гроши – хозяева, как нарочно, выдают их в последнюю минуту – самую что ни на есть заваль.

Среди зевак и покупателей сновали мошенники и воры всех

мастей, крупные и мелкие, молодые и старые. Экипированы они были под стать тем, кого обирали: одни – щегольски, в подражание высшему свету, другие – вызывающе неряшливо, словно бы рисуясь своими отталкивающими лохмотьями из лавки старьевщика. Тут же мелькало и множество босоногих уличных мальчишек в латаных и перелатанных штанах. Развязно привалившись к стенам домов, слоняясь около витрин или торгуя газетами, они, однако, все время были начеку и со свойственной их возрасту зоркостью следили за тем, чтобы не упустить случая заработать пенни или поглазеть на уличное происшествие.

… Внезапно перед Бекки, озабоченно глядевшей вслед быстро исчезнувшему брату, вырос толстяк в колпаке со свисавшими на лоб пестрыми кисточками.

– Посторонись, my darling![2] Всю дорогу загородила своим мешком с дукатами! – громко, но добродушно выкрикнул он, с ловкостью жонглера пропихивая свое круглое, как винная бочка, брюхо сквозь плотную толпу.

Бекки, заглядевшуюся на невиданный колпак с кисточками, закружило и унесло, словно соломинку. Громко хохоча, красноносый забавлялся, глядя, как перепуганная девочка силилась пробиться к своим вещам сквозь людской поток.

Тут Мавр спросил:

– Чего же мы еще ждем?

– Я хочу прислонить мешок к стене и поставить там корзину, а потом я, – она мужественно пыталась улыбнуться, – подожду. Здесь проходят многие с нашей улицы, они мне помогут. Сегодня я не так тороплюсь. – Бекки знала, что хозяева с тележкой до десяти часов пробудут на рынке. Самая бойкая торговля шла у них по субботам.

– Нет, я тебя провожу. Здесь ждать нельзя. – И Мавр подхватил корзину с белыми шампиньонами. – Где ты живешь?

– В Сент-Джа́йлсе, сэр, – тихо ответила Бекки. Она окинула взглядом шевровые штиблеты своего провожатого и добавила: – Но там не очень… лужи и… грязь… По субботам хуже всего. Приличные господа не ходят в Ру́кери, – храбро произнесла она насмешливое прозвище, которым лондонцы окрестили район бедноты Сен-Джайлс, лежащий в самом центре Сити.

Рукери – Грачевник! Обязан ли был квартал своим прозвищем бесчисленным стаям грачей, ворон и галок, с хриплым карканьем оборонявшим от всяких посягательств кучи мусора и нечистот, которые никто никогда не убирал, или же оно относилось к тем подозрительным оборванцам, что внезапно вырастали из подвалов и подворотен полуразвалившихся зданий и так же таинственно в них исчезали? Они «грачили», то есть жили

воровством и другими темными делишками.

Так или иначе, каждый охотнее делал крюк, лишь бы не проходить через Грачевник. Но провожатого Бекки, как видно, все это не смущало, во всяком случае, он не беспокоился ни за свои штиблеты, ни за добротный сюртук. Глаза его были прикованы к бледному личику девочки, на котором отражалась борьба между смирением существа безропотного и униженного и гордостью человека честного и трудового. Он спокойно ответил:

– Не беспокойся. Я бывал в Сент-Джайлсе. Там живет много честных тружеников. Они пока вынуждены ютиться в трущобах, но когда-нибудь все это будет снесено. И, уж во всяком случае, не они виноваты в своей нищете. Идем! – И, так как девочка не могла нести и мешок и хворост, он пробурчал: – Ну, а что мы сделаем с толстым кабаном, которого ты поймала в пустоши? Дай-ка я его схвачу за ухо, а ты берись за хвостик. Вот так! О, да он, оказывается, совсем легкий!

Озабоченное лицо Бекки сразу прояснилось. И она почти задорно ответила:

– Дикий кабан набил себе брюхо листьями ежевики!

После всех злоключений так хотелось от души посмеяться! Но тут Бекки заметила, как ее провожатый, чтобы нести мешок и корзину, неловко зажал под мышкой трость.

– Надо поскорее свернуть с Окси, – озабоченно сказала она, – здесь мы не сможем…

– Сможем! Предоставь это мне, у меня плечи широкие.

И невысокий, но плечистый Мавр принялся решительно и бесцеремонно прокладывать себе дорогу сквозь толпу. А за ним-то Бекки легко было шагать.

Конечно, кое-кто из прохожих насмешливо оборачивался. Да и то сказать, подобное зрелище не часто увидишь на Оксфорд-стрит. Джентльмен в цилиндре, со смуглым лицом, обрамленным черной бородой, лицом настолько незаурядным, что его запомнишь среди тысячи, джентльмен в сюртуке, пусть сшитом не по самой последней моде, однако же из тонкого сукна, словом, бесспорно «джентльмен», – и вдруг тащит мешок и корзину с грибами! Беседует с нищей девчонкой и при этом, вопреки всем приличиям, громко хохочет! Да еще останавливается посреди тротуара, мешая прохожим!

– Хэлло, милорд! Не соизволите ли чуть поживее! А то как бы вам не потерять свой посох, – с издевкой произнес молодой щеголь в голубом фраке.

Его спутники обернулись и загоготали.

Бекки не на шутку испугалась злобного гогота.

– Пойдемте отсюда скорей… эти люди…

Мавр не дал ей договорить.

– А какое нам до них дело? Пусть себе болтают! Мы идем своей дорогой. От такого господчика ничего умного не дождешься.

Но Бекки никак не могла успокоиться.

– Все они такие… – Она запнулась.

Бекки хотела сказать: все богатые люди. Но ведь и ее провожатый тоже был одет как богатый. Рабочим он быть не мог. Но и не мог быть таким бездельником, как эти. И, уж конечно, никакой он не фабрикант. Но кто же он тогда? Когда идешь с ним рядом, ничего и никого не боишься.

Покрепче зажав под мышкой трость, Мавр беззаботно сказал:

– Просто им завидно, что у меня целая корзина отборных грибков. Шампиньоны – где их сейчас купишь? Вы, должно быть, долго собирали?

Бекки кивнула и опять в тон ему весело ответила:

– А может, они удивляются, что у нашего толстого кабана ног нет и мы сами его тащим?

– Так оно и есть. А теперь скажи мне, как тебя зовут, и как звать твоих братьев и сестер, и чем вы занимаетесь. Я все хочу знать, уж такой я отроду любопытный.

Они свернули на Хай-стрит, где, по крайней мере, могли идти рядом, хотя и тут было очень людно.

Бекки принялась рассказывать. Ей это не часто случалось. Звать ее Бекки Клинг.

– Вообще-то мое имя Ребекка, но так меня никто не называет.

– Гм, так обычно и бывает с именами, – подтвердил Мавр. – Дали тебе имя в детстве, а добрые друзья скоро находят тебе куда более подходящее, а иногда и смешное, и оно так за тобой и остается. Меня все зовут Мавр. Друзья, разумеется. Ну, и жена с дочурками, Женни и Лаурой, да еще маленький Муш. Его настоящее имя Эдгар. Им всем нравится называть меня Мавром. А ведь я никакой не мавр, во всяком случае не настоящий, из Мавритании. – И, подняв густую бровь, он лукаво подмигнул Бекки. Глаза его смеялись.

– Но борода у вас, как у взаправдашнего мавра, – смело сказала Бекки.

– Что правда, то правда. Борода у меня черная, как у мавра. Если хочешь, можешь спокойно меня так называть.

– Хорошо, мистер Мавр, – весело сказала Бекки.

– А как звать твоего брата? Наверно, он уже стоит перед своей мюль-машиной и присучивает оборванные нитки.

– Джо. Но ведь в омнибусе вы его называли по имени, мистер… мистер Мавр. Откуда вы узнали?

– От тебя самой. Вот мы и провели кондуктора. Значит, Джо Клинг, – раздельно произнес он, видимо желая запомнить это имя. – Будем надеяться, что с него не взяли слишком большого штрафа. – Он видел перед собой измученное лицо мальчика. – А ты любишь брата?

Все-то он знает, подумала Бекки, глубоко вздохнула, но ничего не ответила, а только искоса робко поглядела на незнакомца. Он так таинственно появился и заставил кондуктора их посадить. И в Грачевник не боится идти с ней. А голос у него какой хороший, добрый! Только некоторые слова произносит не по-здешнему, это она уже давно заметила. И иногда запинается, будто подыскивает слова. Совсем как мама, которая часто добавляет: «Ну, как это у вас называется? У нас в Ирландии говорят так…»

– Ты же хотела мне многое рассказать? Правда, теперь я уже знаю, что есть такая семья Клинг – Бекки, Джо и старший брат Робин. А еще кто? Кто у вас хозяйство ведет, ты или мама?

– По́лли приходится. Ей семь лет. Наша мама работает на фабрике…

Теперь Бекки говорила без умолку. Рассказала и о спичечной фабрике, на которой она работала два года назад, и о том, как она захворала. Сначала не могла поднять рук, а потом и головы. Целый год пролежала, почти не двигаясь. А плечо так и осталось кривым. На фабрику ее больше не взяли. Бекки стала служанкой и посыльной у лавочника Квадла. Скоро Мавр узнал даже больше, чем Бекки собиралась рассказать.

– Ты работаешь у этого… у Квадла, только за харчи, хозяева тебе ничего не платят?

Бекки молча кивнула. В ее горькой доле это было самым для нее тяжелым.

– Сперва они собирались мне что-то платить, но потом… когда мы не могли внести за квартиру… Папа очень хотел аккуратно вносить, но… то есть…

Бекки запиналась, путалась, и Мавр заметил, что она что-то от него скрывает. Он не стал настаивать, только сказал:

– Понимаю. Квадл – управляющий домом, где вы живете? Но ведь эти дома в Грачевнике скоро снесут.

– Да, на будущий год до нас доберутся, – задумчиво сказала Бекки. – Но мы еще ничего живем. У нас комната и кухня, а сейчас всего семь человек. Я ведь сплю не дома, да и наш… – Она замотала головой и сжала губы. – Многим приходится и готовить и спать в одной клетушке. Тете Элис, например. А их восемь душ.

Бекки скоро заметила, что ей незачем что-либо утаивать от Мавра. Он не ахал и не охал, внимательно слушал, спрашивал,

только когда это было необходимо, иногда объяснял и хмурил лоб, услышав что-нибудь особенно возмутительное.

– Ремнем? – гневно спросил он, когда она стала ему рассказывать о пьянице Квадле.

Бекки кивнула.

– Он всех колотит, и жену, если попадется под руку. Даже Каро. А это такой смирный и умный пес! Видели бы вы, как он возит тележку на рынок! Одну только бабушку Квадл не трогает.

– И бабушка рассказывает тебе всякие истории? И сказки? Это мне нравится.

– Не часто, – призналась Бекки. – Только иногда, когда мы остаемся одни. У бабушки Квадл даже есть книжки с картинками, но она слепая и может только рассказывать.

– А ты сама, Бекки, умеешь читать?

Девочка с грустью покачала головой.

– Я бы очень хотела. Я знаю несколько букв. Мне Джо показывал. Он-то хорошо умеет читать, – с гордостью добавила она. – Но только учение у него идет медленно. Все время уходит на работу у Кросса-Кровососа. Потом учитель – то напьется, то заболеет, а то ему неохота с ребятами заниматься. Вот урок и пропадает. А деньги за учение они все равно вычитают. Если бы у меня было больше времени, меня бы папа или Робин научили. Но меня отпускают домой только по воскресеньям, да и то после обеда.

– Робин – это тот, что работает на фабрике в Уайтчапле? Он у вас самый старший?

– Да, – обрадовалась Бекки. – Как это вы запомнили! Мы раньше жили в Уайтчапле.

– Значит, отец любит читать… Это хорошо. Но разве у него остается время на чтение? Или он…

– Да, он безработный. – Бекки прекрасно поняла, почему Мавр запнулся. – Вот уже два года. И никак не устроится. Он бумагопрядильщик. Все из-за машин… – Она замолчала было, но потом передумала и стала объяснять: – Старая машина, ее звали «дженни», пряла в шесть раз быстрее, чем простая прялка. Потом выдумали новую, ее звали «ватер», она пряла еще быстрее «дженни». А та, на которой работал папа, называлась «мюль». Папа обслуживал шестьсот и даже больше веретен, но он говорит, что потом одного рабочего стали ставить на две тысячи веретен. И он с детьми-присучальщиками обслуживал две мюль-машины. У «Кросса и Фокса» установили теперь новый сельфактор, и им уже…

Бекки, которая с жаром все это рассказывала, вдруг остановилась и вопросительно взглянула на Мавра. Может быть,

ему вовсе не интересно? Но Мавра, видимо, захватил толковый рассказ Бекки, и он попросил ее продолжать.

– Им совсем прядильщики не нужны. Ходят двое рабочих по цеху и присматривают за всем. Работают женщины и дети. Им платят меньше, гораздо меньше… – И, так как Мавр молчал, она грустно добавила: – Бедный наш папа! Иногда он целый день словечка не скажет, уж очень ему обидно, что он дома сидит, а мама должна убиваться на работе. Да и Джо, все мы, всё из-за новых машин. «Это они принесли несчастье людям», – говорит папа. Рабочим, – торопливо поправилась она. Но Мавр покачал головой, и Бекки, желая его убедить, вспомнила слова, которые отец повторял так часто, что вся семья уже знала их наизусть: – «Каждый шаг вперед в технике – это шаг назад для нашего брата рабочего» – вот что говорит папа.

Мавр остановился и с таким восхищением уставился на Бекки, словно она преподнесла ему самый лучший подарок.

– Ты умная девочка, все хорошо, даже превосходно запомнила. Но кое-что все же надо добавить. Новые машины – это только одна сторона дела, а другая – это хозяева фабрики. Эти черти, то, бишь, уважаемые господа, хотят наживаться. И изрядно наживаться. Хотят жить на широкую ногу – иметь особняки, прислугу, лошадей, экипажи – и всего этого как можно больше. А как нажить побольше? Надо завести машины, которые много производят – много пряжи, много шерсти, много тканей. И приставить к этим машинам рабочих, которым можно поменьше платить. А что это за рабочие, ты сама знаешь – женщины и дети. Так что виноваты не чудесные машины, а фабриканты, которые вовсе не думают о рабочих, а заботятся только о собственных барышах.

Он назвал фабрикантов «чертями». Совсем как Робин и отец, изумилась Бекки.

•

Углубившись в лабиринт кривых и все сужающихся переулков, они наконец достигли трущоб Сент-Джайлса. Хотя здесь и жила беднота, тут царило не меньшее, если не большее, оживление, чем на широких центральных улицах Сити. Чуть ли не на каждом углу чем-то торговали. Мужчины и женщины стояли с тележками и корзинами у домов с облупленными стенами, навязывая прохожим все – от брючной пуговицы и тесемки до рыбы с душком и черствого хлеба, который продавался со скидкой.

Больше всего народу теснилось у лотков зеленщиков, но что это были за овощи – все побитые, полусгнившие, почти несъедобные! Торговцы чуть ли не задаром забирали с центральных рынков лежалые или оставшиеся непроданными овощи и фрукты. Здесь, в трущобах, всегда удавалось в вечерние часы сбыть эти отбросы беднейшим из бедных и еще выколотить неплохую прибыль. Как и повсюду, рабочие и бедняки платили за продукты дороже других.

Мавр мимоходом приглядывался к лицам. Бедно одетые женщины, набросив на плечи платок, выбегали из подворотен, появлялись из подвалов и с беспокойством озирались по сторонам. Где бы купить что-нибудь хоть чуть повкуснее на воскресенье? Может, хватит и на кусочек мяса? Желание получить побольше за свои несчастные гроши гнало их всё дальше и дальше.

Все это наблюдал Мавр, разговаривая с Бекки. Особенно жаль ему было малышей. Брошенные и голодные, они копошились у помоек или шарили в лужах в поисках съестного. Они ползали под тележками с овощами и дрались из-за листа капусты или выброшенной гнилой моркови.

Быстро темнело, и Бекки сказала, чтобы мистер Мавр глядел себе под ноги. В немощеных переулках валялись отбросы, стояли не просыхавшие никогда вонючие лужи. Изо дня в день ведра с нечистотами выплескивались из окон прямо на улицу.

В Рукери на странную пару тоже иной раз оборачивались. Правда, не столько насмешливо, сколько удивленно. И толкотни тут было не меньше. Мавра так пихнули, что у него с головы чуть не слетела шляпа.

– Хэлло, Бекки! Гляди, какого благородного носильщика подцепила! – улыбаясь, крикнула простоволосая женщина.

– Тетя Элис? Погоди же! Постой!

Но работница, как и все, торопилась и тут же затерялась в толпе.

Они дошли до места, где наконец начали сносить самые ветхие закоулки Сент-Джайлса, хотя решение об этом было принято давным-давно. Мавр остановился, снял съехавшую набок шляпу и, обмахиваясь ею, как веером, сказал, отдуваясь:

– Немножко передохнем!

Переступив через груду битого кирпича, он осторожно поставил корзину с грибами на остаток стены. В тот же миг из развалин выскочила изголодавшаяся, худая, как скелет, бездомная кошка, обнюхала грибы и потерлась о колени Бекки.

– Пусси! Так далеко убежала? И сразу узнала меня? – Бекки взяла кошку на руки и нежно прижала к себе.

Тощая кошка тотчас же уткнулась мордочкой в теплую шею девочки и принялась сладко мурлыкать. Но едва Мавр тихонько провел рукой по полосатой шкурке, мурлыканье смолкло, перейдя в выжидательное, но не злобное урчанье. Хвост яростно хлестал воздух. Прижав уши, кошка ждала, что будет дальше. Рука большая. От больших ручищ добра не жди. Большие руки чаще всего грубые, жестокие. Но эта рука была доброй и ласковой. Мавр сказал:

– Чего ты боишься, серенькая? – и, обхватив испуганную кошечку обеими руками, почесал у нее за ухом.

И что же? Прерванная было кошачья песенка опять наладилась. Кошечка восторженно и упорно тыкалась мордочкой в сильную теплую руку. Хвост мало-помалу перестал раскачиваться, только самый кончик еще чуть-чуть вздрагивал.

Бекки была счастлива. Пусси никому не позволяла себя гладить!

– Вы умеете обращаться с кошками. У вас тоже дома есть киска?

Мавр покачал головой:

– У нас места нет. Дети уже давно мечтают о котенке. Но пока им приходится довольствоваться мышкой, которая живет у нас в щели за обоями. Она очень забавная и совсем ручная. Мы ее подкармливаем хлебными корочками.

– А Пусси прекрасно знает, где мы живем, – сообщила Бекки. – Иногда она спит в ящике Ли́сси. Днем, конечно. Ночью ящик нужен самой Лисси.

Бекки вдруг замолкла. Она совсем позабыла о кровати и теперь вдруг вспомнила, что завтра у них знаменательный день: они пойдут за кроватью. Рассказать?

Но Мавр спросил:

– Лисси – это твоя младшая сестренка? Сколько же их у тебя?

– Три. Дороти, Полли и маленькая Лисси. Мы за нее очень беспокоимся. Она еще не говорит, а ей уже почти четыре года. Но она все-все понимает. Иногда мне кажется, что она просто не хочет. Да и некому с ней заниматься. Полли не умеет. Если б только я…

Мавр заметил, как Бекки помрачнела, и поспешил спросить:

– А где работает твоя мама?

– Тоже у «Кросса и Фокса». Она коклюшница: кружева плетет на коклюшках.

Мавр удивленно спросил:

– У Кросса-Кровососа? Но ведь коклюшницы плетут кружева на дому.

– Здесь – нет. В Ирландии мама работала дома. У Паука, то

есть у сына Кровососа, Сэмюела Кросса, во флигеле маленькая кружевная фабричка. И, когда он узнал, что мама плетет на коклюшках, он отвел для коклюшниц отдельную комнату. Там она и плетет для него кружева с двумя женщинами и девочками-ученицами. Она сперва не хотела, а потом все-таки пришлось. За это ей платят на два шиллинга в неделю больше. Это очень тяжелая работа. У нее часто грудь болит. Но деньги-то нужны…

В окне еще не разрушенного подвала замерцал огонек, и Бекки вскочила. Верно, уже поздно.

Мавр мрачно сказал:

– Ваш Кровосос свою выгоду знает. Хорошие кружевницы редкость. Это большое искусство. И оно вымирает.

Этот мистер Мавр знал толк даже в кружевах! Бекки с гордостью заявила:

– Все кружева, которые плетет мама, забирают Ма́ршалл и Зиндерманн. У них самый шикарный магазин, они даже поставщики ее величества.

– Вот видишь! За тяжелейшую работу прибавки два шиллинга, а барыша – несколько сот фунтов в год, и все одному Пауку!

Бекки не смогла подавить тяжелый вздох. Всякий раз, когда она заговаривала о матери или думала о ней, у нее холодело сердце. Мать все чаще возвращалась домой усталая, измученная. Недавно она сказала: «Хоть бы не умереть, когда родится маленький! Что с вами будет? Как вы проживете без меня?»

Бекки набралась храбрости и еле слышно пролепетала:

– Дорогой мистер Мавр, это правда, что можно умереть, когда родится ребеночек?

Мавр в испуге уставился на Бекки. Какие тяжелые мысли гнетут эту мужественную девочку! Говорит о смерти совсем как взрослая. Очень мягко и бережно он спросил:

– Твоя мама ждет маленького? – И, когда Бекки кивнула, добавил: – И она очень слаба? Слишком много работает?

Бекки опять только кивнула, в глазах у нее выступили слезы.

– Мама у нас спит на… – запинаясь, выговорила она, – у нее нет кровати. Она спит на полу и всегда зябнет. А ведь скоро зима! Она уже кашлять стала, как Дороти. Все говорят, у Дороти чахотка. И мама по ночам накрывает ее своим одеялом. А оно ей самой нужно. У нас всего одно одеяло. Раньше у нас были кровати. В Уайтчапле. Но это давно. А теперь, мистер Мавр. – Она сглотнула и утерла глаза. Лицо ее вдруг просияло, щеки порозовели, и она произнесла чуть ли не торжественно: – А теперь мы хотим подарить нашей мамочке кровать. Да, хорошую кровать с матрацем, пуховой подушкой и шерстяным одеялом.

Вот как! – закончила она, видя, что Мавр глядит на нее с сомнением. – На той неделе, во вторник, у мамы день рождения. И потом, ведь скоро появится маленький. В постели ей будет тепло и мягко. А кровать знаете какая широкая! И если мама больше не будет зябнуть, она не умрет, правда?

Бекки вопросительно посмотрела на Мавра: ведь он, как настоящий друг, пошел с ней, выслушал все ее горести и на все знал ответ. Такого ответа ждала она от него и сейчас.

Когда Бекки стала рассказывать, что мать у них спит на полу, Мавр поднялся. Губы его были крепко сжаты. Он провел рукой по лбу. Вопрос девочки вызвал в памяти одну из самых тяжелых минут в его жизни.

Женни, его любимая, его красавица Женни, мать его детей, лежит в пустой, разоренной комнате на голых половицах. Она прислонилась головой к холодной стене и кормит грудью маленького Гвидо, Фоксика, которого нет уже в живых. А два судебных пристава хозяйничают в комнате и выносят все их вещи: белье, платье, пальто, кровати. Даже колыбельку не оставили. Дочурки Дженни и Лаура стоят, обливаясь слезами, и смотрят, как забирают их любимые игрушки. Перескакивая через две ступеньки, он взбежал тогда по лестнице, ворвался в комнату и в последнюю минуту все же отбил у служителей закона кровать жены. Но на следующее утро им все равно пришлось продать ее, потому что их дверь осадили аптекарь, мясник, булочник и молочник, требуя с них несколько жалких шиллингов долга. Лишь расплатившись с лавочниками, они смогли покинуть пустую комнату. Когда это было? Меньше года назад, там, в Челси. Страх Бекки за жизнь матери воскресил в его памяти эти горькие картины.

Очень бережно он сказал мужественной девочке:

– Не надо тревожиться, Бекки. Представляю себе, как обрадуется ваша мама, когда в подарок от собственных детей получит кровать! Но как вам это удалось?

– Всех денег мы еще не набрали, – начала Бекки. – Такая кровать дорого стоит. Мы задумали это еще четыре месяца назад. В июне. Джо первый дал денег на подарок. Целый шиллинг. Он таскал тяжелые корзины. Ему хорошо заплатили. Вот так и началось. Джо ведь мог купить что захочется. Мы долго все вместе прикидывали. Вообще-то мы сначала собирались купить маме у старьевщика удобное кресло. А потом увидели там кровать. Это все Джо! В прядильне он из всех ребят самый проворный. Его редко штрафуют. Он еще за полчаса до смены дожидается у ворот. Боится, как бы не опоздать. В контракте – его все обязаны подписывать – сказано, что фабрикант может вычесть

треть дневного заработка, если рабочий опоздает хоть на несколько минут. Его не пустят на фабрику. До первого перерыва. Наша мама и две другие женщины из кружевной раз больше часа простояли у ворот. А у нас, на спичечной фабрике, так даже нарочно переводили вперед часы, чтобы надзирателям набирать побольше штрафов.

Слушая ее, Мавр то и дело мрачно кивал, но тут он буркнул себе что-то под нос, однако не стал прерывать Бекки. Он хорошо знал гнусные повадки фабрикантов: пользуясь контрактами, которые рабочие подписывали, если не хотели умереть с голоду, хозяева умудрялись наживаться даже на штрафах, урезая и без того нищенскую заработную плату.

– Мой брат Робин говорит, что этими контрактами они нас по рукам и ногам связали да еще набросили на шею петлю.

– Твой брат прав. Так оно и есть!

Бекки, захлебываясь, продолжала свой рассказ:

– Когда Джо приносит домой недельную получку, он говорит, будто у него вычли штраф. Мы-то все знаем, что он отложил несколько пенни на кровать. Но мама не знает и часто огорчается. Недавно она даже заплакала, когда Джо сказал: «За эту неделю целый шиллинг вычли». А шиллинг – это большие деньги, очень большие. Двенадцать пенсов. – Бекки вздохнула. – Джо очень тяжело. – И она вопросительно взглянула на Мавра: понимает ли он это?

Мавр сказал:

– Хороший у тебя брат, славный!

Бекки радостно кивнула.

– Я тоже кое-что накопила, – застенчиво призналась она. Уж очень ей хотелось, чтобы Мавр и ее похвалил. – Покупатели дают немного, но я ни одного пенни на себя не истратила. (Сколько раз она вновь и вновь пересчитывала стертые монетки!) Я и на омнибусе не езжу, чтобы сэкономить, хожу пешком. Я целых два шиллинга внесла на кровать…

Мавр поглядел на худенькие ножки девочки.

– Хорошее дело задумали ты, Джо и ваш старший брат.

– У нас есть еще один брат, – решилась наконец поделиться Бекки и доверчиво подняла глаза на Мавра, – Билли. Он тоже дал денег. Четыре шиллинга. И вовсе не такой уж он плохой, как все говорят. Но папа и слышать о нем не хочет.

Что с Билли неладно, нетрудно было догадаться, но, так как Бекки опять запнулась, Мавр не стал допытываться. А Бекки была рада уже тому, что заставила себя сказать про Билли. Вдруг этот мистер Мавр что-нибудь присоветует? И она стала подробно рассказывать о своем пятнадцатилетием брате Билли, самом

веселом из Клингов. Он тоже раньше работал у Кросса. Прежде отец о нем говорил: «Он у нас умный и смелый». Бекки всегда казалось, что отец любит его больше всех. Может быть, именно потому он и обошелся с ним так круто.

Это случилось, когда она только начала работать у лавочника Квадла. В первый же раз, как Билли пришел ее проведать, он застал ее плачущей и всю в синяках – так ее избил изверг-хозяин. Билли здорово тогда разозлился, хотел переколотить всю посуду на кухне у Квадлов, но ведь за это поплатилась бы Бекки. С этого дня он возненавидел лавочника. Часто навещал сестренку, давал ей советы, как увертываться от этого негодяя. Но когда Квадл однажды увидел его, он напустился на Бекки, крича, что не позволит ее родственничкам ходить к нему в дом, выслеживать да вынюхивать.

Однажды Билли принес домой мешочек муки, отдал Полли и велел помалкивать. Но разве утаишь десять фунтов белой муки в доме, где часто не бывает ни крошки? Отец потребовал, чтобы Билли сказал, откуда мука, а Билли наотрез отказался отвечать. «Если она вам не нужна, можете выкинуть. Нечего из-за каждого пустяка спрашивать, что да как. Надоели!» Но с отцом шутки плохи. Он назвал Билли вором. Вором или укрывателем краденого. Таких он не потерпит у себя в доме.

Несколько дней спустя Билли исчез. Об этом заговорил весь Грачевник. Наконец слух дошел и до Квадла. А у того из кладовки пропал мешок муки в пятьдесят фунтов. Теперь он уже не сомневался, что украл его этот долговязый парень с дерзкими глазами – Билли. Он пригрозил отцу полицией. Всего больнее было честному Эдварду Клингу молча выслушивать, как этот жулик и пьянчуга обзывает его «отцом воровской шайки». «Ваша дочь должна работать у меня бесплатно, тогда я, так и быть, оставлю это дело без последствий», – потребовал Квадл. Клинги оказались в его власти. Хотя прямых доказательств не было, след все же вел к Билли. Стоимость муки пришлось возместить. И они задолжали за квартиру. Беда никогда не приходит одна.

Мавр внимательно слушал. Тяжело приходится многосемейным рабочим. Нужда и преступление часто идут рука об руку.

Бекки видела, что он ей сочувствует.

– Билли теперь живет где-то в порту. У них там шайка. Всем нам его очень жалко. Дома никто не смеет даже имя его произнести. Мы иногда с ним встречаемся, Джо и я, когда попадаем в те места. Он всегда обо всех справляется, хочет подарить маме ко дню рождения теплый платок. Ведь он не плохой, правда? Мы все его любим…

– Когда он ушел из дому? – осведомился Мавр.

– Год назад.

– Мне кажется, вы не должны бросать его в беде. Он, наверное, уже понял свою вину. Отец со временем одумается.

– И нам так кажется! – Бекки с облегчением перевела дух и снова заговорила о кровати, которую они завтра утром собирались забрать у старьевщика Пэтта. Но для этого еще требовалась вся недельная получка Джо.

Вот она ему все и сказала!

– Значит, завтра у вас знаменательный день, – сердечно произнес Мавр.

Заворачивая в свой переулок, Бекки встретила знакомого мальчугана Чарли, согласившегося донести ей вещи. Она уже хотела указать Мавру дорогу к Черинг-кросс, но тут вдруг увидела пробегавшую мимо Полли и окликнула ее. Голенастая, чуть пониже Бекки, младшая сестренка одним, видно, давно освоенным прыжком перескочила большущую грязную лужу и молча, с недоверием уставилась на чужого чернобородого дядю.

Бекки без дальних слов сунула сестре вязанку хвороста, сказала лишь: «Для мамы». Потом, захватив две полные пригоршни шампиньонов из корзины, высыпала их сестре в фартук и строго наказала:

– И это тоже, Полли. Чтоб мама все одна съела, слышишь? Я уже сегодня к вам не попаду. Завтра утром встретимся у Пэтта. Напомни Робину: Черинг-кросс, угол Окси.

– Да напомню, напомню! Так, значит, покупаем? – Полли робко, с опаской взглянула на Мавра, потом на Бекки, но та радостно кивнула.

– А сейчас иди и забери Лисси домой. Уже свежо. Хлеб достала?

– Черствый уже весь разобрали. Робин слишком поздно пришел с получкой.

– Завтра принесу от Квадлов, – шепнула ей на ухо Бекки. Ей не хотелось, чтобы мистер Мавр дурно о ней подумал.

Полли тут же ушла.

Мавра очень позабавила деловитость семилетней хозяюшки семейства Клинг. Понравилась ему и быстрота и находчивость, с какой Бекки все решала.

Бекки повернулась теперь к Чарли:

– Донесешь мне мешок до Квадлов?

– Донесу, – согласился Чарли. – Это ведь рядом.

Мавр протянул Бекки руку на прощание:

– Ну, тогда всего доброго, Бекки. Я думаю, мы еще встретимся. А на завтра желаю удачи! – И он помахал шляпой,

как какой-нибудь леди.

Чарли даже рот разинул. Смотри-ка! А господин, перейдя на другую сторону улицы, с угла, где парикмахерская, еще раз помахал.

Бекки стояла и глядела ему вслед.

– Кто это был?

Вопрос Чарли вывел ее из задумчивости. Как этому мальчишке объяснишь?

– Ах, оставь! Это… это… Ну, в общем, я его знаю. Он хороший. Не как они все…

Чарли сразу оживился:

– Он тебе что-нибудь дал? Сколько?

– Эх, ты! Только о деньгах и думаешь!

– А как же? Да, чуть не забыл. Хенни… ну знаешь, Портовый Хенни, из шайки, заходил сегодня сюда. Никого из вас не застал. Просил передать Джо, что они снова перебрались на старое место, возле доков Сент-Кэтрин. К хозяину «Пьяного кита».

– Ну и что? Зачем им Джо нужен?

– Зачем? Говорит, пусть заглянет. Хоть рыбного супа наестся. В общем, я тебе передал!

Некоторое время они брели молча. Но вот из подворотни раздался пронзительный свист. Чарли увидел приятеля, бросил мешок и был таков.

Бекки осталась одна с мешком и корзиной. Но до Квадлов было уже недалеко.

Черт срывается с цепи

Ворота бумагопрядильной фабрики «Кросс и Фокс» были уже заперты, когда Джо только еще бежал, задыхаясь, по Па́ркер-стрит. Фабричные часы показывали десять минут седьмого. Джо в изнеможении прислонился к стене дома. Красные круги плясали у него перед глазами. Его прошиб холодный пот. Пожилая работница с состраданием посмотрела на мальчика, боровшегося с жестоким приступом удушья. «Вгоняют детей в гроб, а они еще и пожить на свете не успели», – подумала она и окинула недобрым взглядом черный от копоти фасад и дымящие трубы фабрики.

Джо опоздал. Задние ворота, которыми пользовались кружевницы, тоже оказались на запоре. Прислонившись к кирпичной стене, там стоял длинный Мэкки. Он не решался идти домой – от недельной получки почти ничего не осталось, все ушло на штрафы. Заметив Джо, он подумал: совсем выбился из сил парень. Мэкки, как и все, любил Джо за добрый и веселый нрав и всегдашнюю готовность помочь товарищу. Вот уж кто не подведет! Мэкки раньше работал в одной смене с Джо.

– Да ты не расстраивайся, Джо. Не стоит того! Лучше отдохни, пока не отопрут ворота. Пришел ты вовремя или нет, сегодня с тебя все равно штраф сдерут. Я только что слышал, как Очкастый Черт говорил кладовщику: «Если опять наберете мало штрафов, придется вам простым прядильщиком поработать, Андерсен! Шеф не любит, когда миндальничают. Понятно?»

– Вот собака! – выдавил из себя Джо. Он все еще тяжело дышал. – А что… что ответил наш Энди?

Джо никак не мог себе представить, что Андерсен, единственный их друг на фабрике, согласится сдирать с них еще бо́льшие штрафы.

– А что ему делать? – ответил Мэкки. – Он только спросил, сколько. И знаешь, что ему сказал Очкастый Черт? Не меньше трех фунтов.

– Три фунта? Но это… – в ужасе воскликнул Джо и снова схватился за грудь.

Мэкки презрительно свистнул:

– Скоты все как на подбор! А меня давеча при получке знаешь как обобрали! Полшиллинга за то, что уснул, три пенса за то, что открыл окно, два за то, что без разрешения в уборную вышел, и так одно за другим. С меня хватит. Молодец твой брат Билли, что смылся. Не скажешь мне, где сейчас грачи?

– Я давно не был в тех краях, – ответил Джо. – Может, где-

нибудь около Лондонских доков.

Мэкки искоса взглянул на Джо:

– Твой брат – парень что надо! Я бы на твоем месте давно к нему умотал… Ну, бывай здоров! – И он пошел.

Джо был в отчаянии. Что делать? Завтра после получки у него должно быть не меньше восьми шиллингов. Десять надо внести старьевщику Пэтту. Хорошо, что сэкономили на омнибусе. И Бекки обещала принести еще несколько пенсов. Нет, не даст он им содрать штраф. Джо напряженно думал. Как бы пробраться на фабрику? Он огляделся. Подвальные окна были забраны решетками. С опаской он поднял глаза на высоченную стену.

– Мэкки! Эй, Мэкки! Постой!

Долговязый парень оглянулся и повернул обратно.

– Я взберусь по пожарной лестнице, – сказал Джо, стараясь скрыть свое волнение. – Но как бы меня не увидал вахтер! Можешь его вызвать? Он будет открывать дверь, а я тем временем перелезу через решетку и спрячусь за будку.

Так и сделали. Пока вахтер, заметив отчаянную жестикуляцию Мэкки, отпирал дверь, пока, гремя ключами, ковылял на улицу и брюзгливо пререкался с долговязым, утверждавшим, будто что-то забыл на фабрике, Джо благополучно скрылся за будкой. С опасностью для жизни карабкался он по узкой лесенке. На втором этаже из вытяжки валил грязно-желтый пар – нечего было и думать тут пролезть. Его сразу всего заволокло, и он затрясся от кашля. Но этажом выше окно было открыто, и он проскользнул в склад кружев.

«Если меня кто-нибудь здесь застанет, скажу, что иду к матери, этому поверят», – думал он, пробираясь вдоль стены.

Все пока шло хорошо. В помещении оказался только кладовщик Андерсен.

– Стой! Ты, Джо? Откуда взялся?

Он толкнул мальчика в темный угол и ловко загородил каким-то ящиком. Мимо проходил, согнувшись под тяжелым тюком, второй кладовщик, По́ттер, и Андерсен обменялся с ним несколькими словами.

– А теперь беги… сначала в уборную, а потом по винтовой лестнице, – шепнул ему Энди, лишь только Поттер скрылся из виду.

Немного погодя, когда Джо уже спускался по «вертячке» – узкой винтовой лестнице, которая вела из кардного цеха вниз, в мокропрядильню, – он увидел поднимавшегося вверх Очкастого Черта и в страхе отпрянул.

– Эй, откуда, Клинг? – чавкая, проговорил Белл и плотоядно облизал губы.

– Из уборной, господин старший надзиратель. П-п-понос у меня, – проговорил Джо, заикаясь.

Старшему надзирателю нравилось, когда перед ним трепетали. При желании он мог преспокойно спустить мальчика с лестницы. Но сегодня он был в духе, поэтому, загородив Джо дорогу, лишь с ухмылкой проворчал:

– Только к работе приступил – и уже в нужник! В другой раз заранее оправляйся, понятно? За выход в уборную без разрешения с тебя пенни, Клинг! – И он что-то нацарапал в своей засаленной, нагонявшей на всех страх книжице.

Джо со вздохом облегчения кинулся вниз. Всего пенни! Какое счастье! Завтра все будет хорошо.

Его обдало горячими испарениями. Ритмичный стук и жужжание прядильных машин сразу его успокоили. Озираясь по сторонам, Джо прошмыгнул на свое место, кивнув Ричарду и Кэт, которые приглядывали за его кареткой, пока он отсутствовал. Через несколько минут в проходе показался Блек, контролер, проверявший, все ли на местах. На Ричарда и Кэт Джо мог положиться, эти не наябедничают, а прядильщик, к которому они были прикреплены, еще не появлялся.

Поблескивая, вращались веретена, вытягивая ровницу. Если нить обрывалась, приходилось вытаскивать перепутавшуюся пряжу и наново присучивать концы. Не у всех ребят работа так спорилась, как у Джо. Он перебывал почти во всех цехах бумагопрядильни. Работал и в мокропрядильном, и в кардном, и на чесальной машине. Он быстро все схватывал. Им были довольны.

Но сегодня Джо тяжело было следить за сотнями веретен. Чтобы хорошо выполнять такую работу, помимо неотступного внимания, требуются зоркие глаза, а главное – проворные, хорошо отдохнувшие ноги. А Джо устал. Да и пережитое волнение еще не совсем улеглось. Но, пересилив себя, он сновал вдоль каретки и глядел во все глаза, чтобы избежать малейшей задержки. Некоторое время все шло гладко, и перед ним вновь возникли картины сегодняшнего дня: березки, дикие гуси, незнакомый господин, отстранивший кондуктора и сказавший о них с Бекки: «Дети со мной». Как тут не рассказать обо всем своим товарищам! Он постоял минутку возле Ричарда, потом возле Кэт.

– …Без него нас не взяли бы в омнибус…

Но тут между ним и девочкой воздух со свистом прорезала плетка.

– По местам! Поганцы ленивые! – заорал Очкастый Черт и так грубо рванул за плечо стоявшую рядом с Джо тринадцатилетнюю

Кэт, что порвал ей платье от ворота до пояса.

У Кэт, как и у большинства детей, не было под платьем сорочки, и, всхлипывая от стыда, девочка отвернулась к веретенам. Тщетно пыталась она прикрыться лохмотьями. Очкастый Черт разразился сальным смехом, потом грубо хлопнул девочку по плечу:

– Еще раз поймаю за болтовней – нагишом выгоню завтра утром на улицу. Все лохмотья с тебя сдеру!

Надзиратель, посвистывая, двинулся дальше. Когда он исчез из виду, Джо обрывками пряжи кое-как скрепил платье рыдающей Кэт. Теперь они работали молча. А когда наступала короткая передышка, глядели как зачарованные на жужжащие веретена с бесконечно тянущимися нитками, стараясь перебороть усталость и голод. В этом душном и спертом воздухе, за решеткой из тысяч вибрирующих нитей угасал для Джо с утра такой красочный, весь зеленый и солнечный день.

Бесконечно тянулось время. Из грязных газовых рожков лился мутный свет. Даже для вполне здорового, сильного мужчины воздух в прядильном цехе был невыносим. А полуголодные дети, вынужденные работать здесь по двенадцати часов кряду, часто падали у машин. Иной раз прядильщики, жалея самых слабеньких, разрешали им несколько минут вздремнуть или полежать, но только пока поблизости не было старшего надзирателя.

А за стенами фабрики, над громадным Лондоном, далеко разносились удары колоколов Вестминстерского аббатства, гулко бивших первую четверть десятого. Ночь накрыла своим черным от копоти покрывалом улицы, площади и дома, где один за другим гасли огни. Счастливы дети, которым дано в эту пору спать!

•

Громкий крик заставил всех встрепенуться. Послышалась яростная ругань. Потом рыдания. Ричард, пробегая мимо Джо, на ходу крикнул:

– Это Сэлли, Сэлли! Он ее до смерти забьет!

Джо сразу стряхнул с себя полудремоту. Он знал, что у двенадцатилетней Сэлли вот уже много дней жар, а она ходит на фабрику, вынуждена ходить, потому что дома тяжело больная мать и отец без работы. Джо дружил с Сэлли. Подхватив охапку негодных веретен, он побежал в тот ряд, где работала Сэлли. Девочка лежала на полу, и Очкастый Черт таскал ее за волосы и зверски стегал плеткой.

Размышлять было некогда. Будто нечаянно, Джо рассыпал веретена прямо под ноги Очкастому, и тот, оступившись, растянулся на полу. По цеху пробежал короткий, едва вспыхнувший и тут же погасший смешок.

Джо мигом отшвырнул плетку в сторону. Другой пнул ее ногой еще дальше. А потом плетка и вовсе исчезла. Тщетно Очкастый Черт требовал ее вернуть. На этот раз все держались стойко.

Наконец старший надзиратель понял, что́ происходит. Бунт? Неповиновение начальству? Он засопел. Взгляд его упал на Джо.

– Ну погоди же, собачье отродье! – заорал он. – Я из тебя котлету сделаю! – Белл сгреб мальчика в охапку, приподнял и швырнул с такой силон, что Джо отлетел на несколько шагов. Скрючившись, лежал он на полу в проходе, не в силах встать.

Но это было только начало. Белл огляделся. Лицо его было сизым от ярости.

– Эй, Блек! Блек! Сюда!

Дети стояли ни живы ни мертвы.

– Запишите! Всему ряду штраф по одному шиллингу. Это же бунт!

Блек, дрожа, записывал фамилии.

– А Клингу… – Очкастый Черт помедлил, – три шиллинга. Понятно? Три шиллинга!

У Джо даже в глазах потемнело. Его словно обухом по голове ударило. *Три? Три шиллинга?*

Но тут вдруг зазвонил сигнальный колокол.

– Что случилось? – Белл обернулся. – Перерыв? Не может быть!

Из конторы, взволнованно размахивая руками, прибежал рабочий. Он шепнул что-то на ухо старшему надзирателю. Тот даже в лице изменился.

– Черт побери! Сейчас, среди ночи? Что они, спятили? – и со всей прыткостью, на какую только был способен, выбежал из цеха.

Дети, еще не оправившись от испуга, настороженно подняли головы. Даже Блек перестал писать.

Очкастый Черт вернулся расстроенный, остановил машины и в наступившей сразу тишине скомандовал:

– Внимание! Подойти поближе!

И, когда дети, выйдя из рядов, сбились перед ним в кучу, он с ласковой вкрадчивостью в голосе заговорил:

– Так вот. К нам явились какие-то посетители. Это среди ночи-то. Хе-хе! Неизвестно, куда они пожелают пойти. Может быть, к тростильщицам. А может быть, и к нам, мои цыплятки. – Он чуть ли не ворковал. – Хотят поглядеть, как прилежно вы

трудитесь для родины и ее величества королевы. – Но на этом притворная мягкость его иссякла, и уже своим обычным голосом он заорал: – Может, кто из вас проболтался, а? О ночной смене и так далее?

Никто не шелохнулся.

– Так слушайте: если кто из вас посмеет пожаловаться или высказать претензию, ну, тогда берегитесь! Спаси боже, если кто громко кашлянет, или в обморок грохнется, или вообще выкинет какую-нибудь такую штуку… – И Белл оскалил два ряда желтых зубов в ухмылке, от которой у детей мороз пробежал по коже. – Да разве вам здесь плохо? Имеете работу, получаете деньги. И сегодня, как исключение, работаете в ночь. Поняли? Добровольно! А кто хоть слово скажет, сегодня в последний раз на фабрике всемирно известной фирмы «Кросс и Фокс». Вышвырну завтра же без получки за ворота. Да еще всю задницу в кровь исстегаю. Понятно?

Дети молча кивнули. Что ж тут понимать? Белл сущий дьявол и, не задумываясь, приведет свои угрозы в исполнение.

Сэлли утерла кровь с лица и подбежала к Джо, все еще лежавшему пластом на полу.

– Ну Джо, ну миленький, ну попробуй встать! – теребила она его.

Наконец Джо бессмысленно уставился на нее и с трудом поднялся. Спину и голову ломило – но это бы еще ничего. А вот три шиллинга штрафа! Не выкупить им кровать!

Шатаясь, побрел он к своему месту.

Мавр у Кровососа

Трое господ вошли в прядильный цех. Их сопровождали молодой хозяин, Сэмюел Кросс, с трудом скрывавший свою досаду, и Белл; тот прятал злые глазки за стеклами очков. Старший надзиратель не сомневался, что все сойдет гладко.

Господа молча шли вдоль рядов, дружески кивая детям, но те не отвечали, кое-кто даже отворачивался. Было совершенно очевидно, что маленьких рабочих запугали и они робеют. Очкастый без запинки отвечал на вопросы.

Джо еле стоял перед своей мюль-машиной, так болела голова. Лишь услышав знакомый голос, он поднял глаза. Мистер Мавр? В крылатке, в широкополой шляпе. Так вот почему чернобородый знал Кровососа и то, что ставить детей на ночную работу воспрещается! Джо побелел. «Я проговорился, – вот они и пришли!» Что-то будет? Его замутило от страха.

Фабричные комиссии, следившие за соблюдением закона о детском труде, имелись в Англии повсюду, и прежде всего в городах, где были текстильные фабрики. Среди членов таких комиссий были люди, искренне старавшиеся добиться для детей облегчения их тяжелого труда. Но это оказывалось не так-то просто. Хотя прошло уже немало лет, как был принят фабричный закон, судьи редко когда поддерживали жалобы инспекторов. Фабрикантам обычно удавалось подкупить членов комиссий и мировых судей.

Однако с Томасом Эндером – он возглавлял такую комиссию – фирме «Кросс и Фокс» никак не удавалось поладить. Он принадлежал к числу неподкупных, а потому внушавших наибольший страх инспекторов. Но фабрик приходилось обследовать много, а он был один.

В прядильный цех комиссия приходила уже два раза. Но Джо хорошо знал, что и инспектор Эндер, уговаривавший детей не бояться и говорить открыто, мало чего достиг. Ни одно его предложение не было принято. Все осталось по-старому. А вот чернобородый с остановки омнибуса пришел сюда впервые.

Джо не мог знать, что Мавр не входил в комиссию, а просто был знаком с инспектором Эндером, жившим на одной с ним улице, и иногда заходил к нему за какой-нибудь справкой о детском труде на лондонских фабриках. Сегодня, по пути из Грачевника, Мавр забежал к Эндеру сообщить ему о противозаконной ночной работе детей у «Кросса и Фокса».

Эндер сразу же решил произвести проверку. Владелец фабрики Джон Кросс – член парламента, ему труднее будет

уклониться от выполнения закона, и Эндер в этот раз надеялся на успех. Члена комиссии доктора Уэббса, работавшего над книгой «Влияние фабричной системы на здоровье детей», он сумеет известить; хуже обстоит дело с журналистом Смитом: тот по субботам всегда уезжает за город. Зная, что Мавр тоже пишет для газет, Эндер попросил его заменить Смита: быть может, ему удастся расшевелить детей и они наконец заговорят.

Джо во все глаза глядел на господ. Его как жаром обдало. «Может, кто из вас проболтался?» – еще звучал у него в ушах голос Очкастого.

По условиям контракта дети обязаны были молчать обо всем, что делалось на фабрике. Как он об этом не подумал? Чернобородый господин так дружелюбно и сочувственно спрашивал, что ему и в голову не пришло что-то скрывать. «А теперь вот явился с фабричным инспектором и думает, я расскажу, как они с нами обходятся? Нет, нет и нет! На три шиллинга меня уже оштрафовали. Стоит мне только рот раскрыть, и меня выгонят. Не скажу ни словечка. – Руки Джо были холодны как лед, голова раскалывалась. – Но если я ему ничего не отвечу, он решит, что я трус». Вдруг Джо придумал, что ему делать:

– Кэт, присмотри за моими веретенами! Я в уборную. Меня что-то тошнит…

И он умчался, прежде чем Кэт успела хоть слово сказать. Она с тревогой поглядела ему вслед.

Комиссия как раз заворачивала в их ряд. Кэт поспешно занялась веретенами Джо – там оборвалась нитка.

Кросс-младший был мрачен. У него имелись на то основания. Эти ищейки! Нагрянуть среди ночи! Без всякого предупреждения. Даже не захотели посидеть в приемной, пока его вызовут. Потребовали, чтобы их сразу провели наверх, и настояли на своем. Затеянная ради проволо́чки предварительная беседа тоже не удалась. И куда делся знакомый газетчик Смит? Как неудачно! Опять какой-то новенький, чернобородый. Пишет, правда, не для лондонских газет, а для какого-то американского листка, согласился пойти из любезности, только потому, что Смит не мог, – объяснил Эндер. Но так или иначе – пишет, и это может грозить крупными неприятностями, размышлял Кросс-младший. Надо как-то подъехать к нему. Отчет для инспектора, скорее всего, будет составлять именно этот чернобородый. Может, где-нибудь переставит словечко? Много ведь значит, как сформулировать. Большего, пожалуй, не добьешься. А если? Плащишко-то не больно модного покроя, карманы вон потерты. С этой публикой одна-две кредитки всегда выручали. Досадно, что они нагрянули

в ночь! На этом мы много потеряем. И надо же, именно сейчас, когда такая блестящая конъюнктура. Молодой владелец фабрики досадливо поморщился.

Старший надзиратель, придвинувшись к нему, шепнул:

– Не волнуйтесь, шеф. Все идет как по маслу. Цыплятки мои дрессированные!

Эндер стоял в ряду Джо и слушал объяснения. Внезапно Очкастый очутился возле Кэт и притворно заботливо спросил:

– А где же Клинг, дитя мое?

– В уборную вышел! – шепнула испуганная Кэт.

– Так, так, детка. Ну, значит, он скоро вернется! – И, повернувшись к комиссии, продолжал: – Способный мальчик, один из лучших у нас. Хочу вам его представить, господа. Сбегайка за ним, девочка!.. Хотя постой! Если ему нездоровится, незачем торопиться.

Пусть комиссия видит, как гуманно здесь относятся к детям!

Кэт выбежала из цеха в полном смятении.

Сэмюел Кросс подавил смешок. Уж этот Белл! Соловьем заливается! Хитрая бестия. Кросс все время наблюдал за чернобородым и, когда тот, дойдя до конца ряда, огляделся, будто разыскивая кого-то, решительно направился к нему. Самое время приступить к делу. Широкие плечи. Волевое лицо. Он кого-то ищет? Вот брови нахмурил. Значит, что-то ему не понравилось. Кросс елейно заметил:

– Меня чрезвычайно радует, что вы интересуетесь современным предприятием, сэр. Это сразу видно.

– Современным? – иронически протянул Мавр и обвел красноречивым взглядом черные, закопченные стены, жалкие и редкие газовые рожки. – Современным? – повторил он, шумно выдохнув воздух, и двумя пальцами оттянул галстук, будто ему трудно было дышать. При этом он в упор глядел на Кросса.

Тот на миг смешался. Неужели этот газетчик станет артачиться? Вздор! Просто цену себе набивает. Поэтому Кросс надменно проронил:

– Да, современным! Вы видите здесь новейший сельфактор… и, – быть может, вы еще не обратили внимания, – машины гуманно установлены. Детям у нас не приходится работать согнувшись и утомляться, как на многих других бумагопрядильнях.

– Гуманно? Гм!.. – Мавр устремил насмешливый взгляд на Кросса. – Но гуманность эта недурно окупается, не так ли?

– Разумеется! Дети больше вырабатывают и… Впрочем, если бы вы при случае захотели написать о нашей фирме… Мы не мелочны. Мы можем позднее, у меня в кабинете… – Кросс осекся,

смешавшись под презрительным взглядом устремленных на него черных глаз. Он закусил губу.

Какой-то непонятный человек! Не знаешь, как к нему подступиться. Кросс двинулся дальше по проходу и, остановившись возле одной из девочек, сказал ей несколько ласковых слов. При этом он искоса поглядывал на чернобородого.

Но Мавр, дождавшись врача и Эндера, опять надул щеки, выдохнул и громко сказал:

– Пфу!.. Ну и воздух! Тут задохнешься.

– Верно! Скверный воздух! Отвратительный. Просто дышать нечем! – Доктор Уэббс повернулся к Беллу: – Когда проветривали? Проветриваете вообще? Как часто? – Вопрос следовал за вопросом.

– В перерывах! – поспешил заверить Очкастый Черт. – Всегда в перерывах. Конечно, регулярно. Где работают, там, разумеется, фиалками не пахнет!

Ричард, товарищ Джо по ряду, сжал за спиной кулаки:

– В перерывах! А с каких это пор у нас перерывы? – Он стоял рядом с другим подростком, Дúкки Джэбом. – Господа никогда не узнают, что тут творится!

– Так чего ты молчишь? Скажи им! – Дикки Джэб насмешливо скривил губы. – Попробуй!

Кэт привела Джо.

– Он хорошо о тебе говорил. Что ты его лучший работник. Тебе ничего не будет. Идем!

Но Джо поймал на себе грозный взгляд Очкастого и решил не поднимать глаз от машины.

Мавр видел нерешительность Джо. Ему хотелось поговорить с ним, а также с Ричардом и Дикки; он заметил, как те перешептывались. Но Кросс уже снова подошел к нему.

Нельзя спускать глаз с этого газетчика, думал Кросс-младший. Уж как-нибудь его можно умаслить. Ведь он выражал недовольство по поводу плохого воздуха? Кросс кашлянул.

– Вы совершенно правы, сэр, у нас здесь очень жарко. Надо бы почаще и подольше проветривать. Но ведь нельзя. Взгляните туда, сэр. Видите – мокропрядильня. Бедные малыши стоят у машин мокрые до нитки. Если во время работы напустить свежего воздуха, они схватят воспаление легких, а то и чахотку. Не думайте, мы заботимся о наших детях. – И для вящей убедительности Кросс приложил к груди руку, холеную руку с полированными овальными ногтями.

Мавр взялся за записную книжку и поманил к себе надзирателя.

– Мистер Белл, это правда, что вы проветриваете помещение

в перерывах? – вежливо спросил он.

Белл, не подозревая, что шеф только что утверждал обратное, подтвердил:

– В перерывах? Конечно! Разумеется, проветриваем, сэр! Каждый перерыв!

– Как же так? – Мавр с деланным удивлением обратился к Кроссу. – Ваш надзиратель говорит, что проветривают, а… – он повернулся к врачу, – а вот мистер Кросс только что мне объяснял, что проветривать нельзя: дети могут заболеть чахоткой.

– Заболеть! – пробурчал врач. – Они уже давно больны. А кто не болен, тот заболеет! Непременно заболеет! Пока мокропрядильня будет находиться в этом же цехе. – И он указал в глубь зала.

Прежде чем Кросс нашелся что ответить, Эндер сухо заметил:

– Мистер Кросс, комиссия еще в прошлое свое посещение, насколько я помню, на это указывала. Когда это было? В июле? И до сих пор ничего не сделано?

Белл кинул на молодого хозяина мрачный взгляд, достаточно красноречиво говоривший: «И зачем вы вмешиваетесь! Предоставьте мне отвечать. У меня это лучше получается. А теперь вот расхлебывай».

Но Кросс-младший уже не мог скрыть раздражение.

– А куда прикажете перевести мокропрядильню, уважаемая комиссия? – спросил он запальчиво. – В здании нет места. Пристроить помещение нельзя. Здесь, в центре города, каждый квадратный метр занят. – Потом, уже более сдержанно, с наигранным сожалением, добавил: – Что же нам делать? Мы бы рады выполнить пожелания комиссии.

– А вы надстройте! – перешел в наступление Мавр. – Надстройте! И детям лучше, и… мистер Кросс-старший окажется на целый этаж ближе к небесам!

Эндер и врач лукаво переглянулись. Кросс закусил губу. Какой непозволительный намек на набожность отца! Эти борзописцы суют свой нос всюду. И, совершенно позабыв, что собирался подкупить и перетянуть на свою сторону чернобородого, он надменно ответил:

– Но мистер… мистер… я не расслышал вашу фамилию. Да это и не столь важно. Что вы в этом смыслите? Я имею в виду финансовую сторону. Фирма не может швыряться деньгами. Чтобы выдержать конкуренцию на мировом рынке, мы должны обзаводиться новыми, дорогими машинами. Но рабочим – им до этого дела нет. Они только и знают, что требуют прибавки! – Кросс замолчал. Холодный, сверкающий иронией взгляд чернобородого сбил его с толку. Он пробормотал: – Экономика,

знаете ли, это очень… э-э, нелегкая… я хочу сказать, очень сложная наука, мистер… мистер Марч. – Теперь, как ему казалось, он припомнил фамилию этого неподатливого человека. – Но что вы в этом понимаете?

– Что я понимаю в экономике, мистер Кросс?.. – Мавр обменялся мимолетным взглядом с Эндером. – Может быть, больше, чем бы вам хотелось. Вы очень уж экономите на заработной плате. И швыряетесь человеческими жизнями. Или вы полагаете, эти дети, – он понизил голос, заметив, что ребята прислушиваются, – о благе которых вы так печетесь, долго проживут?

– Что вы хотите! – вспылил Кросс. – Не мы одни нанимаем детей. И мы никого не принуждаем у нас работать. Это они нас осаждают. – Но тут он опять вспомнил, что хочет расположить к себе комиссию и в первую очередь бородатого журналиста. – Детям у нас не на что жаловаться. Мы не в пример другим хорошо с ними обращаемся. Поручаем им самую легкую работу. В больших, светлых помещениях…

– Светлых? – возмущенно прервал его врач, указывая на тускло мерцающие газовые рожки.

Инспектор Эндер сделал Мавру знак, и тот достал записную книжку.

– Это третий пункт, на который мы указывали, и вы обещали это исправить, мистер Кросс. Еще летом! – Эндер повернулся к Беллу. – И еще одно: умывальные и уборные. Приведены они наконец в порядок? Мы их осмотрим! Фабричный закон, как вам известно, требует безукоризненной чистоты, особенно там, где работают дети.

Очкастый Черт давно уже внутренне кипел, теперь он выпалил:

– Умывальные! Еще чего? Может быть, теплые ванны? Уборные были бы чистые, если б эти свиньи их не загаживали. – И он проскользнул вперед.

После осмотра зловонных уборных врач подошел к стоявшей неподалеку Сэлли:

– И вы это терпите? Неужели нельзя самим хоть немножко навести там чистоту? Теплой воды ведь сколько угодно!

– Нашли с кем говорить! – с издевкой произнес Белл. – Лентяйка, каких мало, то и дело за работой засыпает. Мыть уборные, хэ! Таким ведь грязь нипочем. У них и дома-то!

Сэлли молча отвернулась. Она все еще не могла прийти в себя после перенесенного унижения и теперь не сдержалась. Слезы брызнули у нее из глаз. А когда девочка поднесла руку к лицу, стали видны кроваво-красные рубцы. Мавр заметил их и

сразу догадался, откуда они взялись. Он поднял вверх руку девочки.

– Вы хорошо обращаетесь с детьми, мистер Кросс! Но ваш надзиратель, как нам кажется…

Доктор Уэббе обратил внимание на красное от жара лицо девочки:

– Ты больна, дитя мое? Давай я тебя послушаю.

– Нет, нет! – испуганно залепетала Сэлли. – Я совсем здорова. Я просто поскользнулась на лестнице.

Очкастый Черт, его даже потом прошибло, облизнул толстые губы и удовлетворенно кивнул. Угрозы подействовали.

Врач спокойно сказал:

– У нас достаточно времени. Остановите часть машин. А я в перерыв осмотрю человек тридцать детей. И в первую очередь эту девочку. – Потом повернулся к Кроссу: – Эти рубцы от плетки дорого обойдутся вашему надзирателю, сэр!

– Вот как перед богом – никогда в руках плетки не держал! – И Очкастый даже клятвенно поднял руку.

Он подошел к детям и, свирепо вращая глазами, спросил:

– Или, может быть, я вру? – и грозно оглядел весь ряд.

Это был ряд Сэлли, тот самый, который он незадолго перед тем так сурово наказал. Дети понурились.

Мавр ободряюще поглядел на Джо, но тот чуть заметно качнул головой, словно говоря: тут спрашивать нечего, все равно никто ничего не скажет.

– Вот видите! – Надзиратель злобно расхохотался. – И выкиньте из головы этот осмотр. К чему это – середь ночи! Вот завтра утречком, часиков в шесть, пожалуйте… – Он поперхнулся и стал громко кашлять, чтобы скрыть то, что невольно выболтал.

Но у членов комиссии был хороший слух.

– Вот как? – Эндер притворился изумленным. – Значит, дети здесь будут до самого утра? Но ведь вы, кажется, только что говорили, будто они у вас не работают в ночную смену? Только сегодня, в виде исключения, и лишь до полуночи?

– Но, мистер Эндер, уверяю вас, – и Кросс-младший умоляюще сложил руки, – мы знаем фабричный закон, запрещающий ночной детский труд, но ведь это же особый случай, У нас вышло из строя несколько машин, вы понимаете, чем грозит нарушение срока поставки. Это исключение. Не верите? – Он выпрямился и, поглядев поверх ребят, подозвал двух парнишек постарше. – Ну-ка, подойдите! Я правду сказал? Вы в ночь работаете по доброй воле или по принуждению? Да отвечайте же! У меня каждый может спокойно говорить правду. Говорите же, никто вас не тронет! – Он попытался улыбнуться, но

улыбка не получилась.

Оба мальчика ответили без запинки, словно затверженный урок:

– Добровольно, сэр! Мы работаем сегодня добровольно!

Мавр испытующе вглядывался в замкнутые лица пятнадцатилетних ребят; чего только не делает страх!

Уже с большей уверенностью Кросс сказал:

– Спросите моих рабочих, прядильщиков и надзирателей, вам все скажут, что дети работают в ночь как исключение и по доброй воле.

Очкастый Черт подозвал нескольких прядильщиков и Андерсена, который как раз оказался в цехе. В прядильных цехах взрослых мужчин работало мало. Теперь они только обучали приставленных к ним детей, осматривали и чистили машины, иногда перевозили готовую пряжу.

На заданный вопрос все без исключения ответили утвердительно. Лишь Андерсен на какое-то мгновение боролся с собственной совестью, но потом, вспомнив о семи голодных ртах дома и о больной жене, промолчал. Его бледное лицо залила краска стыда.

Мавр обратился к рабочим:

– Я понимаю, трудно сказать правду. И все же вы… и вот вы. – Он поглядел на Андерсена и еще на одного рабочего. – Вы ведь опытные старые текстильщики и знаете фабричный закон. Как же вы можете допустить, чтобы малолетние больные дети работали ночью и к тому же столько часов подряд? – Затем, не испрашивая чьего-либо согласия, вытащил из кармана сюртука потрепанную газету, развернул ее и прочел параграф фабричного закона, ненавистного всем предпринимателям: – «Рабочих, женщин и детей, указавших на недостатки, ущемление их прав или нарушения закона, никто не может ни уволить, ни подвергать каким-либо притеснениям».

– «Ни уволить, ни подвергать каким-либо притеснениям», – повторил Эндер. – Да, этому порукой закон!

На лице одного из рабочих мелькнула язвительная ухмылка. Эндер это заметил и уже менее уверенно продолжал:

– А если с кем-нибудь это случится, пусть обратится ко мне. И говорит напрямик. Меня знают… – И он гордо поднял голову. – Ведь существуют же демократические газеты! Мировые судьи! Наш парламент!

Лица рабочих оставались каменными. Эндер безнадежно вздохнул и повернулся к Мавру. Тот как будто упоминал о тринадцатилетнем мальчике, который все расскажет?

Мавр пожал плечами. Потом обратился к Кроссу-младшему:

– Не разрешите ли мне поговорить с детьми, мистер Кросс? – Как ни вежливо были произнесены эти слова, вопрос был задан достаточно твердо. – Я, правда, только гость, но…

Кросс-младший побледнел. Из-под приспущенных век взглянул на детей. Потом в знак согласия кивнул. Впрочем, ему ничего другого и не оставалось.

Мавр смотрел на детей, переводя взгляд с одного на другого. Лицо его смягчилось, но оставалось сосредоточенным.

– Знаете ли вы, что господа из комиссии пришли на фабрику ради вас? И защищают вас, а не хозяев?

Большинство детей глядело на него, не понимая, лишь двое-трое постарше робко кивнули и тут же спрятались за спины стоявших впереди. Однако все ждали.

– Кто из вас старше восемнадцати лет? Пожалуйста, поднимите руку… Как! Ни одного? – Мавр притворился удивленным. – А я-то думал, вы все старше восемнадцати.

Раздался сдавленный смешок, но тут же угас. Мавр повернулся к Сэмюелу Кроссу. Молча. Зато взгляд его был красноречивее всяких слов. За минуту до того участливый, теперь он был холоден. И, снова повернувшись к детям, Мавр объяснил так, чтобы его поняли даже самые маленькие, что по фабричному закону ночная работа разрешается только юношам и девушкам старше восемнадцати лет и, как правило, должна оплачиваться лучше.

Очкастый грубо его перебил:

– Это же исключение, неужели вам все еще непонятно? И дети и рабочие подтвердили. Чего вам еще надо? Но, если вы не верите, пожалуйста, спрашивайте! – Он уже снова был совершенно уверен, что все сойдет ему с рук.

– Двое подтвердили. Дво-е! – растягивая слова, произнес Мавр.

Он погладил бороду, глаза его лукаво поблескивали. Пройдя по ряду мимо троих или четверых детей, он показал на совсем крохотного мальчугана, погладил его по головке и тихо спросил:

– Сколько же тебе лет?

Малыш не понял, зачем его спрашивают. Можно ли на это отвечать?

– Ты ведь знаешь, сколько тебе лет? Есть дети, которые не знают!

Худенький мальчонка растерянно взглянул сперва на Белла, потом на человека с большой бородой и таким добрым голосом. Нет, не может быть, чтобы тот хотел ему зла. Малыш ответил:

– Восемь, сэр. – И вдруг вспомнил, как мать наказывала: «Если кто тебя спросит, помни: тебе девять лет. Только с девяти

разрешается работать на фабрике». – Но мне нужно работать, потому что… потому что… – И он расплакался.

Мавр снова повернулся к Кроссу-младшему:

– А это что? Тоже исключение?

Кросс едва владел собой. Не польстившийся на взятку чернобородый газетчик, как видно, прекрасно разбирается в законах. На этот раз Кросс придал своему голосу обиженную нотку:

– Так оно всегда и бывает – делаешь добро, а имеешь за это одни неприятности! Неужели мы не знаем, что детей моложе девяти лет по закону принимать на фабрику нельзя? Но что поделаешь, когда тебя чуть ли не на коленях умоляют, потому что родители больны или без работы? Все это делается из христианской любви к ближнему, мистер Эндер, мистер Марч!

– Нисколько не сомневаюсь в вашем человеколюбии, мистер Кросс, – проговорил Мавр, и у него иронически дернулись уголки губ, – но оно предстало бы совсем в ином свете, если бы вы взяли на работу отца этого восьмилетнего ребенка. Правда, взрослый обойдется на несколько шиллингов, а то и вдвое дороже. Тут уж человеколюбие просто убыточно.

Глаза Кросса-младшего сверкнули ненавистью, и он поспешил потупить взгляд и стиснуть зубы, чтобы какой-нибудь грубостью вконец все не испортить. Очкастый с радостью пришиб бы этого журналиста одним ударом кулака, но тоже вынужден был внешне хранить спокойствие и невозмутимость.

Эндер шагнул к детям и как можно проще и задушевнее обратился к ним:

– Вы ведь все меня знаете? Мы хотим, чтобы вам было полегче. Но, если хочешь, чтобы стало легче, надо и самому что-то для этого сделать. Ведь и доктору говоришь, где у тебя болит.

Дети переминались с ноги на ногу, потом затаив дыхание замерли. Если с тобой так дружески говорят, может быть, надо сказать?

Молчание.

Инспектор Эндер хоть и был молод, но знал, что с детьми надо иметь терпение. Поэтому продолжал:

– Дети, ваш хозяин сказал нам, что вы сегодня в виде исключения работаете в ночь, но что половину времени вам разрешается по очереди спать. Так вот, покажите мне, пожалуйста, где вы спите. Где ваши нары или матрацы?

И снова по цеху прокатился легкий смешок, но тут же замер. Дети в первом ряду смущенно глядели в сторону. Опять воцарилось молчание.

Кроссу показалось, что ему пора вмешаться. Как можно мягче

он сказал:

– Но, мой дорогой инспектор, зачем же так мучить этих малышей. – И елейным голосом обратился к детям: – Ну, чего же вы робеете? Говорите! Почему вы не скажете этим господам, что вам разрешают лежать на мягких очесах? – Он покосился на Мавра, который, нахмурившись, глядел в одну точку, напряженно думая, как бы заставить запуганных ребят, и прежде всего Джо, заговорить.

И вдруг Кросса будто осенило: кивнув в сторону нахмуренного Мавра, он воскликнул:

– Ну конечно, так я и думал! Они боятся, бедняжки! Но кого же? Может, вот этого господина? Да? Господина с густой черной гривой, мистера Марча? Уж очень сердитый у него вид.

– Верно, что сердитый! – пробурчал Мавр. – Но это сейчас пройдет. – Он как будто даже с облегчением вздохнул, снял шляпу, и лицо его разгладилось. Обнажился высокий лоб. Густые брови изгибались над добрыми карими глазами, которые никак не внушали страх, а теперь даже весело засверкали. – Конечно, боятся! – Он помахал шляпой и со смехом спросил детей: – И, конечно, меня? Правда? Потому что у меня страшная черная борода? – Смеялись не только глаза и рот Мавра, но и борода смеялась. Она ходила ходуном вверх и вниз, а щеки надулись. От этого смеха будто свежим ветерком повеяло на детей.

– Нет, нет, нет! – наперебой закричали дети. Первым крикнул Джо.

– Нет? – Мавр взмахнул тросточкой, покрутил ею в воздухе и вдруг ткнул ею в сторону Очкастого Черта. – А его… боитесь?

– Да-а-а! – хором выкрикнули дети и разом смолкли.

Когда Мавр обернулся к Кроссу, на лице его уже не было и следа улыбки. Кросс опустил глаза. Мавр подтолкнул Эндера. Такой случай нельзя упускать.

– Кажется, достаточно ясно, мистер Кросс, – сказал Эндер. – Отошлите вашего старшего надзирателя на час. А может, и на более долгий срок…

Перед Кроссом сразу возник такой клубок вопросов, что он даже не заметил скрытого в этом требовании намека… А вдруг дети осмелеют и все выложат? Что тогда? Неприятности с мировым судьей? А может, и в парламенте? С ночными сменами тогда навсегда будет покончено. За этим последует предписание – сократить рабочий день. До сих пор им удавалось довольно ловко обходить закон. Он уставился на старшего надзирателя Белла и в бешенстве прошипел:

– Ступайте! Ступайте уж!

Очкастый, сопя от злости, вышел из цеха, успев, однако,

перехватить взгляды кое-кого из рабочих. Андерсен как будто улыбался? Ну погоди, собака! Это тебе даром не пройдет! Дверь с грохотом захлопнулась.

Дети стояли не дыша. Теперь – все это чувствовали – надо говорить. Но кто начнет? Сердце Джо бешено колотилось. Отступать поздно. Да, но тут стоит хозяин – паук-кровосос! «Если Белл узнает, что пожаловался я, именно я, он отправит меня домой без получки. Нет, не стану первым говорить! Ни за что!» Джо крепко сжал губы. Другие тоже не могли решиться. Ричард думал: «Почему это я должен лезть вперед? Если выгонят, отец изобьет до полусмерти». У каждого та же мысль – у Кэт и Сэлли, Дикки Джэба и других. На всех лицах был написан страх.

Джо медленно поднял глаза и с мольбой взглянул на Мавра. Тот понял его. Нет, жалостью мира не изменишь. И, прямо глядя в глаза Джо, он сказал:

– Ни с того ни с сего людям лучше не станет. За все надо бороться. Молчанием никогда ничего не достигнешь. Надо быть смелым. И в старых легендах и сказках только смельчаки одолевали чудовищ и чертей. Знаете такие сказки? Так вот, черти кажутся иногда очень сильными, да только ум у них короток. Если держаться вместе, вы сами будете сильными. Я уверен, смельчаки есть и среди вас.

Джо вспомнилось, как его брат Робин говорил: «Если все терпеть, никогда нам не станет лучше». А Джо хотелось быть смелым. Он выступил вперед. Но у него пересохло во рту, язык плохо слушался. Едва слышно он пролепетал:

– Мы бы рассказали… – и тут Джо увидел, как Кросс вздрогнул. Угрозы, непомерный штраф – все было забыто. Голос Джо окреп: – Старший надзиратель Белл грозился всех нас уволить, если мы… вышвырнуть нас завтра же без получки да еще в кровь исстегать.

– Никто не посмеет вас уволить, за это я ручаюсь, – вставил Эндер.

Джо пересилил дрожь в коленках, вздохнул всей грудью. Дети всё еще не понимали, что произошло: один из них говорит и не боится!

– Сегодня у нас такая же ночная смена, как и всегда, – Джо показал на Кэт и Ричарда – оба молча кивнули. Указал на Сэлли и других ребят. – Спросите их: мы неделю ходим в ночную смену, потом неделю в дневную, потом опять в ночную. Все время по двенадцать часов. – Джо старался не смотреть на хозяина, который сверлил его взглядом, пытаясь запугать. – Только по субботам раньше кончаем. Но сегодня заставили работать полную смену и под воскресенье.

Со вздохом облегчения Джо повернулся к своим товарищам. Дети закивали. Одни еще робко, другие с живостью. Мавр одобрительно улыбнулся ему. Джо за всех высказал правду. Это была великая минута в его жизни.

Лед тронулся. Теперь все заговорили разом, перебивая друг друга. Пока доктор Уэббс отбирал детей для осмотра, остальные обступили Эндера и Мавра. Особенно хотелось сказать Сэлли, уж очень ей было обидно, что ее назвали лентяйкой.

– Спать нам не дают, сэр, – твердо выговорила она. – Иногда так устаешь, что еле на ногах держишься. Если б еще была настоящая работа. А то ведь только смотришь и смотришь. И жара. А потом стук этот, голова… – Она приложила руки к вискам. – Разговаривать между собой нельзя. Вот иногда глаза и слипаются. Я сегодня на секундочку задремала, а… – Приступ кашля прервал ее жалобы.

Но тут подскочил Дикки Джэб и, ни разу не запнувшись, рассказал, как все произошло. Потом он убежал и вернулся с кожаной плеткой.

«Ну и Дикки! – подумал Джо. – Никогда бы не поверил, что он так расхрабрится».

Кросс-младший даже в лице изменился, когда Эндер предъявил ему плетку.

– Вы и этого не знали, мистер Кросс?

– Нет, разумеется, нет! Вообще… Я даже представления не имел, что они работают полную ночную смену. Старший надзиратель меня обманывал!

На этот раз члены комиссии даже не потрудились скрыть язвительную усмешку. Кросс подавил душившую его ярость, он все еще надеялся как-то вывернуться.

– Хотите верьте, хотите нет, но это так, господа. Он успокоил меня, уверив, что в ночную смену велит детям спать по очереди половину времени. Да, он это прямо утверждал. Даю слово, что уберу его из прядильной. Надзиратель, который бьет детей… – Кросс не договорил. Он готов был отречься от кого угодно в надежде отделаться подешевле.

Мавр подтолкнул Эндера локтем и заговорщически прищурил один глаз.

Эндер понял:

– Мы ловим вас на слове, мистер Кросс. Да это самое меньшее, чего мы вправе требовать. Уволить и наказать такого изверга.

Джо не пропустил мимо ушей ни словечка. Очкастого Черта уволят? Дети окончательно осмелели. Им хотелось излить все, что у них накипело: рассказать об обидах, несправедливостях,

притеснениях. Словно плотину прорвало.

Мавр едва успевал записывать. Ни один факт не казался ему слишком мелким или незначительным, – шла ли речь о занятиях с учителем, которые проходили из рук вон плохо, а то и вовсе не проводились, или о сокращении больших и малых перерывов. Самой отвратительной была история с кру́жками. Перед приходом комиссии детям велели их убрать. Обычно же посуду с едой и питьем ребята подвешивали на груди. Кросс пытался было это изобразить как проявление заботы и гуманности. Дети, мол, могут перекусить или выпить глоток, когда захочется, нитки ведь не каждую минуту обрываются. Таким образом к обоюдной выгоде экономится время, предусмотренное на еду: машины не простаивают, а ребятишки получают бо́льшую плату. Ведь все они очень падки на деньги.

У врача набухли жилы на лбу

– Хуже, чем с собаками, обращаетесь вы с людьми! Вы-то, мистер Кросс, конечно, не представляете себе, что значит простоять на ногах десять – двенадцать часов кряду в таком смраде и духоте. Повторяю, *простоять*! И к тому же урывками глотать принесенную из дому скудную пищу. – Он обратился к детям: – Сколько вам отведено времени на обед?

Один из пятнадцатилетних подростков, который под грозным взглядом фабриканта солгал и теперь не мог себе этого простить, выпалил:

– Нет у нас никакого перерыва на обед! Раз в смену разрешают всем сразу на пятнадцать минут отойти от машин в уборную. Вот и все!

– И не проветривают! – громко выкрикнул Ричард. – Даже в перерыв. Только перед началом работы. А если мы сами откроем форточку, то штрафуют – когда на три пенни, а когда и на пять, как им вздумается!

Сэмюел Кросс даже весь затрясся. Рубашка прилипла к телу. Чего только ему не пришлось выслушать сегодня! Какой-то лекаришка позволяет себе орать на него… совладельца одной из крупнейших лондонских фирм, сына всеми уважаемого члена парламента. Нет, он этого не потерпит! Повернувшись на каблуках, Кросс демонстративно вышел из цеха. Да и что мог бы он возразить? Ничего уже не поправишь. Он приказал кладовщику Андерсену сопровождать комиссию и укрылся в своем кабинете.

Вскоре врач закончил осмотр. Внезапный визит на фабрику увенчался полным успехом.

•

Прощание в кабинете у Кросса было коротким. Эндер сказал, что в ближайшие дни вышлет копию отчета. Доктор Уэббс, теперь уже, как всегда, спокойный и сдержанный, заметил:

– Если вас это интересует, мистер Кросс, то при выборочном обследовании я установил у двадцати процентов детей астму. Это устрашающая цифра. Вы обязаны позаботиться о лучшей вентиляции. Если вы этого не сделаете, я нашлю на вас специальную врачебную комиссию. Думаю, однако, что вы теперь будете благоразумнее. О числе чахоточных при таком беглом осмотре можно составить себе лишь приблизительное представление. Все дети страдают малокровием. Вам следовало бы давать им горячий мясной суп. Это ваш долг. Они ваши рабочие, но, кроме того, они еще и дети, они растут. Не забывайте этого!

Кросс, питавший все же какие-то надежды, опять прибег к примирительному тону. Мягко, будто с сожалением, он произнес:

– Если б я был лучше осведомлен! Кроме того, меня долгое время не было в Англии. Короче говоря, было бы сделано куда больше.

– Что вами *будет* сделано, мы выясним через неделю. Я зайду проверить! – сказал Эндер, окрыленный неожиданным успехом. – И прежде всего мы требуем увольнения старшего надзирателя детского отделения. От этого зависит, обратимся ли мы к мировому судье, мистер Кросс!

И они откланялись.

Проходя через прядильный цех, они у двери еще раз оглянулись на детей, столпившихся в конце рядов, и на прощание помахали им шляпами.

Но, едва железная дверь за ними захлопнулась, как на маленьких рабочих вновь напал страх. Один лишь Джо был по-прежнему исполнен уверенности. Он дышал полной грудью. Чернобородый показал им, как победить Кровососа.

Пропали кружева!

Однако тревоги этой ночи на том не кончились.

Прядильные машины опять работали полным ходом. Дети, по обыкновению молча, делали свое дело, но внутренне трепетали. Было уже далеко за полночь. Все поглядывали в сторону главного прохода и старались уловить хоть словечко из разговоров взрослых прядильщиков. Вернется ли ненавистный Очкастый Черт? Этот вопрос занимал всех. И что тогда? Тогда будет еще хуже прежнего.

Джо старался рассеять сомнения Кэт.

– Ведь они ясно сказали: «Мы требуем увольнения и наказания этого изверга!» Если такое говорят мистер Мавр и мистер Эндер, то Белл, конечно, вылетит. Хозяин же выгнал его из цеха.

Дети из ряда Джо глядели на него недоверчиво. Но он с гордостью заявил:

– Чернобородый их всех умнее.

Так-то оно так. Но Дикки Джэб презрительно скривил рот.

– А я вот не верю. Поспорим, что Очкастый не вылетит? Кросс как захочет, так и сделает.

– А комиссия? – горячился Джо. – Думаете, они не знают, чего хотят? – И он взглянул на Ричарда и Кэт.

– Чего нам думать! – воскликнул веснушчатый мальчишка. – Я вот думаю, нам лучше присматривать за веретенами, а то не огребешься штрафов! – и, отойдя от ребят, стал на свое место перед кареткой.

Другие последовали его примеру.

– А ты, Ричард, как ты думаешь? – Джо жаждал поддержки.

– Белл – черт, а черти всегда вывернутся!

– Ну, на этот раз нет! – шепнул Джо ему и Кэт.

– Хорошо, если бы так! – вздохнула Кэт.

Дикки опять подошел:

– Ну, так как же? Поспорим?

– А на что? – Джо задумался. Сокровищ, которые обычно прельщают мальчишек, вроде перочинного ножа или напильника, у него не было.

– Давай на пенни! – предложил Дикки.

– Нет, только не на деньги. Мне они самому нужны. Но вот погляди! У меня три пуговицы. Одна блестит, как бриллиант. Выбирай любую!

Дикки с вожделением глядел на сверкающую пуговицу. Но тут Кэт подала знак, и оба мальчика поспешно шмыгнули на свои

места.

Очкастый!

Никто не смел глаз поднять. По обыкновению сопя, старший надзиратель шел по главному проходу, заглядывая в ряды и пристально всматриваясь в лица ребят. Возле Джо он остановился, сверля его взглядом. Толстая нижняя губа вздрагивала, но Очкастый зловеще молчал. Джо вцепился в железный поручень. У него подгибались колени. Только б не упасть, только б не упасть… Он хватал ртом воздух, грудь сдавило, будто железными клещами. Джо пытался дышать, как велел доктор: «Выдыхай! Выдыхай, мой мальчик! Выдох важнее вдоха!»

Очкастый с наслаждением наблюдал немые муки мальчика.

– Погоди, голубчик! – прошипел он. – Мы еще сочтемся! Болтовня выйдет тебе боком! – И больше ничего.

Шаркая ногами, надзиратель пошел прочь. Через руку у него была перекинута куртка, а пальцы впились в картуз и узелок с едой. В этот миг в прядильный цех вошел Андерсен.

– Он уходит, он в самом деле уходит! – шепнул Ричард своему соседу Джо. – Видишь, захватил свои вещи!

Белый как полотно, Джо стоял под окном, прислонясь к стене. Никогда еще у него не было такого тяжелого приступа удушья. Это со страху. Наконец ребята заметили, что Джо плохо. Кэт распахнула форточку, хотя это было строго воспрещено.

– Оставь! Сейчас… пройдет! – выдавил из себя Джо, заставляя себя дышать равномерно.

К детям подошел Андерсен.

– Что с тобой, Джо? – Он посмотрел на дрожащего мальчика, увидел открытую форточку и кивнул Кэт: – Беги скорей! Принеси ему чаю. Скажешь – для старшего надзирателя Андерсена! – Он расправил плечи, и в глазах его блеснул добродушный и веселый огонек.

Ликующий крик на мгновение заглушил даже грохот машин. Ричард первый понял. Он вприпрыжку бежал по рядам, орал, вопил:

– Энди теперь старший надзиратель! Наш Энди! Ты слышала, Сэлли? Эй, Джимми, соня ты этакая! Дикки! Вот это здорово – он будет у нас, наш Энди!

В одну минуту новость облетела цех. Ну и шум же поднялся! Андерсен поспешил унять детей.

– Будьте же умниками, давайте за работу. А то опять выйдет неприятность.

Явись комиссия сейчас, она увидела бы одни сияющие детские лица.

Джо мог смеяться только губами. А когда приступ наконец кончился, он подошел к Дикки Джэбу:

– Я выиграл. Но ты все равно забирай себе пуговицу, самую красивую. А хочешь, бери все три. Я тебе их дарю!

Но до утра было еще далеко.

•

Сэмюел Кросс ограничился тем, что убрал Белла из прядильного цеха и назначил его старшим кладовщиком. О том, чтобы его уволить, Кросс и не помышлял. Напротив, надзиратель очень даже пригодится на филиале фабрики в Уайтчапле. До сих пор, правда, никакого старшего кладовщика не требовалось. Оба кладовщика – одним из них был Андерсен – вместе со складскими рабочими точно и добросовестно справлялись со своими обязанностями: один днем, другой ночью, как того требовала двухсменная работа.

А тут вдруг среди ночи на́ тебе – переучет и передача склада. Такая неожиданная проверка всегда дело мало приятное. Новый «старший», ворча и злобно посвистывая, ходил вдоль стеллажей, пересчитывал ящики и тюки, сверял и ругался, если что-нибудь лежало не на виду. Он никак не мог примириться с тем, что Андерсен сейчас вместо него распоряжается в прядильном цехе. «Вот увидите, шеф, он вконец распустит детей. Производительность резко снизится», – предостерег Белл Кросса-младшего. Но тот думал: «Увидят эти господа из комиссии, что я пошел им навстречу, и не поднимут такого воя в газетах». И он все же сместил Белла.

Долго сверял Очкастый Черт ведомости. Все сходилось. По крайней мере, у Андерсена. Он подавил проклятье. Вот кому бы он с радостью всыпал!

Белл перешел на склад кружев, которым до сих пор самостоятельно заведовал Поттер. Склад был невелик. Что наработают три старые машины, купленные за бесценок со сгоревшей фабрики. Причуда молодого шефа и его компаньона Фокса! Старый Кросс был против этой затеи да и Белл тоже. Но его не спросили.

Белл проверял стеллажи с тюками кружев.

– Это что, порядок? – зарычал он на перепуганного Поттера. – Почему тюки лежат черт знает как? Если кружева торчат наружу, они скорее пылятся!

Поттер, остерегаясь отвечать, угодливо передвигал тюки на предписанное место. Он сам дивился, почему это они лежат

вкривь и вкось. Неужели кто-то тут хозяйничал без него?

– А почему эти не подготовлены к отправке? – Белл похлопал рукой по накладным.

Поттер согнулся в три погибели:

– Мы собирались это сделать в понедельник, мистер Белл.

– Я вам не мистер Белл, а господин старший кладовщик! Зарубите это себе на носу! – Он прошел дальше. – Где ручные кружева? Сперва ведомость!

Поттер вынул ведомость из бюро и хотел отпереть стенной шкафчик из красного дерева, но тут он с ужасом заметил, что, видимо, в спешке забыл его запереть.

– «Два куска, сорт „колокольчик“ и „эдельвейс“ для галантерейной фирмы „Маршалл и Зиндерманн“», – прочел Белл и запнулся. Спустив очки на нос, взглянул на Поттера: – А где второй кусок, а?

Поттер уставился на пустое место рядом с рулоном образца «эдельвейс». Он ничего не понимал.

– Но они же лежали тут… лежали… ведь только н-недавно, – заикаясь, проговорил он.

– Когда?

– Да с час назад… нет, пожалуй, два. – Поттер, весь дрожа, старался припомнить. В десять он запер шкафчик и оставил ключ на бюро, потому что коклюшница Мэри Клинг должна была к утру сдать работу.

– Где второй кусок? – угрожающе произнес Белл. – Воображаете, я приму склад с недостачей, кретин вы эдакий? Чтоб через десять минут кружева были на месте! – Он захлопнул шкафчик и уставился на бледного от страха Поттера: – Вы выходили из комнаты?

– Да, да! – пролепетал Поттер. – Я относил товар через прядильный.

– Когда это было?

– Так, около одиннадцати часов, когда там была комиссия. А потом уж я в шкафчик не заглядывал.

– А ключ?

– Ключ… ключ… я всегда ношу его с собой, – солгал Поттер и опасливо покосился на бюро, словно оно могло донести, что ключ все время преспокойно лежал на нем.

– Осел! – рявкнул Белл. – Без ключа никому не забраться в личный шкаф шефа. Найти! Немедленно! Сбегайте в коклюшечную. Никто с фабрики за это время не выходил – значит, кружева еще в здании. Обыщите всех женщин, всех кружевниц…

– Но это… – «бесполезно», хотел сказать Поттер, однако

поостерегся. – То есть женщины никогда сюда не заходят. Они не могли…

– Что значит «сюда», «не могли»? Так, может, это вы сами, а? Или Андерсен?

– Я хотел сказать – только коклюшницы сюда заходят. Собственно, одна Мэри Клинг. А она…

Поттер собирался добавить, что Клинг всех менее можно заподозрить, она уж наверно не украла бы кружев, которые сама же плетет, но Очкастый Черт протянул:

– Кли-инг? Мэри Клинг? – переспросил он. – Мать того паршивца? – И он указал в сторону прядильни.

Поттер кивнул, не понимая, куда клонит Белл.

– Может быть, она заходила на склад, когда вас обоих здесь не было? Видно, вы все-таки оставили здесь ключ, а? А эта Клинг… Неужели так трудно сообразить? Живо давайте ее сюда! – И, видя, что Поттер все еще стоит в нерешительности, заорал: – Ну, марш, и сейчас же привести эту Клинг!

«Клинг… Клинг… – стучало у Белла в голове. – Да это мать того смутьяна! Сперва кинул мне под ноги веретена, потом нажаловался. Ну погоди же!» Очкастый уже предвкушал расправу.

Не прошло и пяти минут, как Мэри Клинг явилась на склад. Бледная, со впалыми щеками и налипшими к потному лбу прядками волос, она, с трудом переводя дух, вошла в комнату, стала возле упаковочного стола и оперлась на него рукой. Другой рукой она растирала мучительно болевший бок. Она слишком быстро сбежала по лестнице. Но, увидев перед собой мерзко ухмыляющуюся рожу Очкастого, овладела собой. Глаза ее гневно сверкнули, в них пылало возмущение и сознание своей правоты.

– Это что еще за обвинение? Неужели я украду кружева, которые сама же плела! Ничего глупее придумать нельзя.

– Что я думаю, не твое собачье дело! – взбеленился Очкастый и нагло на нее уставился. – Из всех кружевниц тебе одной разрешается сюда входить. Сдавать работу. Ты воспользовалась сегодняшней суматохой, увидела ключ и украла десять ярдов кружев. За них можно выручить неплохие денежки. Давай сюда, выкладывай! Живо! Еще можешь дешево отделаться! Наложим небольшой штрафик! – И он злорадно осклабился.

Мэри Клинг все еще никак не могла опомниться. Ее сорвали с рабочего места… Обвиняют, что украла кружева?

– Но почему именно я? – возмутилась она. – Ищите! Ищите везде! Пусть все скинут фартуки, может, кто и намотал на себя кружева. Если еще два часа назад были здесь, найдутся.

Белл бросил на Поттера уничтожающий взгляд. Этот олух проболтался. Белл накинулся на Мэри Клинг:

– Кто ты такая, чтобы мне указывать! Я здесь распоряжаюсь и знаю, что мне делать, голодранка! – И он посмотрел на порванную юбку, которую Мэри надевала на работу, чтобы сберечь единственную выходную.

Мэри еще не знала, какая над ней нависла беда. Она не чувствовала за собой никакой вины и поэтому требовала расследования. В ее устремленном на Белла и Поттера взоре было столько презрения, что оба невольно опустили глаза.

– Я останусь здесь и буду ждать, пока всех не обыщут, – заявила Мэри Клинг, – чтобы вы не смели меня больше ни в чем подозревать.

– Здесь, наверху, командую я, и мне решать, где тебе дожидаться. Вон, ступай в чулан. – Белл так грубо втолкнул ее в каморку, что Мэри отлетела к стенке и без сил упала на пол. – Ты все равно попалась. – Белл запер дверь на засов и повернулся к Поттеру: – Ступайте к кружевницам, их надо всех обыскать. Обеих коклюшниц и учениц-девчонок тоже. Карманы, сумки с едой и их самих. Поняли? – И, так как Поттер обалдело вытаращил на него глаза, нагло добавил: – Да, да, раздеть до рубашки! Возьмите на подмогу старуху Викки. А если кто упрется, теми я сам займусь!.. И вот еще что! – крикнул он Поттеру вдогонку. – Привести сюда этого Джо Клинга!

Мэри сквозь дверь услышала имя сына. Плечи ее затряслись от рыданий.

– Что эти подлецы задумали? – простонала она.

У кружевниц, как называли плетельщиц кружев на фабрике, поднялся переполох. Некоторые, собравшись в кучки, пытались сопротивляться. Но что им оставалось делать? Поттер пригрозил, что вызовет нового старшего кладовщика. Ну, а этого зверя они хорошо знали. И вот они стояли согнувшись, стыдливо прикрываясь жалким своим бельишком.

Кружево не нашлось.

Одна из работниц, которая никак не могла простить Мэри Клинг, что та получает на два шиллинга в неделю больше нее, украдкой шепнула Поттеру:

– Клинг вот уже месяца два собирает кусочки кружев и лоскутки. Даже прядильные очесы. Надо бы поискать у нее в мешке.

Двух пожилых коклюшниц и девочек-учениц тоже раздели и обыскали. В комнате коклюшниц Поттер перевернул все вверх дном. Сумка Мэри оказалась битком набитой всякими отходами и обрезками кружев. Но пропавшие кружева и здесь не обнаружили. Поттеру пришлось доложить Беллу, что поиски ничего не дали. Мэри Клинг вывели из чулана.

– Ну что? Кружева не нашлись. Куда ты их запрятала? Сейчас сюда приведут твоего пащенка… А это что у тебя в сумке? Почему тащишь отходы домой? Отвечай!

Мэри Клинг кусала губы, чтобы сохранить самообладание.

– Хозяин назначил меня старшей коклюшницей, потому что я хорошо работаю, – гордо ответила она. – Вся фабрика это знает. Но на два шиллинга прибавки много не купишь. Мы бедны. Муж безработный, дети болеют. А я жду ребенка. Лоскуты нужны мне для подстилки, нам не на чем спать! – Глаза ее сверкали ненавистью, и она презрительно сжала губы.

– Придержи свой грязный язык, паскуда! – заорал на нее Очкастый и забарабанил рукой по крышке бюро.

Джо явился на склад бледный, но преисполненный решимости. Увидев там мать, он испугался. Может быть, ей плохо? Джо хотел было ринуться к матери, но громовое: «Куда!» – пригвоздило его к месту.

Однако Очкастый тут же изменил тактику.

– Ну, сынок, куда же ты запрятал кружева? – вкрадчиво спросил он.

Джо взглянул на мать. Лицо ее будто окаменело.

– Какие кружева? – спросил он.

– Какие? – Очкастым вновь овладело бешенство. Его не интересовало, кто украл кружева, кто прав или виноват. Главное, – чтобы его ни в чем не могли обвинить, главное – найти козла отпущения. А кого, он уж давно наметил. Только бы добыть хоть какую-нибудь улику. Он еще раз, глумясь, передразнил Джо: – «Какие кружева, какие кружева»! Ворованные, вот какие! Кто тебе помогал? Кому ты их сплавил?

Джо поднял глаза на оцепеневшую в отчаянии мать и молчал.

В эту минуту явился вахтер – доложить, кто после десяти часов входил и выходил из здания. Вдруг он увидел Джо. Да, это тот самый в пестрой куртке… И тут же напустился на мальчика:

– Это ты лез по пожарной лестнице, я тебя сразу признал!

– В котором часу? – встрепенулся Очкастый.

– Да… вскоре после смены. Так, в четверть или двадцать минут седьмого. Лица-то я не разглядел, только вот пеструю куртку заприметил. Все равно поймал бы его утром на выходе.

Впервые Джо проклинал свое злосчастное пристрастие к пестрому.

– Отвечай! – налетел на него Очкастый. – Ты лез сюда по пожарной лестнице?

– Нет! – солгал Джо. – Нет! – Но второе «нет», которое должно было звучать тверже, выдало его.

Поттер так и подскочил:

– Стойте! Теперь я припоминаю. Андерсен как раз был на складе. Он с кем-то шептался. «Ш-ш-ш!» – услышал я и обернулся. Этот самый мальчишка. Если б я знал, что он по пожарной лестнице… я бы, конечно… Ну, правильно, это был Клинг!

– Так-с! Все ясно! – торжествовал Белл. – Сыночек лезет сюда по пожарной лестнице, мамаша показывает ему, где лежат кружева, он крадет их и кидает через окно во двор своему сообщнику. Вахтер, дубина, ничего не замечает, а мы здесь можем искать до второго пришествия.

– Стойте! – вскрикнула Мэри Клинг так, что все вздрогнули. – О чем вы толкуете? Ведь вы сами, Поттер, сказали, что кружева около десяти часов еще были на месте?

Простоватый Поттер кивнул:

– Да, так, около десяти, говорил…

– Но ведь мой сын Джо, если даже и влез сюда по пожарной лестнице, потому что ворота были закрыты, все это время стоял у своей машины в прядильном. Проверьте, где он был после десяти часов и где я находилась после десяти вечера. Я не выходила из комнаты, даже в уборную. Мы не виновны. – Но вдруг ее покинуло мужество, с каким она только что так отважно защищала свою правоту. Сквозь душившие ее слезы она пролепетала: – Не губите, прошу вас… – и без чувств рухнула на пол.

Белл приказал ее не трогать. Он уже закончил свое «дознание». Доказательства налицо. Джо видели здесь, наверху. А когда – это уже не имело никакого значения. Что вся шаткая постройка этих произвольных обвинений рассыплется, если сопоставить время, это Поттер понимал, но счел за лучшее промолчать. Неужели ему с первого же дня ссориться с новым начальством? Или самому, чего доброго, отвечать за пропажу кружев? Не повезло этой Клинг! Он наклонился над распростертой на полу женщиной и побрызгал ей в лицо водой.

– Не вздумала бы она здесь родить!

Когда Мэри Клинг открыла глаза, Белл бесстрастным голосом следователя сказал:

– Кружева пропали. Десять ярдов дорогих коклюшечных кружев. Ручной работы. Что они стоят, я точно не знаю. Вероятно, больше, чем ты зарабатываешь за месяц. Поскольку нам нужна какая-то гарантия, вы со своим сынком завтра уйдете с фабрики без получки. Мы вам зачтем примерно двадцать шиллингов в счет выплаты. Конечно, кружева стоят дороже. Пятьдесят по меньшей мере вам придется еще выплачивать. Либо вы оба явитесь в понедельник и подпишете бумагу, в которой обязуетесь частями погашать долг, либо мы передадим дело мировому судье. У вас

есть целое воскресенье на то, чтобы подумать. Мы не изверги и не собираемся вас сразу предавать в руки правосудия. О краже заявлять пока не будем. Мы требуем только возмещения убытков.

Он упивался отчаянием, написанным на лице Джо. Мальчик хотел что-то возразить, но, увидев, что мать пытается подняться на ноги, помог ей.

– Я хотела бы поговорить с шефом, мистером Сэмюелом Кроссом, – тихо, но решительно проговорила Мэри Клинг. – Я буду…

– Ваш шеф – я! – отрезал Белл и направился к двери. – А теперь за работу! Живо! – Для него вопрос был исчерпан.

Джо не разрешили проводить мать в коклюшечную. Он видел, как она кусала губы, чтобы не закричать, видел, как она держалась трясущейся рукой за бок. Броситься бы к ней, обнять, выплакаться, но Поттер велел ему идти. И он, шатаясь, вышел.

•

На следующее утро, еще до шести, Джо с матерью первыми покинули фабрику. Им незачем было заходить в кассу. Кое-кто провожал их косым взглядом, но большинство кружевниц жалели Клингов. Некоторые сжимали кулаки. «Уйти без получки – а ведь она на сносях. Чертов надзиратель!»

Мэри и Джо молча шли рядом, не видя, не узнавая знакомых улиц. Замызганные переулки Сент-Джайлса были по-воскресному безлюдны. Мэри познабливало. Пропитанный утренним туманом воздух освежил пылающие веки Джо. Он шел, не отрывая глаз от сырого булыжника мостовой.

Перед тем как свернуть в свой переулок, он хрипло проговорил:

– Мама, я сразу домой не могу…

Мать обняла его за плечи.

– Мой маленький!

Джо робко посмотрел в лицо матери, в эти глаза, которые так часто с теплом и нежностью останавливались на нем, а сейчас пустые, будто мертвые, глядят куда-то мимо него, в серую мглу занимавшегося дня.

– Ничего, не бойся! Я скоро приду! – сказал он. – Робин придумает, как нам дальше быть, – и круто повернулся, потому что слезы, которые он до этой минуты мужественно сдерживал, вдруг хлынули потоком.

Ничего не видя перед собой, кинулся он в боковой проулок и исчез, прежде чем мать успела его остановить.

Мавр и его дети

Всего в нескольких кварталах от Сент-Джайлса, где жили Клинги, рядом с Со́хо, пролегает Дин-стрит. Район этот не рабочий, Дин-стрит скорее даже тяготеет к Западу, и все же это улица, каких сотни в индустриальном Лондоне: безотрадная, грязная, шумная, с узкой мостовой и черными от копоти домами. Витрины ее лавок не манили, кухмистерские были убоги. В полдень оттуда несло чадом дешевых блюд, а вечером раздавался рев пьяных. Такими же грязными и обшарканными были лестничные клетки и квартиры. На стенах плесень. В комнатах, сколько ни проветривай, всегда пахло какой-то затхлой кислятиной. Но Мавр узнал о гибельности и вредности этого района лишь много спустя, когда здоровье детей, да и его собственное уже сильно пошатнулось.

Мавр поселился тут год назад. Его привлекла близость к Сити. Отсюда почти в любое место можно было легко добраться пешком; особенно же прельщало его соседство с Британским музеем, располагавшим величайшим в мире книгохранилищем, а туда Мавр ходил ежедневно. Половину дня проводил он там за чтением. Книги горой громоздились перед ним, а он требовал всё новые и новые, читал, сверял, записывал. За челом с густой гривой волос крылась такая мощная лаборатория мысли, какой еще не ведало человечество. Лишь очень немногие из его современников знали, с какой неутомимостью он прослеживал, проверял и устанавливал законы науки, которая позволит навсегда уничтожить эксплуатацию человека человеком и положить начало подлинной истории свободного рода людского.

Район Сохо имел для Мавра еще и другое преимущество. Он не слишком удален от трех больших парков, зеленых «легких» западной части столицы, где на широких, солнечных улицах привольно жилось богачам.

В этих парках часто можно было встретить Мавра, он любил дальние прогулки, во время которых мог на досуге и без помех размышлять. Однако если с ним увязывались дети, он все свое внимание уделял им: рассказывал сказки или забавные истории, в которых, переплетая правду с вымыслом, делился с ними многими своими мыслями. Сторожа в парке знали его, привыкли к его заразительному смеху, к тому, как он непринужденно беседует или играет с детьми, и смотрели сквозь пальцы, если черногривый джентльмен или кто-нибудь из детишек иной раз бегал по подстриженному газону. Мавр старался возможно чаще доставить детям случай порезвиться на воле, потому что дома у

них была теснота.

Семья из семи человек помещалась в квартирке из двух небольших комнат с кухней и чуланчиком.

Бóльшая, в три окна, комната выходила на улицу, занимая весь фасад узкого четырехэтажного дома; это был рабочий кабинет Мавра и Женни, здесь обедали и здесь же принимали гостей, приезжавших со всех концов земного шара. Тут-то и сидел Мавр, когда не работал в библиотеке, и писал. Ни уличный шум, ни смех и песни детей не беспокоили его. Одним из его неоценимых качеств было умение сосредоточиться.

Однажды он так увлекся работой, что позабыл о часе, выделенном детям для сказок и игр. Хочешь не хочешь, а обещание пришлось выполнить. На кресло его нацепили сбрую, Муш дергал вожжи и, крича во всю глотку то по-немецки, то по-английски, то по-французски, хлыстом погонял «коня»: «Hühott! Go on! Plus vite»[3].

Девочки сидели позади «кучера» и изображали седоков, Мавр-«конь» то фыркал, то весело ржал, воспроизводя не только ногами, но иногда и кулаками по столу стремительную рысь. Но скоро Лаура стала его упрекать:

– Ты не так, неправильно топаешь, Мавр!

– Что ты! – пытался он защищаться. – Задними ногами правильно! Но передними-то мне надо писать.

Если маленькому Мушу случалось затеять какую-нибудь шумную игру в кабинете, это не мешало Мавру. Вопреки всему мысли строка за строкой ложились на бумагу; порой он вставал, чтобы достать с полок, закрывавших пятна и трещины на обоях, очередной справочник, заваливая весь стол книгами.

Но какими бы живыми и непоседливыми ни были дети и какие бы шалости ни приходили им на ум, в кабинете Мавра они никогда ничего не трогали. Даже если книга валялась на полу или порыв ветра сдувал со стола исписанные листы и записки, детям строго-настрого запрещали наводить порядок. Бумаги и книги в доме Мавра были табу.

Детей было четверо: три девочки – младшенькая лежала еще в колыбели – и мальчик. Редко когда их называли настоящими именами. Да и почему бы? Если отец просто «Мавр», а мать – «Мэми», естественно, что и дети имели прозвища, которые к ним подходили или пристали к ним после какого-нибудь забавного случая.

Старшей было семь с половиной лет, ее звали так же, как и мать, – Женни. Но иногда Ди, чаще Ки-Ки и в особых случаях – китайский император. Прозвищем «Ки-Ки» она была обязана только себе. Если беспрестанно спрашиваешь: «Кто, кто? Кто

пришел? А кто это?», а слово это на языке страны, в которой ты родился, произносится «ки» – «qui», – не мудрено получить такую смешную кличку. Лауру или Лерхен[4], она была на год моложе сестры, из-за ее пернатой пестренькой тезки звали также Какаду.

Эдгар, единственный мальчик в семье – маленького Гвидо, Фоксика, они год назад потеряли, – тоже мог похвалиться целым набором прозвищ. За то, что этот непоседа любил играть в войну, его величали полководцем Мушем, но чаще просто Мушем. А в особых случаях – Тилем.

Если Мавр в этом убогом жилье мог выполнять поистине титаническую работу, если, живя в тесной квартирке с любимой Женни и четырьмя малышами, при постоянной нехватке денег, все же не разучился улыбаться, то этим он был обязан «чуду». Не ниспосланному небом, нет, в такие чудеса Мавр не верил. «Чудо» семейства Мавра носило вполне земное имя: оно зналось Елена Демут, имело двадцать восемь лет от роду, ясный ум, преданную душу, обладало чувством собственного достоинства и практической сметкой.

Ленхен была другом семьи и ее строгой домоправительницей. Она выполняла всю тяжелую работу, которую богачи именуют «черной» и считают делом служанки, стряпала и любовно ходила за детьми, как за своими собственными. Играла в шахматы с Мавром и часто выигрывала. Счастье для Мавра и его близких, что Елена Демут умела экономить каждый пении. Ради Мавра и его семьи она готова была даже унижаться. Если в доме не оказывалось денег – а это случалось сплошь и рядом, – Ленхен всегда умела уговорить прижимистых лавочников отпустить ей хлеб, молоко и мясо в долг. А если никакой арифметикой нельзя было наколдовать денег, Ленхен несла в ломбард вещи, без которых можно было пока обойтись. И эту войну с постоянной нуждой Елена Демут вела с неиссякаемой бодростью и упорством искусного полководца. По крайней мере раз в неделю она одерживала победу, ибо после постных и скудных обедов на «провиантском складе» по воскресеньям оказывался огромный, чудесно зажаренный кусок телятины, который брали с собой на пикник в Хемпстедскую пустошь.

«Провиантский склад» представлял собой исполинских размеров корзину с ручкой, которой Ленхен очень дорожила, так как привезла ее из родного города Женни – Трира. Сколько же этой корзине пришлось попутешествовать! Иногда Ленхен рассказывала детям ее историю. Начиналась она в долине Мозера, где жили еще предки Ленхен.

«…Тогда-то корзина впервые попала со мной в город Трир, на Римскую гору. Там жила ваша бабушка, которую вы не знаете. И

как колотилось у меня сердце, когда я увидела длинный ряд комнат, красивый фарфор, серебряные ложки, ножи, вилки… Мне тогда едва исполнилось восемь лет, я была застенчивой деревенской девчонкой и не умела ни читать, ни писать».

Мэми тоже охотно рассказывала про родной Трир, откуда ей с Карлом пришлось уехать в чужие края, потому что при прусском короле и его полицейском правительстве ему нельзя было преподавать в университете. Женни бесстрашно покинула богатый родительский дом, потому что смелые идеи мужа о переустройстве человеческого общества влекли ее больше, нежели обеспеченная жизнь и благополучие.

«Когда в Париже родилась наша маленькая Женни, – рассказывала Мэми детям, – моя мама прислала нам самое лучшее, что у нее было: милую, преданную Ленхен. Трудно ей было поначалу жить в чужой стране, языка которой она не знала. Но как мы были ей рады! Не знаю, что бы мы делали без Ленхен!»

•

Воскресенье было для детей счастливейшим днем. В хорошую погоду всей семьей отправлялись за город, в Хемпстед-хис. Поднимались спозаранок. Об этом уж заботилась Лаура. Ее кроватка всех ближе стояла к окну. Всеми правдами и неправдами она отвоевала себе это место. Одну створку окна, по ее просьбе, оставляли незавешенной, чтобы перед сном, когда не разрешалось громко разговаривать, она могла еще немного побеседовать со звездами или с месяцем, поднимавшимся из-за трубы в ночное свое странствие. Лаура всегда долго лежала с открытыми глазами. А Ки-Ки засыпала мгновенно, часто даже на полуслове. И спала так крепко, что даже самая сильная гроза не могла ее разбудить, разве только мышка Тукки вдруг начнет скрести за обоями. Среди ночи Ки-Ки иногда вдруг вскакивала и, каясь в своей забывчивости, спешила положить корочку к норке у плинтуса. И, если возня усиливалась, успокоенная засыпала.

Но в это воскресное утро Ки-Ки давно уже проснулась и лежала в постели, с любопытством прислушиваясь. Что это за звуки? Может быть, у Тукки гости? Или наконец-то появились мышата, как давно уже с опаской предсказывала Мэми? А вдруг я самая первая увижу крохотных серых зверюшек? Она напрягла слух. Мавр – тот наверняка обрадуется!

Женни приподнялась на локте и увидела, что Лаура сидит в постели, спиной к ней, и, уставившись в окно, время от времени шевелит губами.

– Лерхен? С кем это ты разговариваешь? – Не получив ответа, Ки-Ки опять спросила: – Что ты делаешь?

– Я считаю, – прошептала Лаура и повелительно добавила: – Не мешай!

– Что считаешь? – спросила Ки-Ки. – Где? Кого? Ну скажи, Лерхен! – Вопросы так и сыпались, но шепотом, чтобы не разбудить родителей. «Сорок, сорок один…» – услышала она и никак не могла догадаться, что же это считает Лерхен. Тут она увидела сбегавшие по оконному стеклу крупные прозрачные капли. Одни, оставляя серебристую дорожку, скатывались до самого низа, другие устремлялись по уже проложенному следу. Дождевые капли! Дождь! Ки-Ки обмерла. Дождь – в воскресенье? Она в растерянности глядела на заплаканное оконное стекло.

Значит, прощай прогулка за город! Дядя Уильям обещался сегодня дубинкой сбить последние каштаны. Весь сбор прошлого воскресенья пошел на бомбардировку.

«Уж если война, так крестьянская», – сказал Мавр. И вот они построили замок. Из сучьев, камней, веток терновника. За работой Мавр рассказал им о Томасе Мюнцере[5], о крестьянах из союза «Башмак» и их черном знамени. Эдгар, конечно, потребовал такое же знамя. Знамя смастерили, и Муш тотчас затянул:

Приди ж, июнь, пора свершений!
Мы жаждем подвигов и дел.

Хоть это и не была крестьянская песня и сочинил ее дядя Фрейлигрaт[6], который часто бывал у родителей и мог наизусть читать длинные стихи, но Муш больше всего ее любил, и все дружно запели вместе с ним. А если эту песню грянуть хором, лучшего сигнала к атаке не придумаешь.

– За мной! – крикнул полководец Муш, запустив руку в сумку с «кастанами».

Он требовал, чтобы его звали Йе́клейном Ро́рбахом[7] и слушали его команду. И вот он повел их, размахивая знаменем, через кусты к замку. «К атаке готовьсь! – скомандовал он. И вслед за тем: – Огонь!» И вот началась «бомбардировка». Малыш кидал каштаны на редкость метко. Но искусно построенные стены замка не желали падать. Тогда «крестьяне» – а это были они все, начиная с Ленхен и кончая Мавром, – пустили притеснителям крестьян красного петуха. Йеклейн Рорбах пел:

Копья вперед, на врага шагай,
Красный петух, монастырь поджигай!

Потрескивая и дымя, рыцарский замок сгорел дотла. Все ликовали. Наполовину обуглившиеся ветки терновника, которые Мавр вместо рыцарей в латах расставил перед тем в замке, были извлечены из пепелища. Жестокий Хельфенштейн[8] и его приспешники! Йеклейн Рорбах растоптал их. Все долгое воскресенье он требовал, чтобы его называли «Йеклейн», на Эдгара и Муша малыш не отзывался.

А ведь сегодня хотели устроить турнир! «Коней» уже распределили. Ки-Ки должна была оседлать Мавра, он считался самой резвой лошадью. Лауре достался дядя Уильям, Мушу – Ленхен. «Уж наверно я бы сегодня победила, – с огорчением подумала Ки-Ки. – А тут, как назло, дождик! Лауру это, видно, ничуть не трогает».

– Что ты считаешь, Какаду? И почему? Ну ответь же! – с досадой спросила Ки-Ки. – Но, опять не получив ответа, она натянула на нос одеяло и обиженно заявила: – Ну и считай себе, пожалуйста! А я пойду к Мавру! – Все же она колебалась, потому что Мавр еще не поднимал головы с подушки, чтобы ее поманить.

Поняв, что сестра не шутит, Лаура решилась наконец открыть свою тайну.

– Я дождевые капельки считаю, мы поспорили!

– Кто поспорил? Как это? Ты? С кем же? – удивленно спросила Ки-Ки.

– С солнцем!

– С солнцем? Такого не бывает!

– Очень даже бывает. Если сто круглых капелек скатятся донизу и не лопнут, дождевой фее придется убраться…

Но дождевая фея, облюбовавшая себе для жилья хмурое лондонское небо, как часто говорила Мэми, видно, и не собиралась позволить солнышку выглянуть. Лауру это тревожило ничуть не меньше, чем Ки-Ки. Женни тотчас стала поучать младшую сестру:

– Хоть до тысячи считай, погоду не изменишь. Спорить с солнцем! Такого не бывает!

– А у меня бывает! Что захочу, то и будет! – стояла на своем Лаура и даже повысила голос.

Ки-Ки притихла, она заметила, что Мавр на них глядит.

– Мавр, Мавр, да ты вовсе не спишь? – шепнула она, покосившись на мать.

Мавр поспешно зажмурил глаза. Жении еще крепко спала. Пусть девочки потерпят. Он раза три громко всхрапнул, но тут же замер, как нашкодивший мальчишка, и опасливо поглядел на спящую. У него отлегло от сердца: не проснулась. Дорогая, как она бледна. Под глазами глубокие тени. Она слишком мало

бывает на воздухе, слишком мало спит. Засиживается допоздна за письменным столом, мучаясь над моими каракулями и длинными фразами. И все-таки всегда кротка и терпелива. И детей она любит нежно, но разумно. Да, она умна и красива, моя большая Женни! Горячая волна счастья захлестнула его.

Мавр с трудом оторвал взгляд от спящей и посмотрел на обеих девочек. Сидя в постели, они умоляюще глядели на него. Он подмигнул им, но тут же приложил палец к губам: идите, мол, но только тихо!

Две фигуры в ночных рубашонках двинулись на цыпочках, обходя скрипучие половицы, к отцовской кровати и, пища от удовольствия, шмыгнули под одеяло. Когда веселая возня наконец затихла, Лаура прошептала:

– It is raining, raining, raining[9], Мавр!

Лаура и дома часто говорила по-английски, и сейчас ей показалось, что он лучше, чем немецкий, передаст случившуюся беду. По-английски это звучало как-то особенно горестно. «Ну как может идти дождь в воскресенье!» – крылось за этой жалобой.

Ки-Ки уткнулась в плечо отца.

– Тогда долго-долго будем валяться в постели, правда? – Она надеялась хоть на какое-то возмещение.

– Гм!.. Не слишком долго. – Мавр колебался. Взглянул на часы. Восьмой час. – Пока не проснется Мэми! А ты дорисовала свою елку, Ки-Ки? – спросил он, понизив голос.

Женни кивнула:

– Получилась как настоящая – густая такая, и на ней бородатый лишайник. А снизу я пририсовала гнома. Чулки я ему выкрасила в синий цвет, но Мэми говорит и Ленхен тоже, что у него всегда бывают красные.

– Красные куда красивее.

– Но ведь я уже нарисовала синие.

– А ты сверху покрась красным!

– Тогда получатся лиловые, Мавр!

– Верно. Тогда уж лучше пусть останутся синими. Лиловый – что за цвет? – Он повернулся к младшей дочке: – А ты, Лерхен? Что ты вчера делала?

– Утром я с Ленхен ходила за покупками. Взяли у мясника большущий кусок телятины. Сначала он сказал, чтобы мы заплатили, а потом отдал так. – Мавр промолчал, и Лаура продолжала: – А окорок опять с прилавка убрал. Жалко. Мы купили в гастрономическом другой, малюсенький-премалюсенький. – Лаура размечталась: – Вот если б такой… как колбаса у мастера Рёкле – режешь, а окорок не убавляется.

– Гм, это бы неплохо. Совсем неплохо… – согласился Мавр. –

Когда-нибудь будет такой окорок.

– Где же?

Мавр прищурил глаза:

– В стране Завтра-и-Послезавтра.

– Ой, значит, ты расскажешь дальше сказку про Рёкле?

– В кровати? – Он покачал головой. – Ну, а что ты еще делала?

– Я? – Лаура задумалась. – Читала дальше «Дон-Кихота». Хочу хорошенько научиться читать, Мавр. Я уже твердо знаю все немецкие буквы.

– О, это хорошо. И все поняла? Это правда, Лерхен? – Он прищурился и, так как Лаура утвердительно закивала, спросил: – А что же говорит его лошадь Росинка?

– Росинка? – Лаура наморщила носик. – Не лошадь Росинка, а конь Росинант!

– Ах да, верно, верно! Так что же сказал Росинант, когда достойный рыцарь Ламанчский сражался с ветряными мельницами?

– Росинант… что он сказал? – Лаура с сомнением поглядела на Мавра.

Но он ведь спросил вполне серьезно. Нахмурив лоб и задрав носик, она какое-то время напряженно думала, пока не заметила, как предательски дрожит у Мавра черная борода. Не подавая виду, она степенно проговорила:

– Росинант очень удивился. Сказать он, конечно, что-то сказал, Мавр. Но, понимаешь, тогда люди еще не знали лошадиного языка. И потому не записали. Жалко, правда, Мавр?

Мавра разбирал смех. А увидев лукавые глазки Лауры, в которых вспыхивали зеленые искорки, он чуть громко не прыснул. Но тут же оглянулся на Женни. Как крепко она сегодня спит, уткнувшись лицом в подушку!

Но тут Мэми вдруг повернулась и, глядя на трех опешивших болтунов блестящими, совсем не заспанными глазами, небрежно сказала:

– Лошадиный язык? Конечно, он существует. Я даже читала в книжке стихи на лошадином языке.

Уж эта Мэми! Значит, она подслушивала и только притворялась, что спит. С восторженными воплями девочки прыгнули на кровать матери, дав наконец волю своей радости. Тут и Эдгар выбрался из-под одеяла, крича:

– Подождите! Подождите! Сейчас придет полководец Муш, и тогда уж…

В короткой рубашонке, забавно размахивая руками и скача на одной ножке, как Румпельштильцхен[10], он пронесся по комнате

и одним прыжком очутился у матери на постели. Он так затормошил Мэми, что ей пришлось уцепиться за Мавра, чтобы не упасть с кровати.

– Мавр, спаси меня от гражданина Муша! – взывала она.

Когда дети угомонились и буря восторга стихла, они стали играть длинной косой матери, завивавшейся на конце локонами. Потом стащили с головы Мэми чепчик и, хохоча, по очереди начали примерять его перед зеркалом, чтобы узнать, кому он больше пойдет. А когда наконец все опять улеглись, Муш – в постель к Мэми, девочки – к Мавру, Женни спросила:

– Ну, что вчера вечером, Мавр? Ты так долго не возвращался! Я очень устала, не дождалась. Все сошло хорошо?

– И еще как, Женнихен! – весело ответил Мавр и, обращаясь к детям, объяснил: – Мне пришлось вчера побывать в гостях у паука-прядильщика. Кровосос крутился у нас, как на горячих углях, – все воскресенье ему испортили. А его Очкастому Черту даже один рог отпилили. Поглядели бы вы, как он, поджав хвост, дал тягу!

– Очкастый черт? Самый взаправдашний? – восхитилась Лаура.

– И он удрал к себе в ад? – осведомился Эдгар.

– Хорошо бы! Но, к сожалению, великий Муш, чертям еще слишком много приволья на земле. Однако этому воскресное жаркое не полезет в горло.

Лаура показала на мокрое от дождя окно:

– А наше-то воскресенье? Что же мы теперь будем делать?

– Давайте лежать в постели до самого обеда! – воскликнул Муш. – Мавр нам доскажет сказку про волшебника Рёкле!

– Или о стране Завтра-и-Послезавтра, где солнце и дождик можно заказывать, – приставала Лаура.

– О стране Завтра-и-Послезавтра? – Мавр рассмеялся. – Эту сказку я сам еще толком не знаю.

– Ничего, ты только начни, а там все тебе само придет в голову! – уговаривала Лаура.

– Придет в голову! Да еще в кровати! Такая сказка! – укоризненно произнес Мавр. – Нет, нет. Тут нужно шагать, да еще большими шагами.

Ки-Ки слушала лишь краем уха, ей уже давно не терпелось задать один вопрос.

– Мэми, ты правду сказала про лошадиный язык? И ты сама читала? Где же? – спросила она, устремив большие черные глаза на мать.

Лаура тоже сгорала от любопытства. Да и Мавр не меньше. Он подмигнул большой Женни: посмотрим, мол, как ты тут

выкрутишься. Но, ко всеобщему удивлению, Мэми, улыбнувшись, ответила:

– Где? У Братьев Гримм! Там разговаривает даже лошадиная голова без туловища и без ног.

– У Братьев Гримм? – Ки-Ки никак не могла сообразить.

А Лаура сразу догадалась:

– Фалада!

Верно, конь Фалада. Конь юной королевны. Сказку про Гусятницу все они хорошо знали: «Вот где висишь ты, конь мой Фалада!»

Одним прыжком Лаура очутилась у окна, отдернула занавеску, тряхнула длинными, до плечей, кудрями и озорно воскликнула, подняв лицо к затянутому тучами небу:

Подуй, ветер-ветерок,
Сдуй у Ленхен колпачок
И гони его все дальше,
Пока косы заплетем…

– «…их в порядок приведем!» – закончил Муш стишок.

Видя, что все на нее глядят, Лаура с жаром добавила:

– Это я звала ветер, чтобы он разогнал тучи, а то наш пикник пропадет.

– А мы устроим пикник в постели. Телятина-то не пропала! – И Эдгар даже облизнулся.

– Есть – в постели!

– Да ведь жареную телятину! – Радостно поддержали обе девочки маленького выдумщика.

– Конечно, вы бы не прочь! – притворно сердито проворчал Мавр. При этом он как нельзя лучше понимал детей. После водянистого супа, который хлебали всю неделю, – вдруг холодная телятина! Да еще поданная прямо в постель! Однако он рассудительно заметил: – А наш воскресный гость? Застанет ораву немытых ребятишек в ночных сорочках! И пустое блюдо!

Обе девочки высунулись из-под одеяла и глядели на него во все глаза: гость? По воскресеньям Мавр должен принадлежать только им, и никаких воскресных гостей им не надо. Дядя Уильям это не мог быть, тот появлялся у них почти всякое воскресенье и участвовал во всех прогулках. Да он никогда и не отнимал у них Мавра. Так кто же это?

Сложив губы трубочкой, Мавр нарочно выжидал, пока любопытство не достигнет предела, затем, бросив быстрый взгляд на Мэми, чтобы удостовериться, что она не разгласила тайны, стал насвистывать мелодию «Дубинки и проворной метлы» –

песни, которую дети часто слышали в исполнении ожидаемого гостя.

– Ну? – И, желая навести детей на след, Мавр запел песенку уже собственного сочинения и на собственный мотив:

Такой, что хохочет всегда и поет,
Мушу та-та-та с собой привезет.

Но дети все еще никак не могли догадаться, и Мавр следующим стишком внес полную ясность:

Такой, что всегда поет и хохочет,
Всем сделать приятное очень хочет,
В штанах из Манчестера…[11]

Три голоса дружно подхватили:

– «В штанах из Манчестера» – дядя Энджел! Дядя Ангел из Манчестера! Ура, ура, ура!

Известие вызвало новую бурю ликования, которую слышно было не только в квартире, но, вероятно, и на улице. Это был настоящий ураган. Кто в доме не проснулся от первой, того пробудила от воскресного сна вторая. В дверь просунулась голова перепуганной Ленхен.

– Дядя Фредрик придет! – закричали все разом.

А полководец Муш, считавший своим долгом перекричать остальных, встал перед Ленхен «смирно» и что есть силы гаркнул:

– Полковник Муш честь имеет доложить: к нам прибудет Генерал!

Мирно почивавшая в своей колыбельке Франциска проснулась и присоединила свои голодные вопли к общим радостным кликам. Ленхен зажала уши. Но Мавр расхохотался, и Ленхен в конце концов последовала его примеру. Сюрприз удался на славу, шум стоял невообразимый.

Но едва до Ленхен дошло, что приехавший на два дня из Манчестера дядя Фредрик еще до обеда появится у них в доме, она тотчас помчалась на кухню за теплой водой. Затем согнала всех детей с постели, как ни скулили они и ни прятались за широкую спину отца. Тут уж Мавр был бессилен. В домашних делах Ленхен установила всеми признанную жесткую диктатуру.

И в это воскресное утро она, как обычно, одним взглядом договорилась с Мэми, та ей только благодарно кивнула. Через полчаса спальня была проветрена и дети одеты.

Накрывая к утреннему завтраку, Ленхен вполголоса сказала:

– В доме нет кофе, Мавр. А если придет Генерал…

Мавр торжественно раскрыл бумажник:

– Фунт стерлингов из Америки! На этот раз без опоздания. Хоть на будущую неделю мы обеспечены! – И радостно вручил Ленхен банкноту. Нередко на этот один-единственный фунт Ленхен приходилось хозяйничать всю неделю.

– Но я не могу брать из этих денег на кофе и тем более на сигары.

– Ах, жестокая Ленхен! – с кротостью ягненка взмолился Мавр. – Нельзя же в воскресное утро быть такой непреклонной! Так что уж разреши урвать частицу от большой банкноты на сигары и кофе!

– Нет, – нисколько не разжалобилась Ленхен. – Мне нужен весь фунт. – По лицу ее пробежала тень.

Заметив это, Мавр жалобно вздохнул и с комической ужимкой вывернул карманы, в которых оказались лишь монетка в полпенни да пуговица.

– Это от вашей крылатки! – Ленхен спрятала пуговицу. Губы у нее поджались. – Ваше зимнее пальто пора выкупать.

Она бы и рада была каждый день ставить Мавру на письменный стол чашку ароматного черного кофе и дюжинами покупать ему черные сигары, которые он любил курить за работой, но откуда взять деньги?

– Пятнадцать шиллингов я уже скопила на пальто, – тихо сказала она. – Но этого не хватит. Скоро ноябрь. Так что со всем остальным придется подождать.

Она замолчала, заметив, что чуткая Ки-Ки навострила ушки. При частых и всегда тягостных визитах в ломбард иногда приходилось брать с собой девочек. Тогда им говорилось: «Мы идем в лавку с тремя шарами», и дети любили эти походы в таинственный дом с тремя золотыми шарами над дверью, где жил «Дядюшка». Он какое-то время хранил вещи, которые ему приносили, а затем возвращал.

Мавр предпринял новую попытку, весело подмигнув:

– Ты забываешь, Ленхен, что придет Фредрик. Деньги на кофе все равно что в кармане. Значит, речь идет лишь о краткосрочной ссуде.

Ленхен с облегчением рассмеялась:

– Ну, раз так…

«Да, если б не дядя Ангел, который всегда приходил на помощь, когда в доме не было самого необходимого, что бы они стали делать, боже ты мой!»

– Так я сейчас же побегу к бакалейщику, – весело сказала она, – не то он еще уйдет в церковь! Такому плуту надо молиться,

чтобы не улизнули должники, но… – Она запнулась и поглядела на банкноту. – Нет, нельзя! Если Миллер увидит целый фунт стерлингов, он присчитает мне весь долг. А я могу с ним рассчитаться, только когда в доме появятся деньги покрупнее. Нельзя там брать кофе.

Мавр соображал.

– Я забегу на Оксфорд-стрит, в «Куин-Энн». Ресторатор человек покладистый, ради воскресенья он отпустит мне кофе.

Ленхен засомневалась:

– Но если он тоже захочет…

Мавр рассмеялся:

– Не беспокойся, Ленхен. Сейчас я у него в чести, он встречает меня с распростертыми объятиями. Весь долг погасил. Значит, так, часам к девяти я вернусь. Фредрик никогда не приходит раньше одиннадцати.

– А мне можно с тобой, Мавр?

– И мне?

Лаура и Ки-Ки умоляюще глядели на него. Мавр посмотрел в окно. Поднявшийся ветер разогнал дождевые тучи. Кое-где уже проглядывали клочочки голубого неба.

– Ладно! Allons![12] – Он взял трость и шляпу, девочки уже ждали у двери.

– Не задерживайтесь! – крикнула им вслед Мэми. – Поскорее возвращайтесь, а я пока «косы заплету, их в порядок приведу…» – Она взяла гребенку и стала зачесывать на уши волнистые волосы.

Мавр с нежностью взглянул на ее отражение в зеркале и послал ему воздушный поцелуй. Секунду спустя слышно было, как он с детьми, грохоча, сбегал по ступенькам лестницы.

Ленхен громким вздохом облегчения отметила разом наступившую тишину.

– Ну, а теперь за дело! У нас осталось в лучшем случае три часа! – Она собрала постели и с поразительной быстротой превратила спальню в опрятную гостиную, где каждая вещь имела свое место. – Как это вам удалось до сегодняшнего дня сохранить приезд Генерала в секрете от детей? Просто удивительно!

Женни улыбнулась:

– Всего лишь чувство самосохранения, Ленхен! Мы с Карлом задержали две статьи. Последнюю нам пришлось несколько раз переделывать. Да я сама узнала только позавчера. Что есть какие-то новости, я сразу догадалась – уж очень Мавр был возбужден. Это всегда с ним бывает, когда Фредрик пишет, что приедет. От радости он никак не может сосредоточиться. Он хорошо знает, что и со мной творится то же самое, и поэтому нарочно скрывал. А потом, ведь это было не наверное. Мы не хотели понапрасну

волновать детей.

– Дети совсем обезумели от радости. Трудно будет их утихомирить в нашей тесноте. Самое благое дело была бы прогулка в пустошь, – заметила Ленхен. – Но при такой погоде…

– Ах, Ленхен, ненастное воскресенье в городе с нашим Генералом лучше самого солнечного дня на воздухе! Как я рада за Мавра – он хоть отдохнет после всех неприятностей этой недели.

– Будто я не знаю!

Ленхен принялась за работу, и Мэми, даже не глядя на нее, знала, что все у нее сегодня спорится.

Для всей семьи наступал праздник, когда друг приезжал в Лондон.

Кто поможет?

Джо бежал по раскисшим от дождя переулкам Рукери, пока не добрался до пустыря с развалинами. Слышалось только унылое карканье черноклювых птиц. Грачи и вороны составляли такую же неотъемлемую принадлежность трущоб Сент-Джайлса, как палисадники и цветы в кварталах богачей. Джо в изнеможении опустился на камень. Наконец-то можно посидеть! Но дурнота не проходила. Это от голода. Что, если спугнуть грачей да отнять у них кочерыжку? Но при одной мысли об этом его сразу затошнило. Голод можно обмануть, надо только упорно думать о другом.

Как отец примет этот новый страшный удар? Это так мучило Джо, что он убежал от матери.

Джо любил отца, но не решался выказать ему свои чувства. Когда едва достигшего сорока лет Эдварда Клинга уволили и ему не удалось нигде устроиться на работу, он замкнулся в себе. А с тех пор как исчез Билли, он и вовсе перестал разговаривать. Разве что голову иногда приподнимет, когда Джо с матерью возвращались с работы. Джо огорчался: раньше папа всегда его подбадривал, всегда находил для него ласковое слово.

А сейчас отец день за днем сидит сгорбившись у окна, не выпуская из рук иголки, и латает поношенные штаны, куртки, платье жены и детей или штопает их рваное белье. Эту обязанность он добровольно взял на себя, чтобы хоть чем-то быть полезным семье, которой теперь приходилось его кормить. Он делал все очень аккуратно, как и любую работу, молча выслушивал похвалы жены, Мэри, но никогда не улыбался даже краешком губ. Ветошный портной – вот он кто, и, видно, останется им до самой смерти. Пока игла сновала сквозь гнилую, готовую вот-вот расползтись ткань, рот его с горечью сжимался и все резче обозначались морщины. Иногда он вставал, распрямлял ломившую спину и протирал глаза, всегда немного воспаленные еще от работы в прядильне.

Эдвард Клинг не жаловался, никого не обвинял. Он затаил свое горе в себе. Но за насупленным лбом шла напряженная работа. Мысль его вновь и вновь прослеживала пути, приведшие его из мрачного детства в эту мрачную каморку Грачевника. Так он сидел ежедневно, и, видя его хмурое лицо, дети редко решались с ним заговаривать.

Одному лишь Робину иногда удавалось вывести отца из оцепенения. Он задавал ему вопросы: «Ты, как чартист[13], должен это знать». Втягивал его в споры. Подстегивал. Робин был полон

энергии и надежд. Он часто говорил, что пора вступить на новый путь. Рабочим надо держаться друг дружки.

Джо слушал, не вмешиваясь. Он исподтишка наблюдал за отцом, когда Робин читал ему вслух какое-нибудь место из книжки или газеты. Там попадались трудные слова, и Робин всегда охотно их объяснял. Джо все ждал, когда же отец согласится со старшим братом, но почти каждый разговор кончался тем, что отец, безнадежно махнув рукой, говорил: «У нашего брата одна дорога – идти побираться…»

•

У Джо по спине волной пробежали холодные мурашки. Бесшумно падавший мелкий дождь промочил его до нитки. Он без сил прислонился к стене. Только не спать! Ведь ему надо все хорошенько обдумать. Может, еще что-нибудь удастся сделать. Но что?

Найти бы бумажник! И в нем целых пять фунтов. Вот бы здорово! Ему даже вдруг жарко стало. Да что там, хватило бы и трех фунтов или двух… двух самое меньшее… «Я отдал бы их маме». Джо так продрог, что лязгал зубами. Он сжал челюсти. «Надо где-то заработать. В Лонг-Экре живут богачи. Это от нас недалеко. Я мог бы сбегать куда с поручением. Но сегодня воскресенье. Да они и не больно-то любят раскошеливаться». Он презрительно сплюнул.

Тогда уж лучше податься в порт грузить ящики. Но когда? После смены? Вечером там не найдешь работы. Да и времени уже не осталось. Мамино рождение послезавтра. Все пропало! Даже пенни нет, чтобы купить ей сладкую булочку. Хотя… Джо полез в карман и нащупал несколько монеток – они ведь сэкономили деньги на омнибусе – за них заплатил незнакомец, этот мистер Мавр. Может быть, он им поможет? У него, конечно, деньги есть. Но просто так пойти и попросить? Они даже не знают, где он живет. Нет! Ничего другого не остается – надо идти к Пэтту и получить обратно задаток за кровать. Сегодня же!

Джо сидел, понурив голову. Получить задаток? Он даже подскочил. Нет! Тогда уж им не видать кровати. Сколько раз, начиная томительно однообразный рабочий день, он подбадривал себя волшебными словами: еще три недели, и заберем кровать… еще две недели… еще пять дней! Кэт и Ричард вместе с ним считали остающиеся дни. Все пропало. Лучше не думать об этом!

Джо скользнул взглядом по грачам. Как жадно они клюют! Он так устал, что почти не ощущал мучительного голода. Голова его

вновь склонилась на грудь, и ему опять представилось, как они отправляются к Пэтту за кроватью.

Он, Бекки и Полли. И Робин с ними. Да, Робин в свежеотутюженных брюках. Пэтт говорит: «Так вот какой у вас брат молодец! Красавец. Умница. Да и работяга, видать. Ему можно поверить. Такой не обманет. Заплатит остаток. Не подведет меня».

Робин взвалит кровать на свои широкие плечи и отнесет ее на тележку к Бекки. Потому что Бекки придет с тележкой своих хозяев и с псом Каро. Пусть себе Каро на каждом углу отдыхает на здоровье, и в награду они будут давать ему кусочки хлеба и мяса. Мяса? Откуда? Но Бекки обещала и уж что-нибудь да придумает. А Каро завиляет хвостом. Вот это будет воскресенье! Соседи глаза вытаращат. Дети Клинг купили кровать! Для Мэри – коклюшницы. Гляди-ка!

Джо потер окоченевшие пальцы. Видение исчезло. Когда он открыл глаза, перед ним опять громоздились развалины. В ржавых потеках, бурые от грязи, прорезанные черными трещинами. Какие-то страшные рожи. Очкастый Черт! Вон за тем выступом! Белл заскрежетал желтыми лошадиными зубами, широко раскрыл пасть, схватил Каро, подбросил его в воздух и взмахнул плеткой. И вдруг концом плетки стал чертить какие-то знаки на стене. Двойку и затем ноль. Вот двойка обратилась в пятерку. Пятьдесят шиллингов… пятьдесят. Джо вскрикнул. Хотел бежать, споткнулся, упал и так и остался лежать. На него посыпалась штукатурка. Он уткнулся лицом в щебень. Лежать, спать, ни о чем не думать…

В ушах все еще звенел собственный крик. И сердце бешено колотилось. Пятьдесят! Пятьдесят шиллингов. Как же это… «*Всего* пятьдесят, – прошептала мама, когда они вместе возвращались домой. – *Всего* пятьдесят!» И засмеялась при этом. Засмеялась! Джо ясно слышал. Тихонько так засмеялась. И смех у нее был странный, жуткий. Как у бедной Энн. Проходишь мимо ее окна и слышишь, как она с кем-то разговаривает, а в комнате нет никого. Помешалась она. Ребенок у нее утонул в канале.

А мама? Смех у нее был точно такой. Нет… нет… нет!

Джо, дико озираясь, вскочил. «Не хочу!» Да и не такой это был смех, вовсе не такой. «Мой маленький», – сказала она. Нежно, как всегда. Лучше его мамы нет ни у кого.

Оглядевшись, Джо увидел кое-как заколоченную досками дверь, проскользнул в дом и уселся на ступеньки лестницы. Из подвала несло затхлостью и прелью. Джо прислонился головой к влажной стене. Уж не крыса ли пялится на него из угла? Он с отвращением отвернулся, встать у него недостало сил. Потом все

же опять взглянул – крыса исчезла. Но глаза преследовали его. «Крысиные глаза у вашего надзирателя!» – как-то сказал ему Робин. Джо казалось, что он слышит голос взбешенного Белла: «Я из тебя котлету сделаю, собачье отродье!»

Это его-то дорогую, любимую маму он назвал собакой! Джо представил себе, как она ночью лежит на полу рядом с Лисси и Дороти. Иногда мама стонала, тихо, чтобы не разбудить детей. А когда он приподнимался в своем углу и глядел на нее, она прикладывала палец к губам. Как-то раз она сказала ему, как взрослому: «Не тревожься, если я стану стонать. Ничего со мной страшного нет. Просто плохо едим. А маленький – он ведь растет и хочет появиться на свет».

Если бы это был братец! Джо вновь предался мечтам. Как бы ему хотелось иметь маленького братца! Он бы играл с ним. Да еще как! Показал бы ему все самое хорошее, что есть на свете: пустошь с белыми деревьями, чаек, пароходы на большой реке. Научил бы его читать, показал бы, как насаживают веретена. И как нитки присучивать, чтобы они при намотке сразу не обрывались. Джо сам хорошо все это умел. Он и Кэт показывал, и Сэлли, и Ричарду, и другим. Такого малыша, который только жить начинает, надо многому научить, он же ничегошеньки еще не знает.

Малыш, конечно, будет спать с мамой на кровати. А Лисси, как спала, так пусть и спит в своем ящике. Мама наверняка скажет: «Ну теперь я скоро совсем поправлюсь. Как это вы сумели – такую великолепную кровать!»

Кровать и вправду великолепная. «Красное дерево, – сказал старьевщик. – Шишечки я вам подарю, можете привернуть их к спинкам. Знаете, как это будет красиво! А эти два-три пятна ничего не стоит вывести». – «Мы их отчистим», – тотчас заверила Бекки. Рядом с кроватью лежало коричневое шерстяное одеяло. «Оно идет с кроватью?» – робко спросила Бекки. «Разумеется. Все сюда входит. Шерстяное одеяло включительно. Если его простирнуть, будет как новое», – сказал Пэтт и ловко подвернул истрепавшееся место. Быстроглазая Бекки давно уже его приметила, но шепнула: «Оставь, это ничего. Я подошью край, и он пойдет к ногам. Будет незаметно!» Она нарочно понизила голос, чтобы Пэтт, видя, что дело идет на лад, не запросил слишком дорого. Но маленький человечек все же услышал. Потирая руки, он затараторил: «А какое теплое-то – чистая шерсть! Да, это тебе не бумага. Такую роскошь могут себе позволить только богачи. А теперь вот ваша мама. Подушку вы ведь тоже возьмете? Как можно без подушки! Она пуховая. Три шиллинга, отдаю почти задаром». Бекки вытащила несколько

перышек из подушки и, набравшись храбрости, возразила: «Это не пух… да и сатин совсем старенький, светится насквозь». Все, чтобы он сбавил цену. О, Бекки умела торговаться! Пэтт надул щеки. «Вот как? Не пух? Ну что ж, значит, не пуховая! Гм… гм… женщины в этом больше смыслят. Э, дам вам подушку в придачу, чтоб вашей маме лучше спалось. Все за ту же цену. Тридцать шиллингов. Уж такой я человек!» И потом они уплатили. Уйму денег. А когда вышли на улицу, так и прыснули. Они просто помирали со смеху: Бекки – и вдруг женщина!

Наконец сон окутал горевшую, как в лихорадке, голову Джо. Разбудил его чей-то добродушно-ворчливый голос.

– Эй… малец! Бездомный, что ли, что дрыхнешь тут… на нашей вилле?

Джо спросонок ничего не мог понять. Где он?

– Какой сегодня день? – растерянно спросил он.

– С утра воскресенье было. Господень день, парень! Скажем лучше – господский день, оно вернее. Потому, для нашего брата, что будни, что воскресенье – все едино. Видишь, как ни крути, а отче наш на небеси так устроил этот мир… – Старик оборвал свои разглагольствования, заметив отчаяние, написанное на лице мальчика. – Уж не захворал ли? Ступай к маме, – проговорил он заботливо. – Наверно, чайник уж давно вскипел.

Тут Джо сразу все вспомнил.

– Скажите, пожалуйста, который час? – спросил он упавшим голосом.

– Еще поспеешь. Только что восемь пробило.

Восемь часов?! Джо выскочил на улицу и побежал со всех ног.

Пересечь первый и второй переулок, а там уже Черинг-кросс, затем направо к Окси. Они сговорились в этот час встретиться с Робином. Что он скажет сестре? Может быть, она уже знает? Нет, Бекки еще издали весело замахала, и рядом стояла наготове хозяйская тележка, которую в виде исключения, по просьбе бабушки, ей одолжили. Каро восторженно завилял хвостом. Он любил Джо.

Бекки кинулась ему навстречу с улыбкой, но Джо отвернулся. Ему было слишком больно.

– На кого ты похож, Джо! Где ты пропадал? Что-нибудь случилось? С мамой? Отвечай, что с мамой? – Голос Бекки дрожал, она втянула голову в плечи и ждала самого худшего.

– Кровать… – начал Джо, но не мог продолжать.

Бекки подняла голову. Значит, с мамой ничего? Все остальное можно вынести.

– Так что же с кроватью, Джо?

– Кружева пропали. Украдены. Мы не можем… не можем

купить… – бормотал он что-то совершенно невразумительное для Бекки. Не в силах продолжать, он уставился на камни мостовой, которые гулявший по этим широким улицам ветер уже успел просушить.

– Да, но… – Бекки пыталась сообразить. – Кружева? Они же… мне же их бабушка Квадл подарила вместе с полотном. Я их нашила на наволочку, кружева… что бабушка… – Но слова застряли у нее в горле, когда Джо безнадежно покачал головой. Таким она его еще никогда не видела.

Наконец Джо собрался с духом:

– Идем! – Он увлек сестру в подъезд и тут, пересиливая себя, стал рассказывать. Каждое слово давалось ему с трудом и причиняло боль, а все вместе казалось немыслимым и чудовищным.

Он рассказал ей об Очкастом Черте, как тот налетел на Кэт и избил бы Сэлли до полусмерти, если бы ему не удалось кинуть подлецу под ноги веретена и отбросить плетку, которую Дикки Джэб затем припрятал.

– За это он записал мне в книжку три шиллинга штрафа.

– Три шиллинга… – Бекки зажала рот ладонью.

Джо только махнул рукой и рассказал, как мистер Мавр с комиссией пришли ночью и добились того, что Очкастого Черта выгнали из цеха и сместили с должности старшего надзирателя, и как ребята тогда заговорили. Да, перед комиссией и Кроссом-младшим. Все придирки, все несправедливости – всё начистую выложили. О том, что он первый заговорил, Джо умолчал. Бекки бы этого не поняла. Спросила бы: «А почему ты вперед вылез? Ты же знал…» Да, почему именно он? – мелькнуло у него в голове. Об этом он до сих пор не думал. И вдруг ему показалось, что, не выскажи он правду перед комиссией, его не заподозрили бы в краже. «Они обвинили маму потому, что я… я…» – молотком стучало у него в мозгу. Казалось, голова сейчас расколется. «Но я ведь смело все сказал, был мужественным!» – пытался он себя оправдать. И вдруг вспомнил, что, говоря о мужестве и смелости, Робин добавлял и другое: «Смельчаков они первыми выкидывают с фабрики, потому что боятся их». Джо подумал: «Слишком поздно я об этом вспомнил. Значит, я виноват во всем, я один!»

Эта мысль сразила его, он не мог дальше рассказывать. Он видел перед собой Мавра, как тот стоит в цеху и ждет, чувствовал на себе его взгляд, опять слышал слова, которые так часто повторял и Робин: «Молчанием никогда ничего не достигнешь». Нет, неверно говорил этот мистер Мавр. Неверно! Да и откуда ему знать, как расправляются с ними на фабрике! Джо горько скривил губы.

Бекки выжидающе глядела на него. Наконец она нетерпеливо спросила:

– А дальше, Джо? Почему ты замолчал?

Когда Джо наконец закончил свой рассказ, у него легче стало на душе. Теперь он может посоветоваться с Бекки. А вдруг она что-нибудь придумает?

Девочка долго в смятении глядела на брата. Потом с трудом выдавила:

– Они требуют с мамы пятьдесят шиллингов? Но почему? Она же не брала кружев? А ты? Почему у тебя удержали всю получку? При чем тут ты?

– Потому что я… – начал он и замолчал. Нет, незачем это рассказывать, Бекки и без того тяжело. – Потому что я забрался по пожарной лестнице через склад… и потому… так получилось, Бекки! – закричал он, взглянув на ее расстроенное лицо. – И не выспрашивай, не мучь меня. Это скоты! А мы слишком слабы. Тут ничего не поделаешь. Или надо найти вора и кружево!

Бекки взяла себя в руки. Она не станет плакать и жаловаться, не станет больше мучить его расспросами. Бедный Джо! Вместе с жалостью к ней вернулась ее обычная рассудительность.

– Постой… – проговорила она и провела рукой по лбу. – Надо бы эти кружева найти… Это был узор «колокольчик»? – неожиданно задала она вопрос.

Джо ничего не понимал, однако взглянул на Бекки с внезапно пробудившейся надеждой. Уж не придумала ли она чего?

А Бекки вспомнила о том, что произошло недели две назад. Тогдашний разговор казался ей теперь исполненным зловещего смысла.

Она рассказала, как две недели назад хозяева послали ее куда-то с поручением и она встретила Билли. Он стал ее расспрашивать, как они все живут. Устроился ли отец на работу? По-прежнему ли он на него сердится?

Она все ему подробно доложила. И про маленького, который должен появиться вскоре после дня рождения матери. Так ей мама сказала.

«Я достану вам теплый платок, – пообещал Билли, – чтобы мама меньше кашляла. А что она сейчас делает? Зарабатывает хоть немножко больше?»

Бекки похвалилась брату, что мама придумала красивый новый узор. Шеф назвал его «колокольчик», сказал, что она лучшая его работница и такие кружева впору носить герцогине.

Она все рассказала Билли, как если б он жил с ними вместе, и еще подивилась, что старший брат принимает во всем такое горячее участие.

Но тут Билли, весь красный от злости, начал ругаться:

«Чтоб ему провалиться, вашему шефу! Не стал бы я этой сволочи никаких новых узоров придумывать за те гроши, что он платит маме! Лучшая работница! Плевать я на это хотел! Пусть бы ей побольше платил, скотина такая! Кучу денег наживает на ее кружевах, а она с голоду подыхай! Что может быть глупее такой работы! Гнуть спину над коклюшками по двенадцать часов кряду! И всё скрючившись. Наживет она чахотку, и всё! Давно бы надо подпалить ему фабрику, чтоб его холера взяла!»

Билли не мог без возмущения и злобы говорить о прядильне Кровососа, в которой мучился, подобно всем остальным, пока не сбежал оттуда со своим другом Джеком. Бекки вытащила из кармашка кусочек кружев и показала ему. Это был пробный образец, который ей подарила мать. Билли долго его разглядывал и вдруг спросил:

«Тебе деньги нужны, пичужка?»

Бекки рассказала ему о кровати и о том, сколько еще не хватает шиллингов. Старший брат у нее на глазах обшарил свои карманы. Всего оказалось четыре шиллинга и несколько пенни.

«Возьми на кровать, – сказал он, даже немножко рисуясь, – и оставь мне кружева».

«А на что они тебе? – Бекки не хотелось расставаться с лоскутком, но как ему откажешь, когда он дал столько денег? Все же она спросила: – Зачем тебе этот лоскут?»

«Покажу своим грачам. Пусть посмотрят, какие кружева плетет моя мать. И все для этого мерзавца, живодера! Матери платит двенадцать шиллингов в неделю, а сам загребает фунты! А ведь это наши кровные денежки».

Бекки не без сожаления рассталась с лоскутком кружев, но зато завязала в платочек горстку монет.

– Вот как было дело, – закончила Бекки свой отчет. – «Наши кровные денежки» – что он хотел этим сказать?

Джо внимательно слушал, но, когда она поделилась с ним своими подозрениями, так и подскочил. Однако сразу же решительно затряс головой и, будто отстраняя от себя что-то, поднял руку.

– Билли? Не может быть! Не станет он так огорчать маму. Тем более, что он уж раз впутал нас в историю с твоими хозяевами.

– Но ведь он же не знает, я никогда ему этого не рассказывала.

– Верно, не знает… – размышлял Джо. – Но как он мог пробраться на фабрику? – И вдруг, к ужасу своему, вспомнил, что именно Билли показал ему как-то пожарную лестницу, по

которой можно пробраться в склад. – Нет, нет, он не стал бы так огорчать маму!

Бекки, однако, стояла на своем:

– Маму нет, а вот Кровососу он бы с радостью насолил! Ты же знаешь, что Кросс-младший до полусмерти избил Джека. – Бекки почти не сомневалась. – Лучше всего тебе сегодня же разыскать Билли, – продолжала она. – Они опять на старом месте, возле доков Сент-Кэтрин. Мне Чарли сказал. Ты обязательно должен туда пойти, Джо. Если это сделали они, кружева еще там. Так быстро они не могли их продать. А мы сейчас забежим к Пэтту и попросим его подождать еще несколько дней.

– Об этом и думать нечего, Бекки! Ведь тогда Билли – если только кружево у него – должен положить их обратно в шкаф. Это больно опасно. Идти в доки – только обувку напрасно трепать.

– А может, мы сами продадим кружева? Я знаю покупателей.

– И все подумают, что ты их украла, – возразил Джо. – Нет, нельзя. И все равно подозревать будут маму. Это мама-то воровка!..

Бекки совсем загрустила.

– Все знают, что мама наша честная, – тихо сказала она.

Однако девочка была достаточно умна и понимала всю безвыходность положения. И все же она никак не хотела примириться с тем, что надо отказаться от кровати.

– Подождем хотя бы Робина, – сказала она, утирая глаза.

– Робина? Он не придет. Зачем ему приходить – мама ведь дома все рассказала.

Слова Джо быстро подтвердились. Оба глядели в ту сторону, откуда должен был показаться Робин, и вдруг увидели Полли. Она шла одна и, видимо, торопилась. За собой она катила детскую колясочку с Лисси. Полли, нахмурившись, подошла к сестре и, как всегда, коротко отрапортовала:

– Робин велел передать, чтобы вы попросили вернуть деньги и скорее шли домой. У мамы только что родился маленький. Он кричит. Это мальчик. Соседки говорят, что у мамы жар.

Несмотря на все, это была радостная весть. У них братец. И мама жива. Это главное. У Бекки отлегло от сердца. Но для малыша сразу же потребуются деньги. Она решительно сказала:

– Пошли, Джо, заберем задаток!

Наклонившись к Лисси, она растерла ей окоченевшие ручонки и вдруг вспомнила о печенье, которое бабушка Квадл дала ей с собой для ребенка. Положив печенье сестричке на одеяло, Бекки скрылась в вонючем подъезде, где ее уже дожидался Джо.

Долговая расписка

– Поздновато пришли! – пожурил детей Пэтт, когда они на полчаса позже назначенного времени постучались к нему в дверь. – Мне в церковь, так что давайте-ка поживей!

Шаркая ногами и брюзжа, он повел их через темный коридор в лавку.

– Тележка с вами? – спросил он и, не дожидаясь ответа, продолжал: – Но сперва давайте сюда деньги! – Он не собирался быть резким, но Джо и Бекки боязливо попятились от протянутой к ним крючковатой руки.

Возраст крохотного, словно карлик, Соломона Пэтта трудно было угадать. Лицо у него было сморщенное, как печеное яблоко, походка стариковская. Но совершенно неожиданно он вдруг принимался прыгать, как гном, одним скачком взлетая на высокий ящик, стоявший за конторкой. Там он чувствовал себя «великим Соломоном Пэттом» и мог сверху вниз взирать на покупателей. Одевался он неряшливо. Сегодня на нем опять были большие, не по ноге, шлепанцы и пропахший дешевым табаком потертый бархатный халат. Воздух в лавке был такой спертый, что не продохнешь.

Неужели это та же самая лавка? Когда они пришли сюда в первый раз, Пэтт зажег свечи в серебряном канделябре. Он позволил им обойти все закоулки, чтобы посмотреть на всякие наставленные здесь диковинные вещи. Кроме старой мебели и ларей, скатертей и одежды, здесь были и клетки для попугаев, и золоченые кофейники, какие-то причудливые маски, стенные часы и часы под стеклянным колпаком, украшенные золотыми фигурами. Тогда у пришепетывающего горбатого карлика нашлось для них время: он показал им все свои сокровища, даже уговаривал потрогать то или взять в руки это. Сегодня он не засветил огня, и потому все предметы казались призрачными и таинственными. Из темноты доносилось тиканье часов, и со стен на них таращились страшные застывшие маски.

Бекки подтолкнула Джо. Чего он молчит? Ведь ему вести переговоры.

Мягко подпрыгнув, Пэтт очутился на ящике, откинул крышку конторки и принялся, как-то странно урча, рыться в бумагах. Наконец он вспомнил, что запись, которую он ищет, уже занесена в гроссбух. Раскрыл книгу и стал листать.

К Джо мало-помалу возвращалась уверенность.

При дневном свете, скупо пробивавшемся сквозь грязное окно, предметы утратили свою зловещую таинственность и вновь

превратились в товары. На ящике за конторкой стоял уже не гном, а старьевщик Пэтт, который все эти вещи скупил и выставил здесь на продажу. В нескольких шагах от Джо стояла уже разобранная и связанная кровать. Рядом лежал матрац. Подушка была завернута в одеяло. А на круглом столе поблескивали четыре полированные шишечки.

– Вот, – крякнул Пэтт. – Вот тут записано! Половина, пятнадцать шиллингов, уплачена в задаток. – Он почти любовно провел рукой по странице гроссбуха и потер костяшки пальцев. – Ай-ай-ай, задаром отдаешь, старый дуралей! Значит, сегодня вы уплатите десять, как договорились? – Он уже взял было в руки перо, но вдруг одумался. – А где ваш старший брат, э? Ну? Где он? Без него я не отдам кровати. Кх-кх-кх! – не то кашлял, не то кряхтел он.

У Джо дрожали колени. Надо решиться. Собравшись с духом, он постарался придать своему голосу надлежащую твердость.

– Мы хотим вас просить… мы не можем купить кровать, мистер Пэтт. У нас нет ни десяти, ни даже пяти шиллингов. Случилось…

– … несчастье, – мужественно докончила за брата Бекки, оторвавшись наконец от кровати, с которой все время не сводила глаз.

– Та-а-ак? – Пэтт, перегнувшись через конторку, глядел на детей своими водянисто-серыми глазками. – Деньги, что ли, потеряли? – ворчливо спросил он, потирая щетинистый подбородок.

Джо, ожидавший, что он поднимет крик, ответил, что нет. Старому ворчуну незачем знать подробности. Это касается только их.

– Н-да! – Пальцы Пэтта громко забарабанили по крышке конторки.

Дети стояли в тоскливом ожидании.

Тут Джо решил все же кое-что объяснить.

– Нам не выдали недельной получки. Штраф большой удержали. – Дальше пошло уже легче. – Поэтому нам придется взять обратно деньги. Нам они очень нужны, у мамы родился маленький.

– Иисус и пресвятая дева Мария! Кхе-кхе! – закашлялся карлик. – Все это не так страшно. Старший брат ведь тоже зарабатывает. Так как же мы поступим? – Голос его стал жестким. – Я спешу. Вернуть задаток – об этом и речи быть не может. Как это вы себе представляете? Я плачу большие деньги за помещение. Здесь же центр! Знаете, во сколько это влетает! А тут еще храни у себя всякое тряпье и рухлядь. Да, да! – И, вновь

понизив голос, он плаксиво запричитал: – Дают задаток, а потом не могут вещь выкупить. Ноют и клянчат: «Попридержите немного, мистер Пэтт, добрый, милый мистер Пэтт». Кхе-кхе!

– Но мы хотим получить обратно наши деньги, нам они очень нужны, а то малыш умрет! Ему надо давать молоко, – решительно заявила Бекки.

– Так! Пить молочко, жаркое кушать, – язвительно процедил разочарованный Пэтт. – Либо вы уплатите, либо я… – Он заколебался. – Ну, так и быть, я подожду. Но за отсрочку возьму с вас проценты. Иначе нельзя, никак нельзя! – Он заметил, что Бекки испуганно отпрянула. Смелая девочка с искривленным плечом даже нравилась ему. Но что поделаешь. Нет, нет! Надо быть твердым. Таков закон торговли! Не то живо прогоришь. – Много не возьму. Конечно, я это делаю только для вас. Полтора пенса в неделю. До рождества это составит… это составит… – Он снова потер подбородок и, бормоча себе под нос, стал высчитывать: – Пятнадцать пенсов… или, точнее, один шиллинг три пенса. Как видите, пустяк. Кто же одалживает чужим людям деньги или товар задарма, верно ведь?

Бекки гневно сверкнула на него глазами. Живя у Квадлов, она узнала, что почти все торговцы норовят как-то словчить или обмануть.

– А вы и не одалживаете нам денег, это мы вам еще когда внесли задаток, почему же мы должны платить еще проценты?

– «Почему, почему»! – разбушевался Пэтт, соскочил на пол и запрыгал по комнате. Опрокинулся стул, туфля отлетела в угол и зацепилась за ножку стола. – Потому что кровать здесь стоит и занимает место. И не неделю и не месяц. Да и деньги за нее плачены! Что ты, козявка, понимаешь в денежных делах? Вы внесли задаток, вот я и приберегаю для вас кровать. Она место занимает. А место денег стоит. За помещение-то я плачу. И мне приходится ждать, пока вы не принесете все деньги сполна. За ожидание тоже платят. А теперь ступайте!

Он открыл дверь в темный коридор.

– А если вы все-таки надумаете прийти за деньгами… (Джо повернулся и с надеждой взглянул на чудаковатого старика.) Я верну вам только семь с половиной шиллингов. Конечно, только половину. Что же я, задаром ждал?

Джо стиснул кулаки и прижал их к груди. Казалось, он готов ринуться на старого сквалыгу.

– Это же несправедливо, мистер Пэтт, это же… это… вся моя недельная получка. И только за то, что вы ждали!.. – Он искал подходящее слово, но у него от возмущения сдавило горло. И этот горбатый карлик тоже норовит их обмануть.

Пэтт попятился и, отступая все дальше, вскочил на свой ящик, сунул гроссбух в конторку, захлопнул крышку, поглядел на детей и плаксиво зашепелявил:

– Тихо, тихо! Что значит – несправедливо? Где она, справедливость-то, в жизни? Не было ее и не будет никогда. А со мной разве поступили справедливо? Когда-то у меня был большой антикварный магазин… – Рука его простерлась к далекому, приукрашенному воспоминанием прошлому. – Золоченые зеркала, персидские ковры, слоновая кость из Индии, фарфор…

И вдруг, опомнившись, он спрыгнул на пол, оттеснил детей в коридор, оттуда на площадку и вытолкнул на улицу. А напоследок приоткрыл дверь и, высунув голову наружу, почти примирительно сказал:

– Так, значит, я жду! До рождества! Не зверь же я какой!

Джо уже не сопротивлялся. Новая беда оглушила его. Всё потеряно, всё! Как это отец всегда говорил: «Для нашего брата одна дорога – идти побираться».

•

Как пришибленные стояли они посреди тротуара. Свет резал глаза. Бекки сжимала ладошки. Все кончено. Когда Полли вернулась с коляской и увидела их, она сразу поняла, что денег они не получили.

Звонкий детский крик пробудил их от немого отчаяния. Лисси сидела в своем ящике на колесах и тянулась ручонками к красному мячику, катившемуся через дорогу прямо на нее. Малютка схватила мяч и, прижав его к себе, вдруг залопотала: «мм… мм… мя… мяч», все повторяя и повторяя первое в жизни слово «мяч»!

Бекки присела у коляски сестренки, она не верила своим ушам: ротик, который до сих пор был нем, вдруг обрел дар речи. Но тут она почувствовала, что ее толкает Полли.

– Гляди, гляди – твой важный господин!

На тротуаре напротив стоял Мавр. Бекки медленно выпрямилась. Кровь бросилась ей в лицо, сердце бешено заколотилось. Она рассказала ему о знаменательном дне, и вот он пришел. Ну, теперь все устроится.

Мавр, ничего еще не купивший – «Куин-Энн» открывалась не раньше девяти, – прохаживался с Женни и Лаурой по Оксфорд-стрит, подставляя ветру то лицо, то спину. Ки-Ки требовала, чтобы он рассказал сказку, а Лаура гонялась за красным мячом по

пустынной в это воскресное утро мостовой. На углу Черинг-кросс сильный порыв ветра сорвал у Лауры шляпу с головы и, забравшись под полы сюртука Мавра, так потешно их запарусил, что Лаура, глядя на него, не могла удержаться от звонкого смеха. В этот миг ветер подхватил красный мяч и, будто шаля, потихоньку покатил его к коляске маленькой Лисси. Радостный возглас ребенка долетел до противоположного тротуара. Его нельзя было не услышать. Мавр обернулся и увидел детей Клинг. Он сразу все вспомнил. Сегодня они покупают матери кровать. Довольный тем, что их встретил, Мавр, помахав шляпой, направился к ним через мостовую.

Бекки радостно его поджидала. Но лицо Джо было замкнуто, почти враждебно; весь еще во власти противоречивых чувств, он отвернулся. Это озадачило Мавра. Что случилось? Чем мальчик так расстроен? Весь в грязи. Волосы спутаны, глаза красные, опухшие. Он плакал?

Подбежавшей Лауре Мавр велел не отбирать у малютки мяч, затем протянул Бекки руку:

– Вот мы и опять встретились? Верно, не ожидали? А это вот мои девочки, Женни и Лаура!

Дети застенчиво подали друг другу руки.

Полли совсем помрачнела. Барышни! В летних пальтецах. Шляпках. В чулочках и башмачках. Ки-Ки присела возле ящика Лисси и принялась с ней играть.

После вчерашнего рассказа Бекки Мавр ожидал встретить детей счастливыми, радостными. Видно, что-то случилось.

– Вы, должно быть, дожидаетесь старшего брата? – осторожно спросил он и взглянул на Джо.

Надо же так измениться за одни сутки! Вчера Джо был испуган, но лицо его оставалось привлекательным и открытым и, когда он смело выступал в прядильне, пылало гордостью. А сейчас? Пепельное, угасшее.

– Ну, отвечайте же. Что-нибудь случилось? – Он сдвинул брови.

– Кровать… мистер Мавр… наши деньги… пропали они! – пробормотала Бекки.

– Что? Объясните же мне! – Мавр переводил взгляд с одного на другого. – Вы же собирались… – И он указал рукой на стоящую наготове тележку Квадлов. – Он вас обманул? Этот… – он поискал глазами вывеску, – этот Соломон Пэтт?

Джо вздохнул полной грудью, и, как вчера на остановке омнибуса, у него отлегло от сердца: он не одинок в своей беде, мистер Мавр поможет ему.

Мавр заметил перемену в мальчике и ласково взял его за

плечо:

– Отойдем немножко. А теперь рассказывай, что случилось.

Обо всем рассказал Джо, ничего не опустил.

– Черти, вот черти! – возмутился Мавр, чувствуя, как кровь горячей волной заливает лоб и щеки. Он невольно сжал кулаки. – Ну, это им даром не пройдет! – Взбешенный своим поражением, Белл, без сомнения, решил отыграться на Джо Клинге и его матери. – Нет, даром не пройдет! – повторил Мавр еще раз.

Лицо Джо порозовело. Он не спускал больших темных глаз с Мавра, как слабеющий пловец не отрывает взгляда от далекого, но спасительного берега.

– Да, если б вы нам помогли, это было бы… – еле слышно произнес Джо.

– Я помогу вам, – сразу же согласился Мавр. Быстро, безоговорочно. И сразу же затем: – Хочу помочь! – звучавшее уже менее уверенно.

Однако Джо и этого было достаточно. Весь дрожа, он перевел дыхание, повернулся к Бекки и поманил ее.

Но Бекки не двинулась с места, она как зачарованная глядела только на сестренку. Лисси, которую все уже считали немой, заговорила, радость развязала ей язык. Она старательно повторяла все слова, которые чужая девочка с копной черных волос и карими глазами не спеша произносила но слогам:

– Я – Ки-Ки, я – Ки-Ки, я – Ки-Ки. Ты – Лис-си, ты – Лис-си. А там – Бек-ки, Бек-ки. А это – мяч, красный мяч.

Бекки и Полли только диву давались.

Мавр напряженно думал, что же теперь делать: нельзя обнадеживать детей пустыми обещаниями. Они хотят знать, может ли он им помочь и чем. Сам он бессилен что-либо предпринять против всех этих козней на фабрике. Надо сообщить Эндеру. Сегодня не выйдет – воскресенье, но завтра с утра. Завтра инспектор быстро сумеет разоблачить грубо состряпанную ложь.

– Раз твоя мама после десяти не выходила из комнаты, она никак не могла попасть в кладовую. Не мог попасть и ты, потому что находился тогда в прядильном. Вот на что надо бить, понимаешь? Очкастый Черт рассчитывает на ваш страх потерять работу. Эта грязная душонка думает, что вы у него в руках. Но он не принял в расчет нас. Ему придется отвечать на вопросы Эндера перед мировым судьей. И вы дадите свои показания, ты и твоя мама… Как! Ты боишься?

При слове «судья» Джо сжался в комок. Лишь одно утаил он от Мавра: что подозревает Билли. Как явиться к мировому судье и клясться говорить правду и только правду, если окажется, что Билли, его родной брат…

– Вы не знаете, что у нас вытворяют, – сказал он. – В прядильном цехе да и повсюду. Прав или виноват – это им все равно. Они всегда найдут способ нас скрутить.

– Но ваше дело ясно как день! Вас хотят наказать за твою смелость. Но на сей раз это им не удастся. Ни один мировой судья не решится осудить вас без доказательств! Неужели ты не понимаешь?

Джо покачал головой. Надежда погасла. Это всё хорошие слова, но, пока все выяснится, сколько еще пройдет времени. А деньги, недельная получка, и обязательство, которое должно быть подписано в понедельник?

Мавр вздохнул. Нелегко подбодрить мальчика. Как у большинства рабочих детей, у него за плечами свой горький опыт.

– Не будь таким слабодушным, – сказал он мягко. – Я… – Мавр замолчал. Что хотел, что мог он пообещать?

Весь натянутый как струна Джо вздрогнул. Как – и это все? Он нерешительно сказал:

– Не надо было мне ничего разбалтывать. Про ночную работу и остальное. Другие ведь только после меня заговорили, им не так… – Он оборвал себя на полуслове, но сразу же добавил: – Кросс-младший, конечно, все рассказал Очкастому. За то, что я Беллу веретена под ноги кинул и ногой отпихнул плетку, с меня…

– А это сделал ты? – тихо спросил Мавр.

Джо отвернулся, слезы выступили у него на глазах. Он взобрался на высшую ступень мужества, на какую только был способен, и его оттуда столкнули. И вот он лежит у подножия, маленький и жалкий, в мучительном разладе с собой и корит себя. Каким-то тусклым, упавшим голосом он сказал:

– За это с меня должны были удержать три шиллинга штрафа, а теперь и вовсе оставили без получки! Если мама не подпишет, ее засадят в тюрьму!

– Будь мужчиной, Джо, ведь подозрение нужно еще доказать! – твердо сказал Мавр и положил руку на плечо мальчика. – Держись.

– Какие им еще нужны доказательства! Ведь вахтер видел, как я лез по пожарной лестнице.

– Вздор, это же было в четверть седьмого.

– Не станут они держать таких, что болтают! – запальчиво выкрикнул Джо. – Робина, моего брата, уже раз вышвырнули за то, что он выложил им всю правду.

Мавр не сомневался, что мальчик рассказал все, как было. «Тут явный подвох. Возможно, это даже подстроено. Кружева

припрятали нарочно, чтобы Джо проучить! И как проучить! Такой удар, от которого ему в жизни не оправиться. Этого нельзя допустить. Я же сам подтолкнул его. Сам! Я должен ему помочь, но как? Удастся ли Эндеру добиться правды? А если нет, что тогда? Значит, они ничего вчера не достигли? Какие нелепые мысли!» Мавр раздраженно тряхнул головой.

Помолчав, он уже спокойно, стараясь, чтобы Джо хорошо его понял, сказал:

– Что сейчас такое творится всюду, я хорошо знаю, Джо, да и во время забастовок и при подготовке к ним происходит то же самое. От смельчаков, которые борются не за себя, а за всех, хотят избавиться, пытаются их уволить. Но разве рабочие из-за этого должны отказаться от борьбы? Не бастовать? Чтоб все осталось по-старому? Взгляни на меня, Джо!

Джо поднял голову. Глаза Мавра были устремлены на него. В них пылал огонь.

– Надо бороться, дальше бороться, чтобы все изменить. Да, таким, как ты и твой брат, тяжело приходится. Рабочим предстоит нелегкий путь. Но гордись, что ты не принадлежишь к тем, кто от всего увиливает, что ты не мокрая курица, не трус, не мозгляк. Гордись своим братом, гордись тем, что ты сам молодчина. Смелый и мужественный человек. Я не оставлю тебя в беде! Мы вместе доведем это до конца.

Они вернулись к остальным. По угрюмому лицу брата Бекки поняла, что далеко еще не все улажено. Может быть, Джо не все сказал? И, не колеблясь, она спросила:

– А что же с кроватью?

Верно, кровать, вспомнил Мавр. Об этом они с Джо и не поговорили.

– Кровать вы купите. Немного погодя, – сказал он помедлив. Он видел, что девочка, считавшая его, по-видимому, состоятельным человеком и возлагавшая на него все надежды, с трудом сдерживает слезы. Слишком горьким было разочарование. Поэтому он намеренно придал своему голосу уверенность: – «Погодя» – это значит скоро. Очень скоро, как только все уладится. Возможно, уже через неделю. Мама ни в коем случае не должна подписывать обязательство, ни в коем случае!

– Да она и не может, – сказала Бекки, – маленький родился. И у мамы жар. Вот если бы нам взять кровать сегодня… сейчас… – И она судорожно ухватилась за борт ручной тележки.

– Ах, вот оно что!

Мавр ковырял тростью булыжник мостовой. На Мэри Клинг пока нельзя рассчитывать, это усложняло все еще больше. Пройдет много времени. А кровать им нужна сейчас. Это ясно.

Джо прислонился к стене. На него напала такая усталость, что он с трудом держался на ногах. Мавр это заметил. «Мальчик работал, пока мы спали!» Мавр не мог отогнать и другую мысль: «Если я сейчас ему не помогу, его светлый задор, его мужество будут сломлены, а с ними и вера в жизнь. Никогда больше он не решится выступить за правое дело. Всегда будет боязливо жаться в сторонку. Мрачная тень из далекого детства вечно будет преграждать ему путь».

Мавр снял шляпу. Ветер охлаждал его пылающий лоб, шевелил могучую гриву, трепал бороду. Он решительно сказал:

– Ваша мама получит кровать. Думаю, сегодня же. Тележка у вас с собой. Ну как? – Он попытался улыбнуться, но мысли его судорожно искали какого-то выхода. Что, если выдать старьевщику расписку? На длительный срок, разумеется. А тем временем Эндер разрешит вопрос с получкой Клингов. Да, пожалуй, это выход.

– Сколько вы еще должны уплатить? – спросил он.

Джо поднял голову. Глаза его оживились. Мистер Мавр даст деньги?

– Пятнадцать уже уплачено, и десять мы должны уплатить сегодня. А на остающиеся пять шиллингов Робин собирался дать долговую расписку.

– Я ее подпишу, – сказал Мавр, кивнув детям. – Поручусь… и подпишу на пятнадцать шиллингов. К будущей неделе, думается, Эндер все уладит. Тогда мы погасим долг из тех денег, что вы получите.

– Но Пэтт требует десять наличными сегодня же, – тихо произнес Джо. – Без этого он не отдаст кровати!

– Да, да, конечно… – смущенно пробормотал Мавр. – Десять надо тотчас уплатить, сейчас же.

«Как странно он это говорит! – подумал Джо. – Будто у него с собой нет денег». Что хорошо одетый джентльмен мог вообще не иметь денег, ему даже и в голову не приходило.

Мавр быстро соображал. Ленхен он должен возвратить всю сумму. Но сегодня придет друг. Сколько раз он уже выручал их в минуты крайней нужды! Поймет ли он? «Дома четверо своих детей, а я пекусь о чужих. Да Фредрик сейчас и сам на мели». В последнем письме он писал, что его поездке в Лондон могут помешать разные «пакости». «Кошелек мой отощал. Дела мои не очень-то хороши… Старик урезал мне содержание…» Хватит раздумывать! Ничего другого не остается.

Мавр вытащил бумажник с фунтовой банкнотой. Двадцать шиллингов. Деньги Ленхен. Он взглянул на Джо, к лицу которого медленно приливала краска. В глазах Бекки отражалась

спокойная уверенность, словно она ничего другого и не ожидала.

Тут Мавр впервые расхохотался.

– Вы, верно, считаете меня добрым волшебником? Скажу словечко, и из бумажника выскочит крупная кредитка. Поманю кровать, и она сама вылетит из двери и прыгнет на тележку. Да? Ха-ха-ха! – Он помахал кожаным бумажником, подаренным ему отцом, когда Мавр уезжал учиться в Берлинский университет. – Прекрасный бумажник, но у него, к сожалению, один большой недостаток: деньги в нем не залеживаются. Только положишь, а они из него сразу разлетаются!

Пробило девять. Вновь став серьезным, Мавр сказал:

– Идем, Джо! Но сперва заглянем в ресторацию. Тебе надо выпить чашку горячего чая. А оттуда двинемся к Пэтту.

Когда они с Джо уселись за столик, он накрыл своей большой ладонью худенькую, озябшую мальчишечью руку и дружески сказал:

– Знаешь, я ведь родился не в Англии, я иностранец. И нам, приезжим, в Лондоне не так-то легко зарабатывать деньги. Как-нибудь позже я тебе подробнее расскажу. Этот фунт принадлежит не мне одному. И он нам очень нужен. У меня большая семья. Деньги, как и у вас, все заранее распределены. Например, мое зимнее пальто до сих пор еще висит в ломбарде. Летом оно мне ни к чему, но скоро наступят холода, тогда пальто мне потребуется, сам понимаешь. Много и всяких других неурядиц. – Ему не хотелось упоминать о долгах.

Джо испуганно взглянул на Мавра.

– Я говорю тебе это только затем, чтобы ты не составил себе неверного представления обо мне. Я не состоятельный человек. Я посвятил себя защите дела рабочих и помогаю им. Но это, разумеется, не приносит дохода. Во всяком случае, обещаю, что помогу тебе и твоей матери. Когда вам выплатят деньги, ты вернешь мне долг. Я живу на Дин-стрит, это недалеко отсюда, номер двадцать восемь. – Он пожал мальчику руку и встал.

•

Второй раз за это утро Джо постучал в дверь к Пэтту. Маленький человечек удивленно отпрянул, увидев рядом с мальчиком хорошо одетого господина.

– Мы пришли за кроватью, – поздоровавшись, сказал Мавр.

Пэтт – он был в сюртуке и необычайно высоком цилиндре, очевидно призванном придать его карликовой фигурке надлежащую солидность в глазах прихожан, – поспешно исчез. Он

сбросил со стола шлепанцы, смахнул пыль со стула и, сняв цилиндр, угодливо кланяясь, пригласил их войти:

– Извольте, извольте, сэр! Прошу, присаживайтесь, сэр. К вашим услугам. Собирался, как видите, в церковь, конечно, опять же, кто мог предположить…

Озадаченный, стоял он перед босоногим мальчиком и в недоумении покачивал головой. Затем, так ни до чего и не додумавшись, прошелся вокруг стола, сцепив за спиной руки. Но наконец опомнился, вскочил на свой ящик и снова, стоя за своей конторкой, обратился в «великого Соломона Пэтта», владельца большого магазина.

Он раскрыл гроссбух:

– Пятнадцать шиллингов – разрешите заприходовать? Тогда останется небольшой остаточек в пять шиллингов, дети внесут их мне потом…

Мавр с удивлением взглянул на Джо, который на этот раз тотчас преодолел свою робость и горячо запротестовал:

– Десять шиллингов надо уплатить, мистер Пэтт! А пять потом, как договорились.

От Пэтта не ускользнула решительная нотка в голосе мальчика.

– Н-да? Гм! Десять? – засопел он, искоса поглядывая из-под очков. – Ну что ж! – Жаль, не удалось взять лишку. И, чтобы как-то сгладить плохое впечатление, он принялся расхваливать свой товар: – Прекрасная кровать, настоящее красное дерево, из хорошего дома, Бонд-стрит, сэр, господа просто…

Однако Мавр перебил его:

– Мы спешим, мистер Пэтт. У миссис Клинг родился ребенок, и кровать нужна ей немедленно. Все останется так, как было условлено: десять шиллингов я плачу наличными, а за остаток поручусь.

– Да, да, как вам будет угодно. Гм, Иисус, пресвятая дева Мария… – бормотал Пэтт, составляя долговую расписку.

Кто бы мог подумать! Господин в шляпе и с тросточкой – и не может наличными выплатить каких-то пятнадцать шиллингов! Пэтт помахал распиской, чтобы она высохла, подмигнул Джо и подал Мавру перо. Мавр читал вслух и вопросительно поглядывал на Джо, а тот, кивая, подтверждал правильность написанного. Да, все верно. Остаток подлежит уплате в течение четырнадцати дней. Мавр подписал и указал свой адрес.

Пэтт подбежал к окну, прокашлялся и, бормоча себе под нос, прочел:

– «Пять шиллингов остатка за кровать красного дерева с шерстяным одеялом и подушкой, проданную Джо Клингу, Олд-

стрит, 7. За остаток, подлежащий уплате в течение четырнадцати дней, поручился доктор Карл Маркс, Лондон. Сохо. Дин-стрит, 28. Дана: Черинг-кросс, третьего октября 1851 г.».

Пэтт с любопытством уставился на Мавра.

– Господин – доктор? – шептал он. – Ученый? – Он прокашлялся. – Этот доктор… как фамилия-то? – Пэтт поднес расписку к глазам: – Доктор… Маркс. Ага, немец, видать. Ну, он, уж верно, не оставит бедного старьевщика на бобах.

Он подколол расписку, запер ее в конторку, надел цилиндр и подскочил к уже задвинутой в угол кровати. Затем широким жестом обвел всю запыленную рухлядь:

– Всегда к вашим услугам, господин доктор. Уникальная старинная мебель, покрывала, портьеры, персидские ковры, индийская слоновая кость… – Как с валика курантов, сыпались с его губ звонкие слова и вдруг иссякли. Слоновая кость? Когда это было…

Мавр позвал Джо, который стоял будто в забытьи, любуясь кроватью. Теперь она принадлежит им. Джо просто не верилось. Он услышал, как Мавр сказал:

– Мистер Пэтт, пожалуйста, помогите нам вынести кровать. И посветите в коридоре.

Тут Соломон Пэтт скинул сюртук, снял цилиндр и снова обратился в карлика, но при этом подумал: «Гляди-ка, доктор, а тоже, видно, бедняк».

Робин делает открытие

Мавр поспешно простился. Но Ки-Ки и Лаура медлили. Пока Джо и Мавр отсутствовали, они успели подружиться с Бекки и теперь были посвящены во все подробности истории с покупкой кровати. Когда тележка с подарком детей тронулась в путь, они долго еще глядели ей вслед.

Туман поднялся. Улица, по которой двигался к дому маленький караван, была залита ослепительным солнцем. Да и оставшиеся после дождя не просохшие еще лужицы, отражая свет, нестерпимо сверкали. Возглавлявший шествие Каро тянул изо всех сил. Все получилось точно так, как много раз в мечтах представлял себе Джо. Время от времени Каро, чуть приоткрыв огромную пасть, деликатно брал из рук Бекки или Джо кусочек мяса. И при этом всякий раз с таким изумлением глядел преданными своими собачьими глазами на детей, словно хотел спросить: «Это не ошибка, это правда мне?» Но Джо снова и снова заверял его, что он самый хороший, самый умный пес на свете, и Каро отвечал радостным заливистым лаем.

Обитатели Сент-Джайлса тем временем уже проснулись. Как всегда любопытные, они стояли у дверей или выглядывали из окон, но, судача, дружески махали. Детей Клинг любили все. Гляди-ка, чего это они везут? Кровать? Красного дерева! Да, да, для Мэри Клинг! И деньги накопили тайком от матери? Удивительно!

Но больше всех удивился Робин, когда, вызванный Полли, увидел кровать и сияющие лица брата и сестры.

– Как это тебе удалось, Джо? Каким образом?

– Давай! Тащи наверх кровать! – сказал Джо, гордо выпятив грудь. – Расскажу потом. Наверху! – И сам тоже ухватился, да с таким азартом, что почувствовал, как напружился каждый мускул.

Сидевший у изголовья жены Эдвард Клинг, углубившись в свои мысли, даже не заметил, как Робина вызвали из комнаты. Лишь когда на лестнице послышался какой-то тяжелый топот и дверь рывком распахнулась, он поднял глаза. Робин и Джо осторожно внесли кровать. За ними по пятам шли Бекки и Полли с одеялом и подушкой.

Эдвард Клинг настолько опешил, что даже не догадался им помочь. Он вскочил, только когда Джо взволнованно шепнул ему:

– Господин из фабричной инспекции помог нам купить кровать, папа. И в прядильне обещал все уладить

Кровать бесшумно собрали, и ничего не сознававшую маму

бережно подняли с тюфяка и перенесли в постель. Ее распущенные волосы разметались на подушке, а рядом с ней, прижав розовые кулачонки к лицу, мирно спал новорожденный. Дети стояли тихо. Как ни трудно было им сдержать свою радость, они и сами понимали, что шуметь нельзя.

Наконец Мэри Клинг очнулась, ощутила рядом крохотный живой дышащий комочек и открыла глаза. Прошло несколько секунд, прежде чем она заметила, что лежит в кровати. На мягком матраце иначе лежится, чем на куче тряпья и соломы. Ее взгляд скользнул по темно-вишневому дереву спинок. Неуверенно, почти боязливо она провела рукой по одеялу и нащупала мягкую шерсть.

Дети ждали затаив дыхание. Но вот мама обратила глаза на ребят, стоявших у кровати в напряженном ожидании. Джо, Бекки, Полли, Дороти и за ними Робин. Она заставила себя улыбнуться. Тотчас же напряженно-боязливые лица детей преобразились, они уже не могли сдержать свою радость. Дороти молча протянула матери давно заготовленный ко дню ее рождения подарок: пару чулок собственной вязки. Мэри Клинг поискала глазами мужа, но тут взгляд ее упал на Лисси. Девочка сидела на полу и играла блестящей шишечкой от кровати. Вдруг блестящий «мяч» покатился в угол, где стоял отец.

Эдвард Клинг глядел на повеселевшую девчурку и не узнавал ее: какое у нее милое, выразительное личико! И как похожа на его Мэри! Он видел обращенный на него требовательный взгляд ясных детских глазок и, тоже желая как-то выразить свою радость, подхватил шарик и осторожно подтолкнул его обратно к крошке. Все с удивлением заметили, что отец улыбается. Когда шарик во второй раз покатился к ребенку, Лисси не совсем уверенно, но звонко выкрикнула:

– Мм… м… мяч! – и сразу же затем: – Пп… па… Папа!

Робин и отец думали, что ослышались. Бекки улыбнулась и присела на корточки возле малышки. А та торопливо повторяла одно за другим все заученные слова.

Тут Мэри Клинг с волнением повернула голову:

– Наша Лисси заговорила? Не может быть! Дайте ее мне сюда!

Девочка сидела на кровати подле матери и щебетала:

– Мама! Мама!

Обождав немного, Робин решительно откашлялся и нежно взглянул на мать.

– Мамочка, мы отпразднуем твое рождение сегодня, раз появился маленький братик. А что ты скажешь на это? – Он указал на кровать. – Это дарят тебе наши маленькие работяги.

– Да, но откуда же? Я хочу сказать, на какие…

Поняв, что матери все еще не верится, Джо с наигранной небрежностью сказал:

– Ну да, мы ее сегодня купили. Все сообща. У Соломона Пэтта. Мы накопили денег.

– Накопили? – Мэри Клинг покачала головой. – Но этого быть не может! Откуда…

– Больше всех скопил Джо, – объяснила Бекки. – У него не вычитали штрафов, мама. Это он только так говорил, чтобы отложить деньги. И Робин, конечно, дал… и я… Все!

Мэри Клинг переводила взгляд с одного на другого. У всех такие счастливые лица! Она глубоко вздохнула и закрыла глаза. Какие хорошие у нее дети! Но немного погодя спросила уже озабоченно:

– Джо! Если вы скопили столько денег, мы могли бы уже сейчас… я хочу сказать, после того как они столько удержали… и мы еще… ты же знаешь…

Она нерешительно взглянула на Джо и при этом подумала, что кровать придется вернуть, как только она встанет на ноги. Джо, знавший, что мучает мать, успокоил ее:

– Не тревожься, мама. Нам помог мистер Мавр. Он и на фабрике все уладит. Пошлет туда инспектора Эндера. Ничего они у нас больше не вычтут. Все будет хорошо, мама, вот увидишь!

Его уверенность передалась Мэри. Спазмы утихали, сердце перестало частить, и жар, как видно, стал спадать.

Робину не терпелось поскорее все разузнать о незнакомце. Бекки и Джо рассказали, как они с ним встретились и как он им помог сесть в омнибус. Говорил то один, то другой, а то и оба вместе, перебивая друг дружку. И рассказ получился длинный.

Робин беспокойно шагал по комнате. У него все время на языке вертелся вопрос, но он все откладывал. Он подбежал к окну, распахнул его и сразу же закрыл, вспомнив о матери. Наконец он спросил:

– У него большая черная борода? Длинные курчавые волосы до плеч? И высокий лоб?

– Да, да, он точь-в-точь такой, наш мистер Мавр.

– Мавр… Мавр? Странно… – повторил Робин. – Вы уверены, что его так звать?

– Конечно, – подтвердила Бекки. – Он сам нам сказал!

– Нет, нет, – вдруг воскликнул Джо, – я чуть не забыл, у него есть и другое имя! Его звать… постой… доктор Карл, да, доктор Карл Маркс, вот как его звать. Он так подписался у Пэтта.

Робин даже вскрикнул:

– Что, что ты сказал? Карл Маркс? – Он схватил Джо и

прижал ошарашенного мальчика к себе. Потом стал трясти его за плечи. – Правда? Прямо не верится! Карл Маркс!

Наконец он отпустил ничего не понимающего Джо и, взволнованный, повернулся к отцу:

Я знаю Карла Маркса. Я раз слышал, как он выступал на Уиндмилл-стрит, в Просветительном обществе рабочих. Это было в прошлом году…

Понятно, что у Джо и Бекки сразу же возникло множество вопросов, но Робин обращался только к отцу:

– Он коммунист. Из Германии. Рабочие много говорят о нем. Многие называют его «Отец Маркс», так они его уважают.

– А почему ты больше не видел его? – спросил Эдвард Клинг. – Я хочу сказать, там, в Просветительном обществе.

– Потому… точно я не знаю, но слышал, он работает над большой книгой… Постой!

Робин подскочил к ящику, в котором хранил свои пожитки, и, к удивлению Джо, знавшего, как аккуратен брат, стал все переворачивать и выкидывать на пол, пока на самом дне не нашел то, что искал. С торжеством вытащил он пачку журналов – еженедельник чартистов «Красный республиканец» – и быстро извлек особенно зачитанный и потрепанный номер. Глаза Робина горели, он открыл журнал и протянул отцу:

– Гляди, папа! Вот сочинение, которое я тебе так часто читал – «Манифест Коммунистической партии». Это написал Карл Маркс. Ваш Мавр, – повернулся он к Джо и Бекки. – Он и еще Фридрих Энгельс, это тот, из Манчестера.

И, выхватив у отца из рук журнал, Робин, шагая по комнате, стал вслух читать.

Джо только диву давался. Никогда еще он не видел брата в таком возбуждении.

Но вот Робин остановился посреди комнаты. Он уже не читал, а говорил:

– «Пусть господствующие классы содрогаются перед Коммунистической революцией. Пролетариям нечего в ней терять, кроме своих цепей. Приобретут же они весь мир». Весь мир… – повторил он.

Мэри Клинг, с изумлением наблюдавшая растущее воодушевление своего старшего сына, задумалась было над смелыми словами, но тут громко разревелся новорожденный.

Робин, опешив, повернулся к нему и рассмеялся. Бережно и нежно взял он из рук матери крохотного человечка.

– Кричи, кричи, раз голодный, кричи! – И, повернувшись к отцу попросил: – Знаешь, папа, мне кажется, нам следовало бы назвать его Карлом.

Все посмотрели на отца. Эдвард Клинг откашлялся, выпрямился, и Джо показалось, что лицо у него уже не такое хмурое. Начал он не совсем уверенно, но затем голос его окреп.

– Тебя, Робин, я назвал в честь большого друга рабочих, – Роберта Оуэна. Хорошо! Назовем маленького Карлом. Пусть носит имя Карла Маркса, который помог нам и нашим детям в самую трудную минуту.

Когда Робин – ему не терпелось сообщить радостную новость своему лучшему другу, Бену Коллинзу, – часа через три вернулся, он застал отца у окна за чтением. Лишь увидев рядом с собой сына, Эдвард Клинг опустил журнал, несколько секунд молча глядел в окно и наконец задумчиво произнес:

– Конечно, это неверно – видеть вокруг один беспросветный мрак. Может быть, ты и прав, Робин. Может быть, и есть для нас иной путь!

Два друга

Кабинет Мавра, где только что стоял оживленный говор и смех веселого общества, собравшегося за столом, был наконец предоставлен друзьям. Правда, дети тянули как могли с уборкой грязной посуды, относя на кухню каждую тарелку порознь, а Муш даже несколько раз обошел стол, балансируя на растопыренных пальцах пустым фарфоровым блюдом. Но, когда поводов для оттяжки уже не оставалось, волей-неволей пришлось ретироваться. Дети ушли. Витавшие еще в комнате запахи вкусного воскресного обеда смешались с ароматом крепких бразильских сигар. А Женни принесла не менее благоухающий черный кофе.

Прежде чем поделиться своими новостями, Генерал хотел узнать подробности вчерашнего визита комиссии; Муш за обедом успел похвастаться, что Мавр всю ночь сражался с огромным пауком-кровососом.

Маркс в общих чертах рассказал о том, что произошло у «Кросса и Фокса», подробнее остановившись на своей неожиданной встрече с детьми Клинг и весьма затруднительном положении, в которое попал.

– Однако следует принять во внимание, – закончил он, – смягчающие мою вину обстоятельства. Я просто не мог оставить их в беде, хотя и признаю, что весьма легкомысленно распорядился доверенным мне Ленхен фунтом стерлингов.

Несколько секунд он смущенно глядел на друга, избегая встречаться взглядом с Женни. Именно в последние недели денежные дела их были из рук вон плохи. Да, с какой стороны ни посмотри, глава семьи он никудышный. Стоило ему получить небольшую сумму, как деньги тотчас уходили меж пальцев. Энгельс обменялся взглядом с Женни, которая с не меньшим волнением слушала рассказ о драматической сцене, разыгравшейся перед лавкой Пэтта, и незаметно кивнула другу: наш Мавр! Да разве мог он иначе поступить? Энгельс хорошо ее понимал. Шутливый тон, каким Мавр изобразил себя в роли богатого благодетеля, словно по волшебству явившегося в нужную минуту, как добрая фея из сказки, тогда как сам был беднее бедного, не мог его обмануть. Рука его, потянувшаяся было за бумажником, задержалась на столе. Сколько ни просил он друга – располагай всем, что у меня есть, – Мавру никак не удавалось относиться к этому так просто, как того желал бы Энгельс.

«Конечно, давать легче, чем брать, даже при такой дружбе,

как наша», – подумал Энгельс. Он знал, что Мавр не терпит профессиональных нищих, считая, что они подло злоупотребляют лучшими побуждениями людей. Что с жестокой нищетой не покончить дешевой благотворительностью, Мавру было известнее лучше всякого другого, однако кто сам терпит постоянные лишения и ежедневно борется с нуждой, как Мавр, тот не может подчиниться голосу рассудка, когда к нему протягивается за помощью худенькая детская ручонка. Вот и сегодня так получилось! Энгельс вскочил и стал мерить шагами комнату.

– Молодцы эти Клинги! Как живо я себе их представляю, Мавр, по твоему рассказу! Джо и Бекки я и сам видел. А Робин, старший, мог бы служить примером для многих. Да, вот каких людей порождает класс, за который мы боремся. – Энгельс остановился. – Счастье, что ты смог спасти от крушения этот поистине сказочный план покупки кровати!

– Так-то оно так, – нерешительно согласился Мавр. – Ты только забываешь, Фредрик, что для этого счастья требовалось твое присутствие в Лондоне, сознание, что я опять могу залезть к тебе в карман.

– Не стану отрицать, – с притворной напыщенностью произнес Энгельс, – способность в нужную минуту оказываться у тебя под рукой не самая меньшая из моих добродетелей! Было бы у меня в кармане побольше, чем мизерное жалованье фирмы «Эрмен и Энгельс-старший» в Манчестере! Но зато я тебе привез еще кое-что. Гляди-ка! – И он положил на стол несколько сложенных листков рукописи. – Статья для «Трибюн». Дописал сегодня ночью в гостинице. – Он подмигнул Женни: – Ну, разве я не молодчина!

Они рассмеялись.

Но тут открылась дверь, и явился Муш. В качестве парламентера. Помахав носовым платком, он встал «смирно» перед дядей Ангелом и отрапортовал:

– Мы готовы целый час не шуметь, Генерал. Притаимся, как перед ночной атакой. Но потом ты научишь нас кавалерийским сигналам?

– Гм! А у тебя есть горн, полковник?

– Горном будет гребенка, ваше превосходительство! – Муш отдал честь.

Энгельс ответил на приветствие.

– Хорошо, через час! А теперь: эскадрон, кругом! Марш! Рысью! – Генерал надул щеки и что было силы, одними губами, без всякой гребенки, превосходно протрубил только что отданную команду.

Затем он снова уселся на кожаный диван, вытянул длинные

ноги под столом и, с наслаждением прихлебывая кофе, стал наперегонки с Мавром дымить сигарой. Завязалась оживленная беседа. Женни отнюдь не оставалась безучастной слушательницей. Она была хорошо знакома не только с мыслями и идеями этих двух гениальных людей, но и со взглядами самых выдающихся их современников. Потому-то день, проведенный с Энгельсом и Мавром, всегда был для нее праздником. Даже чтение писем, которыми они обменивались, доставляло ей великое наслаждение.

Клубы сизого табачного дыма всё сгущались под потолком.

– Хоть европейская революция и проиграна, котел волшебницы истории опять бурлит, – сказал Маркс и протянул другу план следующих статей. – Я тебе бесконечно благодарен, Фредрик, что ты жертвуешь редкими часами досуга, а часто просиживаешь и ночи, чтобы отсылать статьи в срок. Думаю, что мучиться тебе уже недолго.

Маркс взялся писать для Дана, одного из ведущих редакторов газеты «Нью-Йорк дейли трибюн», с которым познакомился в Кёльне, серию больших обзорных статей о революции и контрреволюции в Германии. Пока что это делал за него Энгельс, писавший статьи после подробного обсуждения их в переписке и беседах с Марксом. К этому добавлялись и собственные, Энгельса, работы, особенно по экономическим и военным вопросам. Он приобрел большие познания в области военной истории. Этим-то статьям он и обязан был прозвищем «Генерал», которое произносилось всегда по-английски: «Джэнерел». Да он и больше подходил для каждодневной газетной работы, нежели Мавр. «Настоящая энциклопедия, – однажды отозвался Мавр о друге, – способен работать в любое время дня и ночи, быстро пишет и находчив, как дьявол».

Мавр же, напротив, при всяком удобном случае уклонялся от журналистской работы ради своих любимых научных трудов. Хотя и чувствовал себя виноватым перед Женни.

Когда разговор коснулся этой щекотливой темы, Женни, внезапно рассердившись, сказала:

– Дана прекрасно знает, каких сотрудников он имеет в вашем лице! Он даже нередко хвастает этим перед подписчиками. И все-таки платит Мавру, как холодному сапожнику.

Маркс, беспокойно барабанивший пальцами по столу, положил свою большую руку на маленькую ручку Женни и мрачно сказал:

– Вот именно! Ссылаясь на плохие дела, посадил меня на половинную ставку! Договорились, что он будет давать мне два фунта за статью, а платит фунт. Да к тому же еще печатает только

те, что его устраивают. А остальные просто бросает в корзину.

Энгельс вздохнул. Он знал, что это так и есть. Потому-то даже самые скромные хозяйственные расчеты семьи Маркс постоянно срывались.

– Хотя бы в одном плуты эти придерживались своей торгашеской морали – соблюдали элементарную коммерческую честность! – Мавр хлопнул ладонью по столу. – И этот Дана еще именует себя социалистом! Социалист! Самый что ни на есть прижимистый янки. Его социализм на поверку оказывается дрянной мелкобуржуазной страстью обсчитывать.

Энгельс потянулся к кофейнику.

– Поговорим о чем-нибудь более приятном! – Он улыбнулся Женни. – Ты все еще изучаешь материалы для своей «Политической экономии»?

– А как же! – сразу оживился Мавр. – Иначе что бы это была за жизнь!

Он поднялся и достал рукопись. Маркс тогда еще надеялся вскоре завершить эту работу, не подозревая, что она потребует более десяти лет напряженного труда. Он порылся в тетрадях и показал другу некоторые формулировки.

Энгельс жадно читал. Взглянул на Мавра:

– Великолепно! И убедительно!

– Я тоже нахожу, – радостно отозвалась Женни. – А ведь какая, казалось бы, сухая материя. Но, когда читаешь, тебе открываются все тайные пружины нашей экономики.

Энгельс вскочил как наэлектризованный, прошелся взад и вперед по комнате, затем, усевшись верхом на стул, с восхищением произнес:

– Ты приложил рычаг к той точке, опираясь на которую можно перевернуть весь мир. Черт побери! Ты добираешься здесь до самой основы! Научно. Исходя из природы товара и денег! Какая гениальная мысль – исходя из этого, вскрыть все общественные отношения! – Он задумался. – Притом это же все совершенно неисследованная область. Титанический труд. И только ты один можешь с ним справиться, Мавр! – Взгляд его привлекли заметки на полях рукописи, из которых следовало, что для некоторых формулировок потребуется пересмотреть десятки книг. Он оторвал глаза от тетради и обменялся взглядом с Женни, но та только подняла брови. – Может быть, тебе все же следовало бы быстрее закончить! Не слишком ли ты добросовестен? Подумай-ка, ведь…

– Знаешь, Фредрик, тут ты меня не переубедишь, – вспыхнул Маркс. – Я не только к чужим, но и к своим работам безжалостно придирчив. Главное – чтобы труд, когда он будет закончен и

выйдет в свет, был совершенно неуязвим. А сколько я над ним еще прокорплю, дело десятое. – Он пытливо взглянул на Энгельса. – Ты ведь это не серьезно, сам же ты, как ученый, работаешь основательно… Ну, хватит! У нас и так слишком мало времени. Тебе ведь завтра утром уезжать.

Мавр встал и, посвистывая, прошелся по комнате. Когда он проходил мимо двери, Муш, расслышавший несколько тактов из любимой песни о «Дубинке и проворной метле», заглянул в комнату, но, увидев, что дядя Ангел и Мавр все еще «болтают», тотчас осторожно прикрыл дверь.

Маркс, у которого не выходил из головы упрек друга, тревоживший его больше, чем он признавался самому себе, остановившись перед Энгельсом, раздраженно бросил:

– Без основательного изучения материала что бы я собой представлял? Щелкопера, писаку на все руки! Что говорить, демократическим олухам, которым приходит наитие «свыше», таких усилий, конечно, не требуется. Зачем этим счастливчикам мучить себя изучением экономического и исторического материала! Ведь все это так просто, как говорил мне один такой бравый весельчак. Все так просто! Да, в их пустых башках! Вот уж действительно простаки!

Оба расхохотались. Женни вышла на минутку из комнаты приготовить новую порцию кофе, а друзья, усевшись рядышком на кожаный диван, в ее отсутствие дали волю своей иронии, иронии, к которой они прибегали и не только с глазу на глаз, чтобы безжалостно бичевать всю братию мелкобуржуазных фразеров и любителей революционных авантюр из среды эмигрантов, смехом облегчая свой гнев. А раз начав, каждый подстегивал другого. Так получилось и сегодня.

Когда взрывы смеха проникли за дверь, у которой в нетерпении крутился Муш, малыш обиженно протянул: «Ну вот, сами рассказывают всякие смешные штуки, а нас выставили!» Муш находил это несправедливым, особенно со стороны обожаемого дяди Ангела. Он подговорил Лауру и Ки-Ки и успокоился, только когда Мэми обещала выторговать у Мавра и Энгельса часик и для них.

– Вышли бы вы на воздух немного пройтись! – сказала Женни, разлив кофе по чашкам. – Там вам никто не помешает. Детей никак не отгонишь от двери.

Но Энгельс тотчас торжественно поднял руку:

– Невозможно, фрау Женни! Я дал слово полковнику Мушу…

– Слышала, слышала… – перебила она его. – А что, если нам всем вечерком посидеть вместе и мы с Мавром будем рассказывать ребятам сказки?..

– Но не сегодня же? – Мавр вопросительно взглянул на друга. – Фредрик так редко здесь бывает.

– Прекрасно! – Энгельс был в восторге. – Вот все и будут довольны. А какие сказки? Братьев Гримм? Гофмана? А может быть, истерию о мастере Гансе Рёкле?

Мавр стал отмахиваться.

– Ни за что! И ты туда же! Детишки еще утром в постели приставали ко мне. – Он скорчил озабоченную гримасу. – С этим Рёкле я вообще, кажется, ввязался в весьма сомнительное предприятие.

Энгельс потребовал объяснений.

Женни весело рассказала:

– У мастера Рёкле ведь есть труба «Куда хочу, туда загляну», с ее помощью он ищет путь в страну будущего. Но его выследил черт, и…

– Хватит, хватит! – решительно заявил Мавр. – Ты меня все равно не соблазнишь, Женнели!

– Знаете, Фредрик, – сказала Женни, с оживлением повертываясь к нему, – мы ведь рассказываем сказки не только чтобы занять наших ребят. Мы с Мавром пришли к убеждению, что, когда рассказываешь сказки, создается полная духовная общность между нами, взрослыми, и детьми, живешь с ними как бы в одном мире. Сказками Гримма мы все зачитываемся до одурения… – Она кивнула на Карла. – И Мавр, и я, да и Ленхен – мы не меньше наших ребят счастливы в этом сказочном мире, где добрые, умные, сильные вступают в борьбу со злыми, низкими и подлыми чертями всех мастей и торжествуют над ними победу. К тому же красочный, поэтический язык обогащает ведь не одних только детей. Мавр вообще питает слабость к Гофману. Особенно к его чудесному архивариусу из «Золотого горшка». Помните, как у него замысловатые завитушки букв оборачивались в прекрасных змеек.

– Бог знает, – рассмеялся Мавр, – может, иначе господин советник юстиции, сидя над ворохами пыльных судебных дел, совершенно разучился бы смеяться. Я его так люблю потому, что он неплохо понимал, чем этот мир держится. Он бежал в романтику, пусть так, но зато он сберег живой родник своей фантазии. – Сощурившись, он лукаво взглянул на Энгельса: – И нашему брату-ученому, Фредрик, нужна фантазия. Ну как иначе представишь себе мир, который будет когда-то?

– Ф-ф-ф… – подул Энгельс в русую бороду. – А каким же сухим и окостеневшим стал бы наш язык! – И вдруг звонко рассмеялся и долго не мог успокоиться. – Простите, фрау Женни, – проговорил он сквозь смех, – но я представил себе, что за рожу

скроили бы наши ученые мужи, узнав, что Мавр не только сидит за своей экономикой, но и рассказывает, и даже сам сочиняет сказки.

– Только этого недоставало! – Мавр усмехнулся. – Недавно один такой гусак озабоченно меня предостерегал – он видел, как я в парке резвился с оравой уличных мальчишек. «Не полагаете ли вы, что это может повредить серьезному делу, которому мы служим»? – заявил он мне.

Энгельс совсем развеселился.

– А знаешь, как тебя на днях расписал такой же набитый дурак? – И он по-мальчишески хлопнул себя по коленке. – Нет, я непременно должен вам это изобразить! Глядите! – Он вытянул шею и, задрав кверху бороду, запищал фальцетом: – «Доктор Маркс! Какой ум! Какая индивидуальность! И что за огненный взгляд! Будь у него столько же сердца, сколько ума, столько же любви, сколько ненависти, я пошел бы за ним в огонь и в воду. Пошел бы, да, да! Хоть он мне не только намекнул о своем презрении, но весьма недвусмысленно высказал его».

Энгельс замолчал, заметив, что Женни нахмурила лоб. Она встала:

– Тебе, Мавр, надо почесть за счастье, – сказала она, вспыхнув от гнева, – что эти ничтожные людишки по крайней мере не отказывают тебе в уме, – и вышла из комнаты.

Энгельс виновато посмотрел ей вслед.

– «Столько же сердца, сколько ума»… – Мавр сухо засмеялся. – Если бы только это! Но из скольких углов забившаяся туда мелкобуржуазная шваль шипит: «Бессердечный тиран, властолюбивый диктатор, чванливый всезнайка», и еще черт знает что!

– Жабы болотные!

– Что ты хочешь, Фредрик, их породе никогда не понять, почему мы взвалили на себя такую ношу и готовы терпеть любую нищету, но мы-то знаем, что работаем для будущего всего человечества, и именно ради этого должны непреклонно отстаивать свои убеждения и принципы. Я не могу быть в обиде на них за то, что они меряют меня по своей жабьей мерке, но вот Женни!.. – Мавр не смог подавить вздоха.

– Зачем ей все знать? – тихо спросил Энгельс.

Мавр пожал плечами.

– Ей передают, отчасти по глупости, отчасти по злобе… Она, правда, ни единым словом не выдает, что ее это ранит, она слишком горда. Но я чувствую, как ей тяжело.

Он опять принялся ходить взад и вперед по комнате.

– Она ведь живет одной жизнью со мной, знает все мои труды

и все мои мысли. И вспомни, из какого она дома. Если раньше она не знала никаких забот, то теперь ей достается вдвойне. Как часто мы ломаем себе голову, чем прокормить детей! Но кто об этом знает? Только ты да еще несколько друзей. – Он расправил плечи. – Что касается меня, то не в моем характере предаваться хандре. Да и выгляжу я, к счастью, так, будто только что выиграл сто тысяч. – Он рассмеялся, но тотчас опять стал серьезным. – И потом, у меня есть такая жена, как Женни, и такой друг, как ты, и наша работа!

Хотя решено было вечером собраться всем вместе и рассказывать сказки – известие, встреченное детьми с бурной радостью, – Генерал не забыл о кавалерийских сигналах. Все нашли, что ни один горнист не смог бы трубить лучше дяди Ангела. Даже Мавр, Мэми и Ленхен обратились в слух.

Они поражались тому, как лихо Фредрик воспроизводит все переливы сложнейших кавалерийских сигналов. Гребенка Муша пошла по рукам, и вскоре Мавр и Мэми без всякой зависти вынуждены были признать, что, помимо Муша, одна лишь Ленхен может состязаться с Генералом. В придачу Энгельс протрубил еще и сигналы пехоты.

Мэми в изумлении покачала головой.

– Все это запомнить, Фредрик, и только на слух?

– Ого! Только на слух? Никоим образом! В следующую революцию военная сторона дела будет играть большую роль. Нам понадобятся обученные командиры из собственных рядов. Вот я и спешу вызубрить все, что должен знать настоящий солдат.

– Но ведь нам нужно и петь научиться, – сказала Ки-Ки и просяще взглянула на Генерала.

– И я так считаю, – ответил он. – Хорошо, что ты об этом подумала, Ки-Ки. Итак… – Он повернулся к остальным: – «Allons enfants de la patrie!»[14] Что мы лучше всего умеем?

– Песнь о «Дубинке и проворной метле»! – хором выкрикнули все трое. Они ее хорошо разучили.

Пока Мавр одевался, зазвучала сперва сдержанно, в исполнении то запевалы, то хора, задорная песенка. Первоначально слова этой песни, возможно, были и другие, но переделанная она стала и для ребят, и для взрослых любимым семейным гимном. Генерал в роли запевалы выводил прекрасным баритоном:

Дубинке молвила Метла[15]:
– Дождались мы позора!
Дрянны в Германии дела –
В ней слишком много сора!

А хор с жаром подхватывал припев:

Дрянны в Германии дела –
В ней слишком много сора!

Они еще не приступили ко второй строфе, как в дверях появился одетый для прогулки Мавр. Махая в такт тросточкой, он мощным басом запел вторую строфу:

Всю дрянь мы выскребли дотла,
Вперед без промедленья!
Вперед, Дубинка и Метла,
И побоку сомненья!

С воодушевлением и громче прежнего, потому что присоединились Мэми и Ленхен, хор вторил ему:

Вперед, Дубинка и Метла,
И побоку сомненья!

И, пробуждая весь дом 28 на Дин-стрит от послеобеденного отдыха, загремела последняя строфа:

Идет проворная Метла,
И с помощью Дубинки
Она все выскребет дотла,
Всю дрянь из каждого угла,
Весь мусор до соринки!

Оба друга уже стояли на улице, а в доме все еще не смолкал веселый смех. Пройдя квартал или два против ветра, который прохватывал насквозь, Мавр дополнил свой послеобеденный отчет.

– Вообще-то эта скотина, Кросс-младший, очень грубо все состряпал, – высказал свое мнение Энгельс. – Обещает комиссии уволить Белла, а едва вы ушли, даже повышает негодяя в должности. Чтобы разделаться с Клингами. Вот за что нужно зацепиться!

Мавр кивнул:

– И я так думаю. Надо нанести ответный удар, да покрепче.

Через Эндера.

– А Эндер на это способен? Как ты считаешь?

– Он превосходный и знающий инспектор. Отзывчивый и не думает о собственной выгоде. Но сумеет ли он показать зубы, использовать все возможности, пойти ва-банк?.. – Мавр пожал плечами. – Думаю, все же да. Он любит свою работу, справедлив. Правда, его политические взгляды еще весьма туманны, преклоняется перед законом. Словом, буржуазный интеллигент.

– Гм! А если мы вместе попробуем сделать его позубастее?

Мавр обернулся:

– Правильно! Согласен. Он живет неподалеку. Чем быстрее он все узнает, тем лучше!

Но Эндера не оказалось дома. Мавр оставил ему записку: «Зайду в восемь утра. Необходимо срочно наведаться к „Кроссу и Фоксу“. Маркс».

Оттуда они направились к Темзе. Энгельса всегда влекла к себе эта могучая река. Они постояли на Вестми́нстерском мосту. Паромы, еще битком набитые смеющимися воскресными пассажирами, переправлялись через реку, на которую уже легла желтовато-белая пелена тумана. Скоро и очертания города затянуло молочной дымкой. Энгельс глубоко втянул в себя воздух и с вожделением взглянул на широкую реку. Он любил этот огромный город, в котором всегда бился мощный ток жизни. Здесь он на мгновение забывал обывательскую затхлость Манчестера. Ему пришлось закабалиться там в филиале отцовской фирмы. У него не было иной возможности, хоть и в скромных размерах, помогать другу в борьбе с ежедневной нуждой.

Но сейчас его опять захватила давнишняя мечта:

– Как хорошо было бы, Мавр, жить здесь, в Лондоне! Да еще где-нибудь по соседству с тобой. Никакой переписки, чтобы обменяться мыслями. Я забежал бы к тебе или ты ко мне. Да, неплохо бы! – Он вздохнул. – Но я связался с этой проклятой конторой, и вот, изволь уезжать отсюда. Но ничего, я рад, что хоть ты можешь работать.

Туман поднимался и все густел, теперь уже и в двух шагах ничего нельзя было различить. Несколько раз Мавр пытался заговорить, но сразу же замолкал. Энгельс с удивлением взглянул на него.

– Тебе нелегко, – сдавленным голосом произнес наконец Мавр. – Ты продался этой гнусной конторе ради меня. Несладкая жизнь. А на что способен ты как ученый, никто не знает лучше меня. Может быть, мне все-таки укрыться в гавани какой-нибудь буржуазной профессии? Да, Фредрик, я об этом не раз думал…

Энгельс в изумлении остановился. К черту! Надо же ему было затевать этот разговор! По сравнению с тем, что приходилось терпеть Мавру, это же мелочи. Он заглянул другу в лицо, хотел возразить, но тут с удивлением заметил, что за какие-то несколько секунд тот совершенно преобразился. Почти весело Мавр сказал:

– Не тревожься, Фредрик. Такие мысли приходят и уходят. Я знаю, что гигантская работа, которая нам предстоит, должна быть сделана. И она будет сделана, с твоей помощью.

Они стояли посреди моста, окутанные густым туманом, который местами прорывался, открывая взору четкие, будто вырезанные резцом контуры противоположного берега.

Мавр взял друга под руку.

– Я пойду к своей цели наперекор всему и никогда не позволю буржуазному обществу еще и меня превратить в машину, делающую деньги.

Кинг и его шайка грачей

Темза, могучая река, извилистой лентой пересекающая весь город, утвердила за Лондоном славу торговой столицы мира. Ее исключительная ширина и глубина позволяли океанским великанам подниматься по ней до сердца города, чуть ли не до самых ворот фабрик, которым они доставляли из-за моря сырье. Испокон века Темза, или просто «Ривер» – «Река», как именовали ее и стар и млад, была излюбленным местом отдыха лондонцев.

В ясную погоду состоятельное купечество всегда охотно совершало прогулки на пароходах вверх по течению реки, мимо порта, до Вест-Энда. Сами-то фабриканты и банкиры хорошо знали каждую речную излучину, каждую новую и старую верфь, каждый пакгауз, знали ворота шлюзов, пропускавших суда в доки, но для их родных и знакомых не было ничего более внушительного, нежели вид Темзы, когда с моря поднимаешься к Лондонскому мосту. Тяжелые громады зданий, верфи по обе стороны, особенно начиная от Вулвича, парусники, теснившиеся у берегов таким густым роем, что под конец оставалось только узенькое пространство посредине реки, по которому сновали взад и вперед сотни пароходов, огромные доки, – все это было столь величественно, столь грандиозно, что дух захватывало. Это настолько красноречиво говорило о богатстве страны, правящей морями, что всякий раз повергало пассажиров в благоговейное изумление перед величием Англии.

Не мудрено, что короли текстиля, стали, банков не раз доставляли своим подрастающим наследникам случай насладиться захватывающим видом мирового города с той его стороны, с которой к ним ежедневно поступали всё новые богатства, богатства, кружившие головы юных джентльменов мечтами о приключениях и наполнявшие гроссбухи их папаш многозначными цифрами барышей.

Всего интереснее было плыть мимо коммерческих доков, огромных водных бассейнов справа и слева от реки. Здесь стояли большие и малые торговые пароходы, даже океанские исполины в восемьдесят метров длиною и осадкой до семи-восьми метров – мощные шлюзы пропускали их без труда. В иные дни в самих доках и на подходах к ним дожидались выгрузки по нескольку сот судов. Были среди них и парусные гуда. Обреченные на медленное вымирание в век пара и растущих скоростей, они все же не переставали вызывать общее восхищение.

Из всех частей света прибывали в доки корабли, и на причалах громоздились штабели товаров – несметное богатство,

ежедневно и ежечасно стекавшееся к берегам Англии. Подхваченные тысячами рабочих рук, они исчезали в многоэтажных складах, пакгаузах и длинных подземных погребах, чтобы оттуда быстро разойтись по предначертанным им путям. Сырье поступало на фабрики, предметы роскоши, деликатесы, лакомства шли в резиденцию королевы, дворцы и замки лордов; вина, масла, южные плоды и пряности, лучшие сорта табака, какао, кофе и чая, не без основания именуемые колониальными товарами, перекочевывали в магазины бакалейщиков, а оттуда – в кладовые буржуазии. А корабли, груженные другими товарами, изделиями прославленной английской промышленности, долго не застаиваясь, опять уходили в море, разнося по всему свету свидетельства всеподавляющего величия и мощи Великобритании и сноровки и трудолюбия ее скудно оплачиваемых рабочих.

Рядом с последними доками Сент-Кэтрин вздымалась громада Тауэра с высокими зубчатыми стенами, башнями и воротами, и разговоры пассажиров невольно смолкали при виде этого грозного памятника самых кровавых страниц английской истории.

А лишь только пароход выходил из-под гранитных арок самого старого в городе Лондонского моста, длиною в триста метров, открывался сверкающий купол собора Святого Павла. Тут уже начинался Вест-Энд с его парками, нарядными улицами и роскошными дворцами. За Вестминстерским мостом высилось недавно отстроенное после пожара здание парламента, в котором вершились судьбы Англии и ее империи. Сюда с удовлетворением и гордостью обращал свой взор каждый купец. Это была «его» палата, подобно тому, как это был «его» город, и, показывая Лондон родным и друзьям, он неизменно его расхваливал. Но вот цель достигнута, отсюда можно совершить приятную прогулку мимо Букинге́мского дворца, резиденции королевы, в Грин-парк, в котором, особенно по воскресеньям, собиралось избранное общество.

В Лондонском порту, простиравшемся от устья Темзы до самого Сити, и в его густо заселенных кварталах всегда царило бурное оживление, потому что судам нельзя было простаивать в доках подолгу, они должны приносить доход, а для этого требовалось скорее разгрузиться и погрузиться. Многие затем отправлялись в сухие доки верфей – почти всем кораблям требовалось освежить окраску. Свободных грузчиков в большом торговом центре всегда было вдоволь, и ни один не спрашивал, в который час дня или ночи понадобится его рабочая сила, их интересовало лишь, сколько заработаешь – одну или несколько монет – и стоит ли вообще нести такой заработок домой. Часто

его хватало только на дешевый обед и стопку-две бренди в одном из бесчисленных портовых кабачков.

Там встречались матросы из всех гаваней мира. На осмотр достопримечательностей прославленного Лондона у них не оставалось времени. Увольнительные на берег обычно были столь же куцы, как и матросское жалованье. Иным счастливчикам, правда, везло, они получали часть рейсовых здесь: ведь каждому хотелось привезти домой – в Порто-Рико или Санта-Крус, в Гамбург, Неаполь или Марсель – какую-нибудь хорошенькую вещицу, кое-кто мечтал даже о чем-то необыкновенном. Особенно если он впервые отправлялся в дальнее плавание, как, например, матрос Паоло Риччи.

Еле сдерживая нетерпение, он сидел на чугунном парапете набережной, неподалеку от своей «посудины», четырехмачтового барка «Bella Napoli», поставив ноги на пустую смоляную бочку, и сплевывал набегавшую от табачной жвачки слюну через тюки с товаром или, разнообразия ради, в черную воду бассейна Сент-Кэтрин. Да, Паоло уже потерял терпение и злился. Этот Кинг! Проклятый мальчишка не идет и не идет! Неужели обманет? Истекают последние драгоценные минуты увольнительной. Паоло все больше мрачнел. Через час экипаж должен быть на судне. Опоздавшие могут на своих на двоих переправляться через большую лужу! Капитан утром отдал приказ выйти в море на день раньше назначенного срока, ввиду ожидавшейся перемены ветра.

Гора ящиков и тюков на набережной становилась всё меньше. Желтые и черные грузчики, не соблюдавшие священного для англичан воскресенья в расчете на хороший заработок, тяжело дыша, взбегали по узкому трапу на палубу парусника с последним грузом. Паоло вглядывался в лица зевак и прохожих. Ему наскучило ждать. Но и уйти нельзя! Они условились встретиться здесь, значит, здесь и надо ждать. Он в третий раз перекатил языком табачную жвачку, выругался и сплюнул. «Чертов мальчишка! Все-таки оставил меня с носом! – Паоло негодовал, и прежде всего на самого себя. – И почему я не купил Лючии кружевную косынку у первого попавшегося старьевщика? Или хотя бы пояс или цепочку. А теперь явлюсь к ней с пустыми руками. Вынь да положь ему кружева! Вот и влип! Этот Кинг меня просто околдовал. Черт его дернул показать образчик кружев, но каких! Тонкие, как паутинка! И я, дуралей, вообразил, что такое кружево достанется мне, сыну бедного рыбака!»

В роскошные магазины Сити, где выставлены на продажу такие кружева, простому матросу и соваться нечего. И надо же было вынырнуть этому мальчишке и шепнуть ему на ухо: «Шикарные кружева! У нас такие носят одни герцогини при

дворе. Могу добыть. По дешевке!» И Кинг дважды растопырил все десять пальцев. Кто бы тут мог устоять!

А Паоло уже много дней только и мечтал, что о своей свадьбе с Лючией. Как у нее заблестят глаза! И как бы к ней пошло подвенечное платье из лондонских кружев! В этом наряде краше его невесты во всей Сицилии не сыщешь. Все парни лопнули бы от зависти. А теперь что? Он горько усмехнулся и понурил голову. Толчок под ребра возвратил его к действительности.

Перед ним стоял щупленький паренек с плутовской мордашкой, на вид лет тринадцати, не больше. Дырявая капитанская фуражка лихо сдвинута на одно ухо.

Поток бранных слов сорвался с губ Паоло, потом он показал на парусник:

– Goddam, very late – очень опоздай! Мы сегодня уйти!

Мальчуган хладнокровно дал ему доругаться, как ни в чем не бывало приветливо улыбнулся и, успокаивающе приложив черный от грязи палец к губам, затараторил:

– Pst… Signore Maccaroni… Silentia… bona sera! – Он сорвал с себя фуражку и так же лихо натянул ее на другое ухо.

Паоло рассмеялся.

– Avanti! – сказал мальчуган. – Tutti bone – bambino mio! – Слова эти он подготовил заранее. Переведенные на родной язык, они должны были примерно означать: «Хэлло! Вы, господин из страны макарон, довольно тарабарить! Добрый вечер! Чапайте за мной. Живо! Пошли. Все в порядке, мой милый!» Но вместо «мой милый» он сказал «мой малыш» и удивился смеху, которым была встречена его приветственная речь. Паоло очень позабавило это необыкновенное обращение на его родном языке, и он позабыл свою досаду.

– Ты сам bambino![16] – И Паоло ткнул бойкого мальчугана в грудь. – Ты little boy[17]. Я – большой матрос! – Паоло встал и уже серьезно спросил: – Где Кинг?

– Avanti![18] Пошли!

Хенни, или, как его иногда звали, Портовый Хенни, выполнял в шайке должность гида, так как из обрывков разноязычных фраз, ежедневно звучавших вокруг него, он не только нахватал уйму важных и нужных слов, но и удивительно ловко умел, пользуясь ими, изъясняться с моряками всех пяти континентов. Хенни обладал каким-то шестым чувством, помогавшим ему никогда не теряться, выворачиваться из самых сложных переплетов и с истинным шиком ускользать из цепких лап портовой полиции. Он не пропускал мимо ушей ничего, что пошло бы на пользу или во вред шайке. Умный и живой, он всегда старался узнать что-нибудь новенькое. Прозвище «Портовый Хенни» он получил

потому, что вечно крутился в доках. Хенни умел сносно читать, что тоже представляло большое удобство для грачей – ведь их ученый «профессор» Оливер не всегда был под рукой.

Хенни с матросом быстро добрались до «Пьяного кита», одного из многочисленных матросских кабачков.

И в самом деле, куда ни ступи, за что ни возьмись, все тут качалось и шаталось, как пьяное: половицы, столы и табуретки, дощатый потолок, который, казалось, так и норовил обвалиться, да и трухлявые, готовые рассыпаться от малейшего толчка, стены. Но именно эта-то особенность кабачка и ценилась высоко, ибо в случае опасности отсюда можно было смыться, на худой конец, просто сквозь стену. Как правило, и посетители у стойки одноглазого хозяина «Пьяного кита» тоже не слишком твердо держались на ногах.

– Где Кинг? – нетерпеливо спросил Паоло своего провожатого. Но затем сквозь клубы табачного дыма разглядел того, кого искал, за столиком в кругу приятелей. – Хэлло, Кинг! – окликнул он его с облегчением.

Билли Клинг – грачи, вычеркнув из его фамилии букву «л», единодушно избрали его главарем, или «кингом» – «королем», – сидел подле своего дружка и сверстника, Джека, подростка с лицом, изуродованным шрамами.

В ту пору грачи избрали своей штаб-квартирой «Пьяного кита», вернее, один из его «кабинетов», под которым в подвале находилась их спальня – «пещера», где они ночью или днем, в зависимости от того, как требовало дело, спали на мешках. В шайку совсем недавно вступили близнецы Эдди и Джим. Пока они еще проходили испытательный срок. Мировой судья, к которому доставили двух оборвышей за то, что, голодные, они стянули с прилавка вареную телячью ножку, не посмел их осудить за воровство – такой в зале поднялся ропот.

«Накормите детей, тогда они воровать не станут!» – крикнула какая-то решительная женщина, а за ней подняли шум и другие бедняки, которые пришли в суд послушать дело. Им-то Эдди и Джим были обязаны своим освобождением. Выйдя из зала суда, близнецы дали себе зарок не возвращаться в Грачевник. Мать осталась в пустой и холодной каморке, а они убежали туда, где, как им казалось, их ожидала вольная, счастливая жизнь, – в доки.

Здесь-то наметанный глаз Кинга и приметил близнецов, слонявшихся без дела меж штабелями ящиков. Кинг подошел к ним как раз в ту минуту, когда Джим пытался выловить гнилое яблоко из мутной воды затона. Так они стали самыми юными членами шайки и сразу же после своего обстоятельного рассказа, встреченного громкими взрывами смеха, получили прозвища:

«Эдди Телячья Ножка» и «Джим Теленок». Хотели они того или нет, прозвища за ними остались. В остальном все здесь им очень нравилось. Хотя бы уж потому, что изредка можно было досыта наесться.

Шестой грач, Оливер Пе́нтленд, был сыном зажиточного коммерсанта. Он тоже убежал из дому, и назад его не тянуло. Открыткой: «Отправился пароходом на Цейлон», Оливер оповестил родителей о своем исчезновении и на этом успокоился. Но еще до отхода «своего» судна он повстречал Джека и Хенни. Вот это были ребята так ребята! О таких друзьях он всегда мечтал. Он остался с ними и махнул рукой на Индию. Вскоре для Кинга и грачей он сделался незаменимым «профессором», главным бухгалтером и кассиром. Сейчас он склонился над столом, что-то записывая и считая, и даже головы не поднял.

Наконец-то Паоло у цели! Забыты скучные минуты ожидания и досада. Билли с улыбкой поднялся ему навстречу. У Паоло исчезли последние сомнения. На его смуглом лице блеснули ослепительно белые зубы. В левом ухе его болталась блестящая серьга. Как кольцо для попугая, утверждал позднее Эдди. Джим тоже завистливо поглядывал на серьгу и красную шелковую косынку на шее у матроса. Итальянец всем понравился.

Паоло подошел к ним и с силой стукнул кулаком по столу, однако стол не выдержал такого неожиданного приветствия. Ножка, которой он был подперт, отвалилась, и стол медленно, будто кланяясь, накренился перед опешившим матросом. Это вызвало бурный взрыв смеха, к которому по-мальчишески весело присоединился и сам Паоло. Фокус со столом опять удался!

Кинг вытащил из-за стенной обшивки сверток и молча протянул кружева матросу.

У Паоло загорелись глаза.

– O mio cielo, Santa Maria![19] – Загорелой рукой он гладил кружева, осторожно водил пальцем по длинным лепесткам цветочных венчиков, тонким, как паутинка, изогнутым стеблям, наконец поднес ткань к губам и поцеловал ее. Грачи, удивленные таким бурным проявлением чувств, которое им, да и большинству их соотечественников, было совершенно несвойственно и чуждо, втайне забавлялись. Медленно и торжественно матрос опустил кружева на стол. Поток слов, среди которых попадались и английские, сорвался с его губ. Ребята не огорчались, что ничего не понимают. До чего же красиво, страстно и вместе с тем нежно, совсем как песня, звучала его речь!

Оливер не сводил глаз с взволнованного лица матроса. Он подтолкнул Джека в бок и тихо, с оттенком изумления проговорил:

– Temperamenti![20]

Хенни тоже поддался очарованию чужого языка и, когда Билли кивком напомнил ему, что надо переводить, он только сокрушенно пожал плечами. Но Кинг не рассердился.

– Эква! – сказал он покровительственно. – Эква!

Это тарабарское слово, которое, будто волшебная палочка, сглаживало все недоразумения и всякому повесившему нос грешнику разрешало спокойно и бесстрашно поднять глаза, означало просто-напросто: «Эка важность!» Но значило оно и несравненно больше: «Ничего, браток, не горюй, дружище, потому что и я не горюю. Не стоит того. Такова уж жизнь! Эква!»

К чему им перевод Хенни? Разве и так не видать, что матрос счастлив? Что он говорит о красивой девушке и ее подвенечном платье?

«Порядок! – подумал Кинг. – Этот не станет торговаться». Не без тайного умысла велел он Хенни немножко поманежить Паоло. Все вышло точно так, как Билли хотел. Матрос не трясся над каждой монеткой, прежде чем выложить ее на стол. А Паоло думал: все сбережения ухнули, ну и что из того? Завтра он уже будет далеко в открытом море. Нескольких монеток, что осталось, хватит, чтобы купить у ребят стальных перьев и карманный нож.

Затем Паоло вытащил из глубин своего бездонного матросского кармана три золотисто-желтых апельсина и преподнес их своим английским друзьям. У близнецов глаза округлились, как пуговицы. Однажды они уже находили такие шары, правда наполовину сгнившие, в куче мусора. Итальянец заметил, что у мальчиков текут слюнки. Он тут же показал, как очищать плод от кожуры. Апельсиновый сок стекал у близнецов по губам. Они чмокали от удовольствия. Джек честно поделил и второй апельсин. Эдди и Джим дрались за кожуру. Билли, который сам не ел, сунул третий апельсин в карман:

– Для Бробби, он сегодня работает в «Табачной трубке»!

Пряча кружева, матрос вытащил маленькую цветную картинку и положил ее на стол. Руки Джека и Билли в тот же миг выскочили из карманов, но, как пойманные, застыли на краю стола. На картинке виднелись апельсиновые деревья с золотистыми плодами, домик на склоне холма, убогий, но белоснежно-белый, а в глубине – дымящаяся гора, небо без единого облачка и синее море.

– Такое море… ха-ха, такого моря не бывает! – дрожащими губами проговорил Джек.

– Бывает, si, si, si[21], – закивал итальянец.

– Италия? – спросил Кинг. Рука его коснулась картинки, он как завороженный глядел на нее.

Лицо Паоло просияло.

– Si, si! Да! Палермо. Италия. My home… дом. Маленький, но красивый, красивый дом и красивая страна. – Голос Паоло опять звучал певуче.

Хенни с трудом перевел. Билли подтолкнул его и зашептал:

– Спроси, что она стоит. Я бы купил.

Хенни пожал плечами.

– Паоло, quanta costa? Эта imago – картинка – для него. – Он указал на Кинга.

– Уступи мне ее, матрос, я заплачу́! – попросил и Билли.

Паоло со смехом покачал головой:

– Niente, niente![22] Деньги не брать! Красивая страна, bella Sicilia[23]. О, голубое небо! Здесь – все серый! Бери, брат! – и сердечным жестом протянул Билли картинку, подошел к стойке, потребовал портеру и поднял стакан за ребят.

Потом по-дружески и очень крепко пожал всем руки. Гид проводил его на набережную.

«Профессор» Оливер добросовестно занес сделку в гроссбух и стальным перышком, которое он всякий раз после употребления тщательно обтирал, вывел:

1 кусок кружев, проданный Паоло, – 20 шиллингов
1 пачка стальных перьев ему же – 1 шиллинг 3 пенса
1 карманный нож с роговой ручкой – 3 шиллинга

— — —

Чистая прибыль 24 шиллинга 3 пенса

(Двадцать четыре шиллинга, три пенса чистой прибыли, поскольку добыто без издержек.)

Грачи почтительно следили взглядом за пером, которое без устали, чуть поскрипывая, покрывало бумагу словами, цифрами, черточками. По требованию Джека записанное было тут же прочитано вслух.

– Большой день для нас, друзья грачи! – с гордостью произнес Кинг. – Надо отпраздновать. Размахнемся сегодня и пообедаем в «Красном слоне». Каждый получит на руки по три шиллинга. Кружево, которое нам с Джеком удалось спереть, дело особого рода!

Грачи одобрили это решение молчаливым кивком. Ни единой улыбкой не выдали они своего восторга.

Перо опять заскрипело. Выдано: по три шиллинга Кингу, Джеку, Хенни, Оливеру, Эдди и Джиму. «Профессор» Оливер

строго соблюдал субординацию. Но определялась она не возрастом, не ловкостью, а лишь длительностью пребывания в шайке.

– Остальное – про запас. Бробби получит свою трешку завтра! Как, согласны?

Пять кулаков с размаху опустились на стол, который Джек на сей раз подпер ногой. Каждый, получив свою долю, против имени ставил крестик. Затем Оливер снял со стенки портрет, так густо засиженный мухами, что изображение королевы едва различалось, оттянул доску и засунул под нее гроссбух.

– «God save the queen…» – запели ребята, но тут же, как по уговору, замолкли и встали. Не всякий английский подданный, при каждом удобном случае затягивающий свой национальный гимн, пел так искренне, как Оливер и грачи. Их королеве и в самом деле выпала первостепенная задача: оберегать кассу шайки. «Боже, храни королеву!»

Тут к ним подошел хозяин «Кита»:

– Ну как, фартовая вышла сделка?

Черная повязка, прикрывавшая вытекший глаз, придавала кабатчику мрачный и устрашающий вид, но мальчики знали, как благодушно порой поблескивает здоровый. Едва приметным кивком Кинг дал понять, что не хочет об этом говорить.

– Ну ладно! – Потом, чтобы его мог расслышать только Билли, хозяин добавил: – Нужны три человека сегодня в ночь. Бочонки с виски. Забрать с «Веллингтона», второй иллюминатор справа от кормы. Объявлены как уксус. Понятно? На ялик – и прямо в подвал.

Кинг кивнул:

– Будет сделано!

Хозяин «Пьяного кита» приходился Хенни двоюродным дедушкой и охотно предоставлял грачам убежище и приют. Они могли приходить сюда и уходить, когда им вздумается. Единственное условие, которое он им ставил, – не участвовать в попойках. Впрочем, он и сам не оставался в накладе, грачи часто его выручали. Если клиента разыскивала полиция, он мог во всякое время незаметно ускользнуть. Ребята провожали его по подземному ходу к реке, где была припрятана лодка. Потом они приводили к нему толстых боцманов да и других посетителей, которые на другой день с пустыми карманами, пошатываясь, выходили из кабачка. В «Пьяном ките» заключались темные сделки, от которых кое-что перепадало и грачам. Да и хозяйка жалела ребят, это было заметно по ее супам. Намешанные из всех остатков, они были намного вкуснее того, что Билли в последний год привык есть дома. Когда шайка промышляла в этих краях, она

жила припеваючи.

•

Через какие-нибудь четверть часа после сделки грачи со своим Кингом уже вразвалку шагали по набережной. Туман с Темзы медленно переползал в бассейны доков. «Профессор» Оливер шел между Джимом и Эдди, которых никто по виду не принял бы за близнецов.

– Сюда! – Оливер потянул Эдди в противоположную сторону. – Кинг не любит, когда липнешь к нему. Да еще в воскресенье! Кругом щеголи, зеваки – только будешь зря лезть на глаза полиции.

Джим тоже повернул за ними.

В обязанности «профессора» Оливера входило просвещение новичков.

Возле реки высился, окруженный широким, но сейчас сухим рвом, Тауэр – старая цитадель, башни и подземелья которой на протяжении многих веков служили тюрьмой английским королям. Зубцы высоких стен уже местами окутал туман, и от этого казалось, будто башни отступили вдаль.

Оливер задумчиво проговорил:

– Чего тут только не творилось в старину – всякие страсти!..

Он остановился перед тяжелыми двухстворчатыми воротами. Джим и Эдди ничего об этом не слышали, не знали даже названия ворот, перед которыми невольно замедлял шаги всякий прохожий.

– Трэйторз-гейт! Через эти «Ворота изменников», как их назвали, волокли государственных преступников. Кто сюда входил, знал, что навсегда. Живым отсюда никто уже не выходил, разве только на казнь. Вон там, наверху, – Оливер показал на небольшой холмик слева от них, – стояла плаха. Голов же тут отрубили, скажу я вам… королевских голов!..

– Сколько? – деловито осведомился Джим.

– Ну, с сотню будет, а то и больше.

Джим Теленок остолбенел, затем громко фыркнул:

– Сотня? Врать-то! Да столько и королей-то не было!

В памяти Оливера вдруг далеким видением мелькнули уроки истории, которую он, сын состоятельных родителей, проходил в школе. «Не спеши, по порядку, Пентленд! И сначала всегда дату», – услышал он голос учителя и вдруг, как в классе, забубнил:

– 1535 год – канцлер Томас Мор, обезглавлен. 1536 год – королева Анна Болейн, обезглавлена. 1540 год – канцлер

казначейства Томас Кромвель, обезглавлен. 1542 год – генерал-адмирал Сеймур, обезглавлен. 1546 год – Энн Эскью, подвергнута пыткам в Тауэре и сожжена… Король Генрих Шестой, убит в Тауэре…

Год вылетел у него из памяти. Оливер уставился на мрачные ворота. Может, здесь проходил и Генрих VI? Он вздрогнул. Это Джим засмеялся.

– Всего два короля пока что!

Исчезли классная комната, школьные товарищи, учитель, который всякий раз, как называешь дату, со свистом рубил воздух линейкой. Перед ним стояли два оборванных близнеца, которых нисколько не трогал этот перечень.

– Ну, и всякие там знаменитые люди – архиепископы, герцоги, полководцы и все, кого они именовали мятежниками, то есть которые за народ стояли. И чуть кто против власти – голову долой! Обезглавлены, задушены, заколоты! Ричард Третий родного брата в бочке с вином утопил. Даже маленьких принцев и тех прикончили: задушили, когда они спали. А многих в башнях морили голодом до смерти. Других сжигали.

Эдди, задрав нос, принюхивался. Оливер и Джим расхохотались.

– Ну, сейчас, положим, не пахнет! – Оливер хлопнул Эдди по плечу.

– Нет, пахнет! – стоял на своем Эдди Телячья Ножка. – Чем-то горелым… я уже давно слышу.

Теперь и Оливер задрал нос.

– Норд-ост! Ясно. «Табачная трубка королевы». Наши бравые таможенники опять набили ее контрабандным табаком. – Он показал на высоченную трубу, которая, поднимаясь из восточного угла лондонских доков, словно длинный указательный палец воткнулась в серое небо. – Вот ослы! Жечь хороший товар! Наплевать, что с фальшивой наклейкой или контрабандный. Мог бы другим пригодиться. – Подобное расточительство бесило Оливера. – Думают такими штуками приучить людей к честности!

– Просто смех берет! – с ожесточением бросил Джим. – Ну и подлецы! Платили бы лучше людям столько, чтобы сыты были и не мерзли. – Он сунул руки в карманы рваных штанов и прибавил шагу.

Оливер с изумлением смотрел на него. А Джим не дурак. У Кинга верный глаз. Да и простоватого Эдди со временем обтешем.

Они уже обошли весь Тауэр и вновь приближались к затону. Эдди Телячья Ножка вдруг испуганно схватился за карман, но тут же, успокоившись, весело зазвякал монетками. Никогда еще они не были такими богачами. Сегодня уж они поедят вволю, и всё

самое лучшее. Очень довольный, он толкнул Оливера:

– Вот уж не думал, что Кинг так честно поделится! Ни на пенни больше себе не взял.

– Кинг? Взять себе больше? В моем гроссбухе ты прочитал бы, если б умел читать, сколько раз он брал себе даже меньше.

– Хм! – хмыкнул Джим. – Не понимаю. Он же атаман. А они всегда берут себе больше. Никто бы и слова против не сказал, если…

– «Против»!.. – передразнил Оливер. – Не мели чепуху, Теленок! – строго произнес он. – Тогда бы он не был нашим Кингом, а мы были бы самыми простыми карманниками, как вон другие… – И он презрительно обвел рукой вокруг. – Кинг парень что надо! Ваше счастье, что он вас принял. Он пойдет с нами в огонь и воду. Никогда не оставит в беде…

– А нам какую-нибудь одежонку дадут, Оли? – сквозь кашель просипел Эдди. – Гляди, какой туманище. Тьфу, черт! В моих лохмотьях зиму не протянешь!

– Не скули! – прикрикнул Джим на брата. – Вот чудак! Туман нам подмога. А до зимы еще далеко. – И он повернулся к Оли, чтобы расспросить его о шайке.

– А с Джеком как? Его мы тоже должны слушаться? Он ведь лучший друг Кинга?

– Ясно! А ты как думал? – Оливер смерил его взглядом. – Джек молодец, он всех лучше после Кинга. До тебя это еще, видать, не дошло?

– Дошло-то дошло… – нерешительно признал Джим. – Что он лихой – это сразу видно, раз вчера ночью с Кингом перелез через стену и утащил кружева.

– И откуда утащил! – Оливер воодушевился. – Попробовал бы кто другой. Из пасти самого Кровососа! Отчаянную штуку выкинули. Если бы они Джека или Кинга поймали, тогда…

– Что тогда? Да говори же! – подтолкнул его Эдди Телячья Ножка.

– Крышка тогда… и Джеку, и Кингу!

Близнецы впились глазами в Оливера. Эдди спросил:

– Но, если это было так опасно, почему же они это сделали?

– Уж конечно, не ради того, чтобы ты звякал в кармане тремя шиллингами. Не ради этого!

Джим искоса взглянул на Оливера: почему тот не договаривает?

– У Кинга была какая-то стычка с Кровососом? – спросил он немного погодя. – Я слышал от ребят в Рукери.

Оливер вздохнул, но потом подумал: они вправе спрашивать.

– Да, наши хотели насолить Кровососу. Рассчитаться по

старому счету с Кроссом-младшим. Джек целых три года задарма проработал на фабрике, а еще этот живодер велел избить его до полусмерти. Но Кинг выручил его из тюрьмы. Он сделал так, чтобы и его посадили…

Эти намеки лишь разожгли любопытство близнецов.

– Посадили? Как же так? В настоящую тюрьму? Ну же, рассказывай! И почему Джека? Он что-нибудь натворил?

Оливер зажал уши. Но, раз уж он начал, надо было продолжать. И он рассказал все, что знал о Джеке. И Джим, который до сих пор считал, что никому не жилось хуже, чем им, с волнением слушал рассказ о безотрадном детстве Джека. А Эдди впервые за много недель вспомнил о матери, которая осталась совсем одна и, конечно, о них горюет. С жадностью ловили они каждое слово Оливера.

– Джек рос в сиротском доме, у него не было ни матери, ни брата. Но вот однажды Кросс-младший явился в приют. Он забрал оттуда двенадцатилетнего Джека и еще шестерых сирот, будто хотел обучить их ремеслу. Но особые договора, которые с ними заключили, были еще намного хуже простых контрактов. У учеников не было своего угла, они жили в страшной тесноте в жарком фабричном подвале, кормили их плохо, и после двенадцатичасового рабочего дня они как мертвые валились на соломенные тюфяки. Им не давали играть, гулять не пускали, никогда они не слышали доброго слова, зато их при всяком удобном случае пороли и оставляли без обеда. На третьем году такой каторги Джек работал рядом с Билли. Они подружились. Фабрика была для Джека настоящей тюрьмой, и он только и думал, как бы вырваться на волю. Билли рассказал ему о шалаше из веток, который они с соседскими ребятами построили в пустоши. Хоть раз, но он увидит пустошь, решил Джек. Он без спросу ушел с фабрики, хоть и знал, что его за это побьют. Но Кросс-младший подумал, что Джек сбежал, снарядил за ним погоню. Джека поймали и упрятали в Ислингто́нскую окружную тюрьму. Там его зверски избили. Дубинками изуродовали все лицо. А чтобы другим сиротам неповадно было, Джека должны были осудить за нарушение договора, а после отбытия наказания вернуть на фабрику. Но Билли подставил шефу ножку. Он смело выступил на суде и все начисто выложил. Рассказал о жестоком обращении с учениками, избиениях, противозаконной ночной работе. Это никак не устраивало судью. Он приказал вывести Билли из зала. Билли сопротивлялся, и его заперли в одну камеру с Джеком.

Оливер дошел до самого захватывающего места своего рассказа и нарочно томил близнецов. Потом сказал:

– Ну, а ночью оба ушли.

Джим свистнул сквозь зубы, а Эдди никак не мог сообразить:

– Ушли? Как это… прямо так и ушли? Но как же?

Оливер снисходительно усмехнулся и несколько свысока произнес:

– Надо иметь хоть капельку фантазии, не то жизнь станет пресной и будет драть горло, как черствый хлеб без масла. Ну-ка, пораскинь мозгами: засов у дверей где? Ясно, не изнутри. Окошко для них тоже не оставили открытым. Билли уже заранее подготовил свой план, хорошо осмотрел дом снаружи. Конечно, он прихватил с собой инструмент. К голяшке привязал. А остальное сами смекайте. В конце концов, обычная камера – это тебе не Тауэр. И все-таки это было отчаянное дело. Наш Кинг молодчина. Хитрый, как лиса, всякие уловки знает, где уж им его поймать. – Оливер для вящего эффекта помолчал и потом добавил: – А теперь прикиньте! Что, если бы их обоих вчера в прядильне сцапали…

Близнецы кивнули. Джим просто преклонялся перед главарем шайки.

– Да… вот это да! А что было потом, когда они… ну, ты понимаешь. У Джека-то никого нет!

– В том-то все и дело. Билли не хотел больше расставаться с Джеком и умотал из дому. С того и началось. В порту они сошлись с длинным Бробби и Хенни, те тогда были в шайке «Игольное ушко». Вот где самое настоящее жулье! Это нашему Кингу не подходило. Ему подавай приключения, опасности, он за дружбу, справедливость!

– А как ты к ним попал?

– Ну, это длинная история. На сегодня хватит с вас. Как-нибудь в другой раз расскажу. А в двух словах так. Я хотел уехать на пароходе, надоело дома до чертиков. Все какие-то чинные, благородные… По воскресеньям ни в церкви, ни за столом слова не скажи. Одни притворщики кругом. Да и в школе сплошь барчуки, глупые как пробка. Нет, дудки, думаю, хватит с меня. Куда угодно, только подальше от них. Вот я и решил уехать зайцем.

– Зайцем? – переспросил Эдди.

Оливер так и прыснул:

– Ну и ну! Долго же тебя придется еще учить, дурья твоя башка. Это так говорится, когда едут тайком. Без билета. Я встретил тогда Джека и Хенни, они таскали бидоны с маслом в машинное отделение, где я спрятался. Они рассказали мне о Кинге. Я и сел к ним в лодку. И не жалею об этом. Вот и все, – закончил Оливер.

Он рассмеялся. Что ему из того, если в желудке иногда урчит с голоду и ходит он в лохмотьях. Он нашел друзей. А это главное. Но ведь близнецы этого не поймут. Пока еще!

– Значит, Кинга надо слушаться? – спросил Джим.

– Надо! – Оливер выпрямился. – Никто не смеет втихую обтяпывать дела и утаивать добычу. Наш лозунг: ничего для себя, все для всех!

Джим невольно вздохнул. Что им придется нелегко, это он уже предчувствовал. Он хмуро пробурчал:

– Ерунда все это! Очень уж правила строгие. Если нельзя делать что хочешь, какая же это свобода?

– А вот такая! – Оливер прибавил шагу, показывая этим, что на сегодня воспитание новичков окончено. – Поживете с нами, тогда и поговорим. Великое дело спайка. Бробби на три года старше Кинга, но ему и в голову не придет потребовать себе больше. А добывает он больше всех. У нас все по-другому. Недаром у нас главарем Кинг, второго такого нет. А шаек столько, сколько вшей у тебя в голове.

Джим испуганно запустил пятерню в лохматую голову. Все трое дружно рассмеялись.

•

Доки всё больше пропитывались желтым лондонским туманом. Билли и Джек, шагая вразвалку, как заправские морские волки, бесцельно шатались по причалам и набережной, держась, однако, поодаль от праздничной толпы гуляющих, собравшихся поглазеть, как отчалит «Bella Napoli».

– Наступает наше время, – сказал Джек и взмахнул рукой, будто приветствуя туман. – Сразу как-то на душе спокойнее стало.

С живым интересом, который всегда вызывали в нем парусники, следил он за всеми маневрами на готовящемся отвалить итальянском судне; за матросами, копошившимися будто тени возле мачт; за тем, как поднимали на борт лоцмана возгласами и командами на чужом языке. Заметив безучастный взгляд Билли, он спросил:

– О чем думаешь? О Бробби?

– Да! Но ничего, он справится. Я посоветовал ему подъехать к мальчишке-кочегару на «Табачной трубке». – Заметив удивленный взгляд Джека, Билли коротко рассмеялся. – Пускай поделятся, нам все равно перепадет достаточно.

– Мне бы такое и в голову не пришло! – с восхищением сказал

Джек.

– Кочегару на «Табачной трубке» тоже жить хочется. – заметил Билли. – День и ночь жгут всякое добро, а самим жрать нечего.

– А как же Бробби проскочит мимо охраны?

– Ты видел давеча Стэффа, таможника? Он уже здорово нагрузился. А Хеннин дедушка поставил ему еще полштофа виски. Когда Стэфф заступит на дежурство, что он с хмельных-то глаз увидит?

– Ловко! Всегда ты что-нибудь придумаешь! Во всяком случае, так спокойнее.

– Бробби никогда не работает наобум, у него все должно быть наверняка, – сказал Билли.

Он многому научился от Бробби. Собственно, основному, что нужно атаману шайки. Но тем, чем грачи отличались от всех других шаек, как день от ночи, они были обязаны ему. И Билли этим гордился.

У грачей было полно друзей в гавани, хотя бы уж потому, что люди, вынужденные обстряпывать свои дела за спиной у таможенных чиновников, всегда находили в них надежных помощников. Грачам подсказывали, где можно подработать; при полицейских облавах – надежно прятали или указывали запасной выход. Большинство знало, что Джек у полиции на заметке, и сочувственно относились к нему. Всем было также известно, что грачи, когда докеры не поспевали с погрузкой, помогали им, не требуя никакой платы.

Билли и его друзья отнюдь не чурались честной работы, лишь бы только с них не драли три шкуры и платили хорошие деньги, а не какие-то жалкие пенни. Если же не получали, сколько было договорено, то подстраивали подлым хозяевам какую-нибудь каверзу. Справедливость прежде всего!

Кинг считал, что он как нельзя лучше воспитал своих грачей. Он не требовал от них слепого послушания. Обычно он спрашивал, хотят ли они участвовать в деле. Но если соглашаешься, то уж подчиняйся и не пищи.

– Ну, сегодня мы проведем портовую полицию, – сказал Билли и взял Джека под руку. – Из выручки непременно купим тебе теплую куртку!

– Телячьей Ножке нужнее, чем мне! – буркнул Джек.

– Он тоже получит. Столько-то нам наверняка перепадет!

Друзья подошли к самому краю затона и наблюдали, как на паруснике поднимают последние трапы.

– Хорошо, что мы кружева сплавили! – с удовлетворением сказал Билли. – Завтра они уже будут в открытом море. И у меня

на душе как-то легче стало: все-таки чертовски рисковое дело!

– Что правда, то правда! – подтвердил Джек. Вода плеснулась о доски причала и замочила им ноги, но Джек даже не заметил. – Когда ты там, наверху, исчез в форточке и долго не возвращался… а вахтер вдруг посреди ночи впустил целую ораву людей во двор, у меня в глазах потемнело. Ноги стали будто ватные. Знаешь, как я струхнул! – Он хрипло рассмеялся.

– Да, если бы они нас накрыли… – пробормотал Билли.

– Вообще-то не стоило так рисковать…

– Ерунда! – резко оборвал его Билли. – Что об этом сейчас поминать. Ведь все было продумано до мелочей. Мы можем гордиться, что наконец-то как следует проучили этого мерзавца. Вот взбеленится завтра утром, когда не сможет отправить свои кружева «Маршаллу и Зиндерманну»! Он ведь спит и видит, что благодаря этим кружевам станет поставщиком двора. Уж я-то знаю. – И, ожидая одобрения, взглянул на Джека; но тот молчал. Билли с горячностью продолжал: – Все на фабрике знают, что Кросс-младший бредит этими кружевами. То-то посмеются над ним, то-то обрадуются, что шеф остался в дураках! – И, видя, что Джек о чем-то глубоко задумался, Билли хлопнул его по плечу: – Вот как надо работать грачам, это мне по нутру. И нам послужило, и справедливости!

– Справедливости! Может быть. Но уж больно она крохотная. Мне думается, Кровосос это как-нибудь переживет Но сколько нам еще терпеть? Когда же придет Большая Справедливость, для всех нас? – И Джек описал рукой полукруг, как бы захвативший всех людей в доках, весь мир.

Билли сердито отшвырнул в воду валявшийся под ногами окурок сигары, который при других обстоятельствах не преминул бы подобрать.

– Это уж не наша забота, Джек. Это сделают другие… – но тут же, смутившись, запнулся, потому что вдруг вспомнил о Робине. И торопливо заговорил: – Мы же решили так жить, как живем… здесь! Плохо нам, что ли? И весело! Ну, чего тебе еще? – и, резко повернув друга к себе, заглянул ему в глаза.

Но тот потупился.

– Да так-то оно так, но ведь можно жить и по-другому, – медленно проговорил Джек, но, видя, что Билли помрачнел, поспешил добавить: – Хотя бы, например, на таком вот судне. Ты и я.

На «Bella Napoli» как раз отдали швартовы.

– А ты думаешь, там свобода? Вкалывать там надо до седьмого пота!

– Знаю, – пробормотал Джек. – Нашему брату нигде нет

свободы. Но, – и он сверкнул голубыми глазами на друга, – на таком корабле все время видишь что-нибудь новое. Не могут же они тебе глаза завязать. Взяли бы да и высадились где-нибудь на краю земли. В Южной Америке… или у чернокожих. И остались бы там. Они парни хорошие, честные. И началась бы у нас совсем другая жизнь.

– А грачи? И все это? – с горячностью воскликнул Билли.

Он любил родной город, его кипучую жизнь, порт, причалы, поблескивающую серой рябью могучую Темзу. Он не жалел, что избрал эту вольную жизнь, где не было ни пинков, ни колотушек, ни понуканий. Вот только родные… Но разве грачи ему не родные? Не братья?

Так же как и Джек, Билли часто прислушивался к звукам чужой речи желтых и черных рабочих, не раз наблюдал, как китайцы палочками едят свой рис, сидел на циновках индийцев и слушал их странно заунывные песни, от которых веяло пряным ароматом дальних стран. Но никогда бы ему не пришло в голову все бросить, чтобы отправиться с Джеком за океан. Он предводитель грачей, он сплотил их в одно целое, сделал тем, чем они теперь стали, и гордился этим. И он за них в ответе. Неужели Джек, его друг, этого не понимает?

– Да, грачи – это я понимаю. Но на всю жизнь? – все еще колеблясь, отвечал Джек.

– К чему сейчас думать, что будет потом! Я не хочу расставаться с грачами и не хочу расставаться с тобой. Подумай о Бробби, о Хенни, об остальных – как же мы их бросим, ведь они опять станут обыкновенными карманниками. Нет, Джек, нигде не найдем мы таких друзей!

– Ты прав, я просто болван! – Джек повернулся спиной к паруснику. – Иногда я об этом забываю, думаю, что где-то там, за тридевять земель, мир лучше устроен. Сам не свой делаюсь, когда вижу паруса. Да ладно, как-нибудь отвыкну!

К Джеку вновь вернулось хорошее настроение. Мальчики стали возиться, скакать через пустые железные бочки, которые с грохотом раскатывались во все стороны, а затем два друга, весело посвистывая, двинулись вдоль набережной.

Просчитались

Хенни обладал особым талантом: незаметно подкравшись, он вдруг, будто из-под земли, вырастал рядом с теми, кого искал, и внезапно вмешивался в их разговор. Так и сейчас, он неожиданно взял Оливера под руку и, указывая на близнецов, лукаво шепнул ему:

– Хватит наставлять этих желторотых, пошли к шлюзу! – и потянул было Оливера, который уже несколько секунд глядел на опустевшую площадь, в противоположную сторону.

– Погляди-ка вон на того…

Ребята остановились. Хенни насмешливо сказал:

– Он думает, здесь посеяны золотые!

Грачи с любопытством стали следить за босоногим подростком, который, пригнувшись, бродил по площади и, впиваясь глазами в мостовую, будто искал чего-то.

– Видно, что-то потерял, – сказал Эдди так громко, что мальчик на миг застыл, испуганно огляделся и повернул в другую сторону.

Но Хенни был другого мнения:

– Не… боится, что за ним следят, это ясно, как лондонский туман!

Немного погодя они увидели, что паренек, пригнувшись, опять пересекает площадь.

Это был Джо, который по настоянию Бекки все же отправился в порт разыскивать брата. Сперва он было наотрез отказался. Ведь все уладилось! Кровать теперь у них, Мавр обещал переговорить с Эндером. Все будет в порядке. А если Билли в самом деле утащил кружева, то лучше об этом не знать, потому что, если украл он, нельзя это скрывать от Мавра: тогда фабричной комиссии все станет известно и уже ничего не предпримешь. Значит, лучше не разыскивать Билли. Так рассудил Джо.

Однако Бекки противопоставила ему трезвый арифметический расчет. А на что они будут жить всю эту неделю? Заработка Робина на семью в восемь человек не хватит. Им недостает на хозяйство как раз тех двенадцати с половиной шиллингов, что получала мать. Появился маленький, и он хочет есть. Маме нужно хорошо питаться. Если Билли и не сможет много дать, он хоть что-то подкинет. А если он взял кружева и продал, пусть отдает деньги. Это были веские доводы.

И так Джо скрепя сердце во второй половине дня отправился в путь. Последние пенни он истратил на проезд в омнибусе. Но, чем ближе подходил он к докам, тем неспокойнее становилось у

него на сердце. А когда он, невольно ускорив шаг, бежал вдоль рва Тауэра, мимо грозно вздымавшихся зубчатых стен, где прохожие, скользя, как призраки, вдруг, огромные, вырастали перед ним, чтобы тут же раствориться в тумане, когда он увидел на набережной одного из фабричных надзирателей с женой, его обуял страх: «А что, если за мной следят и увидят меня с Билли и его шайкой?» Дважды он поворачивал, намереваясь вернуться домой. Но потом ему пришла в голову шальная мысль: раз уж в это воскресенье было столько чудес, не совершится ли еще одно чудо – вдруг он найдет кошелек с деньгами? Тогда ему вовсе незачем встречаться с Билли. И вот он переворачивал каждый клочок бумаги, нагибался за каждым стеклышком, мечтая о находке, которая выручит его из беды. Откуда Джо было знать, что на этом пятачке всякую оброненную мало-мальски годную вещь сразу же высмотрят куда более зоркие и наметанные глаза.

Когда Джо опять подобрал что-то и тут же бросил, Оливер воскликнул:

– Пошли! Надо помочь парню. Слепая собака и та бы прослезилась, на него глядючи!

Увидев, что ребята направляются к нему, Джо испуганно повернул в другую сторону.

– Портач, сразу видать! – с пренебрежением бросил Хенни. – Что ни шаг, озирается. Его счастье, что туман, а то легавые живо бы его забрали!

Вдруг Эдди выскочил вперед:

– Эй, Пестрый Дятел! Погоди! – Он узнал Джо по латаной куртке.

Обычно Джо не откликался на ехидное прозвище, которым его наградили мальчишки Грачевника, потешавшиеся над его пестрой курткой. Кто так его называл, не был ему другом. Но Эдди уже подбежал и в знак приветствия хлопнул его по плечу. Одних лет и роста с Джо, он тем не менее покровительственным тоном сказал:

– Ну, Джо, младший братишка нашего великого Кинга, что ты ищешь здесь, у Тауэра?

Джо вздрогнул. Потом смущенно засмеялся. Это, должно быть, товарищи его брата. Нельзя показывать им, что он струсил. Поэтому он небрежно сказал:

– Мне Билли нужен. А что еще? Он меня звал!

– Ладно уж! Так ты, значит, братишка нашего Кинга? – Хенни дружески подхватил Джо под руку, но, заметив, что тот боязливо отстранился, добродушно заметил: – Небось свистнул что? Эква! Мы тебя проводим!

– Свистнул? Как это – свистнул?

Джо выдернул руку – он снова забеспокоился: а что, если кто-нибудь увидит его с грачами? Он оглянулся. И тут взорам ребят предстало необыкновенное зрелище. Туман над Белой башней раздвинулся, как занавес, открыв раскаленный шар солнца, которое холодно и тускло, будто меркнущий огненный глаз, уставилось на них с бледного неба. Это длилось всего несколько секунд – потом занавес закрылся, и казалось, что Тауэр пылает в багрово полыхающем море тумана. У Джо мороз пробежал по коже. Боясь, что другие это заметили, мальчик в свое оправдание сказал:

– Сегодня он и в самом деле может нагнать страху.

– Кто? – спросил Эдди, на которого кроваво-красная небесная фантасмагория не произвела ни малейшего впечатления.

– Да Тауэр!

Хенни и близнецы загоготали, но Оливер, бросив на них строгий взгляд, дружески сказал:

– С непривычки, конечно, страшно. Да еще этот кровавый туман… поневоле жутко станет…

– Что ж, тут и вправду творились всякие кровавые дела, – вставил Хенни.

– Головы рубили, друг ты мой… королевские! – Джим Теленок не замедлил похвастаться только что приобретенными знаниями.

– И королевские? А разве королей можно… Я хочу сказать… – Джо повернулся к Оливеру, который внушал ему наибольшее доверие.

– А почему нельзя? Такие же люди, как и все. И даже хуже! – пояснил Оливер. – Это давно было. Сейчас Тауэр тюрьма, но только для крупных преступников, которые приговорены на много лет или пожизненно.

Джо покосился на одну из башен с решетками на бойницах.

– На много лет? – вырвалось у него.

А ведь Очкастый грозился засадить маму в тюрьму! Он не смог подавить легкий стон.

Оливер с сочувствием взглянул на него:

– Боишься? Чего уж ты там натворил! Подумаешь, беда какая!

– Я? Ничего я не натворил. А беда вот случилась. Потому-то мне и нужно поговорить с Билли.

– Ну, тогда пошли! Разыщем его где-нибудь! – с готовностью предложил Хенни.

Сначала они бродили по набережной, пытаясь развлечь братишку Кинга. Показали ему все, что было любопытного. Джо на время даже забыл о своих горестях. Сколько кораблей! Прямо лес мачт. А как проворно снуют маленькие пароходики по Темзе!

На противоположной стороне дока в тумане вытянул длинную шею кран, ну прямо заморская птица! Хенни только собирался что-то объяснить, как вдруг один за другим загудели колокола окрестных церквей, и громче всех – колокола собора Святого Павла, мерно отбивая пятый час пополудни. Сразу же затем пронзительно завыла сирена. Гуляющие столпились на набережной, чтобы не пропустить необычное зрелище – выход судна в воскресный день. Хенни удалось протолкаться с грачами и Джо к самому парапету. На что требовалось немалое искусство.

Будто призрак, вынырнув из тумана, высокая и стройная «Bella Napoli», еще не успев распустить паруса, скользнула к воротам шлюза. Совсем близко, почти на расстоянии вытянутой руки, у поручней стояли матросы; они махали на прощание, что-то кричали. С берега к паруснику летели пожелания попутного ветра.

– Вот он! – Хенни кинул в воздух свою капитанскую фуражку и ловко подхватил ее. – Addio[24], Паоло! – восторженно кричал он.

– A rivederci! – послышалось в ответ. – A rivederci, bambino![25]

Грачи провожали взглядом судно, пока оно не скрылось в тумане. Толпа разбрелась. Тут на плечо Джо сзади легла рука.

– Хэлло, Джо! Хорошо, что ты наконец к нам выбрался! – радостно сказал Билли. – Джека ты ведь давно знаешь?

Джек крепко и сердечно пожал мальчику руку. Но Джо едва решался взглянуть на его изуродованное шрамами лицо. Если б не большие лучистые глаза, он бы его не узнал.

– Тебе подвезло, браток! – Билли с удовлетворением похлопал по карману. – Сегодня мы при деньгах. Кутнем! Закажем, что душе угодно. Как насчет бараньих ребрышек, твоего любимого блюда? Или тушеного мяса по-ирландски? А на сладкое пудинг.

– Ну, пока, Кинг… Мы сейчас тебе не нужны. Пойдем, ребята, может, чего себе купим… – Джек подмигнул Билли. – Ровно в шесть ждем у «Красного слона»! – Он подтолкнул Оливера.

Хенни подцепил под руки обоих близнецов:

– Мы сматываемся, пошли!

Джо с облегчением посмотрел им вслед, но тут же встрепенулся. Хотят что-то купить, сказал Джек? Они при деньгах? Потратят деньги… деньги за… те самые деньги?

– Не смейте! – не своим голосом закричал он им вслед. – Останови их, Билли, верни обратно!

– Чего «не смейте»? Чего тебе от них надо? – удивился Билли.

Но Джо с таким отчаянием повторил свое требование, что

Кинг, свистнув, подал условный сигнал. Ожидая новых распоряжений, грачи поспешили назад. Что такое?

– Вы еще нужны! – сказал Билли. – Ну, говори, Джо, чего тебе от них надо?

Видя, что грачи в ожидании уставились на него, Джо сглотнул слюну и приготовился говорить, но голос изменил ему. Лишь после того как Джек ободряюще ему кивнул, он, не поднимая глаз и запинаясь, чуть слышно пробормотал:

– Случилась беда. Очкастый Черт… это из-за кружев. Они пропали. Если они не найдутся, мы должны выплатить пятьдесят шиллингов, или маму посадят в тюрьму.

Теперь, когда главное было сказано, он поднял глаза. Грачи стояли будто громом пораженные, но на их лицах не дрогнул ни один мускул. Лишь Эдди покосился на Кинга. Но и тот не шелохнулся.

– Эти кружева сплела наша мама, – добавил в виде пояснения Джо. Но так как Билли по-прежнему невозмутимо глядел на него, выпятив нижнюю губу, чтобы как-нибудь не обронить лишнего слова, Джо уже менее уверенно продолжал: – Ты же знаешь, Билли. Бекки тебе дала кусочек этих кружев. Образец «колокольчик». – Слова с трудом сходили с языка. Но теперь у Джо отлегло от сердца: этого не мог сделать Билли, он бы сразу признался. Бекки напрасно заподозрила брата.

Тут Билли с наигранным равнодушием спросил:

– А почему маму должны посадить в тюрьму? Разве она украла кружева?

– Украла? Это мама-то? – воскликнул Джо. – Наша мама? Как у тебя язык повернулся!

И снова глаза Джо недоверчиво и торопливо перебегали с одного на другого, но грачи избегали его взгляда. Один только Джек не потупился. Он смело встретил взгляд мальчика, кулак его невольно сжал ремень сумки. Ох, и удавил бы он этого Очкастого!

«Что сказать малышу? – думал Джек. – Надо его выручать». Он заметил, как у Эдди жалобно задергался уголок рта. Страх, что заманчивый обед уплывет, слишком ясно отражался на его лице. Но Джим сделал брату предостерегающий знак. Джо перехватил его, а тут еще он заметил, как хитро подмигнул Хенни. Джо понял: они всё знают и еще издеваются над ним. Не владея больше собой, он закричал:

– Так это сделал ты, Билли! Ты и твоя шайка! Это вы нас погубили – маму, меня, нас всех! Воры вы, вот кто! Самые обыкновенные воры! – Он кричал все громче.

Прохожие уже стали оборачиваться.

Билли схватил его за руку и потащил прочь от парапета.

– Идем отсюда! Расскажешь все по порядку, только не ори. От этого лучше не станет!

Отыскав укромный уголок, грачи уселись на опрокинутые бочки, и Джо в четвертый раз пришлось рассказать о том, что произошло этой ночью. Он уже не запинался, он понимал, куда метили Очкастый Черт и Кросс-младший. Мавр раскрыл ему глаза.

– Конечно, они прекрасно знают, что это не мама. Но они точат зубы на нас, Клингов. Хотят нас проучить. Хотят держать нас в страхе. Вот почему! Они думают: смутьяна Робина Клинга пришлось перевести в филиал на Уайтчапл-роуд, он посмел потребовать большей заработной платы для прядильщиков. Этот самый опасный. Билли взбунтовался и убежал. Джо пожаловался фабричной комиссии и еще других подбил. Теперь Клингам крышка!

Грачи слушали затаив дыхание. Они с нескрываемым восхищением уставились на Джо. Билли глаз не сводил с брата, будто только сейчас по-настоящему его разглядел.

«Какой же он малыш? – думал Билли. – Молодец, вот он кто! Мужественный, смелый!»

Джо выпрямился.

– Да, именно так. Не иначе! Если мы не заплатим, они нас выгонят! Он не преувеличивал. Теперь, когда он знал, что кружева похитил Билли, нельзя, казалось ему, обращаться к мировому судье.

Ни один из грачей не считал опасения Джо напрасными, и все же ни один из них не раскрыл рта. Мрачные, они избегали глядеть друг на друга. Билли стоило больших усилий разыгрывать спокойствие и уверенность. Он все еще крепко сжимал губы. Но от Джо не укрылось, что брат взволнован. Гнев Джо угас, ему стало грустно.

– Если мама узнает, что это сделал ты, она не поймет. Когда мы с ней остаемся одни, она всегда говорит о тебе только хорошее. Как это ты о нас не подумал, Билли?

– Откуда я знал, что так получится! – нехотя, хриплым голосом выдавил из себя Билли и снова замолчал.

Гневная вспышка Джо задела его куда меньше, чем последний горький вопрос. Упрек справедлив! Как вожак, он обязан был предусмотреть все. А он думал только о себе и о шайке. Да, черт побери! Сплоховал он, а теперь родным за него отвечать. Он вскинул глаза на Джека. Тот угрюмо уставился в землю. Наверно, думает то же самое. Все молчали. Джо ждал.

Наконец Билли пересилил себя и отрывисто спросил:

– Они требуют еще пятьдесят? А двадцать уже удержали?

Джо кивнул.

– Вот мерзавцы!

Билли кусал губы. Семьдесят шиллингов! Для этого надо провернуть какое-нибудь большое дело. Надо! Они и провернут, но на это потребуется время. А долго ждать мама, конечно, не может. Что же сказать Джо? Обнадежить его? Это было бы подло. Отдать деньги? Но они поделены. Нужно хоть растолковать ему, что это была не просто кража.

– Ты назвал нас обыкновенными ворами, и на первый взгляд это так и есть. Но мы не воры, пора тебе наконец это понять. Мы берем лишь у тех, которые сотни раз уже обкрадывали нас и других. Мы должны защищаться. Чего ради покорно глядеть на то, что они вытворяют? Мы боремся за справедливость… – Он скользнул взглядом по лицам своих грачей, те одобрительно закивали. – А с Кровососом мы давно хотели рассчитаться, я и Джек. Ты же видишь, как изувечили нашего Джека. Мы хотели отплатить этому черту, Кроссу-младшему, ударить по самому его больному месту, по карману.

– Правильно, ударить по карману! – вставил Хенни. – И он этим не отделается. Уж мы выведаем, как подобраться к более жирным кускам. Кружева – это для него мелочь… – Он свистнул сквозь зубы и показал на реку. – Вон они где плывут, твои кружева! Но мы уж как-нибудь…

– Не трави баланду, Хенни! – оборвал его Кинг. – Не твоя это забота!

Хенни пожал плечами. Наступило тягостное молчание. Джек не выдержал, вскочил, пнул ногой смоляную бочку и сказал Джо:

– Не убивайся. Какой-нибудь выход найдем. – И позвал остальных. – Айда, ребята, сперва на квартиру. Ты ведь потом придешь с братом, Кинг?

Немного погодя поднялся и Билли:

– Пошли!

Братья молча шагали рядом. Старший ждал, когда скажет что-нибудь младший, и время от времени исподтишка на него поглядывал. Но Джо упорно молчал, и Билли наконец вызывающе бросил:

– Ну, отец меня уже совсем с грязью смешает, когда ты явишься домой и выложишь им новость.

– А я и не подумаю. – Джо смерил брата недобрым взглядом. – У нашего папы и так хватает забот. А если бы вас поймали? – Джо в ужасе покачал головой.

– Если бы да кабы… – хрипло рассмеялся Билли. – Чтоб нас не накрыли, об этом забочусь я! На то я и Кинг!

Это прозвучало заносчивее, чем Билли того хотел, но он подумал: «Ничего, не повредит, пусть малыш знает, с кем разговаривает!» Поэтому он очень удивился, когда Джо зло на него накинулся:

– Ах, вот как? Об этом заботишься ты? Считаешь себя невесть каким умником! – Джо язвительно засмеялся. – Тебя же легко могли увидеть в прядильне! В лицо-то тебя все знают! И сразу же привлекли бы маму как укрывательницу. Как тогда папу!

Билли резко повернулся:

– Папу? Как укрывателя? Что ты хочешь сказать?

– Ну, когда ты стащил муку у Квадлов.

– Ах, муку? Подумаешь – десять фунтов! – небрежно бросил Билли. – Хотел вам что-нибудь подкинуть. Как это могло выплыть?

– Как? А знаешь, какой шум поднялся, когда ты удрал с фабрики? – со злостью напирал Джо. – Во всем Сент-Джайлсе только и было разговору. Квадл сразу же прибежал и обвинил папу: «Негодяи, стащили у меня пятьдесят фунтов муки! Сыночка своего Билли ко мне подослали! Отдавайте сейчас же, не то…»

Билли встревожился, но не хотел показать виду:

– Ну и что? Неужели отец сдрейфил перед этой собакой? Перед таким дерьмом? – Но Джо молчал, и Билли, помедлив, добавил: – А впрочем, это на него похоже, совсем раскис, тряпка тряпкой!

– Наш папа? Плохо ты его знаешь. – Джо колебался. – Сам я ни за что бы не признался, сколько бы Квадл ни грозил полицией. Но, когда я потом сказал об этом папе, увидел бы ты, как он на меня напустился: «Хочешь сделать из меня укрывателя краденого, как твой братец Билли, этот босяк! Не удери он, я бы его сам выгнал. Ни ворами, ни укрывателями Клинги никогда не были и не будут».

Билли побледнел. Джо это заметил. Но он уже не щадил брата, выкладывал все напрямик:

– Вот уже год, как Бекки надрывается у этого подлеца. Все задаром. И уйти не может. Как тогда уплатили за полмешка муки, так с тех пор не можем рассчитаться за квартиру.

Билли в кровь искусал губы. Как же он подвел родных! Тьфу, дьявол! Разыгрывал из себя благодетеля, а дома еще год назад знали, как все было на самом-то деле. И расплачиваться за него пришлось сестренке.

Джо посмотрел на Кинга, лицо Билли будто окаменело. Ему стало жалко брата.

– Я не начал бы об этом говорить, Билли. Мне-то даже нравилось, что у тебя своя шайка. Но когда я сейчас обо всем

этом думаю, то вижу – ничего тут нет хорошего. – Он озабоченно посмотрел на Билли. – И кто знает, чем все это кончится!

– Уж это моя забота! – грубо отрезал Билли. Но голос его звучал не слишком уверенно.

– Мы-то с Бекки ведь знаем, какой ты. И Робин тоже, – примирительно сказал Джо. – Ты и к маме привязан и ко всем нам, – дал же ты тогда Бекки четыре шиллинга на кровать. – Он заколебался, но затем, мотнув головой, добавил: – Но почему ты вечно впутываешь нас в какую-нибудь беду? Дал Бекки деньги и тут же выпросил у нее образец кружев…

Билли остановился, рванул Джо за плечо и с угрозой спросил:

– Ты что думаешь, Джо, что я… Не для того же я дал ей денег, чтобы… для того… – Он отпустил Джо, сунул руки в карманы, сгорбился и торопливо зашагал.

Как это все обернулось? Они и в самом деле могут счесть его подонком. А ведь кража у Квадлов была единственная, где он отхватил себе львиную долю. В его шайке каждый обязан был думать обо всех. Если б не эти треклятые кружева, он бы уж сумел доказать Джо, что путь у грачей правильный. Билли поднял голову, замедлил шаг и принялся насвистывать.

Джо с облегчением заключил, что брат успокоился. В конце концов, он пришел сюда не читать наставления Билли, а просить его о помощи. Немного погодя он подтолкнул Билли локтем:

– Э, Билли, а у нас братик родился.

– Братик? – радостно и вместе испуганно вырвалось у Билли. – А мама? Как она? Ничего?

Джо кивнул Он был рад, что Билли его расспрашивал, обо всем допытывался.

Под конец Билли сказал:

– А у меня для мамы подарок. Теплый платок! Шерстяной! Он в «Ките». Ты его захватишь. Незачем ей говорить, что это от меня. А то она все зябнет.

Джо улыбнулся.

– Она больше не зябнет. Мы сегодня подарили ей кровать, ты же знаешь, ту самую… и подушку, и шерстяное одеяло в придачу, и… – Заметив изумление Билли, он замолчал.

– Значит, все же купили? И это всё сегодня? Ничего не понимаю!

Джо пришлось рассказать брату все подробности, а закончил он свой рассказ так:

– Без мистера Мавра мы ни за что не получили бы кровати, да и задаток бы пропал.

– Тот самый мистер Мавр, из фабричной комиссии? Который помог вам сесть в омнибус?

Билли хотел знать все: и как он выглядит, и как одет, а Джо готов был часами говорить о Мавре. Билли со стороны поглядывал на брата: лицо Джо порозовело, глаза блестели, никогда еще он не говорил с таким воодушевлением. Казалось, он сразу повзрослел.

– Это только друзья называют его Мавром, – пояснил Джо, – а на самом деле его звать Маркс. Доктор Карл Маркс. Робин его знает. У Робина в ящике есть книжка, ее написал Карл Маркс. Он книжки пишет. Для рабочих.

Джо с нетерпением ждал, что скажет на это Билли, но тот только проронил:

– Книжки? Вот как!

Джо с горячностью принялся доказывать:

– Но ему надо вернуть деньги, Билли. Он ведь поручился и за остаток.

– Вернуть? Что ты хочешь этим сказать? – Билли произнес эти слова врастяжку.

Джо вскинул на него глаза:

– Ну, вернуть! Что тут понимать? И не позднее чем через две недели. Дольше он ждать не может! – Джо умолчал о том, что говорил ему Мавр о своих денежных затруднениях.

Билли даже присвистнул.

– Трость с серебряным набалдашником, цилиндр и все прочее – и чтоб не было монеты! Ты еще плохо знаешь людей, братишка. А если он пишет для рабочих, то уж верно видел, как им живется. – Билли хмыкнул. – Так пусть сам и остальные пять шиллингов заплатит. Он ведь поручился, да?

– Билли! – только и мог выговорить Джо и чуть ли не с ненавистью взглянул на брата.

– Что с тобой? – Билли видел, что лицо Джо побагровело и он силится что-то сказать. – Чего ты всполошился, Джо? Успокойся! – испуганно зашептал Билли и обнял брата за плечи. – Я вовсе не то имел в виду. И с книжником этим все уладим… Но вот мы и пришли. – И они исчезли за дверью «Пьяного кита».

Грачи поджидали их за столом. Оливер встал:

– Не будем долго рассусоливать, Кинг. Джек говорит, что мы ударили не по Кровососу, а по Джо и твоим родным. Мы приняли предложение Джека и никуда сегодня вечером не пойдем. Зато Джо получит деньги, которые выручили за кружева.

Не дожидаясь ответа, Оливер подошел к стене и на глазах у изумленного Джо сперва снял портрет королевы, а затем вытащил из тайника гроссбух. Он делал все это так серьезно, чуть ли не торжественно, что Кинг просто не мог возразить. Оливер раскрыл книгу, перечеркнул написанное и снизу проставил:

«Двадцать шиллингов… выплачены Джо Клингу».

Он поднял голову:

– Основания можно, я думаю, не указывать?

Кинг всматривался в лица товарищей. Ни у одного он не обнаружил и признака досады или недовольства. Лишь Эдди Телячья Ножка готов был заскулить, но боялся: предусмотрительный Джим заранее наступил ему на ногу. Несмотря на удивительную свою прожорливость, Эдди все же понимал: тут уж надо держаться. Правда, если б Билли дольше наблюдал за ним, он непременно заметил бы, как медленно рука Эдди вытаскивала из кармана три злополучных шиллинга. Остальные, не колеблясь, сразу выложили свою долю.

Джо не верил своим глазам. От радости он стал пунцовым. Двадцать шиллингов! Какие все-таки хорошие ребята! От избытка чувств он вскочил, чтобы пожать руку хотя бы Джеку. Ножка у стола выскочила. Столешница качнулась, и серебряные монеты покатились во все стороны. С криком и гамом, счастливые, что наконец-то опять можно смеяться, грачи подбирали деньги. Последний шиллинг нашел Хенни.

– На́, недотепа! Видишь, все помаленьку улаживается. Приходи еще как-нибудь, когда опять будем с поживой. Мы тебе всегда рады!

– Вообще, оставался бы с нами! Обидно, что такой парень пропадет ни за грош в прядильне Кровососа! – сказал Оливер.

Джо почувствовал на себе напряженный взгляд Билли, но решительно замотал головой:

– Нет, нельзя. Как же дома без меня…

Джек принес из кухни «Кита» большущую кастрюлю супа, в котором плавали кусочки мяса и сала. Эдди облегченно вздохнул. Джо заставили съесть две полные миски. Все насытились. Потом пошли провожать Джо к остановке омнибуса на Тауэр-хилл.

Уже почти стемнело. Туман затушевал очертания домов и кораблей. Фонари у причалов в порту и вдоль набережной Темзы казались мутными лунами, плывущими в тучах. Похолодало. Билли с Джо шли впереди.

Хоть бы слово сказал, думал Джо. Почему он все молчит? Джо искоса взглянул на брата. Может, жалеет о деньгах? Рука Джо ощупала карман, куда он ссыпал монеты, предварительно убедившись, что в нем нет дыр. «Значит, двадцать у меня есть. Можно будет купить молока и мяса… Деньги маме не отдам. А Робину можно сказать, откуда они у меня… Пять оставлю себе и завтра, сразу же после работы, выкуплю долговую расписку. На бумажке ведь обозначен адрес Мавра. Но что будет завтра на фабрике?» Он невольно вздохнул. Билли услышал.

– Что еще?

– Если б знать, как все дальше пойдет, – нерешительно сказал Джо.

– На эту неделю вам денег хватит. Это примерно столько же, сколько с вас удержали. Верно ведь?

– Верно. Ну, а как будет с мистером Мавром? Ты говорил, мы и это уладим. Мавр-то думает, что мировой судья решит в нашу пользу. Он думает, нам вернут деньги, и тогда мы сможем отдать ему долг.

– Ну, так он глубоко ошибается.

– То есть как? – Снова в голосе Джо зазвучали запальчивые, враждебные нотки, а глаза так и впились в Билли.

– Очень просто, – ответил Билли. – Мировой судья, само собой, станет на сторону фабриканта.

Джо кивнул. Ему тоже так казалось. Он успокоился.

– А потом, это все-таки сделал один из нас, Клингов, – хоть они и не знают, но это же так.

– Гм! – Билли размышлял. Немного погодя он медленно, словно признание это далось ему с трудом, согласился: – Верно. А твоего доктора предоставь мне, я с ним договорюсь.

Тебе? Как это? Ты же его вовсе не знаешь!

Ну, адрес-то у него есть. Вот я и схожу к нему. Если хочешь, пойдем вместе, мне надо на него поглядеть. Может, ты и прав; может, он и в самом деле не богач. Не беспокойся, я сразу раскушу. Через две недели я принесу тебе, то есть твоему доктору, еще десять шиллингов. Но сперва я хочу с ним поговорить, его прощупать, а тогда уже отдать монеты. Да не гляди ты на меня так, не съем я твоего Мавра или как его там зовут! Где же встретимся?

Захваченный врасплох, Джо сдался.

– Может, на старом месте? Оксфорд-стрит, угол Черинг-роуд?

– Заметано! Значит, через две недели. В понедельник. К шести или чуть позже. Как у тебя со сменой?

Джо подсчитал и в знак согласия кивнул. Перед ними замаячила остановка омнибуса. В омнибусе народу было полно, но кондуктор дожидался: по расписанию еще рано было давать сигнал к отправлению. Джо простился и полез на империал. Вдруг Билли вспомнил о лежавшем в кармане апельсине и кинул его брату наверх. Джек сказал:

– Очисть сперва, Джо. Внутри он сладкий и сочный.

Лошади тронули. Билли и Джек несколько секунд бежали рядом, и Билли крикнул:

– Отдай матери! Это из Италии. И не потеряй платок!

Потом они отстали. Джо втянул носом необычный аромат

южного плода и завернул его в теплый платок. Он уже не страшился завтрашнего дня. «Ничего они от меня не узнают! Никто-никто, даже Эндер, если он вообще появится». Только одному Мавру решил он доверить тайну.

•

Джек и Билли рысью побежали обратно, чтобы нагнать грачей, которые ушли вперед. У тускло мерцающего фонаря Кинг извлек из кармана уже помятую по краям картинку, поглядел на нее и сказал:

– Вот все, что осталось от наших кружев. Метили в черта Кросса, а угодили в своих.

Вроде бы так, – спокойно ответил Джек. – Но мы это уладим. Я уже кое-что придумал. А этому Кроссу… – Он не договорил.

– На́ картинку, Джеки. Спрячь. Я ее для тебя выпросил.

Джек осторожно ее разгладил.

– Гляди-ка, какое у них море синее! Совсем не такое, как у нас. И горы дымят…

– И золотые шары растут на деревьях. Кто хочет, может рвать и есть, – произнес Билли тем же тоном.

Джек не сразу разобрал ту крупицу иронии, которой были приправлены его слова.

– Кто хочет? Ну, это положим! – быстро сказал он, потом с сомнением взглянул на Кинга, нахмурился и спрятал картинку. – Ну, а хоть бы и так, все равно любопытная страна, раз горы дымят.

Они услышали сигнал грачей и вскоре собрались все в кучку. Хенни провел рукой по волосам, так что они у него взъерошились, встав торчком, как петушиный гребешок. Хитро поблескивая глазами, он доложил:

– В Ист-Индские доки с запозданием прибыла «Королева Виктория». Они так горят с разгрузкой, что в спешке легко могут обсчитаться. Мне мой Одноглазый шепнул.

– Ясно, Хенни! – весело сказал Билли. – Тут мы, пожалуй, прижмем хвост какой-нибудь богатой индийской гадюке! – Он прочистил горло: – Братцы, вы держались молодцом. Когда все идет гладко, и не узнаешь, какие у тебя хорошие друзья.

Необыкновенный понедельник

В серых утренних сумерках все улицы и переулки рабочих кварталов Лондона похожи друг на друга. По ним движется поток молчаливых, невыспавшихся людей. Фабричные рабочие – мужчины, женщины, дети. Если на перекрестке кто-нибудь поднимет глаза и увидит соседа или товарища по работе, то лишь кивнет мимоходом.

По понедельникам путь на работу всем особенно труден, и прежде всего – детям. Воскресенье с его маленькими радостями еще слишком близко, а впереди длинная тяжелая неделя. Молча, спешат они в темноте, ежась от холода, потому что зима для них самое долгое время года; она тянется вдвое дольше, чем по календарю. Начинается она с осенних туманов и часто еще в мае цепко держится в промозглых стенах, когда на окраинах, за морем домов, луга давно уже зеленеют и ветер разносит повсюду ароматы весны.

Через слепые, незанавешенные окна трех- и четырехэтажных домов на улицу падает мутный свет газовых и керосиновых ламп или мерцающие отблески свечного огарка. Но и за темными окнами не нежатся лежебоки. Скоро вернутся рабочие с ночной смены, и в домах вспыхнут новые светлячки.

В каждой улочке многомиллионного города изо дня в день та же картина: навстречу друг другу безостановочно тянутся вереницы людей, словно невидимые руки стальными тросами тащат их на фабрики, в пакгаузы, на строительные площадки. И так не только в Лондоне, но и в Манчестере, Бирмингеме, Ланкастере, Глазго. Великобритания, родина крупной промышленности, намного опередила соседние европейские страны, не говоря уже об Америке, и по объему производства, и по качеству и дешевизне своих товаров, и по численности пролетариата.

Безрадостный путь! Но ребятишки мужественно идут на работу, иные уцепившись за руку брата, сестры или матери. Некоторые еле волочат ноги, хотя длинный рабочий день еще и не начинался. Они больше устают, и их сильнее клонит ко сну, чем взрослых, которых суровая жизнь приучила выносить бесчеловечный ритм работы.

Сегодня Джо все оттягивал и оттягивал минуту вставания, однако, прощаясь с матерью, заставил себя сделать беззаботное лицо. Но, едва он вышел на улицу, улыбка исчезла. Сегодня он не обгонял, как обычно, идущих впереди. Он жался к стенам домов, безропотно принимал толчки и, как и все остальные, не поднимал

головы. Его познабливало. В одной руке он нес узелок с хлебом и бутылкой чая, а другой, сжатой в кулак, в такт шагам ударял по холодным стенам домов. Что ждет его сегодня? Бесконечные вопросы – друзья будут его жалеть, завистники – злорадствовать. А потом начнут допрашивать. Кто? Очкастый Черт или младший шеф? И заставят ли его подписать?

«Дер-жать-ся! – отбивал кулак по дощатым заборам и стенам. – Дер-жать-ся!» Придет ли вовремя инспектор Эндер? А если только после допроса? Да и придет ли он вообще? Нашел ли Мавр время к нему зайти? Что он мог и позабыть, Джо не допускал. «Я тебя не оставлю», – сказал Мавр.

Когда Джо вспомнил об этом, ему сразу стало теплее. Не так уж сегодня холодно, решил он. Или это ему кажется потому, что он сегодня не босиком, как обычно? В самую последнюю минуту, уже на лестнице, Джо вспомнил о башмаках и вернулся.

– Я за башмаками, папа! Прямо с работы я пойду к мистеру Мавру…

Отец, выдававший детям башмаки только с наступлением холодов, ни слова не говоря, принес их из чулана. И даже тряпкой обтер.

– Не снимай их на работе, а то еще, чего доброго, украдут. Придешь – почистим. А твоему мистеру Мавру, то есть доктору Марксу, передай наше покорнейшее спасибо. Нет, не говори «покорнейшее», скажи… – Тут отец задумался. Он хотел сказать что-то о «Манифесте».

Но Джо некогда было ждать. Он и так понял отца.

– Я расскажу, как все было, папа. И о книжке. И что ты ее знаешь. Он обрадуется!

У самой бумагопрядильни Кэт и Ричард, подхватив Джо с обеих сторон под руки, забросали его вопросами. Он только покачал головой. У фабричных ворот толпа рабочих стиснула их плотным кольцом. Но он пообещал друзьям все рассказать после смены.

Кэт подумала: «Все?» Значит, что-то было…

– А мы подарили маме кровать, – сообщил Джо с гордой улыбкой. – И у нас теперь братишка!

Кэт даже глаза вытаращила:

– Кровать? Врешь!

Но тут они оказались в проходной и должны были назвать свои номера. Им кинули жетоны на тесемке. Начинался рабочий день.

•

Ровно в девять наступило время короткого перерыва, но Джо все еще на допрос не вызывали, и он немного успокоился. Возле уборной его обступили приятели. Расспрашивали о краже. Всем хотелось узнать, почему его отослали домой до окончания смены.

Но тут Джо увидел Очкастого, который, стоя у перил винтовой лестницы, что-то внушал нескольким подросткам. Рот у него растянулся в отвратительной ухмылке. У Джо мороз по коже пробежал. Как проскочить мимо ненавистного Белла? Поблизости проходил Андерсен. Ему достаточно было одного взгляда, чтобы понять мучительное состояние мальчика, и он, потянув Джо за рукав, повел его на главную лестницу, по которой детям ходить запрещалось.

– Не бойся, Джо, – сердечно сказал он. – Ничего он тебе не сделает. Мы все уверены, что вы тут ни при чем. Выше голову!

Джо кивнул. Какой Энди добрый! Шум запущенных машин помешал ему ответить. Не успел Джо стать на свое место, как мимо, будто случайно, прошмыгнул Мики, которого прозвали Тюфяком. Он никак не мог смириться с тем, что маленького, тщедушного Джо вечно ставят в пример ему, здоровому, коренастому малому. Теперь-то он ему отомстит. Напустив на себя таинственный вид, он, будто по секрету, передал:

– Эй, Клинг! Старший кладовщик велел тебе передать, что скоро за тобой придут. Полицейские! – Он помедлил, насмешливо поглядывая на свою жертву. – Они уж вытрясут из тебя правду. Так что готовься!

– Какую еще правду? – глухо произнес Джо; у него даже губы побелели.

– Откуда мне знать? Может, они кое-что о тебе разузнали?

Джо остался один. Поблескивая, вращались перед ним веретена. Он отвернулся. У него кружилась голова. Какую правду? Про Билли? Неужели они напали на след? Каждая минута ожидания давила плечи свинцовой тяжестью.

Когда Андерсен проходил между рядами, он увидел, что Джо ничком лежит на полу. Кэт, не зная, что делать, стояла возле него на коленях.

– Тебе худо, Джо? – спросил Андерсен и нагнулся.

Джо раскрыл глаза, он не понимал, где он и что с ним. Потом узнал Андерсена.

– Нет… нет… это сейчас пройдет! – Неужели он упал от слабости? Еще не совсем твердо держась на ногах, он встал за каретку.

Кэт и Ричарду велено было стоять поблизости и помогать ему, так распорядился Энди. И не напрасно! Никогда еще, казалось Джо, так часто не рвались нитки на его веретенах, как в

это утро.

Около десяти часов старшего надзирателя Андерсена вызвали в главную контору, но он почти тотчас вернулся за Джо.

– Нас обоих требуют к начальнику личного состава Каттлу! – Андерсен пытался улыбнуться, хотя и сам он порядком трусил. – Да, да, и меня тоже! Так что, как видишь, ничего плохого не может быть. Разговора так или иначе не миновать. Да оно и для тебя лучше! – пытался он успокоить мальчика, который шел рядом с ним бледный как полотно.

Джо не заметил, как почти у самых дверей Каттла какой-то пожилой рабочий отозвал Андерсена и шепнул ему что-то на ухо. От волнения он не заметил и Очкастого Черта. Тот, сопя и раздувая ноздри, торопливо прошел, весь потный от возбуждения и сознания собственной важности, и исчез в приемной Кросса-младшего.

В тот же миг дверь распахнулась, и узкогрудый клерк, который обычно тише воды ниже травы сидел в конторе Каттла, надменно, одним указательным пальцем, поманил к себе Андерсена и бросил:

– Поторапливайтесь! Мистер Каттл ждет!

Каттла, начальника личного состава и управляющего фирмой «Кросс и Фокс», рабочие бумагопрядильни прозвали «Бритвой». На тощей, морщинистой шее у него сидела хищная, как у коршуна, голова. Бритый, с лицом, иссеченным морщинами, он сквозь стекла никелированного пенсне впивался в человека крохотными зрачками водянисто-голубых глаз и всегда молча, поджав губы, стоял перед очередной жертвой. Никогда не меняя тона, задавал он свои вопросы, нагонявшие на всех трепет. Но, едва провинившийся, заикаясь, давал на них ответ, Каттл объявлял свое решение. «Как бритвой режет», – говорили рабочие. И никакие мольбы не могли его поколебать. Перед начальством его тонкие, словно лезвия, губы иногда волей-неволей складывались в почтительное подобие улыбки, но никто никогда не видел, чтобы Каттл смеялся. Никто на свете не был ему дорог. Он и себя-то, видно, не любил. У него была одна только страсть: главная книга фирмы, власть, которую она олицетворяла и к которой он был причастен, с тех пор как гроссбух оказался в его руках.

Как выжать из рабочих все соки при помощи договоров, которые они по неведению подписывали, и тем самым умножить цифры прихода в книге, как, пользуясь штрафами, перечеканить малейшую провинность в прибыль, как задушить в зародыше даже признак поднимающегося возмущения, – все это Каттл постиг в совершенстве. В этом он видел смысл своей жизни.

Потому-то старому Кроссу и приглянулся бывший бухгалтер, и он в конце концов доверил ему самый ответственный в фирме пост.

Когда Джо и Андерсен вошли в душную, отделанную черными панелями комнату, где круглый день тускло горел газовый рожок, Каттл стоял за конторкой. Не удостоив их взглядом, он продолжал читать какую-то бумагу, на которой еще не успели просохнуть чернила, затем аккуратно положил ее на самую середину стола и не спеша присыпал песком.

Джо до сих пор везло, его еще ни разу не вызывали к Бритве. От волнения у него сдавило горло. Он прятался за Андерсена, но все же, набравшись духу, окинул взглядом комнату: Очкастого не было. Ему стало легче.

Каттл поднял очки на морщинистый лоб, повелительным жестом поманил к себе Джо и, когда тот, еле передвигая трясущиеся ноги, подошел, уставился на него своими рыбьими глазами. Он собирался было заговорить, но затем поджал губы и с головы до ног медленно оглядел худенькую фигурку в латаной куртке. И вдруг почувствовал, как в нем закипает бешеная злоба. У него заходила челюсть.

Перед ним стоял жалкий оборвыш, карлик с ввалившимися щеками, ничтожество! И такое посмело раскрыть рот? Решилось нам, хозяевам, показать зубы? И, вместо того чтобы попросту раздавить эту козявку ногтем, приходится выполнять поручение младшего шефа!

Джо почувствовал на себе исполненный ненависти взгляд пронзительных глазок. Потом услышал тонкий, гнусавый голос. Слова, смысла которых он не понимал, пролетали мимо ушей. Зато Андерсен не пропустил ни единого словечка, он все больше убеждался в том, что у хозяев нет на руках козырей, раз Каттл так велеречив. К чему же иначе такое многословное, приторно-благожелательное вступление?

Каттл начал издалека. Сначала говорил об «исключительной доброте» и «беспримерной мягкости» набожного Джона Кросса-старшего, церковного старосты в Паддингтоне, которого любовь и уважение избирателей вознесли на высокий пост депутата, члена парламента и который вот уже много лет трудится на благо населения своего округа. Затем он перешел к сыну, старающемуся во всем подражать отцу, – Сэмюелу Кроссу. Всем известно, как близко он принимает к сердцу нужды своих взрослых и малолетних рабочих. Особенно малолетних. Как он неусыпно печется об их воспитании, расширяет их умственный кругозор в фабричной школе, приучает их к дисциплине и порядку, чтобы они со временем стали хорошими, примерными работниками. Разве такие благодетели, – Каттл повысил голос, – не вправе

рассчитывать на преданность своих рабочих?

Но тут Каттл оборвал свою речь. К своему безграничному изумлению, он заметил, что Джо его вовсе не слушает и не понимает. И в самом деле, взгляд Джо блуждал по картинам в массивных золотых рамах, которые несколько оживляли мрачные стены. Каттл просто онемел. Он совершенно обнаглел, этот мальчишка! Наступившая после монотонного словоизлияния внезапная тишина заставила Джо вздрогнуть.

– Я говорил о благодетелях, – резко повторил Каттл. – О благодетелях, которые и в ныне разбираемом нами деле Клингов… – Он с удовлетворением заметил испуг Джо и, вновь пронзив его острым взглядом, с усилием продолжал: – Благодетелях, которые в деле Клингов не пожелали наказывать всю семью из-за одного негодного сына!

У Джо опять закружилась голова, он не мог больше выдержать взгляд Каттла и закрыл глаза. Что они узнали о Билли? Это же о нем говорил Бритва! Кровь стучала у Джо в висках.

Каттл был доволен, что слова его возымели такое действие. Лишь с большим трудом ему удалось вновь придать своему голосу первоначальный елейный тон. Теперь он заговорил о кружевах. Джо весь обратился в слух.

Остановившись на ценности уникальных коклюшечных кружев, которые столь загадочным образом исчезли, и, выдержав паузу, Каттл, к удивлению Джо и Андерсена, продолжал:

– О данных кружевах мы речи вести больше не будем. Коклюшница Мэри Клинг может спокойно возвращаться на работу. Однако возможно скорее, как только поправится. Шеф просил передать, что ей придется сплести другие, еще лучшие кружева. Возможно, во время болезни она придумает какой-нибудь еще более нежный и красивый рисунок кружев, которые могли бы заменить пропавшие. Мы, то есть дирекция фабрики, убедились, что Мэри Клинг ни в коей мере не причастна к краже. Ни в коей мере.

Каттл видел, что Андерсен с трудом скрывает свою радость. Взбешенный тем, что шеф приказал ему действовать помягче, он закусил губы.

К лицу Джо вновь прилила краска. Ему очень хотелось оглянуться на Андерсена, но он не смел. Да и Бритва не спускал с него глаз. Джо хоть и слышал все, но не понимал, миролюбивые или коварные намерения у Каттла. «Он тебя сперва похвалит, а потом в грязь втопчет», – рассказывал о нем Робин.

Бритва и в самом деле приготовился к удару и холодно отрезал:

– А что касается Джо Клинга, то тут разговор другой!

У Джо опять перехватило горло. Он пытался дышать глубже. Что бы его сейчас ни ожидало, в одном он теперь уверен: маме они ничего дурного не сделают!

– Взгляни на меня, Клинг! – услышал Джо голос Каттла и послушно поднял глаза. Каттл взял в руки бумагу и потряс ею в воздухе: – То, что ты пролез на фабрику по пожарной лестнице, это… – он выдержал мучительно долгую паузу, – это беспримерная по дерзости проделка.

Тут и Андерсен вздрогнул. Неужели они все-таки притянут к ответу Джо, хотя Бритва сначала и заливался так сладко?

Каттл с удовлетворением заметил испуг Андерсена.

– Да, да, дерзкая проделка! Озорство. Такими вот цирковыми номерами и вводят воров в соблазн. Приваживают негодяев. Показывают им дорогу на склад.

Он шагнул к Джо и медленно, внушительно произнес:

– Кос-вен-но, заметь себе, ты виноват в похищении кружев. Это-то, надеюсь, ты признаешь?

Джо поглядел на пол, но затем решительно мотнул головой. Такое закоснелое упорство окончательно возмутило Каттла.

– Как, ты и этого не признаешь? – прошипел он. – Кто же показал ворам дорогу? Разве пожарная лестница не ведет на склад? А кружево не лежало на складе? Я утверждаю, что ты, ты один надоумил воров, и посему будет только справедливо, если мы на тебя, Джо Клинг, за недозволенное пользование пожарной лестницей наложим штраф. Соответствующий твоему проступку. Таково мнение нашего хозяина, господина Кросса… и мое собственное.

Совершенно обессилев от возложенной на него задачи, Каттл поднес наконец к носу бумагу и прогундосил:

– «Фабриканты Джон Кросс-старший и Сэмюел Кросс-младший считают себя вынужденными за дерзкую проделку несовершеннолетнего рабочего прядильни Джо Клинга удержать из его заработка двадцать шиллингов. Высокий штраф должен послужить предостережением другим».

Тут Каттл опустил лист и уже быстрее продолжал, устремив взор куда-то в потолок:

– Поскольку у тебя и твоей матери, Мэри Клинг, как я уже отметил, незаконно и без ведома главного шефа в субботу удержали получку в сумме двадцати шиллингов, добросердые господа Кроссы готовы удовольствоваться этой суммой. Она равняется сумме штрафа, которую тебе пришлось бы уплатить. Все это здесь записано. Ты согласен своей подписью подтвердить зачитанное? Я хочу сказать – проставить снизу свою фамилию и

имя. Это также относится к мистеру Андерсену как свидетелю.

– Согласен! – с живостью, но сдавленным голосом ответил Джо.

Он стиснул зубы, боясь как бы от радости у него не задрожал подбородок, а надо было выглядеть мрачным, чтобы не выдать себя. Он схватил ручку со стальным пером и тщательно вывел свою подпись.

Каттл, ожидавший, что мальчик заартачится, поглядел на подпись:

– Гляди-ка, какой прекрасный почерк – а ведь чуть ли не вор!

Андерсен прочел бумагу и тоже расписался. Да, все правильно. О якобы совершенной Клингами краже там ни словом не упоминалось.

И вот наконец оба очутились за дверью. Несколько секунд Джо никак не мог прийти в себя от радости, потом, прыгая через ступеньки, взбежал по лестнице на верхнюю площадку и, весь сияя, скатился по перилам вниз.

– И ты можешь еще смеяться? – проговорил Андерсен, вытирая взмокший лоб. – Двадцать шиллингов, целых двадцать, – это же не пустяк! Почему не торговался? Кто знает, может, они еще сами… Ну и ну! Подарить им за здорово живешь двадцать шиллингов! Но что сейчас об этом говорить.

– Ничего! – тихо и радостно сказал Джо. – Откуда Энди знать!

А тот вдруг рассмеялся:

– Видно, Эндер разделал их под орех!

Джо обернулся:

– Инспектор Эндер был здесь? Правда?

– Шаль, что я узнал об этом в самую последнюю минуту. Не то раньше бы тебе шепнул. – Андерсен кивнул на дверь. – Потому-то он и был такой кроткий. Иначе не обошлось бы так благополучно! Ну, ступай уж! – И он дружески хлопнул Джо между лопатками.

Джо хотел было уже бежать, но тут увидел у входа в прядильную Очкастого: красный, как индюк, с набрякшими под глазами мешочками, он шевелил дрожащими губами, будто разговаривал с незримым врагом. Он не видел ни насмешливых взглядов рабочих, ни Джо, ни Андерсена. Белл кряхтел, бормотал себе под нос ругательства и, по всем признакам, был совершенно разбит и раздавлен. Джо и Андерсен в изумлении уставились на него.

Что же произошло?

Когда Джо и Андерсен входили к Каттлу, Белл промчался мимо них в приемную Кросса-младшего. Второй раз за это утро его вызывает! Какая честь! Но, прежде чем нажать на ручку, он

прислушался. Никак, этот писаришка, что сидит в приемной, злобно хихикнул за его спиной. Может быть, что-то случилось? Нет, Кросс-младший был в кабинете один. Белл быстро облизнул свои мясистые, пересохшие от волнения губы и вошел.

Сразу вся его надутая фигура обмякла. Шеф шагал взад и вперед по кабинету, словно разъяренная пантера в клетке, несколько раз хватил по столу длинной деревянной линейкой, потом зловеще остановился возле опешившего Белла, даже не удостоив его взглядом. Что это с ним? Белл осмелился наконец тихо кашлянуть. Сэмюел Кросс в бешенстве повернулся к нему.

– Что теперь прикажете делать? – прошипел он.

– Да как порешили, шеф. Мальчонка у меня в руках что воск.

– «Шеф… Шеф»! Пока что я для вас «сэр»! – накинулся тот на растерявшегося Белла.

– Слушаюсь, сэр. Но ведь мы… мы…

И тут случилось небывалое: у Очкастого Черта, перед которым трепетал весь цех, вдруг слова застряли в горле. Он попятился, так как Кросс-младший истерически взвизгнул и двинулся на него, словно намереваясь сбить с ног.

– «Мы»… «мы»!.. Утром вы меня ввели в заблуждение, Белл! Хотели мне подсластить пилюлю? Что? Мне не нужны никакие ваши пилюльки и припарки, мне нужны умные головы, а не кретины!

Наконец Очкастый понял. Это головомойка, какой он еще не видывал! Тотчас он угодливо сжался. Кросс это заметил. Несколько смягчившись, он продолжал:

– Обвинить лучшую мою работницу! И без всяких доказательств! Только совершенный болван способен на такое! Очень мне надо наживать неприятности из-за того, что вы дурно обращаетесь с детьми! Сколько раз я говорил: «Никакого самоуправства!» А вы?.. Бестолковый олух! Так не пойдет, мистер Белл! Так не пойдет!

Очкастый ухватился за спинку стула. Что это на шефа накатило? Куда он гнет? Что он, Белл, бывает крутенек, что держит детей в страхе и велит помалкивать, против этого шеф никогда не возражал. И разве всего несколько часов назад шеф не похвалил его за хорошо продуманный план: всю вину свалить на бунтовщика Джо, а мать оставить в стороне! Платить за сына все равно придется ей. А обвинение в воровстве надо с нее снять, уж хотя бы потому, что ее ловкие руки еще долго будут нужны. Белл почувствовал, что почва уходит у него из-под ног. Он растерянно проговорил:

– Но… сэр… я ничего уже не понимаю.

Сэмюел Кросс остановился, расставив ноги, перед униженным

Беллом и с издевкой произнес:

– Я вас научу понятливости. Только что у меня был фабричный инспектор Эндер. Да, у меня. Только что! Так вот каковы плоды вашего воспитания: у ваших сопляков хватает наглости бегать в эту проклятую комиссию жаловаться, доставлять ей точнейший материал. Эндер был уже осведомлен обо всем. Обо всем решительно. Знал о ваших липовых обвинениях, ваших угрозах, удержанной вами получке. Как вы могли так, без доказательств!..

Белл раскрыл и тут же закрыл рот. Потом выкрикнул:

– Это же черт знает что! Его надо вышвырнуть, вышвырнуть надо этого пащенка!

– Вышвырнуть? Опоздали! – Кросс смерил Белла злобным взглядом. – Хорошенькую вы мне тут заварили кашу! А мне ее теперь расхлебывать. Понимаете, во сколько это нам встанет? За ночные смены мы, может, еще отделались бы пустяком, а теперь? Кончено. Крышка. И все по вашей вине! Обвинить людей без всяких доказательств! Я знаю, чего вы хотели. Но такие штуки не могут не выплыть. Как же вы не подумали о времени, остолоп вы эдакий? Кружева пропали, когда комиссия здесь ходила, разнюхивала, стало быть, после десяти часов, милейший. Любой мировой судья, даже благоволящий нам, это докажет и поставит нам на вид, что вы обвинили Клинга лишь потому, что он нажаловался комиссии. Вот вы и сели в лужу. И куда вы полезли с такими, с позволения сказать, уликами?

– Но если… если полиция допросит Клинга по поводу кружев, я знаком кое с кем из начальства, дам им понять…

– Ничего вы не дадите! Ни один полицейский не войдет сюда. Я отменил все распоряжения на этот счет. Мэри Клинг сплетет мне новые кружева, а вы перед нею извинитесь! И если вы скажете ей хоть одно слово или вздумаете приставать к ее мальчишке… как его звать?.. к этому Джо, то вы увидите дверь фирмы «Кросс и Фокс» только снаружи. Это мое последнее слово.

Наконец-то Кросс излил все накопившееся в нем за два дня бешенство. Если перед Эндером ему волей-неволей приходилось разыгрывать благородство и обещать инспектору коренные улучшения на фабрике, то уж на своем подчиненном, пособнике во всех его гнусностях, он сорвал свою злость сполна.

Для Белла же, ненавистного всем рабочим Белла, рухнул установленный богом порядок. Мальчишка осмелился взбунтоваться – и победил! Как же этот негодяй Эндер допек хозяина, если тот отменил все свои распоряжения и задал ему, Беллу, такую взбучку?

•

А тем временем обычно очень сдержанный и благопристойный Томас Эндер, фабричный инспектор, размахивая шляпой, мчался, перескакивая через две ступеньки, вверх по лестнице, к своей квартире. Он несколько раз торопливо постучал. Но так как мисс Браун, квартирная хозяйка, по-матерински его опекавшая, но туговатая на ухо, не сразу отперла, он нетерпеливо забарабанил в дверь. Когда ему наконец отворили, он хотел было, коротко поздоровавшись, пройти к себе, но мисс Браун, укоризненно качая головой, заступила ему дорогу:

– В пальто нараспашку, мистер Эндер? И без шляпы? В такую погоду! Господи боже мой, что случилось?

– Я выиграл сражение, мисс Браун! – Эндер швырнул шляпу, сбросил пальто. – Я… – Ему не терпелось все рассказать, но он лишь смущенно рассмеялся, ибо направленный на него огромный слуховой рожок тотчас отбил у него всякую охоту к излияниям. – Потом, потом, мисс Браун! – крикнул он во весь голос. – Надо срочно писать отчет. Заварите мне крепкого чаю!

Эндер повернул мисс Браун к кухонной двери, поспешил к себе в комнату и сел за письменный стол. Но уже через несколько секунд снова вскочил. Он должен с кем-то поделиться! Непременно! И не через слуховую трубку!

Забежать к Уэббсу? В полдень он наверняка дома.

Несколько минут спустя Эндер был уже на улице. И опять он держался отнюдь не солидно. Засунув руки в карманы пальто, прижав локти и задрав подбородок, он почти бежал. А на более людных улицах хоть и замедлял шаг, но зато позволял себе весьма легкомысленно наподдавать камушки носком штиблета. Насвистав несколько тактов из военного марша, он вдруг весело рассмеялся. Вот чего может добиться фабричная комиссия, если правильно повести дело! Какой успех! Такого у него еще не бывало. Вот когда восторжествовало передовое законодательство его родины! Английскому гражданину надо только иметь мужество и правильно использовать закон. И у него хватило мужества. Да, он в самом деле вправе гордиться своей тактикой и решительностью. С нынешнего дня комиссию, возглавляемую инспектором Эндером, будут встречать на лондонских фабриках с подобающим уважением.

Какое-то время Эндер с наслаждением предавался этим мыслям, таким, казалось бы, очевидным и таким приятным, но затем замедлил шаг. А верно ли, что только *его* мужество, *его* прозорливость привели к этому успеху? Может, к нему причастен и другой? Может, это целиком заслуга этого другого? Ведь как он

поступал до сих пор? Не сводились ли прежде все его действия к осторожной тактике булавочных уколов? Он посещал фабрики, предъявлял претензии, писал отчеты, напоминания, предупреждения! По рецепту: капля и камень долбит. А сегодня утром он нашел в себе мужество вступить в бой с одним из крупнейших лондонских фабрикантов. Откуда оно у него вдруг взялось, это мужество?

Эндер был слишком честен, чтобы кривить душой. И потому он постарался мысленно восстановить в памяти весь ход событий.

Рано утром, в начале девятого, к нему пришел доктор Карл Маркс и уговорил его заявить Кроссу и Фоксу протест относительно всей этой истории с Джо Клингом. Эндер же предлагал другое: сначала составить подробный отчет комиссии, – разумеется, в резкой и категоричной форме, – сразу отослать его фабрикантам, а когда он возымеет свое действие, отправиться к ним уже лично.

Маркс решительно возражал:

– Не отчет комиссии, а заявление мировому судье по делу Клингов! Вот! – И он положил на стол коротенькую записку. – «Заведомо ложное обвинение в краже с целью оказать давление на свидетеля Джо Клинга. Возмутительное, без всяких доказательств вины взыскание штрафа с его матери! Достаточно сопоставить время, чтобы установить полную непричастность обоих. Налицо явный случай саботажа работы комиссии».

Эндер колебался.

– Вот если бы вы пошли со мной! Мне не хватает вашей уверенности, а ведь предстоит настоящее сражение.

– А в субботу вечером? Правда, я помог вам найти путь к детям, как бы приоткрыл дверь, но потом ведь это вы, Эндер, их расшевелили. И добились успеха! Вы нашли даже не одного нужного вам главного свидетеля, а целый батальон. Дети почувствовали к вам доверие, и вы повели их в бой. В открытый бой против хозяев! Нечто совершенно неожиданное, неслыханное для этих господ. Потому-то у них и затряслись поджилки. Правда, ненадолго. И они нанесли ответный удар, и не как-нибудь, а продуманно. По самому смелому – по Джо Клингу. Быстро, жестоко и подло. Если сейчас мы ему не поможем, все опять попрячутся в кусты. Но в расчетах этих господ имеется существенный изъян. Доказуемо, что обвинение в краже ложное, и это дает вам все козыри в руки, дорогой Эндер. Начав с дела Клингов, вы развернете боевые действия по всему фронту. Никаких полумер! Мы зажали их в клещи. Вы потребуете: во-первых, полного обеления Клингов и возврата удержанной получки; во-вторых, немедленной отмены ночных смен для детей

и подростков и соблюдения установленного законом рабочего дня. На меньшее не соглашайтесь! В противном случае вы передаете дело мировому судье и поднимаете шум!

Весь еще под впечатлением этой юношески страстной речи и пылавших огнем черных глаз он, Эндер, тотчас же отправился в путь. У ворот бумагопрядильни им опять овладели сомнения. Но, когда он оказался лицом к лицу с Кроссом-младшим и заметил, что тот встревожен и смущен, он решил дать бой, отказался от предложенного ему стула и холодно заявил:

– Наша беседа, мистер Кросс, будет краткой. Почему? Вы узнаете из этого заявления по делу Джо Клинга. Оно будет передано вместе с моим подробным отчетом мировому судье.

Он сказал это очень резко, надеясь тем самым создать себе выгодный плацдарм для предстоящих переговоров. Но Кросс – как это и предвидел Маркс – сразу же сложил оружие. Правда, когда Эндер потребовал от фабриканта, чтобы тот назвал определенный срок отмены ночных смен и введения восьмичасового рабочего дня для детей моложе четырнадцати лет, Кросс опять попытался было увильнуть. Но тут Эндер почти физически ощутил за своей спиной доктора Маркса с его львиной гривой, вспомнил его аргументы и хладнокровно выложил козырь, который тот дал ему в руки.

– Когда мой отчет об этом малоприятном деле появится в печати, мистер Кросс, да еще перед самыми выборами, я полагаю, что ваш уважаемый отец не будет очень обрадован!

И победил. Кросс тут же, при нем, вызвал начальника личного состава Каттла и, уже больше не пытаясь увиливать, отдал нужные распоряжения.

Углубившись в свои мысли, Эндер и не заметил, как очутился перед домом, где жил член комиссии Уэббе. «Удивительно, – подумал он, – я всегда принимал мистера Маркса за кабинетного ученого, талантливого человека науки, но, оказывается, он отлично знает жизнь, ее повседневную практику!»

•

В этот понедельник маленькие рабочие выходили из стен фабрики не так, как обычно. Они не волочили ноги, не сутулились и не соблюдали надлежащего порядка. Сегодня они спешили. Напирали. Каждый хотел выбраться первым. В воротах образовалась пробка. Вахтер не знал, что и делать. Торопливо брошенные жетоны сыпались ему на стол. Не помогали никакие окрики. Даже самых маленьких, которые обычно, робея,

проскальзывали мимо, и тех захватило общее возбуждение, и они не обращали никакого внимания на старого брюзгу.

Жетон Ричарда, покатившись по столу, слетел на пол.

– Эй, ты, подними! – сердито крикнул вахтер. Он попытался схватить Ричарда, но напиравшие сзади уже вытолкнули мальчика из проходной. Вахтер с трудом пробился на свое место. – Ну чего вы лезете, как бараны! На три часа раньше кончили, успеете. Нет, они все-таки прут и прут!

Но именно эти-то подаренные часы никто не хотел терять. Им сказали, что один из паровых котлов вышел из строя и поэтому они могут идти домой. Почем знать, а вдруг еще одумаются и вернут их на какую-нибудь другую работу? Поэтому вон, скорее вон с фабричного двора!

За воротами ребята рассыпались в разные стороны. Но потом им уже стало не к спеху. Напротив. Они остановились, словно соображая, что к чему. Им подарили три часа! Было еще совсем светло. Даже солнце вдруг выглянуло из-за туч. Дети, которые жили поблизости, помчались домой. Другие бегали, играли в чехарду. Те, кто постарше, сбились в кучки. Столько всего произошло с субботней ночи! С тех пор как разбитый наголову ненавистный Очкастый Черт шатаясь ушел к себе на склад, в прядильном цехе только и делали, что шушукались. Наконец-то можно было поговорить вслух!

Ричарда, Кэт, Дикки Джэба и Сэлли окружили. Все кричали наперебой:

– Его уволят!

– Кого, Очкастого Черта?

– Посадят в тюрьму.

– Пускай покупает Сэлли новое платье.

– И мне тоже! громко выкрикнула Кэт. – Мама говорит, что его больше не починишь.

– Очкастого еще потянут к мировому судье!

– А нас вызовут как свидетелей! – важно заявил Ричард.

Но Дикки тоже не захотел оставаться в тени.

– Ага, я понял! Вот почему они нас сегодня отпустили – хотят задобрить, чтобы мы про них ничего не сказали.

Ричард вскочил на выступ стены и закричал:

– Кто поддастся, тот трус! Мировому судье мы все должны выложить начистоту, как тогда, ночью!

– Я покажу синие рубцы на спине! – решительно заявила Сэлли.

– А я притащу платье! воскликнула Кэт. – Мы должны заранее все хорошенько обсудить. Вместе с Джо. А где же он? Неужели они его задержали?

– Да нет. Я его на лестнице видел… С узелком! – крикнул кто-то.

Куда же делся Джо?

•

Джо все еще стоял у лестницы. Прядильный цех опустел, гул машин умолк. Было так тихо, что он слышал шипение газовых рожков. В голове роем теснились мысли.

С тех пор как он вернулся от Каттла, он думал лишь об одном – скорее домой, к маме, влететь в комнату и крикнуть: «Все обошлось!» И когда за три часа до конца смены вдруг завыл гудок и рабочий объявил: «Котел сломался! Шабаш на сегодня», он первый бросился к выходу. Но потом всех пропустил. Верно ли насчет котла? Надо разузнать. Он слышал, что Андерсена уже без четверти два вызвали к начальнику личного состава. Потому-то Джо и задержался у лестницы. Несколько часов назад он видел здесь Очкастого, тот тащился будто побитый пес. Снова Джо услышал гневный голос Мавра: «Ну, это ему даром не пройдет! Нет, даром не пройдет!»

Никогда еще Джо не оставался один в огромном прядильном цехе. Взрослые прядильщики работали сегодня в другом месте. Их не отослали домой. Внезапно Джо осенила догадка:

«Дело вовсе не только в маме, а в том, что́ раскрылось в субботу ночью. Может быть, гудок к окончанию смены дали потому, что… – Джо вздохнул полной грудью. – А что, если в самом деле? Да, конечно, так оно и есть!» Он обвел глазами прядильный цех. Огромные мощные машины с бегущими ремнями трансмиссий, которые неумолимо подгоняли ребят, день и ночь высасывая из них все соки, всегда казались ему какими-то чудищами. Теперь они стояли. Джо выпрямился, в нем зашевелилась мысль, правда, он не смог бы еще выразить ее словами. Но он почувствовал в этот миг, что и машины, и та подавляющая власть, что за ними стоит, не всемогущи. Она не может так просто кого-то проглотить, если смело против нее выступить. Мысль эта только мимолетно сверкнула, как первый солнечный луч, пробившийся сквозь густую пелену тумана. И все же чувство, что он правильно поступил, что надо быть смелым, бороться и поднимать других на борьбу, завладело всем его существом. Джо был настолько преисполнен этим новым горделивым чувством, что нисколько не испугался, когда из полутьмы цеха раздался сердитый голос:

– Эй! Ты что тут торчишь, на главной лестнице? Чего тут

толчешься один? Ну погоди, мошенник!

Поттер – он спустился из склада – поспешно направился к нему в надежде, что хоть задним числом удастся захватить кого-нибудь из участников кражи. Но Джо безбоязненно поджидал его. Поттер узнал мальчика и пробормотал:

– Ах… хе-хе!.. Что ты скажешь! Так это ты, Клинг! А я было подумал… – Поттер смущенно засмеялся, подошел и чуть ли не с почтением сказал: – Небось старшего надзирателя поджидаешь?

– Да, его! – ответил Джо.

Поттер потер руки.

– Жди, жди. Что до меня, то я не против. Не возражаю. Это твое полное право! – Он указал вниз и доверительно сообщил: – Только едва ли он скоро. Обсуждают новое распределение смен. Для вас-то, во всяком случае, ночные смены отменят. И с завтрашнего дня у вас будет восьмичасовой рабочий день. Да, да, Поттер-то уже все знает. – Он дернул Джо за рукав. – Мне писарь сказал. Завтра утром торжественно объявят.

Джо в растерянности глядел на Поттера. Тот смутился:

– Собственно, мне не надо бы тебе говорить, но ты… ты ведь на меня не донесешь. Вообще-то очень благородно со стороны шефа. Давно бы уж это сделали, если б не Белл… Ну, этого как громом сразило. Просто не узнать. Да, так-то вот. Высоко взлетел, да низко сел. Ну, и шеф, может, тоже не… если бы ты в субботу все не выложил. Только и говорят об этом. Молодец! Потому-то они и хотели тебе с матерью петлю на шею надеть. Но я – ты же слышал, – я на это не поддался. Кто, как не Поттер, о времени-то сказал? Ты это не забывай, Клинг!

Внизу хлопнула дверь. На лестнице послышались шаги, Поттер прислушался и исчез в темном цехе. Джо побежал навстречу Андерсену. Они обменялись несколькими взволнованными словами. Так это, значит, правда, что́ Поттер говорил? Андерсен, который шел за списком детей, работающих в прядильном цехе и должен был тотчас возвратиться, положил руку на плечо Джо:

– Вот это день! Даже не верится! И плату не снизили, А теперь беги домой!

•

Фабричный двор был пуст. Все уже ушли. Как тепло светит солнышко! Джо запрокинул голову. По небу быстро неслись белые облака. На три часа раньше домой! И так завтра и послезавтра… Всегда! Можно будет помогать маме, можно будет

присматривать за маленьким братцем. Чего только не сделаешь за три часа! Книжки читать. Играть с ребятами. И не только он один, а все!

Выйдя за ворота, Джо увидел их. Они его дожидались. Он хотел броситься к ним, но пошел до странности спокойно, так, что ребята глядели на него даже с тревогой.

Дикки Джэб выступил вперед:

– А мы тебя ждали, Джо, потому… мы думаем, они нас на три часа раньше отпустили, чтобы подмазаться к нам. Чтобы мы ничего не сказали у мирового судьи. Но мы будем говорить!

– Все будем, все! Мы тебя не подведем!

Ребята окружили его. Джо ничего не понимал.

– У мирового судьи? – Затем рассмеялся. Глаза у него блестели. – Вы думаете, мы только сегодня на три часа раньше уйдем домой? Нет, и завтра и послезавтра тоже. У нас будет рабочее время, какое положено по закону. Фабричная инспекция этого добилась. А также отмены ночных смен.

Дети несколько секунд стояли, будто онемев. Так быстро они не могли всего этого постичь. Но потом воздух огласился торжествующим воплем. Вахтер, прихрамывая, поспешил к воротам… И остановился как вкопанный. Что они все, с ума посходили? Одни кидали в воздух шапки, другие как одержимые колотили в свои жестяные кружки. Несколько ребят скакали вокруг, будто выпущенные на волю годовалые жеребята. И все орали кто во что горазд, так что ни словечка нельзя было разобрать. Затем, почти так же быстро, крик и суматоха улеглись. Все столпились вокруг того мальчугана, что последним вышел из ворот. Послышались возгласы:

– Вот здорово! Никогда бы не подумал, что Паук на такое способен!

– Да разве он по своей воле!

– Конечно, только потому, что была комиссия.

– Комиссия? Сказал тоже! А когда она чего-нибудь добивалась?

Потом заговорила девочка, но так тихо, что ничего уже нельзя было расслышать. Вахтер, успокоившись, проковылял обратно на свое место к оконцу.

Это была Сэлли, она протолкалась вперед и начала говорить. Ей это нелегко далось, но ведь она все воскресенье думала о смелом поступке Джо.

– Я так считаю. Фабричная комиссия – она ведь много раз уже здесь была, а потом все оставалось по-старому. И я знаю, почему. Мы ведь рта не раскрывали. Никогда не говорили, как плохо с нами обращаются. А Джо сказал. Не побоялся. И раньше тоже,

когда Очкастый меня бил. Он ему ножку подставил, и Очкастый уронил плетку. А еще когда инспектор вопросы задавал и тот, с черной бородой, – они ведь сколько раз нас спрашивали? Мы боялись, а Джо нет!

Все взоры устремились на Джо. Он понял – они гордятся им. Опустив глаза, он смущенно улыбнулся, но это была счастливая улыбка.

– А вы думаете, я не боялся? Очень даже! Больше вас всех. И если собрался с духом, то лишь потому, что… – Джо запнулся. Ему многое пришлось бы рассказать, и прежде всего о Мавре, который ему помог, помог стать смелым. Но он сказал только: – Я ведь знал, что вы все меня поддержите!

Мэми

От лавки старьевщика Соломона Пэтта на Черинг-кросс до Дин-стрит было недалеко. Постояв на Сохо-сквере, Джо нерешительно зашагал к дому № 28. С противоположной стороны улицы он робко поглядывал на четырехэтажное здание. За гардинами все было тихо. Где-то тут, за какими-то из этих окон, жил Мавр.

А дом-то мог бы быть и краше, думал Джо. Чтобы широкие окна и деревья в палисаднике… Этот какой-то некрасивый, весь черный от копоти, как все дома тут кругом. И штукатурка пообвалилась…

Тощий мальчишка-булочник с грохотом катил по булыжной мостовой ручную тележку. Перед домом № 28 он остановился и звякнул дребезжащим колокольчиком. Но и после этого ничего не шевельнулось за гардинами на втором этаже. Достав из корзины два хлеба, мальчишка боком протиснулся в дверь.

Джо вошел за ним. На лестничной площадке забавный карапузик лет пяти спорил с долговязым разносчиком.

– Без денег не велено вам хлеб отпускать! – как-то нерешительно отвечал мальчик из булочной.

– Отдай нам хлеб, Том! – настаивал карапузик. – Мистера Маркса нет дома. И вообще никого нет.

Долговязый, качая головой, только еще крепче прижимал хлеб к себе. Но малыш не унимался.

– Дай хоть один! Наша Ленхен потом принесет вам деньги. Ну давай же, Том!

С этими словами он толкнул кулачком нижний хлеб, схватил верхний и пустился наутек.

Разносчик, посмотрев ему вслед, проворчал:

– Ну погоди же! – Однако в голосе его слышались и нотки одобрения.

Джо остановился около него и по-приятельски спросил:

– Хлопот с ними?

– Хватает! – ответил долговязый и повернулся к выходу. – Хозяин вот скандалить будет. А у них и правда часто денег не бывает. Но люди хорошие…

Джо попытался догнать карапузика, но тот уже исчез за дверью. Джо тихо рассмеялся. Его зовут Эдгар, но они его называют Мушем. Это еще Бекки рассказывала. Наверняка это он! И никто его, конечно, дома одного не оставит. Все сочинил, только чтобы хлеб получить. Ишь ловкий какой!

Джо осторожно постучал. Никто не отзывался. Он постучал

громче. Дверь чуть приоткрыли, и он увидел просто одетую женщину с ножницами в руках, к фартуку и юбке пристали нитки.

Думая, что перед ней разносчик булочника, женщина встретила Джо неприветливо, но лицо ее сразу просветлело, как только он сказал:

– Я Джо Клинг. Дома ли мистер… мистер… Маркс? Мне тут передать ему надо…

– Ах, ты Джо! – Женщина ласково протянула ему руку, пояснив: – А я Ленхен. Доктора Маркса сейчас нет дома. Но ты заходи, если тебе надо что-то передать.

Джо стоял, качая головой и прижимая руку к карману куртки, словно защищал долговую расписку. Почти грубо он ответил:

– Нет! Я могу это передать только доктору Марксу. А если его нет дома, я подожду здесь, на лестнице…

Ему не дали договорить – проскользнув под локтем у Ленхен, Ки-Ки и Лаура, громко хохоча, втащили его в квартиру. Джо смутился. Он ведь не мог сказать, зачем пришел. О долговой расписке знал только Мавр. Как же ему теперь быть? Но, прежде чем Ленхен успела слово вымолвить, Ки-Ки решительно втолкнула Джо в комнату матери. Женни Маркс сидела за столом и писала.

– Это Джо, Мэми! Он к нам в гости пришел.

Лаура добавила:

– Тот самый Джо, о котором Мавр нам рассказывал. Помнишь, вчера? Ну, про кровать, которую они купили своей маме.

Женни отложила перо:

– Джо Клинг? Очень рада с тобой познакомиться. Как чувствует себя мама? А твой маленький брат? Чем кончилось дело у Кровососа сегодня утром? Надеюсь, все сошло хорошо?

Женни Маркс протянула ему руку. Но Джо даже не заметил этого. Он стоял словно зачарованный. Так это и есть жена Мавра? Какие у нее большие темные глаза и ресницы – густые-густые, словно бархатные. А как она смотрит на него – серьезно и в то же время приветливо. Джо и слова не мог произнести. Впервые в жизни видел он такое лицо – красивое и доброе сразу.

Да, Женни Маркс была красавицей. И с Джо Клингом происходило то же, что со всеми, кто ее видел в первый раз. Когда Мавр, рассказывая детям сказку, говорил о красоте какой-нибудь заколдованной принцессы, они строго следили за тем, чтобы он ее описывал только так. «И глаза у нее были чернее ночи и сияли будто две звезды, а кожа – белее снега, и губы алые, как алый мак! И вся она была стройная и гибкая, будто молодая яблонька. Большей красавицы на всем свете не сыскать».

И каждый раз Ки-Ки, глядя на свою маму, словно на чудо, говорила: «Нет, сыскать! А наша Мэми?»

Женни Маркс при этом только тихо улыбалась, а Мавр, украдкой посмеиваясь, соглашался:

«Ну хорошо, пусть будет по-вашему!»

Как-то он рассказал детям:

«Вы-то не знаете, но Мэми правда была самой красивой девушкой Трира. А когда она выбрала меня в мужья, посмотрели бы вы, какие рожи скорчили важные дамы и господа! Никто не хотел, чтобы она за меня выходила. А она все-таки настояла на своем. Как в настоящей сказке!»

Женни Маркс крепко пожала Джо руку и пододвинула стул.

– Садись, – сказала она. – Совсем я тебя оглушила своими расспросами. Это Мавр мне все про вас рассказал. И о тебе, и о твоей сестре Бекки, и о вашей маме, и как вы деньги копили, чтобы кровать купить… И потом – про субботу. – Она добавила очень серьезно: – Мы все очень волновались. Сегодня утром все сошло хорошо? У Кровососа.

– Да, хорошо, даже очень хорошо! – выпалил Джо, который все еще никак не мог прийти в себя.

Но взгляд его, скользнув по детям, уже остановился на полках с книгами, занимавшими все стены, затем на письменном столе, который был завален исписанными листками, тетрадями, газетами и толстыми томами.

– Вот здесь работает наш Мавр, – пояснила Женни Маркс, перехватив удивленный взгляд Джо. – Ты непременно дождись его и, когда он вернется, нам все подробно расскажешь.

Робости Джо как не бывало. Он открыто посмотрел на Женин Маркс и сказал:

– Нас сегодня отпустили домой уже в три часа. – В голосе его слышались годые нотки. – С завтрашнего дня будем работать, как полагается по закону. – Джо перевел дух. – И с мамы они штрафа не возьмут! Все знают, что она не… – Он опустил голову и замолчал. Но на душе у него было легко.

Женни положила руку ему на плечо. Она хотела еще о многом расспросить мальчика, но тут Муш протиснулся вперед и с нескрываемым любопытством уставился на Джо.

– Это Эдгар, – сказала Ки-Ки. – Его ты еще не знаешь. Его вчера не было с нами.

– А я сразу подумал, что это ты и есть, как увидел тебя внизу. Маленький Муш – вот ты кто!

– «Маленький»? Я великий полководец Муш, – выпятив грудь, сказал Эдгар, пытаясь придать своей веселой мордашке суровое выражение. – Я сегодня обратил в бегство великана-булочника

Тома, Мэми. А какой громадный хлеб я у него добыл! И без денег. Погоди, я сейчас принесу, покажу тебе!

Малыш хотел уже выбежать вон, но Женни остановила его:

– Не ходи, Муш, я и так тебе верю. – При этом она вопросительно взглянула на Ленхен.

– Да разве за ним углядишь? Не успела я просто так, про себя, сказать: «Хорошо бы нам за хлеб только на следующей неделе платить!» – как Муш уже выскочил на площадку, – тихо объяснила Ленхен.

Тем временем Муш рассказывал своим сестрам:

– Не верите, да? А вот он тоже видел. Правда, мальчик, ты видел? У великана был большущий мешок, и в нем три огромадных хлеба! Я вытащил самый большой. Ну скажи, правда я вытащил?

Джо кивнул. Ну и выдумщик этот Муш! Но малыш с таким упоением рассказывал, что у Джо духу не хватило выдать его.

Обе девочки, хорошо знавшие хвастунишку, сразу расхохотались, приметив, что Джо смутился. А Лаура лукаво спросила:

– Неужели в мешке было только три хлеба, а не тринадцать и не тридцать три?

Тут рассмеялся и Джо. Муш обиделся на сестренку:

– Пойдем со мной, мальчик! Я покажу тебе свои игрушки. Пойдем в мой уголок. У меня есть заколдованные стеклянные шарики и волшебные пуговки. Знаешь, какие красивые!

Джо взглянул на Женни Маркс, как бы спрашивая разрешения. Она кивнула:

– Иди, иди! Потом все расскажешь нам, когда Мавр вернется. Нашим маленьким дикарям не терпится, они ведь так рады, что ты пришел к ним в гости. Для тебя они, конечно, малы, но если ты…

– Да что вы! – быстро сказал Джо. – У меня тоже две маленькие сестренки. Я люблю с ними играть. Если вы разрешите мне побыть здесь, пока мистер Мавр придет…

– Ха-ха! Он сказал «мистер Мавр»! «Мистер Мавр»… – Лаура так и покатилась со смеху, за ней и Ки-Ки.

Джо покраснел.

– Да ты не обращай внимания! – сказала Женни Маркс, погладив его по голове. – Это такие хохотушки, им только дай посмеяться. Нам с Мавром тоже достается. Ты говори просто – Мавр. Все наши друзья так его называют, а ты теперь наш друг.

«Какая она добрая!» – подумал Джо и собрался уже выйти вместе с детьми, но Женни опять спросила:

– Так как же твоя мама? Ей уже лучше? И малыш здоров?

– У мамы нет больше жара, – ответил Джо. – Я только что видел ее. Скоро она совсем поправится. И кашлять больше не будет. Если бы нам не помог мистер Мавр… Нет, просто Мавр… – Джо оглянулся на Лауру и умолк. А ему ведь так хотелось рассказать обо всем, что он чувствовал, что он думал! Но он сказал только: – А братика назвали Карл.

Женни Маркс даже вздрогнула. Одно мгновение она с удивлением смотрела на Джо. При этом ее брови поднимались все выше и выше. Ее взгляд скользнул по письменному столу и вновь остановился на Джо.

– Карл? Не Чарльз, как принято в Англии?

– Карл, Карл, – ответил Джо. – Так хотел мой брат Робин, и папа тоже, и мама. Все мы хотели так.

Женни на мгновение прикрыла глаза, затем, снова взглянув на Джо, спросила:

– А разве вы знали, как его зовут?

Джо, кивнув, с гордостью ответил:

– Да, у моего брата есть книга, и на ней написаны его имя и фамилия.

– Книга Мавра? – с изумлением спросила Женни. – А что написано на обложке, Джо? Ты знаешь название книги?

Джо поморщил лоб, силясь припомнить.

– Сейчас, сейчас! «Коммунистический… – тихо произнес он. – Коммунистический. Ну, как же это… Ага, вспомнил… Манифест»!

– «Коммунистический Манифест»! – воскликнула Женни Маркс. Руки ее стали машинально собирать листы бумаги, разбросанные по столу и приводить их в порядок.

Дети все еще ждали.

– Мавр будет очень рад. Очень даже будет рад, – сказала она, и в голосе ее послышалось сдержанное волнение. Затем она снова подняла голову и спросила: – Знаешь, мне так хочется узнать, что произошло у вас на фабрике. Скорей бы уж Мавр пришел! Вы правда ему один рог отпилили? – И она лукаво подмигнула Джо.

– Рог? Кому? – Джо был очень удивлен.

– Да этому негодяю – Очкастому Черту!

– Ах, вот оно что! Ему-то? – Джо рассмеялся. – Да уж, отпилили.

Это им, должно быть, все Мавр так рассказал.

– Ну, идем со мной! – тащил его за руку Муш.

– Да, да, идите, мне тут еще поработать надо.

И Женни Маркс снова взялась за перо. Вот она склонилась над листом, но перо двигалось все медленнее и медленнее и в конце концов совсем застыло, а потом и выскользнуло из руки. Женни глубоко задумалась.

Когда это было? Да, четыре года назад, в Брюсселе. Тогда она на это и надеяться не смела. Нет, что «Манифест», программу Союза коммунистов, переведут на многие языки, – это она еще могла себе представить. Но вот, что рабочие станут изучать «Манифест», – об этом можно было разве только мечтать. Ведь среди изгнанников-революционеров ни в Брюсселе, ни в Париже почти не встречалось рабочих! К тому же каждый по-своему мыслил себе грядущую революцию.

А теперь? Только что из этой комнаты вышел рабочий паренек, один из восьми детей безработного прядильщика Эдуарда Клинга. И в этой семье читают «Манифест», думают над ним! «А братика назвали Карл», – только что сказал Джо. Женни Маркс тихо улыбнулась своим мыслям.

«Эта книжечка изменит сознание рабочих», – сказал ее Карл. Она живо представила себе те дни.

Четыре года назад. Брюссель. Гостиница. Сырая осенняя ночь. Мавр, боясь разбудить детей, тихо говорит ей: «Я нашел начало, Женни! Нам пора изложить свои взгляды перед всем миром. Открыто. Да, да, открыто, без каких бы то ни было оговорок! Пусть они дрожат перед „призраком“, имя которому Коммунизм. Пусть навсегда распростятся со спокойным сном!»

В ту ночь она проснулась еще раз. Мигающая свеча. Голова Мавра, склоненная над столом. Перо торопливо скользит по бумаге. Пол усеян исписанными листами. Их становится все больше и больше. Она снова засыпает…

Наутро он присел к ней на кровать и, хотя выглядел утомленным, был полон энергии. «Женни, „призрак“ обрел плоть и кровь!» Почти до самого обеда он читал ей вслух и перестал, только когда дети расшалились. «Давно я не работал с такой охотой! Как ты думаешь, Энгельсу понравится? Ведь он, как всегда, прекрасно все подготовил».

Прошло два-три дня, и к ним приехал Энгельс. Две главы «Манифеста» она уже переписала начисто. После чтения Энгельс никак не мог успокоиться, все бегал взад и вперед по комнате. Затем внезапно остановился, оседлал стул и произнес: «Блистательные формулировки, Мавр! Каждая бьет точно в цель. Никакой пощады! А какая сила! Нет, это будет жить в веках! Скоро „Манифест“ переведут на все языки. Рабочие изголодались по такой пище».

Женни Маркс очнулась. Да, и вот настала эта пора! Год назад «Манифест» вышел на английском языке. Его читают рабочие, и не только в Англии. Шаг за шагом, но дело двигается вперед. Он оказался прав. Как всегда.

Женни Маркс вновь взялась за перо, посмотрела на листы,

исписанные беглым, подчас неразборчивым почерком Карла. Это был его новый труд, предназначенный для рабочих. Кое-где на полях попадались замечания Энгельса. Предложенные им накануне формулировки. Перечеркнутые, исправленные и вновь написанные строки. Женни доставляло большую радость следить за тем, как фразы делались все яснее и выпуклее, как сплавлялись воедино идеи Маркса и его друга. Нет, нет, в этих словах теперь уж ничего нельзя было изменить. С предельной точностью они выражали мысль! А какой сочный, брызжущий всеми красками язык!

Она бережно провела рукой по исписанным страницам. Из соседней комнаты донесся смех. Женни взяла перо и склонилась над рукописью.

Ганс Рёкле и черт

Спальня служила одновременно и детской. Между кроватями был втиснут узенький столик. Там за грудой белья сидела Ленхен и штопала. Ки-Ки рисовала.

Эдгар сразу же потянул Джо в свой уголок.

– У тебя он с собой? Покажи, а? – тихо попросил он.

– Чего показать-то?

– Рог очкастого черта.

Лаура тоже с любопытством смотрела на него, и Джо растерялся.

– Рог, говоришь! Но ведь Очкастый, он хоть и черт, но…

– А хвост у него с кисточкой? – жадно допытывался карапуз.

– Да в том-то и дело, что нет.

– Как! Значит, у него нет хвоста? Тогда и рог не считается. Тогда и сам черт тоже не настоящий.

– Еще какой настоя… – сразу запротестовал Джо, но тут же осекся. Как объяснить детям, что Белл настоящий черт?

Но тут ему на помощь пришла Ленхен.

– Знаете, дети, черти с хвостами и рожками, черти из сказок – это еще не самые страшные. Я знаю куда более страшных, и Джо тоже.

– Страшнее Огненного Копыта? Ну, не верю я тебе, Ленхен. – Ки-Ки с досады швырнула кисточку на стол и добавила: – Ты что, забыла, как он обманул Ганса Рёкле?

Должно быть, и впрямь нелегко было объяснить детям, какие черти самые страшные, так как Ленхен, вместо того чтобы ответить, сама спросила Джо:

– Ты, должно быть, проголодался? Ведь прямо с фабрики. Ну конечно, проголодался! Пойду-ка чай поставлю.

Вскоре дети услышали, как Ленхен на кухне гремела посудой.

Тем временем Муш уже забыл про чертей. Вытаскивая совсем новый саквояж, он с гордостью заявил:

– Вот, погляди, это нам дядя Пипер[26] подарил. У нас много всяких дядей, но не все дарят подарки. Есть такие, что придут, засядут с Мавром у него в комнате, а потом просто уходят. После них дыму всегда полно. Но заходят и похорошее.

– Получше, – поправила Лаура.

– Ну ладно, получше. – Муш опрокинул саквояж: по полу покатились пуговицы.

Лаура подсела на корточках к Эдгару. Джо с интересом следил, как малыш, подбирая пуговицы по размеру и окраске, выкладывал красивые узоры. Но что-то при этом, должно быть, не

нравилось Мушу. Он бормотал себе под нос:

– Двенадцать их должно быть, а у меня выходит только одиннадцать…

Неожиданно он, взглянув на дверь, подскочил к столу, за которым работала Ленхен, и запустил руку в коробку с пуговицами. При этом он лукаво высунул язычок. Схватив большую пуговицу для пальто, он вернулся на свое место и стал ее прикладывать то тут, то там. Потом опять проворчал:

– Как жалко! Как обидно! Если бы их было три одинаковых…

– А что тогда? – спросил его Джо.

– Тогда я мог бы пожелать себе что-нибудь и это исполнилось бы…

Тут Ки-Ки крикнула из-за стола:

– Ворованные пуговицы волшебными не бывают! Положи их на место, Тиль, а то Ленхен рассердится.

– А кто такой Тиль? – спросил Джо.

– Тиль – это я, – тут же объяснил Эдгар. – У меня знаешь сколько имен? Тиль – он очень хитрый. На самом-то деле его зовут Тиль Уленшпигель. Ты про него читал?

Джо покачал головой. А Муш посмотрел на него удивленно и добавил:

– Кнаккрюгге называет меня иногда плутишкой. А то и забиякой. – При этих словах Муш подмигнул Джо. – А знаешь, я какой?

– Могу себе представить. – Джо улыбнулся. Сколько у них тут веселых прозвищ! – Но кто такой Кнаккрюгге?

– Наш Мавр, – ответил мальчик. – Он иногда так и говорит: «Я Кнаккрюгге!»… – При этом Муш старался подражать голосу отца. – «Я Кнаккрюгге. Сейчас призову Метлу – чисто-мету. Она сразу узнает, кто это натворил».

Лаура весело вставила:

– Но хитроумный Тиль тут же скажет: «Метла-метла, что чисто мела, ты здесь уже была!»

– Это такое заклинание, – шепнул Эдгар. – Стоит сказать эти слова, и метла уже не может выскочить из своего угла.

Вошла Ленхен и принялась расставлять чашки. Когда она стала убирать коробочку с пуговицами, Ки-Ки крикнула:

– Тиль!

Вздохнув, Муш взял пуговицу, но тут же спрятал ее за спиной. Ленхен внимательно посмотрела на него:

– Гражданин Муш сегодня что-то не больно хитер. Тилем его никак не назовешь. Да Тиль никогда и не позволил бы себе играть краденными пуговицами.

Муш все еще не мог решиться. Наконец, собравшись с духом,

он шагнул к Ленхен и отдал пуговицу.

– А у настоящего черта обязательно есть хвост и рога, как у того, который хотел обмануть Ганса Рёкле, а то он и не черт совсем! – гордо заявил он.

Ленхен покачала головой:

– Да что это вы сегодня! Только и слышишь – «Ганс Рёкле да Ганс Рёкле»! А ведь Джо о нем ничего не знает.

Дети сразу же повернулись к большому мальчику. Конечно же, об этом они забыли!

– Ну, что я вам говорила? – Ленхен улыбалась. – Может быть, Джо и знать о нем не хочет. Это же длинная история!

– А я могу ее коротко рассказать, – тут же вставила Ки-Ки, которая всегда готова была рассказывать бесконечные истории всякому встречному и поперечному.

Заметив, что Лаура и Муш тоже очень хотят рассказать о Гансе Рёкле, она присела на край кровати и начала:

– Ганс Рёкле был игрушечных дел мастером. Он вырезал из дерева всякие игрушки. И так ловко это делал, что с ним никто сравниться не мог. Но он умел не только мастерить игрушки, он был и…

– …машиникусом, – сразу же вставил Муш, хотя Ки-Ки всего на секунду остановилась.

Лаура засмеялась. Но Ки-Ки сейчас же поправила брата:

– Механикусом, – и продолжала свой рассказ: – К Рёкле приходило очень много детей – и больших, и совсем еще маленьких. Но они ничего не могли у него купить – у них не было денег. Мастерская Ганса Рёкле находилась в самом центре большого города, где жило очень много бедных людей.

– В Лондоне? – тихо спросил Джо.

– Может быть, и в Лондоне, – немного удивившись, ответила Ки-Ки. – Мы этого не знаем. Ведь это же сказка!

– Ах, сказка! А я-то думал…

•

Коротким рассказ не получился. Лаура и Муш без конца перебивали Ки-Ки – каждому надо было добавить что-то очень важное: и что Ганс Рёкле жил в глубоком подвале, куда надо было спускаться по длинной лестнице; и что на решетке ворот сидели две птицы, одну звали Рубин, другую – Сапфир; и что они кланялись и говорили «добро пожаловать», когда к мастеру приходили дети, и «приходите опять», когда они уходили; и что Луиза, девушка-швея, и Яков, деревенский парень, были старше

всех, и Ганс Рёкле иногда позволял им помогать ему в работе.

Но в конце концов Ки-Ки снова удалось на время завладеть вниманием слушателей и сообщить о том, сколько всяких красивых вещиц было в подвале у Ганса Рёкле.

– …И деревянные дяденьки и тетеньки, и великаны, и карлики, и короли, и королевы, и мастера, и подмастерья, и звери, и птицы – столько всех, сколько их было в ноевом ковчеге. А потом еще и столы, и стулья, и кареты, и много-много ларчиков, и больших и маленьких. И среди всех этих вырезанных фигурок сидел черт. Звали его мистером Огненное Копыто, он умел ворочать глазами и скакать верхом на собственном хвосте. Но больше всех Гансу Рёкле нравились принцесса Вишневый Цвет – она даже умела танцевать, и китаец Мудрый Кун с длинной-предлинной косой. Оба они были как живые. Это мастер Рёкле так замечательно вырезал их…

– Но по-настоящему живыми Ганс Рёкле не мог их сделать, и поэтому… – прервала рассказчицу Лаура.

– …поэтому он позвал черта, – поспешил вставить маленький Муш.

– Нет, нет, не так! – запротестовала Ки-Ки. – Он вовсе не позвал его. Черт сам явился…

Тут уж вмешалась Ленхен:

– Да разве так можно, дети? Вы же друг другу слова сказать не даете. Вот видите, у меня уже и чай остыл. Давайте-ка сперва…

Но Муш подлетел к столу, накрыл чайник ватным колпаком и повелительно крикнул:

– Рассказывай дальше!

Ки-Ки продолжала:

– А на верстаке рядом с ножом, которым Ганс Рёкле вырезал свои фигурки, всегда стоял Петушок – Золотой гребешок. Ему приказано было следить, чтобы мастер не отрезал от колбасы больше кусочка в два пальца шириной…

– …потому что у него никогда не было денег, – пояснил Муш.

– Денег же у него не было потому, что он с бедняков ничего не брал, – сказала Лаура. – А для богачей он не хотел вырезать красивые игрушки.

– Вот почему он никогда не мог уплатить за квартиру хозяину дома… – подсказал еще чей-то голос.

Дети разом обернулись: в дверях стояла Женни Маркс.

– …и ни булочник, ни мясник – никто больше не хотел отпускать Гансу Рёкле ничего в долг, – добавила она тут же.

– Как хорошо, что ты пришла! – воскликнула Ленхен с облегчением. – Лучше всего, если Мэми доскажет историю до

конца, а то чай и под колпаком остынет.

Женни Маркс подсела к детям.

– Так и быть, помогу вам немного, – и обратилась к Джо: – Разумеется, если ты тоже хочешь послушать эту историю. Или ты уже такой большой мальчик, что не любишь сказок?

– Да что вы! Моя сестра Бекки тоже иногда рассказывает нам сказки. Вот если бы книжку достать, в которой есть эта сказка! Я ведь умею читать.

– Ее нигде не прочтешь! – тут же ответила Лаура. – Сказки про Ганса Рёкле нет ни в одной книжке. Ее для нас Мавр сам сочинил. Он рассказывает нам много всяких историй.

– Он их сам придумывает, – гордо добавил Муш.

– Мавр? – Джо вопросительно посмотрел на Женни Маркс.

Та поняла его удивление. Не он первый поражался тому, что ее Карл не только любит сказки, но и сам их сочиняет.

– Да, да, – объяснила она Джо. – Еще ребенком Мавр сам придумывал сказки и нам рассказывал. Мы ведь знаем друг друга с детства. Вместе росли. А о Гансе Рёкле Мавр потому так любит рассказывать, что Ганс хоть и беден, но всегда весел, и еще потому, что он любит детей бедняков и хочет привести их в такую страну, где нет ни голода, ни нужды, – в страну Завтра-и-Послезавтра. Это, конечно, сказочная страна… Но не только сказочная… Ну вот, теперь я все объяснила и буду рассказывать дальше. Иди сюда, Муш. Сядь со мной…

•

…У Ганса Рёкле была подзорная труба «Куда хочу – туда загляну». И, куда бы он через нее ни заглядывал, он видел все: и что делается за самыми высокими горами, и глубоко-глубоко в недрах гор, и за самыми широкими морями, и глубоко-глубоко на дне морском. Видел он и самое что ни на есть малое, и самое что ни на есть великое. Он мог заглядывать и в сердце соловья, и в самые далекие звездные миры. Но дорогу в страну Завтра-и-Послезавтра Ганс Рёкле еще не нашел.

Старый мастер смастерил много всяких красивых игрушек и дарил их детям. И так он обеднел в конце концов, что ему уже нечем было платить ни булочнику, ни мяснику.

Тут черт и подумал: «Вот когда я его поймаю!»

А надо сказать, что вся сила черта заключалась в его кремне «Все спалю, все сожгу». Этим кремнем он и правда мог все сжечь, все уничтожить. Вот почему люди боялись черта.

В один прекрасный день он призвал к себе своего любимчика

беса-балбеса, главного своего враля, и сказал:

– Понимаешь, не боятся меня люди так, как раньше боялись. Не дают мне покоя. Надо нам ухо востро держать, а то они что ни день – всё новое придумывают. Теперь вот даже огонь новым способом высекать хотят. Не дьявольским, а электрическим… или как они его там называют. Ганс Рёкле один из этих выдумщиков. Трубу, видите ли, себе завел «Куда хочу – туда загляну» и видит благодаря ей дальше, чем я. А какие он вещички мастерить горазд! Вот если бы они у меня были, я бы людей еще лучше обманывал. Пораскинь-ка мозгами, как нам этого Рёкле в свои сети поймать.

– Тут, шеф, и чересчур грубо не подойдешь, и перетоньшить опасно, – сразу ответил бес-балбес. – Думаю, его только на смешинке и объедешь.

Так черт и порешил сделать. Он оседлал свой собственный хвост и въехал на нем прямо в подвал к Гансу Рёкле. Там он кремнем «Все спалю, все сожгу» высек одну искру, другую, разбросал вокруг сажу, все вверх дном перевернул! А после этого преспокойненько уселся к мастеру на верстак, будто бы он самый безобидный чертик из сказки. Ганс Рёкле и впрямь его за такого принял. Он рассмеялся и сказал:

– Добро пожаловать, мистер Огненное Копыто! Опять на землю прискакали? Чем порадуете?

– Богатством и почестями, мистер Рёкле. Золотом, драгоценными камнями и слоновой костью, сколько пожелаешь, если будешь верно служить мне.

Но Ганс Рёкле ему ответил:

– Трень-брень! Трень-брень! Чертов доход нам не подойдет. Оставь его себе. Вот если бы ты мог сделать так, чтобы все мои игрушки ожили!

Тут черт как пустился скакать на своем хвосте вокруг столба, подпиравшего свод, как надует щеки… Дунул раз, дунул два – и все игрушки сразу ожили. Куклы стали плясать, карета покатилась вверх по стене, а Петушок – Золотой гребешок закукарекал: «Кукареку!» Все точь-в-точь, как мечтал Ганс Рёкле.

Но черт опять уселся на верстак, смешно так закатил глаза и сказал:

– Подпиши контракт! Тогда ты и сам станешь волшебником.

– Не нужно мне твое дьявольское волшебство, мистер Огненное Копыто, а лучше отдай мне свой рог с кремнем «Все спалю, все сожгу». Тогда я подпишу контракт.

Черт испугался. Прикинул так, прикинул эдак, ну и подумал: «А почему бы и не отдать? Ганс Рёкле уже старенький, скоро помрет. А когда он помрет, кремень „Все спалю, все сожгу“ снова

вернется ко мне. И в придачу я получу трубу „Куда хочу – туда загляну“ да и остальные распрекрасные вещицы – всё, что он тут смастерил». Вот он и сказал Гансу Рёкле:

– По рукам! Давай составим параграфчики!

•

Джо удивленно взглянул на Женни Маркс.

– Параграфчики? – спросил он. – А что такое параграфчики?

– Это условия контракта. Ведь Ганс Рёкле должен подписать контракт. Ты знаешь, что такое контракт?

– Контракт? Да, знаю. А что записано в контракте?

– Подожди, не торопись! – И Женни Маркс стала вспоминать и припомнила, как рассказывал эту сказку Мавр. – Кремень «Все спалю, все сожгу» придает голове и рукам Ганса Рёкле волшебную силу. Ганс Рёкле может вызывать по волшебству все, что ни пожелает, и столько, сколько пожелает, пока не скажет: «Довольно!» Только золото не может он создавать по волшебству. «Это первый параграфчик», – начал считать, черт. Все, что мастер создает, ему разрешается создавать только один-единственный раз. «Это второй параграфчик», – подсчитывал черт. А в третьем параграфчике значится: «Когда мастер Рёкле скажет „довольно“ и умрет, он тем самым откажется в пользу черта от вечного блаженства, как оно и положено при всяком контракте с дьяволом».

– На это Рёкле нельзя соглашаться! – испугался Джо.

Женни Маркс немного помолчала, а затем продолжила свой рассказ:

– О блаженстве после смерти Ганс Рёкле не очень-то заботился. Он думал: «Вот если бы мне удалось сделать здесь, на земле, все, что доставляет людям радость, то после смерти мне никакого блаженства не нужно».

Джо, задумавшись, кивнул, а Женни Маркс добавила:

– Но в контракте значился еще и четвертый параграфчик. Небольшое такое добавленьице. Дело в том, что у черта была бабушка – чертова бабушка. Старенькая-престаренькая. Она только и умела, что болтать вздор, сидя в своем кресле в старинных медных хоромах глубоко под землей. Вот черт и приписал в контракте: «Время от времени из игрушек, которые делает мастер Рёкле, черту дозволяется взять одну для своей бабушки».

Женни замолчала. Ки-Ки, Лаура и Муш – все смотрели на Джо. Тот поднял голову:

– И больше ничего?

– А ты на месте Ганса Рёкле подписал бы контракт?

– Да! – решительно ответил Джо. – Подписал бы. Если бы черт отдал кремень «Все спалю, все сожгу», то подписал бы.

Женни ласково кивнула Джо и продолжала.

•

Когда Ганс Рёкле стал подписывать контракт, черт положил свой хвост на верстак и изо всех сил старался, чтобы он от радости не дергался – уж очень черту хотелось обмануть Ганса Рёкле и заманить его в ловушку.

Но Ганс быстро подписался и тут же сорвал у черта рог с кремнем «Все спалю, все сожгу» и сказал, рассмеявшись:

– Не так-то легко я вам дамся, мистер Огненное Копыто! Никогда вам не услышать от меня словечка «довольно»!

А черт прямо на глазах у него растворился в дымке и исчез. Ганс посмотрел ему вслед и так расхохотался, что весь подвал заходил ходуном, вынул кремень из рога и бросил пустой рог вслед черту. Его подхватила летучая мышь и тут же умчалась в неизвестном направлении.

А Ганс Рёкле сказал, обращаясь к кремню:

Кремень, кремень «Все спалю»!
Кремень, кремень «Все сожгу»!
Мы тебя переиначим,
Всех чертей с тобой обскачем.

Дьявольский камешек вспыхнул кроваво-красным огнем, изрыгнул пламя, но Ганс Рёкле произнес: «Хризантимос!» – и в тот же миг чертов кремень «Все спалю, все сожгу» превратился в волшебный камень «Все закручу, все завёрчу». Сияя мягким, ласковым светом, он лежал хрустальным шариком на ладони мастера Рёкле. Стоило ему только приказать, как принцесса Вишневый Цвет ступила шаг, потом другой и, танцуя, перепрыгнула на полку, оттуда на стол, затем вскочила Гансу на руку.

– Рубин и Сапфир! – приказал Ганс Рёкле. – Вы будете моими гонцами!

Обе птицы тотчас сорвались с решетки, облетели вокруг головы своего повелителя и исчезли в окне.

А Петушок – Золотой гребешок прокукарекал «кукареку», клюнул хвостик колбасы и проговорил:

– Никогда не убывай!

Колбаса сразу выросла, и с тех пор, сколько бы от нее ни отрезали, она никогда не убывала.

Гансу Петушок сказал:

– Кукареку! Наедайся досыта!

Ганс Рёкле так и сделал. Он наелся досыта, вытер усы и бороду, запер дверь на засов, расправил плечи и проговорил:

– Теперь за работу!

•

Прошло много-много дней, а подвал все оставался запертым. Подошли к нему Луиза и Яков, стучали-стучали, но никто им не открыл, и они, грустные, ушли.

Как-то вечером Петушок – Золотой гребешок подлетел к Гансу, опустился к нему на плечо и спросил:

– Ко-ко-ко! Скажи мне, сколько еще завес осталось перед страной Завтра-и-Послезавтра?

– Теперь уже совсем немного. Помножь семь тысяч на семь и прибавь еще одну.

– Поторапливайся, Ганс Рёкле! – сказал ему Петушок – Золотой гребешок. – Луиза шьет день и ночь. У нее уже глаза слипаются. Бабушка ее больна. И на полках у них хоть шаром покати.

Прошел еще один день, и снова Петушок прокукарекал и говорит:

– Поспешай, Ганс Рёкле! Яков хочет уйти. Никак работы не найдет. Уже узелок собирает.

Затем Петушок сунул клюв под крылышко и заснул.

Ровно в полночь в подвале вдруг стало так светло, как никогда до этого не бывало. Петушок испуганно поднял голову и спрашивает:

– Кукареку! Неужели я проспал и на дворе уже утро?

Ганс Рёкле рассмеялся, показал на трубу «Куда хочу – туда загляну» и отвечает:

– Это свет из страны Завтра-и-Послезавтра.

И они вместе стали смотреть в страну будущего. Чего они только не увидели! Был там, например, волчок Амарантис. Стоило ему пуститься в пляс, как все больные выздоравливали, слепые прозревали, глухие начинали слышать. В этой стране уже не знали, что такое голод, – ведь там была дудочка «Дождик – лей-скорей». Достаточно было поиграть на этой дудочке – и тотчас же погода делалась как по заказу. Поэтому поля в этой

стране давали по три богатых урожая в год. И еще Петушок и Ганс Рёкле увидели в этой стране ларчик с иглой «Шей-сама». Игла эта шила столько платьев и туфель, сколько кому надо было.

– Вот такую иглу надо бы нам добыть уже сейчас, Ганс Рёкле! – говорит Петушок – Золотой гребешок. – Для Луизы.

– Добыть? Нет, этого нельзя. Я сам такую иглу сделаю.

Ганс Рёкле взял камень «Все закручу, все заверчу» и принялся за работу. Три дня он трудился, а потом позвал птицу Сапфир, отдал ей ларец с иглой, сказал, какое надо произнести волшебное слово, и велел отнести Луизе.

С тех пор маленькая швея и горя не знала. Игла «Шей-сама» все за нее шила. Не прошло много времени, как у друзей Ганса Рёкле и у бедных деток всей округи было вдоволь и что надеть и во что обуться.

Посмотрел Ганс в трубу «Куда хочу – туда загляну» и увидел, как дети радуются.

– Вот это хорошо! – воскликнул он. – А теперь я смастерю Якову из деревни дудочку «Дождик – лей-скорей».

Работа спорилась, и Ганс Рёкле напевал и насвистывал с утра до ночи и с каждым днем все молодел и молодел: ведь он уже видел, как колосились нивы и на столе бедняков появился белый хлеб.

Прошел еще месяц, и в один прекрасный день в подвал снова вошел черт. На этот раз он был одет франтом.

– Молодой человек, не скажете ли вы, где ваш мастер Рёкле? – спросил он, не догадываясь, что сам мастер перед ним: усы и волосы Ганса отливали золотом, как в его молодые годы.

– А это я самый и есть! – ответил Ганс Рёкле. – Чем могу служить, месье?

– Что случилось? – опешив, спросил черт. – Вы же были глубоким стариком! Или испили живой водицы?

– Живой воды? – рассмеялся в ответ Рёкле. Он сразу смекнул, кто перед ним. – Может быть, и испил.

А где вы ее нашли? – жадно стал расспрашивать черт.

– Где, спрашиваете? А в стране Завтра-и-Послезавтра.

– Это вы насчет страны Басен-и-Побасенок, что ли? – переспросил черт с глупым видом; дело в том, что о будущем черт никакого понятия не имел.

– Месье, у меня по горло работы, – сказал ему Ганс Рёкле. – Итак, чем могу служить?

Черт кашлянул и поперхнулся.

– В другой раз зайду, – пробормотал он и поспешил к выходу.

Перед воротами висела летучая мышь.

– Ты чего тут шпионишь? – набросился черт на нее.

– Меня чертова бабушка прислала! – пропищала летучая мышь.

– Вот как! Моя бабушка, значит! – сообразил черт и испугался.

Он подумал:

«А вдруг это Гансу Рёкле старуха помогает? Опять впуталась не в свое дело. Этого еще не хватало! Да и то сказать, она уже давно на меня злится: я лет триста ее не навещал».

Черт схватил летучую мышь:

– Эй ты, мышь! Может, ты какую весть для Рёкле принесла?

– Да не для Рёкле, а для вас у меня есть новость. Я сюда уже раза три напрасно залетала. Бабушка велела передать вам: надо сделать так, чтобы Гансу радость была не в радость и жизнь не в жизнь. Не то он вечно молодым останется.

– Это какая же у него такая радость? – переспросил черт. Он так растерялся, что даже выпустил мышь.

– А его радость – другим радость доставлять, – пропищала мышь и улетела.

– Ишь ты! – буркнул черт. – Стало быть, этот Рёкле меня еще обманывает! Не пил он никакой живой воды! А молодеет он потому, что всяким соплякам подарочки мастерит, вместо того чтобы деньги наживать да богатеть. Не позволю!..

И он тут же превратился в хозяина фабрики, для которого шила маленькая Луиза, подкрался к ее двери и стал подслушивать. А швея как раз приказывала ларчику с волшебной иглой:

– Живо-живо, начинай! – А затем: – Игла-игла, шей сама!

Черт открыл дверь и вошел.

Луиза очень испугалась и поскорей приказала игле снова спрятаться в ларец. Но волшебное слово она проговорила так тихо, что черт его не расслышал.

– Игла и ларец – мои! – сказал черт и, прежде чем Луиза опомнилась, забрал себе ларчик и исчез, как будто его тут и не было.

•

– Как он посмел! – возмутился Джо. – Ганс Рёкле ему этого не простит.

– Конечно, не простит, – подхватила Женни.

•

…Ганс Рёкле приказал черту явиться и строго сказал ему:

– Ты нарушил контракт!

Но черт только ухмыльнулся в ответ, достал свиток и показал на четвертый параграфчик:

– А что тут написано? Э-э-э! «Время от времени из игрушек, которые делает мастер Рёкле, черту дозволяется взять одну для своей бабушки». Ну, что ты теперь скажешь?

– Игла «Шей-сама» не игрушка! – гневно крикнул Ганс.

– Это ты правильно говоришь. Но ведь в твоем контракте не было записано, что́ есть игрушка и что́ не есть игрушка.

•

Джо был так возбужден, что даже не заметил, как вскочил и прижал кулаки к груди. Все еще завороженный сказкой, он воскликнул:

– Пусть тогда Рёкле смастерит новый ларчик с волшебной иглой для Луизы!

– А этого ему как раз нельзя делать. Ведь в параграфчике номер два сказано: «Все, что мастер создает, ему разрешается создавать только один-единственный раз».

– Какой подлый черт! – возмущался Джо. – Пусть тогда Ганс Рёкле смастерит какую-нибудь другую волшебную вещь.

– Конечно, смастерит, – сказала Женни. – Но, к сожалению, их все одну за другой может забрать себе черт. Ведь «время от времени» значит: всегда, в любое время, когда черту захочется.

Джо всей пятерней взъерошил себе волосы и, растерянно переводя взгляд с одного на другого, спросил:

– А что же дальше?

– Дальше? Дальше мы не знаем, – огорченно ответила Лаура.

Джо был совсем убит.

– Как же так? Не может сказка на этом кончаться! – все повторял он.

– Она и не кончается на этом, – успокоила его Женни Маркс. – Но мы пока не знаем, что будет дальше. Мавр еще не рассказал нам до конца.

– И очень хорошо, – вмешалась Ленхен, – а то мы все умерли бы с голоду. Чай и так уже совсем холодный.

Горе от избытка

Впервые в жизни Джо сидел за столом, накрытым белой скатертью, в кругу людей, которые, правда, могли предложить ему лишь скромное угощение, зато смеялись от всей души, лишь только к этому представлялся случай. И Джо стало так хорошо, как никогда еще не было. Язык у него развязался, он рассказал о Бекки, о младших сестрах да и на вопросы отвечал бойко. Его и узнать нельзя было.

Вдруг заговорили о каком-то дяде ангеле.

«Ну, уж такого не бывает!» – подумал Джо, хотя он в этот день слышал немало удивительного. А главное, никто и не удивился, что ангелы могут ходить по земле, как обыкновенные дяди. Но говорили же здесь о волшебниках и чертях, словно с ними каждый день за ручку здоровались? А теперь еще и дядя ангел!

Девочка, что сидела напротив – ее звали Лаурой, – заметила его смущение.

– Ты чего это головой качаешь? – спросила она.

Джо от неожиданности только и смог пробормотать:

– Как же так, ангел – и вдруг дядя!

Тут все как захохочут! Под конец Джо и самому стало смешно. Он ведь уже понимал, что никто здесь над ним не насмехается, просто всем весело. Ему это очень нравилось, хоть и было в новинку.

– Правда, у нас есть такой дядя, – пояснила Женни Маркс. – Его зовут Фридрих Энгельс. Но мы его зовем просто Фредрик или дядя Ангел.

– Он и правда для нас что ангел-хранитель, – с чувством добавила Ленхен. – Это наш самый лучший друг.

И она положила Джо на тарелку кусок кекса, оставшегося от воскресного обеда.

Кекс! Джо едва решался притронуться к нему. Он видел, что дети Маркса получили меньше, только по полкусочка. Не успел он приняться за кекс, как Муш, проглотив свою порцию, задал вопрос:

– Мэми… а когда Мавр вернется, он нам расскажет дальше про Ганса Рёкле?

Обе девочки также принялись тормошить мать:

– И мы хотим послушать.

– Хорошо бы, ты, Мэми, его попросила…

Женни не хотелось отказывать детям. И все же как-то надо было отвлечь их внимание от сказки: Карлу вечером предстояло

работать.

– Тише, тише! – сказала она. – Вы же сами знаете, что Мавр любит рассказывать во время прогулок, когда ветер развевает его бороду.

– Но сегодня у нас Джо, – требовательно заявил Муш, поглядев на гостя. И что этот большой мальчик все время молчит? – Правда, и тебе хочется знать, что дальше будет?

Джо живо кивнул. Ему очень хотелось узнать, чем кончится сказка. Что черту наверняка достанется, в этом он не сомневался.

Муш шепнул ему:

– Было бы у меня три одинаковых пуговицы, Мавр обязательно рассказал бы нам.

На лестнице послышались тяжелые шаги, и все повернулись к дверям. Но оказалось, что это не Мавр. Тут Лаура возьми и предложи:

– Давайте достанем «Тамерлин» и заведем! Мавр сразу догадается, о чем мы его просим.

Женни все еще колебалась.

– Сегодня не воскресенье, а понедельник. – Но, заметив разочарованное лицо Джо, она встала: – Ну, так и быть. Во всяком случае, мы можем показать Джо наш «Тамерлин».

Предчувствуя окончательную победу, детвора, весело галдя, отправилась в кабинет Мавра. Женни достала с полки большую коробку и осторожно поставила ее на стол. Дети, как и всякий раз при виде «Тамерлина», замерли. Это была старинная музыкальная шкатулка – серебряный шестиугольный домик с островерхой крышей, принадлежавшая еще Вестфаленам, родителям Женни Маркс. «Тамерлином» назвала ее сестра Женни. Но почему именно, Женни не могла уже припомнить. Быть может, потому, что перезвон колокольчиков начинался с трех сильных ударов: там-там-та-там!

Заводили шкатулку только в особых случаях, в дни рождения или же когда рассказывали или читали любимые сказки Братьев Гримм. А также когда вновь принимались за «Золотой горшок» или «Сказку о Щелкунчике и мышином короле».

Джо с любопытством разглядывал шкатулку. Спереди виднелись маленькие воротца, и в них стояла крохотная фигурка, вырезанная из слоновой кости. Это был волынщик. Джо видел таких на ярмарках.

– Оттуда еще и другие человечки выскакивают, – не утерпел Муш. – Но только когда заиграет музыка. Вот гляди, этим золотым ключиком его заводят. Мэми, заведи, а?

– Нет, нельзя. «Тамерлин» играет, только когда рассказчик усядется в кресло.

Джо сразу посмотрел на кресло с высокой спинкой, стоявшее возле полок, уставленных до самого потолка книгами. Тем временем Ленхен зажгла лампу на письменном столе, и Джо обратил внимание на портрет, висевший на другой стене. Но чем дольше он смотрел на него, тем больше ему казалось, что изображенный на нем белокурый человек с бородой улыбается ему. И вдруг он вспомнил: ведь это же генерал с остановки омнибуса. Конечно, он!

Лукаво прищурив глаза, Джо спросил Эдгара:

– Полковник Муш, а почему ты не возьмешь три красные пуговицы, которые принес тебе генерал?

И, прежде чем остальные поняли, в чем дело, Муш, издав победоносный клич: «В воскресных штанах!» – вылетел пулей из комнаты. Вот когда все удивились-то!

– А ты откуда знаешь?

– Ты правда видел нашего дядю Ангела?

– Не может быть!

Джо спросил, смутившись:

– Разве генерал и есть ваш дядя Ангел?

– Да никакой он не генерал. Мы его только так называем.

Опять какие-то загадки! Сколько у них всяких прозвищ! Но тут Джо заставили рассказать про встречу у омнибуса.

– Он кондуктора обозвал ослом в галунах.

– Ослом в галунах? Это на него похоже! – весело воскликнула Женни. – Он любит такие словечки.

Все засмеялись.

Вернувшись тем временем, Муш с гордостью показывал всем красные пуговицы.

– Теперь Мавр должен нам рассказать!

И он пустился плясать по комнате, выкрикивая:

– Должен! Должен! Мавр должен!

За всем этим шумом и гамом никто не услышал, как хлопнула входная дверь. Никем не замеченный, вошел Маркс.

– Мавр ничего не должен!

Дети бросились к отцу и, громко крича от восторга, повисли на нем.

– Постойте, постойте! Дайте отдышаться… И Джо тут! Вот это сюрприз!

По счастливому лицу мальчика Мавр сразу понял, что на фабрике все сошло благополучно. Он подмигнул Джо:

– Значит, все в порядке? Потом расскажешь подробно. – Только теперь Маркс заметил «Тамерлин» и, вопросительно посмотрев на Женни, вышел в соседнюю комнату, где прежде всего заглянул в пустой чайник.

– Кофе еще осталось. Сейчас я вскипячу воду, – тут же сообщила Ленхен.

– Чудесно! А тем временем я выполню поручения дяди Фредрика. Вот походная палка для гражданина Муша. – И Мавр достал из-за двери небольшую суковатую палку. – А девочкам – книгу! Да, Ленхен, маринованную треску, которую ты приготовила вчера вечером, Фредрик никогда в жизни не забудет. Ему бочки пива было мало, чтобы утолить жажду.

Ленхен, всплеснув руками, рассмеялась, затем с притворной серьезностью сказала:

– Так ему и надо! Он же сам выпросил ее у меня. И сколько раз она мне удавалась, а тут, должно быть, черт меня под руку толкнул и нарочно весь уксус в сковородку вылил.

Мавр был в прекрасном настроении. Ко всеобщей радости, он рассказал, что паровоз выплюнул дяде Фредрику целый фунт сажи на его серый, с серебристым отливом цилиндр.

– Посмотрели бы вы, как Генерал надувал щеки, пытаясь сдуть сажу! И какое у него потом было лицо и борода!

– От чертовой сажи? – спросил Муш, протиснувшись поближе к Мавру.

– Да нет, самой обыкновенной, угольной!

Когда наконец хохот умолк, Мавр достал из кармана сюртука тетрадь и протянул ее Женни:

– И вторая статья готова. Если мы с тобой сегодня славно потрудимся, обе поспеют на завтрашний пароход.

В комнате вдруг воцарилась напряженная тишина. Мавр покосился сперва на «Тамерлин», потом на Женни. Дети выжидательно смотрели на отца. Мавр взъерошил бороду, на минуту задумался и произнес:

– Посмотрим, посмотрим. Но сперва мне надо поговорить с Джо. – И Мавр ласково вытолкал всех, за исключением Женни, из комнаты.

Ленхен внесла кофе и тут же вышла.

Джо прижал руку к карману. Долговая расписка! Как же ее передать Мавру, чтобы не увидела миссис Маркс?

– Говори со мной открыто, Джо, – сказал Мавр. – У нас, – и он посмотрел на Женни, – нет тайн друг от друга.

А у Джо было что рассказать! И хорошего, и плохого. Например, что кружева украл Билли. Правда, грачи отдали двадцать шиллингов – все, что они выручили, – и Джо сразу выкупил долговую расписку.

– Но… но по правде… – Джо замялся, он не знал, как объяснить, что, несмотря на отданные Робину пятнадцать шиллингов, в домашнем бюджете все же образовалась большая

брешь, – …потому… потому, что малыш родился раньше времени и еще потому…

Женни подсказала:

– Разумеется, маме надо сперва поправиться. И потом, с нее же удержали…

Мавр положил руку на плечо Джо:

– О десяти шиллингах не беспокойся. Это дело терпит.

•

Дети в соседней комнате сидели тихо, словно мышки. Ки-Ки и Лаура рассматривали картинки в только что подаренной им книге. Это была «Кудруна», старинная немецкая сага. Муш, стараясь не шуметь, скакал по комнате и кухне верхом на подаренной палочке. Ленхен укладывала Франциску спать.

Вдруг дверь открылась. Муш мгновенно подлетел к отцу:

– Знаешь что, Мавр: Джо нельзя так домой уходить. Он же должен узнать, что будет дальше.

– Признаюсь, мы с ним очутились в одинаковом положении. Я, видишь ли, тоже хотел бы узнать, что будет дальше, – совершенно серьезно сказал Мавр.

Но только Джо попался на эту удочку и испуганно посмотрел на Мавра. Дети так и покатились со смеху. Теперь-то они были уверены, что услышат продолжение сказки.

– Итак, идемте все ко мне!

Взрослые устроились на кожаном диване, дети – прямо на ковре. Все притихли в ожидании. Лауре позволили зажечь свечи. Лампа погасла. И сразу же в воротцах «Тамерлина» засверкали оба камня: синий сапфир и красный рубин. Мэми повернула ключ…

Там-там-та-там! – раздалось из шкатулки. Колокольчики зазвенели, волынщик повернулся вокруг своей оси, отвесил поклон и удалился. Прозвучало еще несколько тактов, и в воротах показался пастушок с дудочкой. Он поднес ее к губам, повернулся и тоже скрылся. Затем вышел странствующий подмастерье со скрипочкой и последним – свирельщик. Джо не отрывал глаз от хорошеньких фигурок.

Покуда перезванивали колокольчики, Мавр, будто прогуливаясь, расхаживал взад и вперед по комнате: от письменного стола к двери и обратно. Но вот колокольчики уже умолкли, а Мавр все ходил и ходил. Никто его не останавливал. Джо заметил, что на ковре протоптана настоящая тропинка. Позднее он узнал, что Мавр, и работая, любил шагать взад и

вперед: он считал, что так ему приходят в голову самые хорошие мысли.

Наконец Мавр опустился в большое кресло, откашлялся и начал свой рассказ:

– Прежде чем подписать, Ганс Рёкле еще раз внимательно перечел контракт. Тут черт положил хвост на верстак. Ему надо было крепко держать себя в руках, чтобы не…

– Это мы Джо уже рассказывали… – еле слышно прошептала Ки-Ки. – Мы уже дошли до места, где…

– Тс-с-с! – Женни Маркс прижала палец к губам.

– Терпение! – сказал Мавр. – Того, о чем сейчас пойдет речь, вы еще не слышали. – Чуть прищурив левый глаз, он покосился на Женни. – Это мне только что пришло в голову. Ну, так вот.

•

… Как только Ганс Рёкле подписал контракт, у черта от радости даже хвост запрыгал. Но потом хитрый дьявол спохватился. Он тут же призвал беса-балбеса, своего главного враля, и сказал:

– Навостри-ка уши, бес-балбес! Надобно тебе заняться Гансом Рёкле. Нелегкая меня дернула отдать ему в аренду кремень «Все спалю, все сожгу». А людям в руки этот кремень нельзя отдавать: тогда они страх потеряют, бояться меня перестанут. Что ты посоветуешь?

– Не тревожьтесь, шеф! – ответил ему лживый бес. – Я уж бесенятам какую-нибудь побасенку сочиню. Начнут меня допрашивать, я в ответ: камешек уж малость того, заплесневел. Шеф отдал его своей бабушке, пусть, мол, снова на него блеск наведет.

– Недурно ты свое дело знаешь, – сказал черт. – Уж я найду, чем тебя наградить.

Но, как уж оно водится, скоро во всех концах и на всех углах чертова края зашептались и зашушукались. Пропал, мол, кремень! А надо сказать, слушок этот пополз из медных хором. Чертова бабушка, оказывается, узнала от летучей мыши, что кремень в руках у Ганса Рёкле. Уж она и дрожала, и ворчала, и бесилась, и тряслась – и все оттого, что было ей без кремня «Все спалю, все сожгу» очень холодно.

Еще с незапамятных времен жила чертова бабушка на Острове Туманов. А ее медные хоромы располагались на семь тысяч футов ниже старого замка ее внука. Чертовой бабушке псе хотелось потеплей устроиться. Ну, а с тех пор как кремень «Все

спалю, все сожгу» очутился у Ганса Рёкле, погасли даже вулканы. Старый замок весь оброс льдом, и внизу у старухи с каждым днем делалось все холодней.

Долгое время черт никому не показывался на глаза. Но, как только ему удалось отнять у Рёкле ларец с волшебной иглой, он сразу повеселел, призвал своего беса-балбеса и говорит:

– Теперь я вам, бесенятам, покажу, какой я хитроумный контракт заключил. Знаю, знаю, всякие слухи тут про меня распускают. Так вот, созови-ка, бес-балбес, всех, кто этим грешен, завтра ко мне на прием.

– Слушаюсь, шеф. И в какое место прикажете созвать?

– На Остров Туманов. В старый замок. Правда, он где-то там, в средневековье, но время от времени нам надо всюду показываться.

– Великолепно! Мудрость нашего шефа не поддается никакому сравнению! – сказал бес-балбес, большой мастер врать и обманывать, но еще больший – подхалимничать. – Однако осмелюсь доложить, с тех пор как у нашего шефа нет кремня «Все спалю, все сожгу», в старом замке царит страшный холод. А народец наш жаром избалован. В чем прикажете явиться на прием?

– Во фраке и цилиндре, как всегда! – резко ответил черт. – Пора и бабке посмотреть, как ныне вершатся дела. И чтоб зеркальный зал мне был!

Лживый бес тут же велел отполировать ледяные глыбы старого замка, и они засверкали, как сотни зеркал. Чертовы слуги рады были такому приему – они ведь видели свое отражение сразу сто, и двести, и триста раз. Разумеется, они тут же принялись прогуливаться по зеркальному залу: то так повернутся, то этак. Посмотрят на себя с одной стороны, посмотрят с другой. Очень они себе понравились и даже совсем забыли, что все они черти.

– Какие мы важные, какие авантажные! И как нас много! Нет никого сильнее нас! – говорили они друг другу.

Главный черт явился в зеленом фраке и желтом жилете. И каков бы ни был чертов слуга – толстый ли, тощий ли, с кислой и желтой рожей или с круглой и красной, – каждого он отводил в сторону и только и делал что похваливал: «До чего хорош! Глаз не оторвать! Хоть в первые вельможи при дворе назначай!» А это, разумеется, приводило всех в превосходное настроение.

Но вот главный черт стал посреди зала, принял гордый вид, небрежно поправил еще раз манжеты и, решив говорить изысканно, начал:

– Месье и джентльмены! Должен признаться, я и не

подозревал о вашем великом уме. Каждого из вас я спрашивал, на что, мол, жалуетесь. И все вы ответили: «Люди чересчур умны стали! Не попадаются на наши прежние уловки. И поймать их можно только на какую-нибудь хитроумную штучку, которую они сами же и смастерили». Так я говорю?

– Да, да. Так оно и есть! – закричали все разом.

– То-то! – Черт, довольный, потер руки. – Именно так, месье и джентльмены, я и начал действовать и заключил с Гансом Рёкле контракт. Сдал ему в аренду кремень «Все спалю, все сожгу»…

Чертовы слуги насторожились, но не успели они и рот раскрыть, как черт уже продолжал, правда позабыв о своем решении говорить учтиво.

– На срок – всего ничего. Ганс этот хоть еще и стоит на своих двоих, но уж недолго протянет. Трухлявый пень! А теперь вот поглядите, что он для меня смастерил. – И черт достал ларчик. – Вот уж вещица так вещица! С вашего позволения, и я бы такой не придумал! – Черт рассмеялся.

Но среди слуг поднялся ропот:

– А льду-то сколько кругом намерзло!

– Этот Рёкле и не думает помирать!

– Поди вот, не отдаст камешек!

В этом-то и была вся загвоздка! Ведь Ганс Рёкле с каждым днем делался все моложе. И, конечно, чертовы слуги об этом пронюхали. Ропот усиливался. Черт уже не знал, как ему и быть. Но вдруг его осенило:

– Разве дело в огне, сатана вас возьми! Огонь люди теперь на свой манер высекают. А вот ежели мы на них адский холод напустим, что тогда? Тогда все замерзнет, зарастет льдом. А главное – замерзнет ум людской. Вот мы и выиграли! – Черт поднял ларец. – Глядите все сюда! Видите вещичку? Это волшебный ларчик. Я его у Рёкле выудил, по контракту. Вся наша старая чертова мишура пустяки по сравнению с ним. Из ларца платья, кружева, бархат, шелк так и сыплются! И туфли и шляпы – одним словом, всякие модные безделушки. Все самое новое, наиновейшее, и главное – сколько хочешь. Думаю, недурно будет сдать ларец моему бесу-балбесу и назначить его первым законодателем мод, обер-франтом. С таким ларчиком он всех модников за пояс заткнет.

Но тут опять поднялся ропот. Черт услыхал это и говорит:

– Не беспокойтесь! Рёкле нам еще много таких штучек смастерит. Всем достанется. Я любимчиков не держу. А этой вещицей наш обер-модник бес-балбес всему человечеству голову заморочит!

Сколько модных шляп и бантов,
Сколько туфель, лент и кантов.
Подходи и выбирай!
Но спеши и не плошай!

Ропот утих. Послышались голоса:

– А нам-то какая выгода от этого?

Черт ухмыльнулся:

– Раз сундук у них набит, значит, ум у них молчит. А что черту надо? Поняли?

– Брависсимо! – крикнул бес-балбес. – Где царствует глупость, там властвует черт!

Теперь все захлопали в ладоши.

– Довольно болтать! – приказал черт. – Все по местам! Надобно ловить самых умных, таких, как Рёкле. Allons! Я следую за вами.

Черти толпой повалили к выходу. Главный черт тоже собрался с триумфом улетучиться, но тут к нему подлетел лейб-бес и крикнул:

– Чертова бабушка на подходе!

Не успел черт повернуться, как древняя старуха, отдуваясь и пыхтя, преградила ему путь. Все у нее тряслось и колыхалось: и тесемки чепчика, и верхние и нижние юбки, и бахрома на платке из желтого шелка. Даже морщины и морщинки на лице так и прыгали. Еле переводя дух, она уставилась на своего внука, спрятав одну руку за спиной.

– Муть, гниль и моль! – набросилась она на него. – Ишь как вырядился – чистый ферт! Да и остальные все! Чего это затеял? Что за финтифлюшки? Где твой рог, говори! – Она быстро выдернула руку из-за спины и сунула черту под нос пустой рог. – Не он ли? Пустышка без кремня! – Она даже застонала. – Куда это ты собрался в дурацком фраке? Не к Рёкле ли? Да и то – пора! А ну, говори немедля, как он живет, как поживает! Может, уж и ноги протянул, иль отходит?

Черт напыжился и говорит:

– Успокойтесь, бабушка! Правда, силенок у Рёкле еще немало… мало силенок, я хотел сказать… совсем мало силенок у него осталось…

– А сделал ты так, чтоб ему радость не в радость и жизнь не в жизнь была? – спросила старуха.

Черт совсем заважничал.

– Прежде пусть этот Рёкле построит мне еще не одну мудреную вещицу… Да где вам такое понять! Вот тогда я его и…

к ногтю! Ни на день раньше! А рог этот мне и не нужен вовсе.

– Не нужен вовсе? – Чертова бабушка зашипела так, что брызги полетели во все стороны. – Ах ты, бородавка треххвостой козы! Какой же это черт без рога? И какая же это преисподняя без кремня «Все спалю, все сожгу»? На земле-то ты все перевернул, все переворотил и мне медные хоромы отвел, а на что они мне, когда там такой холод, что зуб на зуб не попадает! Ну что, мистер обер-хитрец, был ты у Рёкле или нет? Говори!

Черт ответил:

– Был. И вам кое-что оттуда прихватил. Глядите!

Он достал ларчик и дернул золотую пуговку. Из ларца выскочил крохотный выдвижной ящичек, набитый мелкими шелковыми лоскутками.

– А вот еще! – И черт открыл крышку.

– Ф-ф-фу! – расфырчалась чертова бабушка. – Безрогий олух! Горшок без ручки! Подумаешь, игла, да ножницы, да кукольное тряпье!

Тут черт опять ощутил свое превосходство.

– Не хотите – не берите. Этот ларчик смастерил Рёкле. Что ж, отдам своему бесу-балбесу. Ничего-то вы не смыслите в науках! Присохли к своей старине! Ну и сидите в медных хоромах да грейте себе пятки!

Чертова бабушка разбрюзжалась, потом часто-часто заморгала и уставилась на франтоватого внука: что-то он и в самом деле больно в себе уверен! Должно быть, не пустяковый этот ларчик. Чертова бабушка тут же схватила ларец.

– Ну и что? А как он открывается? Какое тут заклинание? Давай, давай выкладывай! Думаешь, не разбираюсь я в твоей науке? Знаю я ее, знаю, детские игрушки всё! Кричи мне в ухо волшебное слово!

Черт сделал, что она ему велела, и бабка, фыркнув, исчезла.

В мгновение ока очутилась она в собственном царстве. Устроившись в старинном кресле, она принялась разглядывать ларец. «Снаружи вроде ничего особенного!» – подумала она и любопытства ради дернула золотую пуговку. Клик! – и из ларчика выскочил выдвижной ящик. Чертова бабушка с наслаждением запустила пальцы-крючья в груду разноцветных лоскутков. «Веселенький материальчик!» Один лоскуток особенно понравился ей: темно-синий с серебряными блестками. Она поднесла его к глазам. «Когда кругом все желтое, синий цвет ласкает глаз! – Она отложила лоскуток в сторону. – Велю себе из него капор сделать. Но сперва сошью рубашку. И весь гардероб велю обновить». Щупая лоскутки, она подошла к столу и поставила на него ларец. «А славную материю старый дурень

Рёкле для сопляков подобрал. Не байку, не грубую кисею и не какое-нибудь там полотно! Ай-ай-ай! Материальчик отменный!.. Так и слышу, как чертов сын говорит: „Легкий, воздушный, будто пена морская!“ Болтать-то он горазд!»

И чертова бабушка стала раскладывать лоскутки на медной столешнице, доставая из ларца всё новые и новые, однако конца им, видно, не было. «И бархат и кружева, да какие – все ручной работы! Ай-ай-ай! Какой из них чепчик выйдет! Уж то-то бесенята подивятся!»

Наконец старуха решила вытащить иглу из бархатной подушечки. Но, как она ни старалась, ничего у нее не выходило.

– Ах, вот оно что! – пробормотала бабка. – Волшебное слово надо сказать: «Живо-живо, начинай!»

В ларчике сразу что-то зажужжало, из него выдвинулся второй ящичек и третий – лоскутки зашуршали, затрепетали, будто им не терпелось поскорее выбраться на волю. Да и серебристая игла теперь совсем легко вынулась из подушечки.

Чертова бабушка воткнула ее в белую с отливом материю и голосом, привыкшим командовать, произнесла:

– Рубашки мне нужны. Длинные. До самого пола. Одна – на день, другая – на ночь. А теперь, игла, покажи, на что ты способна. Давай шей!

Однако игла лежала спокойно и не двигалась. Тогда бабушка положила рядом с ней еще несколько лоскутков.

– А из этого зеленого – три нижние юбочки… Да нет, двух хватит. И одну желтую! Вздор! Пряха, пряха, ты неряха! Желтую-то я ношу вот уже скоро три тысячи лет. Не надо мне желтой! Синей пусть будет третья нижняя юбка, поняла? А теперь шей, игла!

Но игла продолжала неподвижно торчать в белом лоскутке. Тогда бабка, наконец-то вспомнив, хлопнула себя по рогу:

– Я ведь не все волшебное слово сказала. Ну так вот: «Живо-живо, начинай! Игла, игла, шей сама!»

Ларчик зажужжал громче, и из трех выдвижных ящичков потянулись длинные полосы материи, спадая волнами прямо на пол. Ножницы сами подскочили к ним и давай резать и кроить, да так быстро, что у чертовой бабушки только перед глазами замелькало. А игла то вопьется, то выскочит, и, прежде чем бабка успела сосчитать до трех, рубашка уже была готова. За ней – вторая, третья, и еще, и еще…

Чертова бабушка оторваться не могла от этого зрелища. Опомнившись, она захотела примерить одну из хорошеньких рубашек. Дрожащими руками сорвала она с себя старое тряпье и надела новую рубашку. Немного коротка, но вверху и на бедрах

все в самый раз. Будто облачко клубилось вокруг старухи. Правда, рубашка чуть холодила, но в то же время в ней было тепло. Потом чертова бабушка взглянула повнимательнее в зеркало и сразу зафыркала:

– Тьфу, пропасть! Да в этой стране Басен-и-Побасенок носят все прозрачное!

Оказалось, что рубашка просвечивала. Скорей, скорей! Бабка натягивает еще одну рубашку и еще одну, благо игла сшила их столько, что и не счесть. Но вот чертова бабушка снова посмотрела на себя в медное зеркало и от удовольствия даже прищелкнула языком, а потом и горделиво прошлась.

– А теперь шей нижние юбки! Зеленые! Поняла? – крикнула она и тут же чуть не подпрыгнула от радости: уже целая гора готовых рубашек высилась перед ней.

Игла сшила последнюю рубашку из белой материи и уже впилась в новый кусок.

– Стой! – закричала чертова бабушка. – Не тот! Зеленых мне! А этот пойдет на верхнюю юбку!

Однако у иглы были свои законы, и она не послушалась старой чертовки. Теперь она впилась в красно-синюю тафту и давай шить: раз-два! Раз-два! А ножницы щелкали: щелк-щелк! Щелк-щелк! А ларчик все жужжал и жужжал.

– Курлы-мурлы! Что же это за цвет такой? Так повернешь – красный, а так – синий! – Голова бабки в грязно-белом чепчике качалась из стороны в сторону.

Потом старуха решила натянуть поверх рубашки нижнюю юбку. И сразу же вокруг нее образовался пышный обруч рюшей. Ах ты, мое хромое копыто! Какие это были юбки! Бабка примеряла еще и еще. И игла «Шей-сама» уже подбросила ей готовую зеленую юбку. И все они оттопыривались, как у балерины, и были отделаны тончайшими кружевами.

А игла уже впилась в темно-синюю парчу с серебряными блестками.

– Опять ты не тот кусок шьешь! Из этого я хотела себе капор сделать! – взмолилась чертова бабка.

Но игла уже успела сшить из него такое платье, какое украсило бы и королеву. Старуха вцепилась в него, примерила, снова сняла, опять надела и под конец стала походить на переливающийся серебром шар.

И так она была занята всем этим, что позабыла и порадоваться обновкам. Только иногда слышалось какое-то бульканье. А вокруг лежали платья из серебряной парчи с синими и красными птицами на желтых, словно янтарных, ветвях. У ног ее переливались шали из черного и желтого шелка со змейками и

саламандрами. А потом появились и жакетки всех цветов и с теплой подкладкой, рукава буфами и рукава в сборку. Потом верхние юбки: шерстяные, хлопчатобумажные, шелковые, с ярко-красными оборками, ядовито-зелеными листьями, с яркими бордюрчиками, в клетку, в полоску, в крапинку – всех не перечесть!

Чертова бабушка уже стонала под тяжестью всех этих одеяний. А времени снять их с себя у нее не оставалось.

Теперь к ней стали подлетать шляпы одна за другой, одна за другой! О, великая бородавка из жабьего омута! Какие это были шляпы! И высокие, и с широкими полями, и островерхие, и приплюснутые, а то и похожие на перевернутую сковороду, разукрашенную сверкающими камнями. И размером с колесо, усыпанное цветами, с вороньим гнездом в середине!

Чертова бабушка так и застыла. А вот и ее капор! Какой хорошенький! А эти лиловые лепты – как они шуршали, как переливались! Ах, почему нельзя одним прыжком очутиться в стране Басен-и-Побасенок! В стране, где носят такие шляпы!

Но что ей теперь делать со всем этим богатством? Где она? Что сталось с ее медными хоромами! Все кругом завалено до самого потолка платьями, рубашками, юбками, панталонами, шляпами, накидками, кружевными чепчиками… А ларчик стоит высоко-высоко, на горе рулонов материи, и без устали выплевывает всё новые ткани в чертовы покои…

И еще одно узрела тут чертова бабка: далеко-далеко, в глубине хором, толкая и отпихивая друг друга, черные бесенята устроили свой показ мод. Они трещали без умолку, хихикали и хохотали, примеривая на себя все, точь-в-точь как это делала она сама. Шуршала тафта, потрескивал шелк, черти натягивали на себя корсажи, расхаживали в коротеньких, до колен, шелковых панталонах, гарцевали в кружевных сорочках, плясали в балетных пачках, путались в бархатных шлейфах, и – о чудо! – какое бы платье они ни примеряли, оно тут же принимало нужный размер.

Нацепив на нос очки, чертова бабушка стала пробираться по рулонам материи. Какой тут поднялся крик и визг! И самого-то себя не слышно. Разве их урезонишь? «Пусть побалуются!» – подумала бабка и тут же поймала черного бесенка-сорванца за хвост. Он застыл, тараща глазенки на свои серебристо-серые панталоны. Старуха так дунула ему в острое ухо, что бесенку почудилось, будто туда забралась целая свора блох.

– А ну-ка, созови всех черных чертей! Пора и им праздник устроить. Пусть не думают обер-черти, эти невежи и неучи, что вырядились во фраки в клеточку и навощенные цилиндры, будто им одним дано наряжаться да преображаться. Нынче наш черед!

Вскоре праздник был уже в полном разгаре. В хоромах чертовой бабушки, по всем уголкам ее древнего царства, разлилось безудержное веселье. В мгновение ока закопченная преисподняя превратилась в модный салон.

Несколько особенно шустрых черных чертей отважились пробраться в зеркальные залы обер-чертей и там, конечно, расхвастались. Тут и обер-черти не выдержали.

Они мгновенно скинули с себя фраки и цилиндры, с жадностью набросились на кружевные панталоны, юбочки, корсеты и нарядились балеринами.

Хохот, визг, писк! Вот они уже порхают по всем залам, разбились на пары и пустились танцевать…

Какое это было зрелище! Они и дергались, и прыгали, и ногами дрыгали, и вертелись, и кружились, и кувыркались, и стонали, и верещали, и вопили, и пищали!

И вдруг, откуда ни возьмись, главный черт!

– Цыц, черти! – рявкнул он. – Да как вы смели? Кто вам дал все это?

Не дожидаясь ответа, он тут же скатился вниз, к своей бабушке. «Должно быть, старуха в детство впала, – думал он. – Смотри-ка, что выкинула! И что только ей в голову взбрело!»

Но, чем ближе к ее хоромам, тем труднее было двигаться – все кругом завалено кусками материи, повсюду громоздятся горы рубах и панталон. Черт только и знал, что чертыхался.

А бабушка его тем временем сидела в своем старом кресле, уронив голову на грудь. Сколько она ни кричала, сколько ни приказывала, игла «Шей-сама» все шила да шила… Да и с бесенятами бабка справиться уже не могла. Никто не обращал на нее никакого внимания.

Размотав кусок материи, черные черти хватали его за концы и качались на нем, словно на качелях, налетали друг на друга, сбивали с ног, дрались, валились наземь и, не в силах подняться, только чмокали да цокали на полу.

– Подать сюда ларчик! Слышите? – кричал главный черт.

Но никто не слушал его.

– Довольно! Довольно! Игла, игла «Шей-сама», остановись!

Да, но где же ларчик с волшебной иглой?

А он, словно кораблик на волнах, покачивался на самой высокой горе из рулонов переливающегося синего бархата и, никому в руки не даваясь, выплевывал всё новые и новые куски материи.

Наконец главный черт добрался до медного зала и увидел, что старая бабка, разбухшая, как бочка, сидит без сил в целом ворохе кружевных чепчиков и шляп.

– Ты что, совсем из ума выжила? – набросился он на нее.

Тут только она, очнувшись, заметила своего внука.

– Послушай… – прохрипела она. – Останови, останови иглу, мой безрогенький, мой хитрющенький!

Черт так и замер. Остановить? Но как? Как?

Он подозвал своего обер-модника беса-балбеса, сдернул с него балетную пачку и повелел:

– Скачи вон на ту гору и доставь сюда ларец с иглой и ножницами!

Пробравшись через завалы лент, кружев, шалей и чепчиков, обер-модник стал походить на волка, вывалявшегося в куриных перьях.

– Чтоб тебя! Чтоб тебя! – кричал он, пытаясь схватить чудо-ларчик.

А тот все выскальзывал да выскальзывал у него из рук.

Главный черт не на шутку разгневался. Как же так? Этот Рёкле его дураком выставил перед всем бесовским народом! И он сам бросился за ларчиком. Хотел раздавить его кулаком, но, сколько раз ни замахивался, в ларчик не попадал.

Скок-поскок, все дальше и дальше убегал чудо-ларец, вскочил на горку фрачных брюк в мелкую клеточку, потом на гору голубых жилетов, все выплевывая свои неиссякаемые богатства…

– Перестань, игла! Перестань! Остановись! – хрипел главный черт – кричать он уже был не в силах.

Услышали это черные бесенята и давай скорей удирать в своих нарядах в нижние хоромы.

А чертова бабушка как завелась смеяться, так уж и остановиться не могла. У главного черта, внука ее, даже звон в ушах стоял от ее смеха.

– Останови ты ее, внучек! Не то мы задохнемся тут в собственном аду. А еще лучше – спали ее кремнем «Все спалю, все сожгу», – язвила она. – Куда же девалась вся твоя чертова силушка? Ничего ты уже не можешь. Позвал бы на помощь своего мистера Всех-хитрей – Ганса Рёкле!

Тут черт как закричит в бессильной злобе:

– Назад, к Рёкле!

В мгновение ока в зале наступила мертвая тишина. Крышка ларчика сама захлопнулась. Некоторое время у черта и его бабушки еще жужжало в ушах, но вот и это прошло.

Ларчик сам взвился вверх, где его с радостью подхватили птицы Рубин и Сапфир и доставили в целости и сохранности прямо на верстак к Гансу Рёкле.

•

Шагая домой, Джо, смеясь повторял про себя: «Безрогий олух! Горшок без ручки! Нет, Ганса Рёкле тебе никогда не одолеть!»

А над улицами Лондона простиралось огромное небо, все усыпанное звездами.

Робинзон и электрическая железная дорога

Прошло четырнадцать дней – таких дней, каких ребята с прядильной фабрики еще не знали. Наконец-то они могли хоть немного вздохнуть! Рабочий день уже не тянулся от зари до зари. В три часа пополудни, когда за ними закрывали фабричные ворота, было еще светло, а частенько сияло и солнышко. Теперь у них находилось время и поиграть, и побегать на свежем воздухе. И ночью они спали! Каждую ночь!

Для Джо это были первые дни счастливой жизни. Мама, чтобы набраться сил, все две недели не выходила из дома. Сперва она лежала, но в начале второй недели Джо, возвращаясь с работы, заставал ее то у очага, то возле братика Карла. Джо садился рядом, гладил крохотные пальчики, держал малышу бутылочку. Да и Дороти, перебиравшаяся днем в теплую мамину кровать, повеселела, учила Лисси новым словам и, когда Джо еще только открывал дверь, встречала его лучистым взглядом. Слыша ее смех, все думали, что она поправляется. И Джо верил в то, во что ему хотелось верить: чудесная кровать навсегда прогнала злой кашель.

Джо забегал и к Бекки. Они вместе убирали квартиру, разносили продукты клиентам. На обратном пути они присаживались отдохнуть где-нибудь на пустыре. Джо рассказывал о Мавре, о его детях, отвечал на расспросы сестры. И Бекки вместе с ним радовалась тому, что, с тех пор как Энди стал надзирателем в прядильном цехе, работать стало куда легче.

Как-то раз сестра разрешила Джо зайти в комнату бабушки Квадл – той тоже хотелось послушать сказку о Гансе Рёкле и черте, и непременно со всеми подробностями. Джо охотно рассказал. Однако из-за чертовой бабушки они с Квадлшей крепко поспорили. Бабушка Квадл считала, что чертова бабушка была самой обыкновенной бабушкой, и, как всякая бабушка, со своими причудами. А для Джо она все равно была настоящей чертовой бабкой, сколько бы она там ни болтала и ни притворялась, прикидываясь доброй да веселой. Ведь это она велела Огненному Копыту сделать так, чтобы Гансу Рёкле всякая радость была не в радость и жизнь не в жизнь. Нет, Джо ее ничуть не жалел.

Каждый день Джо на часок забивался куда-нибудь в угол и читал. Это Робин как-то принес потрепанную книжку, купленную у старьевщика, – «Удивительные приключения морехода Петра

Простака» – и положил ее на стол. Сперва Джо не обратил на нее никакого внимания, но потом взял, полистал да так увлекся, что уже не мог оторваться. Порой Джо чувствовал, что отец смотрит на него, но не поднимал головы. Никто ему не мешал. Даже Полли, непременно обсуждавшая с ним все важные хозяйственные вопросы, ходила по комнате на цыпочках, когда Джо сидел, склонившись над книгой.

Вскоре Джо попросил у Робина «Коммунистический манифест». Тот молча вручил ему книжку, но по его лицу видно было, что он доволен.

Джо не все понял и снова обратился к Робину. Старший брат умел хорошо объяснять, просто и понятно. Все, кто находился в комнате, невольно тоже слушали.

•

Так подошел и понедельник – день, когда Билли должен был встретиться с Мавром и вернуть ему деньги. Задолго до назначенного часа Джо отправился в путь.

Но Билли опередил его. Не зная, как убить время, он лениво прогуливался по тротуару, заглядывая в витрины магазинов. Вдруг он удивленно поднял брови: неужели это Джо идет ему навстречу? Ведь еще смена не кончилась. Значит, дело на фабрике не обошлось гладко! С нетерпением поджидал он брата. Но тот шел не торопясь – наверно, ничего страшного не случилось. Билли показалось, что Джо вырос. Вздор это, конечно! Но, приглядевшись, он решил, что брат и впрямь как-то повзрослел. И не волочил ноги как прежде, а держался прямо, подняв голову. Вот он приветливо помахал рукой. А приоделся как! Куртка и штаны вычищены, и чуб не забыл пригладить. Умытый, опрятный. Гляди-ка!

Здорово, Джо! Рано ты сегодня со смены.

– А я уже из дому, Билли!

– Так ты в ночную работаешь? Жаль. Значит, тебе скоро уходить?

Джо чуть было не выдал себя, улыбнувшись, но сдержался и с напускным равнодушием, как будто речь шла о чем-то само собой разумеющемся, пояснил:

– Ничего, у меня время есть. Мы в три кончили.

– Это почему? Котел испортился?

Джо покачал головой:

– Да нет, смена в три кончается. – Ему лишь с большим трудом удалось сохранить равнодушный вид.

– Как это? Объясни толком! Вас что, на прогулку выпустили, свежим воздухом подышать? – Билли усмехнулся.

– У нас восьмичасовой рабочий день! – вырвалось наконец у Джо.

Да и у кого бы достало выдержки? Он улыбался во весь рот, наслаждаясь изумлением Билли.

– Что-что? Восьми… восьмичасовой… Ха-ха-ха-а! Восьмичасовой рабочий день! Рассказывай! – Но вдруг он запнулся: Джо так странно, будто с торжеством, глядел на него. – Ну, вот что, брось-ка ты чушь пороть! Говори, что у вас там стряслось.

Тут Джо, не скрывая более своей радости, рассказал брату о больших переменах в прядильне: о том, как с позором был изгнан Очкастый Черт, как ввели положенное по закону рабочее время и все остальное. Он захлебывался от восторга.

Билли морщил лоб, недоверчиво слушая брата.

– Вон как! И уже две недели, говоришь?

– Две.

Билли строго посмотрел на брата:

– Не врешь?

Джо на радостях дал брату тумака, глаза его сияли. Совсем у них теперь другая жизнь пошла.

Наконец Билли понял. Фабричные ребята, значит, добились своего! Не побоялись сказать правду, не дали себя запугать – и победили. Даже не верилось!

Маленький, худенький Джо, его собственный братишка, не струсил и первым вышел вперед. Правда, если б не этот мистер Маркс… Получается, что барин вступился за фабричных. Может ли это быть, чтобы такой человек с бедняками против господ пошел? Нет, тут что-то не так. А вдруг это какая-то дьявольская ловушка? Чтоб потом их еще крепче прижать? «С этим доктором надо держать ухо востро! – подумал Билли. – Самому надо во всем разобраться».

Давно уже пробило шесть, и оба брата нетерпеливо поглядывали по сторонам. Что же это Мавр не идет? Но тут Джо увидел двух мужчин на противоположном тротуаре и радостно воскликнул:

– Вон он!

– Этот, с черной гривой?

– Да, да! – Первое мгновение Джо даже не решался пристально смотреть в ту сторону. Но вдруг он заметил, что Мавр вовсе не ищет никого, а оживленно разговаривает со своим спутником. Вот он поднял трость, покачал головой и рассмеялся. А второй, моложавый, с бородкой, настойчиво убеждал Мавра.

«Может, побежать за ними, – подумал Джо, – самому заговорить?»

Билли присвистнул.

– Видал? Плевать он на нас хотел! Еще минут десять подождем, а потом уж…

– Что – потом?

– …денег не придется отдавать. Сэкономим, значит. Ясно, как лондонский туман.

Джо не посмел возражать, но потом робко вставил:

– А может, он просто забыл про нас, Билли? Знаешь, сколько у него всяких дел.

– Кому деньги нужны, тот и ночью побежит, не забудет… А что с вашей получкой? Чем дело кончилось?

– Хорошо. Лучше, чем ожидал.

И Джо рассказал брату о разговоре с Бритвой и о штрафе в двадцать шиллингов «за недозволенное пользование пожарной лестницей». Билли снова присвистнул.

– Понимаешь, я не хотел, чтобы они впутали в эту историю маму, – продолжал свой рассказ Джо. – А теперь вам незачем ради нас затевать какое-нибудь крупное дело. Те двадцать шиллингов, которые с нас удержали, ты нам уже отдал. Но сам знаешь, когда родится маленький, всегда новые расходы. Да и за квартиру мы задолжали. Я бы давно Мавру деньги вернул, а так…

– Будь покоен, – прервал его Билли, позвякивая монетами в кармане. – Долг твоему доктору весь здесь. Но лучше бы купить что-нибудь. – И он повернул брата лицом к витрине.

Чего тут только не было: и куртки, и штаны, и кожаные ботинки, и шапки, и костюмчики…

– Шикарное барахло, а?

– Только не для нас, а для барчуков.

Билли обнял брата и, зло уставившись на витрину, буркнул:

– У богачей все есть. Трахнуть бы камнем по стеклу и взять все, что нам нужно…

– Да разве можно так? – с ужасом воскликнул Джо.

– То-то и оно! – проворчал Билли. – Между прочим, твой доктор одет как настоящий джентльмен. Не пойму я, как это он оказался на мели? – Билли обернулся. – Вон он идет! Поглядим – увидим, кто он такой.

Джо вспыхнул. Теперь и он заметил приближавшегося Мавра.

– Что это ты затеял, как ты хочешь его проверять? – хрипло спросил он брата. – Посмей только!

– Не бойся! Это сразу видно. Такие господа сами себя выдают!

Мавр быстрыми шагами пересекал улицу и еще издали помахал им тростью.

– Я перепутал кварталы и прошел до следующего перекрестка, Джо!

– Да мы никуда не торопимся, – ответил Джо, пожав протянутую ему руку.

– Добрый вечер, Кинг! – Мавр протянул руку и Билли, но тут же опустил ее: вожак шайки вряд ли привык обмениваться «светскими» рукопожатиями.

С первого же взгляда Мавр понял, что братья совсем друг на друга не похожи. Билли – сразу видно – отчаянный парень, сорвиголова. Большой, резко очерченный рот выдавал в нем уверенного в себе вожака. Однако слегка опущенные уголки губ и напускное равнодушие заставляли несколько усомниться в этом. Мавр приветливо кивнул Джо. На открытом лице этого мальчика, как в зеркале, отражались все движения души. Вот и сейчас глаза его как бы говорили: «Я рад, что Мавр сдержал свое обещание. Он и с Билли запросто справится».

Теперь Джо с нетерпением ждал, кто первым заговорит о деньгах, которые лежали у Билли в кармане.

К его ужасу старший брат начал этаким развязно-высокомерным тоном:

– Пришли все-таки, сэр? Забрать деньги? Что ж, тут возражать нечего. Сколько, ты говорил, шиллингов, Джо?

Джо так растерялся, что на какой-то миг даже онемел. Но тут же, сжав кулаки, подскочил к Билли. Строгий взгляд Мавра приковал его к месту. Крутая, гневная складка, выступившая на высоком лбу после первых же наглых слов Билли, снова разгладилась. Мавр, положив руку на плечо Джо, спросил с обезоруживающей улыбкой:

– Как себя чувствует мама? На работу уже ходит? – Джо только молча кивнул в ответ. Мавр, будто ничего не случилось, продолжал, уже обращаясь к Билли: – О мамах надо заботиться, особенно о такой доброй и ласковой, как ваша. Джо уже многое успел мне рассказать, так что мне кажется, я давно знаком со всей семьей Клингов. Только вот о тебе я почти ничего не знаю. Ну, а поскольку не каждый день представляется случай поговорить с «королем», я сегодня даже на целый час раньше оторвался от своих книг. Видишь, я умею ценить дарованную мне аудиенцию, Кинг.

– Примите… и прочая, и прочая, господин… господин доктор, – с усилием произнес Билли хриплым голосом, натянуто улыбаясь.

Он уже понял, что не очень-то удачно начал разговор. Для этого ему незачем было глядеть в гневно сверкающие глаза брата. Сбившись, он не знал, как продолжать, но в конце концов, решив,

что этот бородач сам обратился к нему, снова обрел уверенность и свысока спросил:

– Оторвались от книг, говорите? Так вы, значит, книжный доктор? А я-то думал, вы настоящий доктор, такой, который лечить умеет. – Мавр не спешил с ответом, и Билли добавил: – У нас тоже есть свой профессор – Оливер. Мы его так и зовем. Здорово считать и писать умеет, а сколько всего знает! Для нашей шайки парень очень нужный. Но, может, все это вам неинтересно слушать?

– Почему? Напротив. Умные люди для меня всегда интересны. Итак, ты говоришь о докторе наук, а не о докторе медицины.

– Гм!.. От настоящего доктора нам бы больше проку было.

– Вот как? – удивился Мавр. – Любопытно. А зачем вам, собственно, настоящий?

– Да, видите, нам часто перепадают пилюли всякие, лекарства там, мази, микстуры. Могли бы хорошо подработать на них, если бы толком разбирались. Сколько бы монет выколотили! Куда выгодней, чем когда оптом сбываем.

Мавр совершенно серьезно продолжал этот так странно начавшийся разговор, в то время как Джо, волнуясь, молча шагал рядом.

– Значит, самое важное для вас деньги?

– А для вас нет, что ли?

– Деньги? Нет, – спокойно ответил Мавр. – Для меня есть вещи поважнее, хотя… – он продолжал, несколько растягивая слова, – когда денег вовсе нет, часто кажется, будто на свете нет ничего важнее.

– Это вы здорово сказали, господин доктор! Да и для нас деньги не самое важное. Тут мы с вами друг друга понимаем! – И он кивнул в сторону брата, показывая, что говорит и от его имени. – По мне, хоть бы денег и вовсе не было! Только чтобы каждый день пожрать было что, крыша над головой и еще что-нибудь для развлечения, – этого мне и моим ребятам вполне хватило бы. Да и многим другим. Надо тебе костюм – ступай в магазин, – Билли показал на богатые витрины, – продавец подлетит к тебе и скажет: «Пожалуйте, выбирайте! Здесь всего вдоволь». Я бы и выбрал, что мне нужно, – на кой они тогда, деньги-то? Деньги дрянь! У одних слишком много, у других слишком мало. А кто будет решать, сколько кому надо?

Билли помолчал немного, но, увидев, что доктор улыбается во весь рот, быстро спросил, наклонив голову:

– Что, хорошее предложение?

Когда Билли несколько дней назад перед сном говорил об

этом же самом с грачами, те во все глаза на него глядели, а Портовый Хенни даже крикнул: «Тебя бы в министры! Знаешь, как бы мы зажили!»

А теперь и Джо воскликнул:

– Вот было бы хорошо!

– Мысль недурна, Билли, – присоединился к нему Мавр. – Только ты ее не додумал до конца.

– Почему не до конца? – удивился Билли.

– Представь себе, что найдутся люди, которые захотят два раза в день пообедать или даже три. И одного костюма им покажется мало. Что тогда?

Билли оторопел. Как это – два костюма? Поджав губы, он недолго думая бросил:

– Насчет костюмов надо бы еще обмозговать. Почему правда и не по два? Или по три? Костюмов-то хватит.

– Н-да! – произнес Мавр, с интересом рассматривая широкоплечего юношу со смелыми чертами лица и бесстрашными глазами. И опять-таки совершенно серьезно спросил: – А кто, по-твоему, будет шить костюмы? И заботиться о том, чтобы все могли по два-три раза в день питаться?

Билли так и покатился со смеху.

– А все те, кто до сих пор бил баклуши, шикарно жил. Господа, у которых по десять костюмов висит в шкафу, фабриканты и лорды, всякие пижоны и франты. Да, они! Пусть поработают до седьмого пота! Да, да, до тех пор, покуда у всех всего не будет вдоволь. У рабочих, конечно. А там поглядим, как все дальше пойдет.

– Худо дело!

– Почему это «худо»? Может, жалеете их? Пусть, мол, и дальше лентяйничают? Скачут верхом, на яхтах катаются, играют в гольф и с рабочих по семь шкур дерут?

Мавр ответил с расстановкой:

– Я полагаю, что тогда нам пришлось бы худо – и нам троим да и всем, у кого только по одному костюму.

– Почему это? – сразу спросил Билли, но, подумав, расхохотался. – Вон оно что! Я уже смекнул, куда вы клоните. Уж я бы заставил их поработать – и Кровососа, и Очкастого Черта, и толстого Смита из красильни, и Лекаря-Аптекаря, и лавочника Квадла. Месяца бы не прошло, как он из одного костюма мог бы себе сшить два! Чего там! Хуже, чем сейчас, нам бы не жилось, а господа поработали бы как следует на черной работе.

– Ты, значит, мечтаешь, Билли, чтобы те, кому сейчас хорошо, жили так же плохо, как большинство людей. Нет, я хочу большего!

Билли был поражен. Взгляд его скользнул по заплатанной вельветовой курточке Джо, босым ногам, ступавшим по холодному и скользкому от тумана булыжнику, и он зло проворчал:

– Почему это «мечтаю»? Разве я говорил, что мечтаю?

Но он хорошо понял, что́ имел в виду Мавр. Да уж, наболтал он с три короба, это верно. Не подумав, разговорился, а теперь вот ломай себе голову – не очень-то он любил это. Но, чтобы и тут последнее слово осталось за ним, Билли сказал:

– А шикарно было бы заставить их поработать! Вот когда б для нас настали золотые деньки!

– Не думаю, чтобы они настали. – Мавр, смеясь, взглянул на Джо. – А ты как считаешь?

– Мало этих господ, – робко ответил Джо, – и работать они по-настоящему не умеют.

Мавр живо кивнул:

– Главное – рабочих-то в десятки тысяч раз больше, чем господ.

– Полегче на поворотах! – сказал Билли, почесав за ухом. – Это, конечно, ясно, что рабочих больше, чем господ, но… (Мавр не мешал ходу его мыслей.) Тут-то вы, наверно, правы: такой франт мало что наработает. Как представишь себе капитана Ост-Индской компании со всеми побрякушками на пузе и золотом на рукавах! Или хозяйского сынка в небесно-голубой жилетке! С такими кочегарами у топки посудина застрянет уже в шлюзах, не выберется даже на Темзу. Это вы правильно насчет лентяев-то. Ничего не скажешь!

Мавр расхохотался.

– Благодарю за комплимент! Ну, а дальше как?

– А никак. На самом деле этого никогда не будет. Так незачем и голову ломать. Никто нам за это не заплатит.

– Не валяй дурака! – набросился Джо на брата. – Сам же начал, а теперь «никак»!.. Лень пошевелить мозгами. Слышал: если работать будут одни хозяева, а рабочие баклуши бить, все мы ни с чем останемся.

Мавр одобрительно кивнул малышу.

Но Билли явно нравилось рассуждать, особенно не задумываясь.

– Я же сказал: весь наш разговор ни к чему! Как оно есть, так оно и останется. – Он откашлялся. – Вы что думаете! Я это дело обмозговал, так и сяк вертел и поворачивал, но ничего толкового не придумал!

Мавр весело подхватил:

– Что верно, то верно, Билли. Да разве может взойти что-

нибудь путное в мозгу, в котором пока, можно сказать, ничего не посеяно? А во все стороны вертеть и поворачивать, как ты говоришь, тоже чересчур затруднительно. Вот если бы ты это дело продумал до конца в одном направлении! Ошибка большинства людей заключается в том, что они сегодня бросаются в одну сторону, завтра – в другую и почему-то называют это мышлением. Ты тут не исключение.

– Вот мы и поняли друг друга, сэр! – воскликнул Билли, предположив, что его вздорные рассуждения восприняты совершенно серьезно и даже дали пищу для занимательной беседы. – Я уже год, как двигаюсь, так сказать, в одном направлении. С тех пор мы, правда, в золоте не купаемся, но все же дела наши идут лучше, чем раньше. Живем вольно и всегда веселы. Никто нас не шпыняет. Добываем себе, что нам нужно, а берем у тех, у кого всего в избытке. Еще охотнее мы подпустили бы господам фабрикантам красного петуха. Но тогда, пожалуй, мы остались бы ни с чем да еще угодили бы за решетку. Ну, а туда нас почему-то не тянет.

Джо испуганно смотрел на Мавра, но тот воспринял все это, ничуть не сердясь, и даже кивал, как бы соглашаясь с Билли. И правда, Билли говорил живо и совсем не хвастаясь.

Мавр следил за ним с явным интересом. Ведь и этот юноша, несмотря на то что мысли его никак нельзя было назвать зрелыми, оказался достойным отпрыском семьи Клингов. Взбунтовался, потому что не согласен с существующим порядком. Нет, мыслителем его, разумеется, не назовешь. Ну что же, это не каждому дано. Да и молод еще очень. Но любит настоять на своем и воображение богатое, к тому же выказывает немалое упорство. Ну, а что он хочет идти своим путем, говорит только в его пользу.

– Ты считаешь, что нашел выход и живешь со своими грачами лучше других, Клинг? Но ведь если вас поймают и запрячут в тюрьму, никто и слезинки не прольет. Все останется по-старому – и для рабочих, и для всех вообще.

– А мне какое дело до всех? – запальчиво парировал Билли. – У меня одна забота – мои грачи.

«И куда меня завел этот разговор? – думал Кинг. – Никуда, конечно». Сколько уже времени они идут рядом, а он так и не выведал, что это за человек: капиталист или… Нет, не капиталист он. Такой бы сразу начал мораль читать насчет кражи кружев, назвал бы его, Кинга, вором и бездельником. А этот шагает рядом в своей крылатке и высокой шляпе и хоть бы раз заикнулся.

И вдруг Билли заметил заплату на штиблетах книжного доктора! Небольшую такую, аккуратную заплату. Не разглядишь,

если внимательно не посмотришь. Это еще больше сбило Кинга с толку.

Мавр не мешал ему спокойно думать. Перед широкой витриной хорошо знакомого ему антикварного магазина они остановились. Сперва стояли молча. Оба брата загляделись на чуждый им мир диковинной роскоши. Стены были увешаны огромными коврами, а внизу стояли вырезанные из слоновой кости слоны, на которых под балдахинами восседали индийские раджи; и медные блюда с серебряными инкрустациями, должно быть вывезенные из сказочного города Багдада; и большие и маленькие фарфоровые чашки с широкой золотой каймой; и часы под стеклянными колпаками; и шитые серебром ткани; и много-много картин. Они-то больше всего и привлекли внимание Билли. Про себя он сравнивал их с маленькой картинкой, которую ему подарил итальянский матрос. Чего только тут не насмотришься! О каждой картине можно было целые истории придумать.

– А разве бывают такие высокие горы? – спросил он с нескрываемым удивлением.

– Да, бывают. Высота их более четырех тысяч метров. Они покрыты вечными снегами.

– А это что за страна? – спросил Билли, указывая на картину, где были изображены пальмы. – Африка, да?

– Индия. Белые дворцы с золочеными крышами – это храмы, а те, что с колоннами и куполами, называются мечетями.

– А кто в них живет?

– Священники. В этих храмах молятся.

– Так это та самая Индия, куда уплывают корабли! – бормотал Билли про себя. – Ух, богатства-то какие! Вот почему наши капитаны все хотят зафрахтоваться в Индию.

– Да, Индия очень богатая страна, – задумчиво произнес Мавр, – это верно. (Джо вопросительно взглянул на него.) Но ведь о том, как живут миллионы индийцев, – я имею в виду тех, что строили эти дворцы и создали все эти богатства, – об этом картины не пишут. На них не нашлось бы покупателей. И эти бедняки, у большинства которых и крыши над головой нет, молят своих богов о том же, что и многие люди в нашей стране, – о тарелке супа.

– У них, значит, нет крыши над головой? – удивился Джо. – Им негде жить?

– Да. Миллионы людей не имеют жилья и никогда не наедаются досыта.

Билли присвистнул. Он понял: несколько человек в этой богатой Индии имеют всё, остальные – ничего. А все прекрасные вещи, которые привозят оттуда, награблены капитанами и

солдатами. Да, уж эти-то грабить горазды.

– А это чей дом? – спросил Джо, показывая на разрисованное фарфоровое блюдо.

– Это дворец индийского князя. В нем живут только сам хозяин и его слуги. А строили его тысячи.

– Видал, Джо? То же дерьмо, что и у нас, – зло произнес Билли.

– Да, та же несправедливость. Одни создают все богатства и живут в нищете, а другие предаются лени и кутежам. Все богатства мира сосредоточены в руках господ, но не по праву.

– Почему – не по праву?

– По праву владеть ими должны крестьяне, ремесленники и рабочие, – спокойно ответил Мавр.

– Гм! – Билли не верил своим ушам. – Гм! Ха-ха! Значит, по праву и город Лондон принадлежит нам, английским рабочим? И мне, стало быть? – Он захихикал, но тут же спохватился: этот доктор явно куда-то гнет.

– Ты попал в самую точку, Билли. Тому, кто создает все богатства, они и принадлежат по праву.

– Ну, а почему же тогда Лондон не принадлежит нам? – По лицу Билли было видно, с каким нетерпением он ожидал ответа. «Брат Робин, – думал он, – давно уже намекал на это. Говорил, что рабочие своими руками все построили, фабрики должны принадлежать им. Но он, Билли, никогда его разговоры всерьез не принимал».

Показав на модель большого парусника, висевшую в витрине, Мавр, как бы невзначай, спросил:

– Нравится вам этот корабль? Что скажешь, Билли? Вот бы тебе, Кингу, такой парусник, а?

Но Билли все еще ожидал ответа на свой вопрос. Почти резко он потребовал:

– Сперва я хочу знать, почему Лондон не принадлежит мне и моему брату Робину, к примеру. Вы же книжный доктор, кому, как не вам, знать это?

– Итак, кому, как не мне, знать это! – Глаза Мавра задорно искрились, но он не спешил с ответом.

Джо дивился все больше. Почему Мавр не оборвет брата? Билли совсем обнаглел. Что он задумал? Чего-то ведь он добивается своими вопросами. Джо взглянул на брата. А какой у него вид! Рот скривил в презрительной ухмылке, вызывающе уставился на Мавра и не робеет ничуть! Джо как раз собрался пихнуть брата в спину, но тут Билли, не выдержав испытующего взгляда Маркса, схватил того за рукав и чуть ли не с угрозой спросил:

– А теперь выкладывайте все начистоту! Вы все очень хорошо знаете. «По праву» – сами же сказали. Или все-таки не знаете?

– Знаю, – послышался спокойный голос Мавра.

Джо, затаивший было дыхание, бросил торжествующий взгляд на Билли и, зардевшись от волнения, то расстегивал, то застегивал курточку. Как ответит Мавр? А тот, откашлявшись, сказал:

– Я не останусь у вас в долгу. Но сперва позвольте мне все же спросить: кому-нибудь из вас знаком этот корабль?

– Тот, трехмачтовый? – Джо задумался. – Это какой-нибудь знаменитый корабль?

Мавр кивнул.

– На таком корабле Робинзон совершил свое путешествие.

– Робинзон Крузо? Вы его тоже знаете? – вырвалось у Билли. – Вы что же, интересуетесь и такими… такими…

Билли хотел сказать «приключениями», но Мавр уже обратился к нему:

– А почему бы и нет?

– Да что там! – отмахнулся Билли. – Вон у вас тросточка в руках и шляпа, как у всех этих… – Он не произнес слова «господ». – Вот Робинзон – тот был мировой парень. Настоящий бродяга! Да и кто бы отказался попутешествовать по белу свету на таком корабле?

– Ну, а если бы мне удалось достать тебе такой корабль, – неожиданно спросил Мавр, – настоящий, разумеется, что бы ты тогда сделал?

– Отчалил. И, чем скорей, тем лучше.

– Ну, а управлять им ты умеешь?

– Я-то? Еще бы! То есть, как это «управлять»? А-а… Подумаешь… – Билли запнулся, потом буркнул: – Все это ерунда. Был бы он мой, я бы сразу отчалил. И точка! Живо нашел бы, кто им умеет управлять. Штурвальных в порту сколько хочешь, хоть пруд пруди.

– Чего ты хорохоришься! – наскочил на него Джо.

Но Билли только пожал плечами, словно говоря, что все эти разговоры ни к чему.

Мавр сделал удивленное лицо:

– Вот как? Должен тебе сказать, так же поступают и те, против кого ты ополчился. Ты в этом ничем не отличаешься ни от Кровососа, ни от толстого Смита.

– Да это же совсем другое дело! – обиделся Билли. – Как вы можете сравнивать меня с такой собакой, со Смитом? А потом, на моем корабле поплывут все мои друзья-товарищи. Пусть тоже на белый свет поглядят.

– А ты будешь полеживать в гамаке, покуривать и вино попивать. Другие за тебя будут варить обед, драить палубу, стоять за штурвалом, до крови стирать себе ладони, лазая по реям, а ты плывешь и глядишь себе на белый свет.

– Почему это «в гамаке»? Нет, так скучно. Да и варить я сам могу. Тушеное мясо по-ирландски, к примеру. – Он подмигнул Джо. Тот подавил улыбку: здорово Билли попался на удочку Мавра! Теперь Мавр взялся за Кинга всерьез.

– Это было бы неплохо! – сказал он. – Но тогда ты бы не был хозяином, не был эксплуататором.

– Вот уж насмешили! – Билли возмутился. – Эксплуататора нашли! Не хочу им быть и не буду. Тоже придумали! – Он говорил все горячей. – Эксплуататор! Хоть меня и прозвали королем, но мы же всё делим поровну. Ни один из моих грачей не получает больше другого. Только если уж крайняя нужда какая-нибудь. За кого вы меня принимаете?

– За того, кто ты есть на самом деле, – тепло ответил Мавр. – И думаю, что ты, сын рабочего, никогда не будешь эксплуатировать своих товарищей.

– Это другой разговор. Я, значит, буду варить обед, да еще какой! Вы бы удивились! Акул в море хватает. Котлет бы наделал величиной с бортовой иллюминатор. И еще приготовил бы акулью печенку. И ели бы у меня все сколько влезет. Вот был бы номер! – Билли задумчиво покачивал головой, видимо придумывая меню на всю следующую неделю.

А Джо, заразившись весельем брата, рассмеялся.

Однако Мавр продолжал:

– Если ты и правда намерен делить все поровну, то и корабль будет принадлежать не тебе одному, а всем тем, кто кое-что смыслит в управлении, парусах, ветре, торговле, хранении товаров, которые вы закупите по дороге. Корабль будет тогда принадлежать вам всем.

– Неплохое было бы дело! – воскликнул Билли, завороженный столь прекрасной мечтой.

– Это было бы хорошее дело, замечательное, Билли. Ведь всякая работа важна. И та, которую делает крестьянин, и та, которую делает рабочий, и та, которую делает моряк. И если вам всем, каждому, кто делает что-то нужное, будет принадлежать корабль, то и все доходы от торговли тоже будут ваши. И вы все вместе будете пользоваться ими. Вы свободно разъезжали бы по белу свету и посмотрели бы весь мир.

Лицо Билли сияло, будто яблочко, умытое росой. Он уже видел себя и своих грачей на гордо мчащемся паруснике: вокруг бушует море, вдали виднеются горы, покрытые снежными

шапками; он видел и темнокожих людей, предлагающих им апельсины; острова Робинзона, поросшие пальмами, на которых висят кокосовые орехи… Взглядом, полным восхищения, он сбоку посмотрел на Мавра. И вынужден был признаться себе, что этот человек с черной бородой, умными глазами и приятным голосом, этот совсем чужой человек нравится ему с каждой минутой все больше.

– Итак, ты знаешь книгу о Робинзоне, Кинг?

– Еще как! Книга – во-о-о! Мы все ее знаем. Нам Оливер часто рассказывает разные истории про Робинзона. – Билли спохватился и сказал: – Правда, самой книги у нас нет, она нам не по карману. Да все равно, пол в нашем замке не выдержал бы книжных шкафов. Все половицы качаются, будто пьяные…

Все трое расхохотались так громко, что прохожие стали оборачиваться.

– Но ведь тебе было бы интересно узнать все подробности – и почему Робинзон решил отправиться в плавание, и как он попал в кораблекрушение?

Билли даже растерялся. Как этот чужой человек догадался?

– Еще бы! Это же моя любимая книга! – Последнее слово он произнес почти шепотом. Кингу не к лицу выбалтывать свои тайны, – но слово не воробей, вылетит – не поймаешь.

– Я так и думал, – сказал Мавр, доставая из заднего кармана сюртука какую-то книгу. – Вот она. Это книга моей старшей дочери Женни. Ей восемь лет, и, если ты хочешь, она охотно даст ее тебе почитать. Сама она прочла ее уже много раз. Но береги книгу, Кинг, и возврати при случае. Джо знает, где я живу.

Билли вздрогнул. Опять он назвал его Кингом! Как Джек или Бробби. И книгу ему принес этот мистер Мавр… или как его там зовут.

– Я тоже хотел бы ее почитать, – сказал Джо. – Можно? Правда, я еще медленно читаю. В фабричной школе многому не научишься, но… – Пораженный, он запнулся.

Мавр тоже с удивлением смотрел на Кинга. Билли перелистывал книгу, ища картинки. И, только найдя первую, он обнаружил, что держит книгу вверх ногами. Он быстро перевернул книгу, но, заметив удивленные лица своих спутников, сердито захлопнул ее.

– Ты не умеешь читать? – спросил Мавр без всякого упрека.

Билли, помрачнев, опустил уголки рта.

– А зачем мне? Ведь Джо умеет. – И Билли пожал плечами. – Больно много волынки… Да еще эта фабричная школа! Там все учителя пьянчужки. Потом, не сидеть же мне за одной партой с девятилетней мелюзгой. Ни за что! Да и к чему? – Он снова

говорил нагло и высокомерно, как вначале. – На то у нас Оливер. Он нам читает. Для этого и держим. И в шайку-то взяли ради этого. Оливер у нас барчук, он просто из дому удрал.

– Значит, ты все-таки эксплуататор! Это капиталисты держат машины и людей, заставляя их работать на себя. В самой работе они мало что смыслят, а вот деньги загребать умеют отлично.

– Да это же совсем другое! – Билли даже запыхтел с досады, сунул руки в карманы и, зашагав быстрее, бросил: – Я же говорил, что мы все делим поровну. Что есть у одного, то принадлежит всем.

– Это-то хорошо, – подхватил Мавр, – и доказывает, что вы славные и честные ребята, но не более того. Умными вас не назовешь.

– Это почему же? – вскинулся Билли.

– Сдается мне, что лондонский туман немного затуманил голову тебе и тебе подобным. Давай рассудим вместе… – К своему величайшему удивлению, Джо увидел, как Мавр достал из кармана клетчатый платок и помахал им, словно хотел разогнать туман. – Вот теперь тебе будет лучше видно, – продолжал он, скрывая улыбку; потом остановился, чтобы лучше видеть обоих братьев. – Я хочу подарить тебе парусник, Кинг, но ты не умеешь им управлять. Я принес тебе твою любимую книгу, но ты не умеешь читать. Правильно я говорю?

Билли кивнул, сконфузившись, и Мавр заметил, что оба брата в этот миг стали очень похожи друг на друга.

– Ты считаешь, – сказал Мавр, не спуская глаз с Билли, – что по праву весь большой Лондон должен принадлежать тебе и твоим товарищам, то есть рабочим людям. Так ты говорил? – Билли снова кивнул, и Мавр продолжал: – А теперь докажи, что ты умен, Кинг! Что должно произойти, чтобы город, порт, корабли, парламент и все богатства принадлежали рабочим?

Что должно произойти? Джо закусил добела нижнюю губу. Он словно слышал слова Робина: «Мы должны учиться, стать умными и, сплотившись, прогнать господ и управлять страной сами». Джо так и просиял. Билли заметил это. Он тоже напряженно думал, но сердился все больше, потому что ему ничего не приходило в голову.

– Откуда мне знать! – проворчал он. – Я вам не какой-нибудь ученый очкарик. Оливеру что? Ему легко было научиться читать, а нам… – Билли злился все больше и, задыхаясь от злости, выпалил: – Господам очень кстати, чтобы мы, бедняки, дураками оставались! – Он машинально протянул Мавру книгу.

…Вот и все, и радости как не бывало! Не видать ему, Билли, корабля, не путешествовать по белу свету…

Мавр, сняв шляпу и погладив бороду, внимательно изучал лицо Билли.

– Чудесный ты парень, Билли! Лучше тебя и ученый профессор не сказал бы. Да, господам очень кстати, чтобы рабочие дураками оставались. Никогда не забывай этого! И это чрезвычайно важное открытие ты сделал сам, без моей помощи. А теперь слушай внимательно. И ты тоже, Джо. Господа не хотят признаться, что боятся умных рабочих: ведь рабочих миллионы во всех странах света, а господ мало. И во-вторых: человек не родится умным, труд делает его умнее, в труде он обретает знания, учится думать. Деньги не прибавляют человеку ума, от них он делается только хитрее и подлее. А теперь вы, возможно, спросите: а почему тогда так мало умных рабочих? Разве они мало работают? Поэтому – в-третьих. Если люди слишком много работают и у них слишком много забот и если они от истощения не могут даже думать и у них нет времени учиться, то с годами они тупеют, ими овладевают усталость и отчаяние. Они уже ничего не видят, кроме своего рабочего места. Один день похож на другой, ничто вокруг не изменяется. А их дети? Сперва они хотят все изменить, они мечтают, они полны сил. Но нужда, голод, болезни заставляют их опустить руки, и все остается по-старому. «Зачем учиться читать и писать? – говорят они. – Приходишь с работы смертельно усталый. Что остается делать? Спать или пить». Только этим они и утешаются.

Мавр снова зашагал вперед. Джо и Билли теперь приходилось поторапливаться, чтобы поспевать за ним. Но вот Мавр снова заговорил:

– Нет, с такой собачьей жизнью Билли Клинг не может мириться. Он, сын рабочего, бежит от этой жизни. Ну, а дальше что? Дальше он проворачивает разные рискованные дела. Даже понемногу обирает богачей. Например, ему удается отнять у них моток кружев. То здесь что-нибудь стащит, то там украдет, мелочь всякую, потери которой богач почти не ощущает. Билли и ему подобные готовы богачей за глотку схватить, но они не знают, как это сделать. Билли готов даже перебить их всех, чтобы их вовсе не было, но он не знает как?

Мавр остановился и посмотрел на Билли. Тот вздохнул, собираясь возразить, но Мавр продолжил:

– Вот почему я и сказал, что умным Билли назвать нельзя. Он не видит дальше своего носа, кое-как перебивается, и ладно. А ко всему миру с его богатствами, его красотой, который мог бы принадлежать ему и миллионам трудящихся людей, он равнодушен. «Плевать я хотел на весь мир», – говорит он. Как живут другие рабочие люди в Индии, Франции, Италии,

Германии, Америке – во всем мире, он не знает. Да и узнать не может – ведь он не умеет читать.

Слова лились одно за другим. Ясные и понятные. Теперь Мавр смотрел куда-то вдаль.

– Но если бы рабочие и крестьяне, женщины и дети имели возможность учиться, – по-настоящему учиться, тогда бы они стали допытываться, почему мир устроен так, а не иначе. Тогда они узнали бы, как все произошло, откуда взялись господа и рабы. А узнав, – он пристально посмотрел на Билли, – поняли бы, как дать по рукам Кровососу, как навсегда отучить его от эксплуатации. И если умные рабочие и работницы сплотятся для борьбы, то тогда, – Мавр положил руку на плечо Джо и на минуту привлек его к себе, – тогда вся земля со всеми ее чудесными богатствами, со всей ее красотой будет принадлежать нам.

Долго они шагали молча. «Это сказочная страна, но не только сказочная», – слышал Джо, как говорила Женни Маркс. А Билли впервые в жизни потерял всякую охоту возражать. Странно у него было на душе! Впервые он слышал такие слова, к тому же говорились они для него, Билли Клинга. Слова эти будоражили его, причиняли боль. Билли еще не знал, что слова, несущие такую правду, западают в самое сердце.

Джо тоже был потрясен. Мавр видел это. И вновь заговорил так же спокойно, как вначале:

– Разумеется, люди тогда не будут работать по двенадцати часов в сутки, а только по восьми, а потом и еще меньше. У них вдоволь останется досуга для радостей жизни, они будут жить в светлых домах, путешествовать, будут сильными, здоровыми и веселыми. Да, так оно и будет.

Наконец Билли все же спросил:

– Это вы всё один придумали?

– Нет, просто придумать все это нельзя, – ответил Мавр. – Я много учился, прочел, наверно, тысячу книг, а то и больше, у меня есть друзья во всем мире. Мы называем друг друга товарищами. От них я и узнаю, как живут рабочие в других странах, сколько им платят, какой у них рабочий день и сотни других вещей. Все это очень важно. А я сообщаю им о том, что происходит здесь, о борьбе за повышение заработной платы, о стачках, имели ли они успех и почему или из-за чего рабочие потерпели неудачу. Из многих-многих книг я почерпнул сведения о том, что было прежде, многие сотни лет назад. Так я и мои друзья накапливали знания обо всем, что касается рабочего класса. Вот почему, Джо, мне так хорошо известны подлость и хитрые уловки твоего Паука, да и старого Кровососа, который к тому же еще и член парламента. Не всегда удается так быстро

добиться улучшений, как это было у вас. Однако каждый успех укрепляет мою уверенность в том, что ум и знания рабочих будут быстро расти. И самые смелые, умные и достойные будут учить других и поведут их на борьбу. Ради этого и трудимся мы – я и мои товарищи.

– Гм! – шмыгнул Билли и еще раз: – Гм!

Мавр, с любопытством ожидая, что же последует за этим, внимательно смотрел на него. Однако Билли задал совершенно неожиданный вопрос:

– Вы, значит, хорошо относитесь к рабочим, даже если руки у них грязные и одеты они в рванье?

– Да, Билли. Я тружусь ради них, чтобы им и нам всем жилось лучше. Но, – Мавр возвысил голос, – они и сами должны действовать. Более того: в основном именно они и должны действовать. И прежде всего – учиться. Много учиться. Ведь чтобы в один прекрасный день взять весь мир в свои руки, им надо быть не только умными, но и сильными. Ради этого они должны объединяться в борьбе, и не только у нас – во всех странах, ведь тогда они станут самой могучей армией в мире.

Билли несколько раз кивнул. Значит, Джо все-таки оказался прав: доктор не какой-нибудь богач. Но за один час Билли узнал так много, что все сразу охватить не мог. И он почувствовал: до сих пор никто никогда не говорил с ним так откровенно, так, как говорят только с близким другом.

•

На обратном пути они пересекли широкую Риджент-стрит. Перед одной из витрин толпился народ. Еще год назад, в июле 1850 года, Мавр в той же самой витрине видел модель электрической машины, которая тащила за собой железнодорожный состав. Теперь эту экспозицию повторили. Они остановились посмотреть.

– Опять поехала! – воскликнул один из зевак.

Билли и Джо протиснулись вперед и, пораженные, увидели, как игрушечный локомотив тащит несколько вагончиков по сверкающим рельсам. Вот так чудо! По лицам зрителей было видно, что они потрясены и не верят собственным глазам. Толпа все прибывала. Билли и Джо так и застыли…

– Тут нечистая сила замешана! – воскликнул старик сапожник, у которого несколько пар сапог было переброшено через плечо. Он отвернулся и с видом мрачным и озабоченным поднял к небу предостерегающий перст.

Другой рассмеялся:

– Жульничество, известно! Фокус-покус!

– Да, да! – закивали вокруг.

А долговязый парень, возвышавшийся над толпой, иронически бросил:

– Чего там! Залез кто-нибудь вниз и толкает эту штучку. Может, палкой или еще как. Нам только не видно.

– Каково ему там скрючившись сидеть!

– Еще самого скрючит, – важно добавила какая-то женщина.

Все засмеялись. А сапожник, вновь подняв палец, произнес таинственным шепотом:

– Как знать, может, и вправду кто нашел волшебный камень.

– Вот и я так думаю, – громко сказал Мавр и улыбнулся. Тихонько подтолкнув Джо, он шепнул: Как мастер Рёкле.

Джо, вопросительно взглянув на него, тоже шепотом спросил:

– Волшебный кремень, да?

Ничего не поняв из этого разговора, Билли нетерпеливо спросил:

– Что же, эта штука сама едет или…

Зеваки выжидающе смотрели на чернобородого человека с умным лицом.

– Да, так оно и есть. Царствование его величества пара подходит к концу. Этот поезд движет неведомая ранее сила – электричество. Новый властелин мира – электрическая искра – делает здесь свои первые шаги. – Маркс произнес эти слова с подлинным воодушевлением. – Меня это захватывает не меньше вас. Этот опыт приведет к грандиозным переменам.

– Чертовщина какая-то! – заметил Билли, покачав головой.

– Нет, не чертовщина! – живо воскликнул Мавр. – Все черти, вместе взятые, – не более как ловкие денежные воротилы. И деньги делать они умеют мастерски. Но в этом они ничего не понимают.

– А кто же это выдумал? Вот это все насчет электрической искры? – спросил Билли голосом, охрипшим от волнения. С лица его уже исчезло угрюмое выражение.

Мавр заметил это не без удовольствия.

– Человек, Билли. Человек-искатель! Человек, жаждущий знаний. Это он ставил всё новые и новые опыты, учился на них и искал до тех пор, покуда опыт не удался. Человек способен сделать все, если перед ним высокая цель.

Джо протиснулся совсем близко к Мавру и, не отрываясь, смотрел на него, а тот взъерошил ему волосы.

Люди постепенно расходились – одни задумавшись, другие шумно обмениваясь остротами. Тем временем подходили новые.

На Оксфорд-стрит Мавр простился с братьями.

– А деньги! – вдруг испуганно воскликнул Билли. Он тут же достал монеты из кармана.

Мавр внимательно посмотрел на него и, покачав головой, сказал:

– Деньги? Что ж, они мне очень нужны. С Джо я договорился, что он вернет мне их, когда накопит нужную сумму. Раздаривать я их, к сожалению, не могу.

– Да вот они, возьмите – это же мой долг, – настаивал Билли. – Вот, проверьте. Ровно десять шиллингов.

– Если ты считаешь, что ты у меня в долгу, – медленно произнес Мавр, – хорошо, тогда плати, только не краденными деньгами.

Почесав в затылке, Билли недовольно поморщился:

– Да нет, не все они краденые. Мы иногда подрабатываем на погрузке. Немного, правда, – пенни какие-нибудь.

Но Мавр молчал, и Билли попытался уговорить его:

– Деньги не пахнут. Когда их мало, не спрашиваешь, откуда они.

– Ты ошибаешься, – резко ответил Мавр. – Всегда надо задаваться вопросом откуда. – Несколько спокойнее он продолжал: – Но не только в этом дело. Ты теперь знаешь, кто я. Может быть, как-нибудь еще встретимся. Я с радостью возьму деньги, но только тогда, когда ты их честно заработаешь и я увижу, что ты стал достойным человеком труда, нашедшим правильный путь.

Он протянул Билли руку. Тот крепко пожал ее. Молча. Мавр ушел. Долго Джо и Билли смотрели ему вслед. Наконец Кинг сказал:

– Такого я еще никогда не встречал.

Одно место осталось пустым

В январе, самом холодном месяце года, все места в недавно открытой библиотеке Британского музея были заняты. Здесь работал и Маркс, каждый день по восемь, а то и по десять часов, – в библиотеке имелось богатейшее книгохранилище и отличные каталоги. Огромный материал, который Маркс обнаружил там для своего труда по политической экономии, а также сама жизнь в Лондоне, где с особой наглядностью проступали все противоречия буржуазного строя, заставили его еще раз проверить все ранее исследованное и изученное. Но, помимо этого, его интересовало все, что волновало тогда умы, так что работы было через край.

Маркс сидел за столом, заваленным грудами книг, сверял, просматривал и делал выписки. Каждую показавшуюся ему ценной книгу он конспектировал – составлял краткий обзор ее содержания. Благодаря этому ему всегда удавалось быстро найти необходимую справку.

Так как среди прочитанных и законспектированных научных трудов, которые Маркс изучил, работая над своим основным произведением – «Капиталом», числится не менее полутора тысяч, то можно с уверенностью сказать, что гениальнейший сын германского народа был в то же время одним из самых его трудолюбивых сынов.

Седовласый библиотекарь Литтлрок, не один десяток лет проработавший в музее, каждый день с нетерпением поджидал человека с львиной гривой и умными живыми глазами, который, приветливо поздоровавшись с ним, сразу же садился на свое место за горой книг. С кем бы старик ни беседовал, он тотчас же прерывал разговор и со словами «одну минутку, извините, пришел доктор» спешил отнести уже приготовленную стопку к столу Маркса. А у Маркса, даже если мысли его уже были заняты работой, всегда находилось ласковое слово для Литтлрока. Все маленькие радости и заботы старого библиотекаря скоро стали известны ему, а детей и внуков его он уже давно знал по именам.

Иногда, записывая очередную выдачу, старик с улыбкой рассказывал: «Вот у меня кот Думдирум развалился на столе, будто лорд какой – хоть кофий ему подавай! Оно и правда, фрак у него без единого пятнышка и перчатки белые…» Или: «Ну, что вы скажете, доктор, внучек-то мой, Мики, разносил газеты и получил в награду полшиллинга. Целых шесть пенсов! И что, вы думаете, он с ними сделал? Купил своему дедушке пачку лучшего табаку».

А как старик сиял, когда Маркс время от времени шутливо

добавлял что-нибудь к его рассказу! Как он радовался, что доктор никогда не забывал имен его внуков, помнил и Думдирума – белолапого кота и коноплянку Лондиду.

Но библиотекарь почитал доктора не только за участие и сердечность, он любил и ценил его прежде всего как поистине образцового читателя. Ведь так неутомимо, как этот доктор Маркс из Германии, так сосредоточенно не работал здесь никто, да и такого всесторонне образованного человека он никогда не встречал! Многих читателей способна отвлечь любая мелочь, они с любопытством поднимали головы, когда в зале появлялось новое лицо, вытягивали шеи, когда толстый фолиант с глухим стуком падал на пол или кто-нибудь бесцеремонно хлопал дверью. Для Маркса в читальном зале не существовало ничего, кроме книг, поэтому ничто не могло ему помешать: часто он не замечал даже звонка, извещавшего о закрытии библиотеки.

Литтлрок бережно охранял место Маркса, не уставал подносить заказанные книги из самых дальних углов книгохранилища. Он делал все, чтобы доставить доктору как можно скорее нужные ему материалы. Целые горы газетных подшивок подвозил на тележке, без лишних слов приносил коробки с древними рукописями или пожелтевшие от времени фолианты и первому из всех подавал какую-нибудь новинку по политической экономии. И чего только его доктор не выписывал! Какая же должна быть память, чтобы охватить весь этот материал! Пожалуй, не существовало ни одной области знаний, которой не интересовался бы Маркс. Именно это больше всего нравилось в нем Литтлроку.

Однажды Маркс заказал трагедии Эсхила, разумеется, в греческом оригинале. На следующий день – Аристотеля и Гераклита. В другой раз он просматривал новое издание Шекспира, и Литтлрок заметил, что его черные глаза так и сверкали весельем. Какое-то время он все требовал художественные произведения на итальянском, испанском и французском языках, а вслед за тем – книги по естествознанию. И все это Маркс читал, лишь изредка пользуясь словарем.

– Бог ты мой, неужели вы владеете всеми этими языками? – спросил его однажды старик.

– А как же? – спокойно отвечал Маркс без малейшего самодовольства, от которого не свободны столь многие ученые мужи. – Если собираешься проникнуть в самую суть какого-либо вопроса, нельзя полагаться на переводы, – добавил он.

– А какие же языки вы не знаете?

– О, очень многие! Впрочем, еще не все упущено. Сейчас на очереди русский. Подумайте только: Пушкина, Гоголя, Щедрина –

всех этих своих любимцев, я, к сожалению, вынужден читать в переводах. Но на русский придется потратить несколько лет. Да и арабский меня очень интересует, и турецкий тоже!

Оба рассмеялись. Затем старик, тихо ступая, вернулся к своей конторке.

А уж как он удивился, когда Маркс заказал научный труд по математике!

– Ничего не понимаю! – сказал он почти с упреком и пододвинул книгу своему доктору, предположив, что тот ошибся в шифре.

Но Маркс, погруженный в чтение, только кивнул в знак благодарности. Литтлрок тихонько удалился.

Но в тот же день Маркс уделил верному помощнику несколько минут.

– Скажите, существует ли вообще что-нибудь, чем вы не интересуетесь? – спросил старик. – Вот вы даже математикой занялись.

– Вы правы, не существует, – улыбнулся Маркс. – А математикой я занимаюсь для отдыха.

Литтлрок так и застыл с раскрытым ртом. Мавр улыбнулся.

– Особенно люблю алгебру. Изумительно владеть наукой, в которой все проблемы разрешимы и законы которой незыблемы. Ибо в других науках человеческое мышление делает только первые шаги, – сказал он задумчиво.

Как-то Литтлрок принес Марксу книгу, выписанную для него из Оксфордского университета. Подойдя к столу, библиотекарь, к своему ужасу, заметил, что Маркс читает страницы, все исчерканные красным и черным карандашом. Старик не смог подавить возглас сожаления. Маркс поднял голову и сразу понял.

Лукаво подмигнув, он произнес:

– Неслыханно? А? – Затем, быстро указав на обложку, добавил: – Это моя собственная книга! Не волнуйтесь, мой друг, у библиотечной книги я и угол не загну.

Оба рассмеялись.

– Видите ли, мистер Литтлрок, – объяснил Маркс, – книги – это мои рабы, и только таких рабов позволительно иметь человечеству. Они должны служить мне. Я потому подчеркиваю важнейшие мысли, чтобы потом быстро найти нужное мне место. Для большинства людей книги – предметы роскоши, а не орудия труда.

Замечание это заставило надолго задуматься старого библиотекаря.

…В этот день Литтлрок был сам не свой. Вот уже больше недели место его доктора пустует. Быть может, погода помешала

ему прийти? Смерзшиеся крупинки снега стучались в высокие окна читального зала. Даже днем было темновато. Колеблясь, зажигать или не зажигать газовые лампы, Литтлрок прошелся меж столов. В нерешительности остановился он у незанятого стола, на котором высились стопы книг с бесчисленными закладками. Может быть, убрать? Нет, доктор непременно придет. Ведь он заказал столько новых книг! И все – срочно. Желая еще раз удостовериться, Литтлрок медленно оглядел весь зал, и лицо его прояснилось. Вон там идет немец с белокурой бородой и узким лицом, которого он часто видел с Марксом. Имени его он так и не запомнил, уж очень оно трудное.

Вильгельм Либкнехт принадлежал к «молодежи», как Маркс шутливо называл некоторых своих друзей. Он никогда не уставал загонять их в библиотеку Британского музея. Но вскоре Либкнехт понял, что дело вовсе не в тех восьми годах, на которые он был моложе Маркса. После первой же встречи в 1850 году на летнем празднике Коммунистического просветительного рабочего общества он признал огромное духовное превосходство Маркса и стал его называть, как и многие другие товарищи, куда старше его, «Отец Маркс».

Сегодня Либкнехт уже несколько раз оглядывался на пустующее место, и, когда к нему с озабоченным лицом подошел библиотекарь Литтлрок, он сразу понял, что́ тревожит старика.

– Непременно придет. Мы с ним условились на сегодня. Правда, долго доктор Маркс не сможет пробыть, но на час он обещал зайти. – Несколько встревоженно Либкнехт добавил: – Не понимаю, почему его еще нет, скоро полдень.

Но Литтлрок не отходил.

– Быть может, погода? – спросил он. – Нынче каждый второй житель Лондона болен.

Так как Либкнехт, грустно глядя перед собой, не ответил, старик, огорченный, отошел.

Либкнехт покачал головой. «Болен? Я же его встретил вчера у банка. Правда, он был бледнее обычного. Но когда я об этом заговорил, он ответил: „Жена уже много дней хворает. Да и дети кашляют все хором… даже Ленхен жалуется на головную боль“».

Неужели им стало хуже? А может, Мавр и сам заболел? Это же… Как раз сегодня вечером они собирались посидеть и поговорить в его, Либкнехта, маленькой комнатке на Чёрч-стрит…

Видеть Маркса у себя было для Либкнехта всегда праздником, ведь он был очень одинок. С великим трудом удалось выторговать у хозяйки ведро угля на сегодняшний вечер: он еще с рождества задолжал за квартиру. А теперь вот Мавр не

пришел!

Либкнехт снова углубился в записи, которые он сделал во время лекций Маркса на Уиндмилл-стрит. Какие четкие формулировки! Недаром Мавр всегда говорил: «Ясность языка – результат ясного мышления, а ясная мысль неизбежно обусловливает ясную форму». Но вот перед глазами Либкнехта расплылись записанные тогда слова.

Зал Просветительного рабочего общества набит битком. Либкнехт видит перед собой черную доску и рядом – Мавра, быстро и в то же время сосредоточенно записывающего формулу за формулой. Хоть подчас материал и был чересчур сложен, никто из слушателей не отвлекался. А Мавр, развивая свою мысль, методически продвигался вперед. Сперва он давал краткую формулировку, затем переходил к подробному изложению, тщательно избегая при этом слов, малопонятных для рабочих. Потом предлагал задавать вопросы. Если вопросов не задавали, он сам их ставил и делал это с таким педагогическим мастерством, что от него не ускользал ни один пробел.

Как жаль, что блестящие доклады прекратились! В Коммунистическом просветительном обществе подняли голову люди, рьяно ратовавшие за давно отжившие взгляды, и Мавр заявил: «Поистине у меня есть куда более важные дела, чем смахивать старую паутину». И он целиком отдался научным занятиям.

В то время как большинство эмигрантов носились с планами немедленного мирового переворота, Мавр и небольшой кружок молодых товарищей занимались в библиотеке Британского музея. Порою они отправлялись туда, даже не позавтракав, но их воодушевлял призыв Маркса: «Учиться! Учиться!», да и его собственный, достойный удивления пример.

Либкнехт сунул тетрадь со своими конспектами по экономике в карман сюртука, вышел из читальни и стал прохаживаться по коридору, жуя кусок хлеба. Денег на обед он решил сегодня не тратить – ведь надо еще купить сахар для вечернего чая. Как бы ему хотелось хоть раз принять Мавра как следует: заказать у хозяйки ужин, купить черных сигар…

Расхаживая по коридору, Либкнехт задумался. Без Мавра, без его смеха, которым он так умел отметать все житейские невзгоды, без его вечно ищущего, пытливого ума жизнь в Лондоне была бы просто невыносима!

Либкнехт прислонился к подоконнику и долго глядел на занесенный снегом сад, голые деревья и серое, беспросветное небо. Вот уж и полдень миновал, а Маркс так и не появился в читальне. Тогда Либкнехт прервал свои занятия и покинул

библиотеку, решив зайти на Дин-стрит. Он вдруг заспешил и выбежал на улицу, даже не застегнув свое легкое, не по сезону, пальтишко. Порыв ветра чуть не сбил его с ног. Замерзшие лужи замело, и на них легко можно было поскользнуться.

Это был необычный январь для Лондона. Почти ежедневно погода резко менялась. То снег таял, образуя жидкое месиво, то снова все схватывало морозом, и тротуары превращались в каток. Мало кто из жителей безболезненно переносил эти температурные скачки. Все были простужены, болели гриппом. А сколько людей, поскользнувшись, ломали себе руку или ногу!

Мавр открыл дверь и крепко пожал Либкнехту руку.

– Не могу даже пригласить тебя в комнату, Уильям, – шепотом произнес он. – У меня тут целый госпиталь. Одна Лерхен не слегла. Все остальные чихают и кашляют наперегонки. Хуже всех досталось маленькому Мушу. Очень высокая температура…

Либкнехт заметил, что лицо друга омрачилось. Он осторожно спросил:

– А жена?

– Думаю, что тоже грипп. Не очень сильный, но о том, чтобы она встала с постели, не может быть и речи. Ки-Ки рисует, сидя в кровати, кашель ее совсем замучил. Я не разрешаю ей вставать.

– А Ленхен? – Либкнехт едва решился задать этот вопрос, он уже догадывался, что с Ленхен тоже неладно, иначе Мавр сам не открыл бы дверь. К тому же Ленхен непременно отослала бы Маркса в библиотеку.

Мавр вздохнул:

– Ленхен тоже слегла. Уже два дня. Нужен врач. Она бредит… – Мавр замолчал.

– И ты все делаешь сам? – спросил потрясенный Либкнехт. – Один? Не мог бы я…

Тут раздался голос из спальни:

– Дядя Уильям, идите сюда!

Это был Муш. И вдруг Либкнехт заметил на лице друга выражение, какого он прежде никогда не видел: выражение му́ки.

– Чем я могу тебе помочь, Мавр? Располагай мною! – торопливо произнес он. – Может быть, мне сходить за врачом?

Мавр сперва кивнул в знак согласия, но затем, сообразив что-то, махнул рукой. Чем заплатить врачу, когда в доме нет денег даже на лекарство? Он ответил, запинаясь:

– Подождем… еще один день…

Либкнехт взял руку друга в свои:

– Тебе незачем что-либо скрывать от меня, Мавр! – Хотя он прекрасно знал, что в кармане не наберется и шиллинга, он бодро

добавил: – У меня полно мелочи. К тому же я могу забежать к Брауну, возможно, он мне даст что-нибудь в долг. Или… быть может, мне сходить к «Дядюшке» на Друри-лейн?

Но так как Мавр решительно покачал головой, Либкнехт больше не рискнул упоминать о ломбарде и, громко позвякивая медяками в кармане, спросил:

– Итак, что следует купить в первую очередь?

– Хлеба! – последовал ответ Мавра. – Картофель еще есть. Нет, молоко, пожалуй, важнее. – Мавр нахмурил брови. Как он мог забыть о самом важном только потому, что у него самого сосало под ложечкой! – Если бы хватило на молоко! Маленький Муш ужасно кашляет… Слышишь? Да и Франциске тоже молоко необходимо.

Мавр оставил своего гостя в прихожей и, чуть слышно ступая, вошел в спальню, поправил Эдгару подушку, откинул слипшиеся волосы со лба.

– Пусть он войдет! Я хочу поиграть! Дядя Уиль… – Маленький Муш снова надсадно закашлялся.

– Нельзя, Муш! Потерпи, будь храбрым, маленький Тиль! Когда ты говоришь, ты щекочешь глотку и выманиваешь кашель. А нам надо победить этот злой кашель, великий полководец Муш!

Мавр заставил себя говорить обычным веселым и ласковым голосом, и Муш мгновенно послушался. Он вытянул ножки под одеялом, приложил руку ко лбу и отрапортовал:

– Слушаюсь, полковник Чарли! – Затем откинулся на подушку, пытаясь улыбнуться отцу. – Злой кашель мы обратим в бегство, – добавил он храбро. И сразу же тяжко закашлялся. Грудь его ходила ходуном.

Мавр обнял ребенка и понемногу успокоил. При этом он озабоченно смотрел на Женни. Она поблагодарила его взглядом. Мавр подошел к ее постели.

– Ты должна признать, что я отличная сиделка! – сказал он.

Женни кивнула.

– Принеси мне Франциску. Она все время плачет.

Вновь укладывая малышку в колыбель, Мавр вспомнил о Либкнехте, который все еще разговаривал с Лаурой в прихожей.

– Отпусти Лауру на часок с дядей Уильямом. Пусть подышит свежим воздухом, – предложила Женни. – Да и тебе бы лучше уйти в библиотеку. Прогулка не повредит.

Однако Мавр отказался:

– Ты обо мне не беспокойся, любимая! На сей раз я здоров. Кнаккрюгге уже разделался со своим гриппом. Он стоит как скала. Я уж вас выхожу!

Его глаза сияли такой уверенностью, что Женни облегченно

откинулась на подушки.

В прихожей Мавр помог Лауре одеться, как умел завязал ленты и сказал Либкнехту:

– Очень ветрено, дорогие мои! Будьте осторожны. Идите лучше теми улицами, где меньше дует. И принесите молока, а если сможете, то и хлеба. Если бы ты каждый день навещал нас, Уильям, мне было бы спокойней. Да, чуть не забыл! – Он достал письмо: – А это отошли, пожалуйста. Марка у тебя найдется?

Либкнехт кивнул:

– Найдется! – А сам озабоченно подумал: «Если я истрачу на марку свои пенни, то уж на хлеб и молоко, пожалуй, не хватит». Но для отвода глаз он бодро позвякивал мелочью в кармане пальто.

Мавр с улыбкой выпроводил их за дверь, затем, быстро вернувшись, принес Лауре рукавички.

– Voilà, Лерхен. Очень холодно!

Когда они ушли, Мавр еще немного постоял в темной и пустой прихожей.

•

Ветер дул в спину. Несмотря на холод, Лаура была рада, что наконец-то выбралась на свежий воздух.

– Не разговаривай! – заботливо напомнил Либкнехт.

– А у тебя есть деньги, дядя Уильям? Хорошо бы купить немного сала. Или мяса. Мавр уже три дня подряд варит картофельный суп. Может быть, он ничего другого не умеет, дядя Уильям? – поделилась она своей догадкой.

Либкнехт пробормотал что-то невнятное себе в бороду. Мысль его лихорадочно работала. Молоко – хлеб – мясо! Зайти за врачом! Сдать на почту письмо! С чего начать? Может быть, пойти с девочкой к Брауну, который иногда выручал его в трудный час? Но застанут ли они его? Вряд ли. Или к Фрейлигграту? Нет, у того также никогда ни гроша за душой. Да Мавр, наверное, и сам уже к нему заходил. Плохо дело! Либкнехт стал вспоминать, нет ли у него чего-нибудь, что можно заложить.

Лаура, заметив, что лицо его все больше мрачнеет, сочувственно сказала:

– А мяса нам и не надо. Кусочка сала, совсем маленького, тоже хватит. Ленхен всегда берет тонкое сало. Оно дешевле. – И она вопросительно посмотрела на дядю Уильяма.

– Гм! – только и произнес он.

– Нам бы колбасу «Никогда-не-убывай» из сказки о Гансе

Рёкле! – вдруг весело сказала она.

– Хорошо бы! – Либкнехт засмеялся. – «Кукареку! Наедайся досыта, Ганс Рёкле!» – сказал Петушок – Золотой гребешок. – Он подмигнул Лауре в знак того, что отлично помнит сказку.

Лаура, заметив, что дядя Уильям снова повеселел, принялась рассказывать:

– Знаешь, Мавр не очень хорошо готовит. Он совсем не учился этому. А вчера тарелку разбил. Обычно-то он смеется, когда что-нибудь разобьет, а тут… – Лаура замолчала.

Невольное признание ребенка только ухудшило настроение Либкнехта. Да, если Мавр не смеялся, разбив тарелку, то дела совсем плохи!

Кое-где ветер сдул посыпанную на тротуарах золу, обнажив ледяные дорожки. Разбежавшись, Лаура прокатилась. Либкнехт задумался над тем, что́ только что услышал от девочки. Оказывается, Мэми пять дней уже не встает, а тут еще, как на беду, захворала Ленхен. Вернулась из магазина с пустой кошелкой и сердито сказала: «Никто больше в долг не дает! Нет, так дальше нельзя!» – и вдруг упала на стул, а с него соскользнула на пол. Лаура страшно испугалась. Ленхен никогда не болела, всегда была рядом, знала, как помочь. Мавр поднял Ленхен и отнес в кровать, а она, Лаура, расшнуровала ей высокие ботинки. Ленхен все время бормотала: «Завтра… завтра я… достану денег… золотые шары… Дядюшка…»

Мавр приложил ей мокрый платок ко лбу, и Ленхен вроде немного успокоилась. Но потом опять как крикнет: «Нет, нет, только не к Крысиному Усу!» «Наша Ленхен бредит. Это она о доме с тремя золотыми шарами», – тихо пояснил Мавр и велел Лауре почаще менять холодные примочки.

Тревога Либкнехта возрастала по мере того, как он узнавал всё новые и новые подробности. Купив на почте марку и отправив письмо, Либкнехт пересчитал оставшиеся деньги. На хлеб еще хватит, а на молоко – нет! Но ведь оно так необходимо Эдгару да и малышке тоже! Кто-нибудь, или булочник, или молочник, должен отпустить в долг!

Сначала они зашли в молочную. «Не уйду без молока! – внушал себе Либкнехт. – В конце концов, для других просить ведь легче, чем для себя!»

Лаура молча поставила бидон на прилавок.

– Мистер Маркс уже две недели берет в долг, – окрысилась хозяйка на Либкнехта.

Но, когда он на своем ломаном английском языке с милым швабским акцентом описал ужасное положение семьи, хозяйка уже готова была уступить.

– Доктор Маркс прожил здесь более года и всегда платил исправно, – добавил он. – Да, уважаемая, писателю приходится несравненно хуже, чем конторскому служащему или почтовому чиновнику… Те в конце каждой недели приносят домой жалованье, а писатель, журналист – где там! Он должен писать для газет, писать интересно и быстро, очень быстро! – Либкнехт заметил, что толстая торговка с благоговением слушает его, и не преминул рассказать целую историю, закончив ее словами: – Вот как обстоят дела в редакциях. Только и знают торопить да погонять. И каждый день подавай им что-нибудь новенькое, увлекательное. Только и смотрят, как бы сорвать побольше, а заплатить поменьше.

Толстуха сочувственно вздохнула. Должно быть, она была любительницей всяких душещипательных историй. Зачерпнув молока, она налила один литр в бидон. Длинная ли речь Либкнехта или посиневший на морозе носик Лауры разжалобили ее, как бы то ни было, она приписала долг к столбику цифр в своей книге.

– Ладно! В другой раз, значит, заплатят.

Лаура поспешила объяснить:

– Самой мне молочка не надо, но у нас маленькая в колыбельке, не можем же мы ее картошкой кормить!

Тут молочница еще раз пододвинула бидон к себе и наполнила его до краев.

– Приходи завтра опять. Уж буду отпускать вам, пока мисс Демут не поправится, – милостиво изрекла она.

Шагая по улице, Либкнехт весело насвистывал. И не успели они дойти до булочной, как ему пришла в голову хорошая мысль.

– Знаешь что, Лерхен? Пойдем-ка лучше к моему булочнику. Это на Чёрч-стрит. Он всегда рад новому покупателю. Пусть целую неделю посылает вам хлеб на дом. А заплатите потом. Ему одно важно: новый клиент – новая прибыль.

Все сошло как нельзя лучше. На сэкономленные пенни Либкнехт исполнил просьбу Лауры – купил кусочек сала. Радостные и возбужденные, отправились они в обратный путь.

Теперь ветер дул им в лицо и вскоре настегал щеки до синевы. Некоторое время оба спасались, пряча голову в воротник.

На перекрестке они, переходя мостовую, вдруг увидели тележку, запряженную собакой. Бежавшая рядом с псом девочка неожиданно поскользнулась и упала. Вскрикнув, Лаура бросилась к ней и столкнулась лицом к лицу с Джо. Вдвоем они помогли Бекки подняться на ноги.

Вот так встреча! Лаура радостно протянула обоим руки, но Джо стоял, словно окаменев.

– Что с тобой, Джо? Ты меня не узнаешь? – спросила Лаура.

– Узнать-то узнаю… – ответил Джо с расстановкой.

Какой Джо странный! Лаура ничего не могла понять. Она молча глядела, как Джо стряхивал снег с пальто сестры.

– Бекки, это Лаура! – Тут Джо заметил слезы на глазах сестры. – Больно ударилась, да? Садись в тележку. Мы с Каро тебя повезем.

Но попытка Джо утешить сестру только вызвала еще более горькие рыдания. А когда и Либкнехт озабоченно стал расспрашивать о причинах ее слез, Бекки расплакалась навзрыд. Джо совсем растерялся и все только обнимал сестренку. Слезы катились по ее щекам. А она так долго держалась молодцом!

– Мы были… мы были на кладбище. Наша Дороти… – попытался объяснить Джо.

Ласковые слова Либкнехта помогли Клингам прийти в себя, и Джо в конце концов рассказал все по порядку. Они только что похоронили младшую сестренку. Вдвоем с Бекки отвезли гробик на кладбище. Робину не разрешили уйти с работы. А маму отец отвел обратно на фабрику.

Либкнехт впервые видел детей, о которых в доме Марксов не раз заходил разговор. Они стояли перед ним в тоненьких пальтишках, которые нещадно продувал свирепый восточный ветер. У Джо было усталое, изможденное лицо.

Некоторое время они шагали рядом. Джо с нежностью говорил об умершей сестре.

– Сколько лет она мучилась этим кашлем!

– И новая кровать ей не помогла, – грустно добавила Бекки.

И только когда они уже стали прощаться, Джо узнал, что в доме Марксов все больны.

•

На следующий же день, едва кончилась смена, Джо побежал на Дин-стрит. Дверь открыл Мавр и очень удивился.

– Не могу тебя пригласить, Джо, – сказал он. – У нас все больны. Ты можешь заразиться. А это тебе вовсе ни к чему. Приходи через неделю. К тому времени мы уж как-нибудь выкарабкаемся.

Джо в нерешительности смотрел на Мавра.

– Может, я чем помочь могу? Посуду помою или в магазин сбегаю? Вот что, давайте я угля принесу из подвала.

Глаза его при этом так умоляюще глядели на Мавра, что тот не в силах был отказать.

– Угля… Да, это было бы кстати!

Но когда уголь был принесен, Джо не захотел уходить.

– Позвольте мне сбегать за покупками. Ну, пожалуйста!

Мавр смотрел куда-то поверх головы Джо.

– Нет, нет, мы уже все купили. Я сам ходил. Ступай, дорогой мой. И большое тебе спасибо.

– Но завтра я обязательно опять приду!

Удрученный, Джо спускался по лестнице. На площадке он остановился. Как же так? Все больны? И почему Лаура не вышла? Может, тоже заболела? А почему Мавр не разрешил ему сбегать в магазин за покупками? Джо снова увидел перед собой замкнутое лицо Мавра. И вдруг догадался: «У них денег нет! А я… то есть мы должны ему еще десять шиллингов, которые он тогда не захотел взять у Билли!»

Понурив голову, Джо поплелся домой. Всю дорогу он старался что-нибудь придумать и наконец придумал.

Пошел дождь вперемешку со снегом; и когда Джо добрался до Грачевника, он промок уже насквозь. Внезапно наступившая оттепель превратила все переулки в потоки грязи. Но Джо не выбирал дороги – теперь он со всех ног мчался домой.

Торопливо глотая похлебку, он напрямик спросил Робина:

– Можем мы через месяц вернуть доктору Марксу десять шиллингов? Ну те, за кровать. Ты знаешь.

Робин кивнул:

– Да, конечно. А ты почему спрашиваешь?

– Я только что оттуда. Очень им туго приходится. Все заболели. – И Джо обо всем рассказал брату.

Робин даже побледнел.

– Да, тогда надо бы… надо бы… Нет, сейчас ничего не выйдет. Через несколько дней мы хотим объявить забастовку. Отец ничего не знает об этом. Надеюсь, что бастовать придется недолго. Но… – Робин замолчал. Он хотел сказать, что даже если они одержат победу, то все равно он, Робин, может очутиться на улице. Но, заметив встревоженный взгляд Джо, он решил утешить брата и поспешно добавил: – Нескольких шиллингов прибавки в месяц мы уж наверняка добьемся… должны добиться. Но ведь ты говоришь, у них сейчас совсем нет денег?..

– Я возьму у Билли. В долг, конечно. Это проще всего. А через месяц мы ему вернем. Только Мавру нельзя говорить, откуда деньги. Пусть думает, что это наши. Завтра же я отнесу ему.

Робина такое предложение не очень обрадовало. И правда, лучшим этот выход не назовешь. Но другого ведь не было.

Несколько минут спустя Джо уже шлепал по раскисшим улицам в сторону доков.

Дом с тремя золотыми шарами

Из-за низких потолков в кабачке «Пьяный кит» было уже темновато, но света еще не зажигали – посетители заставляли себя ждать. Только в «кабинете» грачей горела свеча. Рядом лежал раскрытый гроссбух. Билли и Джек примостились в уголке, положив прямо на грязный пол не менее грязные карты. Игра шла вяло.

Телята-близнецы, забравшись в подпол, спали. Портовый Хенни, засунув руки глубоко в карманы и насвистывая, расхаживал по скрипящим половицам и время от времени посматривал на Оливера, который кончиком ручки подталкивал линейку то в одну, то в другую сторону, так и не решаясь подвести черту под итогом за неделю.

Взглянув на дверь, Хенни остановился:

– Оли, можешь убирать свое барахло. Бробби не вернулся. Сыт по горло. Оно и понятно. Три недели ты царапаешь тут без толку… – Он указал на страницу поступлений, которую каждый коммерсант столь остроумно помечает словом «приход». – Записали в приход от Бробби десять шиллингов, а от нас – ноль без палочки. – Он зло посмотрел на Билли и продолжал: – Бробби на свой страх и риск проворачивает большие дела, а мы проедаем его денежки.

На Билли эти слова не произвели никакого впечатления. Он молчал. Шаркая, подошел хозяин «Кита», уже некоторое время наблюдавший за грачами, по привычке смахнул со стола и сказал:

– Полный штиль, а? Вы нос-то на квинту не вешайте. И эта зима кончится. На ночлег и на похлебку вы у меня всегда заработаете. И похлебка не из плохих, сами знаете.

Возвращаясь к себе за стойку, он толкнул Хенни в бок:

– Ну, ничего не разнюхал? У тебя же всегда ушки на макушке!

Хенни только пожал плечами. Подождав, пока хозяин отойдет подальше, он озлобленно выпалил:

– Докатились! Пять больших дел были на мази. Одно сварганить – и целый месяц жили бы как у Христа за пазухой!

– Может, и больше, чем месяц, – холодно отрезал Билли, – только за решеткой.

Хенни огрызнулся:

– Какая это тебя муха укусила? Риск – дело хорошее! Сам же говорил, что пора уж нам большое дело провернуть.

Билли все так же мрачно смотрел перед собой.

– «Большое, большое»! Но надо, чтоб и верное, чтоб никто из нас не засыпался. Я за это отвечаю.

Из люка вдруг показалась заспанная физиономия Эдди. Он обшарил глазами стол. Хозяин как будто говорил о похлебке? Не обнаружив ни кастрюли, ни ложек, Эдди снова исчез.

Хенни оседлал колченогий стул и, покачиваясь на нем, в упор смотрел на Кинга.

– Ладно, Билли, ты наш кинг. Но дай и нам слово сказать. У нас даже на башмаки вот этому мальцу не хватило. При такой собачьей погоде он с рождества носа на улицу высунуть не может. Что же мне, значит, одному с Теленком и Оли?

Он посмотрел на Оливера, но лицо «профессора» было непроницаемо.

– Послезавтра можно будет кое-что перехватить. Первосортные вещички из ломбарда. Только надо всем вместе туда завалиться. – Хенни вскочил. – Вы заговорите зубы аукционщику, пока мы с Джимом кое-что приберем к рукам. А для виду пусть Джек предложит цену… Или нет, лучше Оливер. Он приличней всех одет. Сколько у нас в кассе?

Оливер откашлялся. Наконец-то он решил подвести черту.

– Пять шиллингов, – скучным голосом ответил он. – Неприкосновенный запас. – Захлопнув гроссбух, Оливер спрятал его за портретом королевы.

– Ну, что скажешь, Кинг? – потребовал Хенни. – Чего волынишь, говори!

«И правда ведь, пора Кингу что-нибудь предпринять, – думал Оливер. – В такой компании Хенни долго не выдержит. И что такое с нашим Кингом творится? Ошалел совсем: только и знает, что зубрит наперегонки с Джеком. И хватает же терпения! Оба уже бегло читают. Никогда бы не поверил!»

Джек тоже не отрываясь смотрел на Билли. А тот упорно молчал, не сводя глаз с пламени свечи. Что ж, он и отвечать не желает? Джек сердито мотнул головой. Не понимает он больше Билли. Что-то в последнее время встало между ними. Что-то, о чем оба помалкивают. Когда ж это началось? Когда Билли встретил Робина? Или после разговора с этим доктором Марксом? Нет, это все не то! Билли тогда так здорово рассказывал о Мавре.

Значит, это связано с Робином! Джек стал припоминать, как они встретили Робина. И совсем случайно встретили. Он попался им на Лондонском мосту. Шел со своим дружком Беном Коллинзом. Джек еще хотел потихоньку смыться, но почему-то остался.

Он знал Бена еще по фабрике. Парень хороший! Такой не выдаст. Потом они все четверо сидели в матросском кабачке «Зеленый змий». Кинг разошелся и рассказывал о паруснике

Робинзона и о том, как он сцепился с книжным доктором. Бен и Робин готовы были слушать его хоть до полуночи. Особенно Бен. Прощаясь, он им еще крикнул: «Заходите ко мне, ребята, на Бетнал-грин!»

Ну, как водится, сперва они туда пошли вдвоем. Но, после того как застали там Робина, Билли уж не ходил. Джек чувствовал, что друг его чем-то озабочен. Правда, Робина он всегда сторонился, но раньше-то он только о шайке думал, а теперь еще о чем-то… Да и все грачи это чувствовали. Тем более, что и сам Джек все чаще пропадал в маленькой каморке Бена Коллинза. Ему там все больше нравилось. Помогал чем мог, да и почитать было что.

Джек принялся грызть ногти. «Хенни прав, – думал он, – грачи сбились с курса. – Джек покосился на Кинга. – Но разве я могу советовать Кингу идти на опасные дела, как это все время предлагает Хенни? Нет. – Джек громко вздохнул. – Но что-то надо сделать для ребят. К примеру, это маленькое дельце послезавтра. Хоть о нем-то Кинг должен сказать свое слово?»

Джек толкнул Билли.

– А ведь этот аукцион – стоящее дело. При такой сволочной погоде нам одежонка до зарезу нужна.

– Согласен. – Должно быть, Билли тоже до чего-то додумался. – Ростовщики – кровопийцы, все как один! И мелкие, и крупные. Наживаются на чужой нужде. Идет! Начнем завтра с мелких, с того, о котором говорил Хенни. Для пробы.

– Ну, а как с крупными? Ты бы сказал нам! – настаивал Оливер.

Хенни и Джек тоже с любопытством смотрели на Кинга. И он ответил:

– Большие акулы падки на драгоценности, золото, часы и прочие дорогие штучки. Под заклад выдают только треть стоимости. А потом уж так подстраивают, чтобы их не могли выкупить, и сбывают их друг другу на аукционах. Один из таких жуликов стоит за столом с молотком в руке. Остальное жулье предлагает цену, низкую, конечно, ну, и покупает за бесценок. Прибыль – двести и больше процентов.

Хенни прищелкнул языком.

– Вот бы к кому подобраться. Но они держат свои побрякушки под замком и за решетками!

– Дома-то – конечно! Но не на аукционе, – снисходительно ответил Билли. – Аукцион проводится в общественном месте, открыто.

– Гм! А полицейских там небось не оберешься? – все допытывался Хенни.

– Да нет. Они их подмазывают, чтобы и духу их там не было. Особенно когда дело нечисто.

Хенни присвистнул.

– Ясно, когда краденое продают.

Билли ухмыльнулся:

– Ну да. И, если мы их там немного облегчим, они полицию звать не станут.

– Вот это здорово! – воскликнул Оливер, вскочив с места. – Поняли, птенчики? Настоящее грачиное дельце, Кинг! – добавил он с восхищением.

– Правильно! – Хенни сразу повеселел. – Ну вот, послезавтра одежонку раздобудем, а потом и за больших акул возьмемся.

Билли резко повернулся к нему.

– Тихо, тихо! Это еще надо обмозговать как следует. Мы с Джеком поговорить должны. Пошли! – Он подошел к двери, обернулся и сказал Хенни: – Аукцион ты возьмешь на себя.

– Идет, Кинг!

Джек шагал рядом с Билли. Немного погодя он спросил:

– Кто тебя навел?

– Хозяин «Кита», – ответил Билли без всякого воодушевления. – Он мне уже месяц назад об этом говорил. Знает одного такого стервятника, который с нашей помощью хочет обчистить своих же друзей-приятелей.

Джек присвистнул.

– Понятно! Мы, значит, голову подставляй, а он сливки снимай!

Билли проворчал что-то невнятное.

– Мы и так будем у него в руках, – вслух размышлял Джек. – А попадемся, он нас знать не знает, ведать не ведает.

– Ну вот видишь! Тебе, значит, это тоже не больно по вкусу?

– Еще бы! Дело-то скользкое. А зачем ты вообще о нем заговорил?

– Надо ж было вам что-нибудь подбросить, – удрученно произнес Билли. – А ты что? Тоже ведь ничего лучшего не знаешь?

Джек пожал плечами:

– Во всяком случае, надо нам больше за Бробби присматривать. Плохо, что он почти все в одиночку делает.

– Гм!..

Напомнив о Бробби, Джек коснулся больного места. На три года старше самого старшего из грачей, Бробби, видя, что Билли увиливает от «больших» дел, стал «работать» в одиночку.

– Ладно, – сказал Кинг, – что-нибудь придумаю.

На обратном пути к «Киту» они встретили Джо. Он очень

спешил и совсем запыхался. С места в карьер попросил дать ему десять шиллингов, правда в долг. Билли пришлось напрямик сказать, что ни сегодня, ни завтра денег от грачей ждать нечего. Заметив отчаяние малыша и суровое лицо друга, Джек предпочел оставить братьев вдвоем и ушел.

Но когда он полчаса спустя вернулся в «грачиный кабинет», он увидел, что Кинга будто подменили. Джек, конечно, сгорал от любопытства. Да и все грачи тоже.

Оказывается, Билли нашел выход и твердо обещал Джо помочь Мавру если не деньгами, то каким-либо другим способом.

– Раз все у него там больны, – сказал он, – значит, нужны лекарства. И мы их раздобудем.

При мысли, что можно будет помочь доктору так, что и грачи не останутся в накладе, к Кингу вернулась вся его прежняя предприимчивость.

Он коротко изложил грачам свой план: надо еще разок потрясти Лекаря-Аптекаря. Этим они сразу убьют двух зайцев: во-первых, добудут в аптекарском шкафу лекарства для семьи книжного доктора, а во-вторых – этот зайчик куда пожирней, – большую партию индиго[27], которая хранится в подвале у аптекаря. Для таких вещей у Бробби есть в порту хороший покупатель, надо только устроить так, чтобы ученик аптекаря – они с ним уже давно в сговоре – мог, не вызвав подозрений, вытащить побольше этого индиго. А они уж позаботятся о том, чтобы поскорей и без шума переправить краску кому следует.

– С этого дельца, Оли, – закончил Кинг, – ты недельки через две заприходуешь не меньше трех фунтов в своем гроссбухе.

Грачи слушали Кинга, не перебивая. Первый вопрос задал Оливер:

– А как ты устроишь, чтобы ученик сплавил краску и не попался?

– Как? – Кинг выдержал паузу, окинул всех взглядом, ухмыльнулся и сказал: – Возле окна в подвал, где хранится краска, стоит старая бочка с дождевой водой, здоровая такая! Джеку поручается просверлить в ней дыру и заделать ее. А когда надо будет, мы выпустим воду и затопим подвал, вот и все!

Эдди Телячья Ножка покачал головой.

– Тогда и краска твоя тю-тю! – Он с упреком посмотрел на Билли.

Но Хенни уже догадался:

– Здорово получится! – Хлопнув себя по коленкам, он ткнул Эдди локтем в бок и крикнул: – Чудило! Подвал затопим после того, как ученик краску вынесет. Вот он и выскочит чистеньким.

– Дошло? – Кинг подмигнул Хенни. – Еще нас на помощь

призовут, когда в подвале начнется потоп и вся оставшаяся краска растворится. А в суматохе твой приятель, Хенни, набьет тебе лекарствами карманы.

•

План Кинга удался на славу.

На следующее утро грачи, радостно возбужденные, раскладывали и упаковывали добытые лекарства. Разумеется, не все, что приволок Хенни, можно было отправить доктору. Под общий хохот они отложили в сторону краску для волос, синьку, порошок от насекомых, мастику и крысиный яд. Затем грачи принялись исследовать сильно пахнущие пакетики.

– Что-то вроде сушеных овощей. Может, это в суп годится? – спросил Эдди.

– Чушь ты городишь! Это грудная трава, от простуды. Тут все для здоровья. Понял? – защищал Хенни свой товар.

А Билли и Оливер принялись по складам читать надписи: «Укроп, шалфей, медвежье ушко, ромашка, тысячелистник, баранья трава…»

– Эту оставь здесь, – съязвил Оливер, – для Эдди Телячьей Ножки. Может, поумнеет от нее.

– Чья бы корова мычала! – оборвал его Джек. – У тебя своей дурости хоть отбавляй, от нее еще травы не придумали.

Все засмеялись. Джек подмигнул Эдди. А тот, как всегда, сидел и хлопал глазами. Он так ничего и не понял.

Оливер еще раз прочитал надписи.

– Это – от кашля. Это – от печенки… от поноса. А вот это укрепляет сердце. Хорошо еще, что твой приятель на каждом пакетике нацарапал, что от чего.

– Все захватим! – решил Кинг.

Хенни задумавшись перебирал пакетики с лекарствами.

– Мало от кашля. Надо бы в три раза больше, раз они там все кашляют… Постой, вот еще пакетик! – Хенни понюхал. – Нет, это от почек. Почки… А на что почкам сушеная трава, Кинг?

Тот вытер нос рукавом и буркнул:

– А почем я знаю? Я не доктор.

На всякий случай «почечную» траву тоже упаковали в коробку. И Кинг закончил обсуждение всей травяной проблемы словами:

– Лучше побольше полезных лекарств, чем одно, но вредное.

Затем стали разбирать пузырьки – маленькие и большие.

– Вот питье от кашля. Я пробовал. Сладенькая такая водичка,

– заявил Эдди Телячья Ножка. – Надо бы оставить, а то Джек своим кашлем нам всю ночь спать не дает.

Но Билли упаковал и этот пузырек.

– «Надо бы»! Наш Джек давно уже вышел из сосункового возраста. Обойдется.

– А это что такое? – И Оливер снова стал читать по складам. – Ну и названия придумали!

– Твой доктор как-нибудь разберется.

– А вот еще! Aqua destill, prubs или prix?

– Что, что? Prix-prubs. – Кинг покачал головой и весело рассмеялся. – Тоже язык выдумали. Прямо какой-то фокус-покус получается. А ведь чем заковыристее название, тем дороже продают.

Но Хенни вновь заступился за свои трофеи:

– Ничего-то вы не смыслите! Всё это мой приятель стащил у своего шефа прямо из сейфа. Говорит, уйму денег стоит. Воняет валерьянкой, бр-р! Шеф, говорит, всегда его перед сном принимает. Микстурка подходящая!

– Ладно, давай сюда свой prix-prubs или как он там.

И этот пузырек отправился в коробку.

Хенни с гордостью показал на пачку зеленого мыла. Все так и заржали.

– Кому это ты предлагаешь глотать? – Билли даже руки потер от удовольствия.

– Никому. – Хенни ущипнул Билли. – Вы же сами говорили: у них там сосунок в колыбельке.

– С каких это пор сосунков зеленым мылом кормят? – давясь от смеха, спросил Оливер.

– Эх, ты! – фыркнул Хенни. – Тоже мне ученая башка! Про пеленки небось никогда не слыхал? Книжный ты червь! Этим мылом стирают, понял? Стирают белье!

Когда наконец коробку с лекарствами аккуратно увязали, Хенни сказал:

– А кусок сала потолще тоже было бы неплохое лекарство. Здорово помогает, когда в брюхе пусто. Ну как, одобряешь, Оли?

Но Кинг вмешался:

– Ты это хорошо придумал, но лучше не надо. Я ж вам говорил почему.

•

Что неутомимая Ленхен может заболеть и днем лежать в постели, что и за ней придется ухаживать, – нет, этого дети никак

не могли себе представить! Мавр нервничал. Во что бы то ни стало надо вызвать врача! Но прежде всего необходимо достать денег. А где? Все немецкие эмигранты перебиваются с хлеба на воду. В банке ему тоже несколько раз отказывали. Еще хорошо, что Лаура каждый день приносит бидончик молока и что Либкнехту пришла в голову спасительная мысль сменить булочника. Либкнехт заходил каждый день и помогал чем только мог.

Накормив всех и прибрав, Маркс сел за письменный стол. Но ведь и писать стоит денег! Бумага, марки для отправки писем и рукописей! А перья? Черт побери, опять одно сломалось! Вот если бы Ленхен вошла сейчас с чашкой черного кофе! Денег, которые он получает за свой труд, не хватает даже на сигары!

Он достал из выдвижного ящика лист бумаги и написал:

«Дорогой Энгельс…»

Потом встал, прошелся по комнате. Хорошо, когда у тебя есть друг, на которого можешь положиться! Он нашел среди бумаг последнее письмо Фредрика и, перечитав его, почувствовал прилив бодрости – какая ясная мысль, какие меткие, остроумные, а порой и колкие замечания! Затем обмакнул перо и написал:

«Твое письмо застало меня в весьма напряженной обстановке. Жена больна, Женнихен больна, у Ленхен что-то вроде нервной лихорадки. Врача я не мог и не могу пригласить, так как у меня нет денег на лекарства. В течение 8 – 10 дней семья питалась хлебом и картофелем, и еще неизвестно, смогу ли я сегодня достать и это. Разумеется, при теперешних климатических условиях эта диета не пошла на пользу.

Статью для Дана я не написал, потому что у меня не было ни пенни на газеты».

Часы показывали четыре пополудни. Пора было идти.

Неохотно оторвался Мавр от письменного стола, в эти сумеречные дни казавшегося ему спасительным островом, даже если он и не мог по-настоящему работать.

Вернувшись после напрасной «погони за пенни», как он это называл, Мавр накормил детей и снова, уже при свете лампы, сел за стол, чтобы закончить письмо. Некоторое время его преследовали крысиные лица кредиторов. В ушах еще стоял крикливый голос хозяйки дома. Он обмакнул перо и написал:

«Самое лучшее и желательное, что могло бы случиться, – это если бы хозяйка дома вышвырнула меня из квартиры. Тогда я, по крайней мере, развязался бы с долгом в 22 фунта стерлингов. Но такого большого одолжения от нее вряд ли можно ожидать. К тому же еще булочник, торговец молоком, бакалейщик, зеленщик, старый долг мяснику. Как я могу разделаться со всей этой

дрянью? Наконец, в последние 8 – 10 дней я занял несколько шиллингов и пенсов у кое-каких обывателей, что мне неприятнее всего, но это было необходимо, чтобы не подохнуть с голоду… Мой дом превратился в лазарет, и положение становится столь острым, что вынуждает меня посвятить ему все мое внимание».

•

Прошел день. Маркс сидел за работой. Вдруг раздался стук в дверь. Затем постучали еще раз.

«Должно быть, эта собака Блекфут, брат домохозяйки, – подумал Маркс. – Пусть ждет, пока не поседеет».

Но стук не прекращался. За дверью шептались. Маркс открыл.

– Что вам? – спросил он, прищурив глаза и пытаясь в полутьме лестничной площадки разглядеть посетителей.

– Здрасте! – хором поздоровались ребята.

– Добрый вечер! – ответил Маркс, так и не узнав двух подростков, стоявших перед ним.

– Да я же Кинг! Мы вам тут кое-чего принесли для ваших больных. – И парень протянул Мавру перевязанную бечевкой коробку.

– Ах, вот ты кто! – удивился Маркс и отступил на шаг, как бы приглашая войти. – Заходи! Заходите оба!

В полутемной кухне Билли, ничуть не смущаясь, объяснил цель своего прихода. Из соседней каморки послышались стоны Ленхен. Мавр поспешил к ней. Билли и Джек с удивлением оглядывали жалкую кухоньку.

– Объясни, пожалуйста, Билли, – спросил Мавр вернувшись. – Я тебя не совсем понял. Так что вы принесли?

– На этот раз не деньги, нет, мистер Маркс. Но, может, вам это пригодится. – Билли наконец развязал бечевку и снял крышку с коробки.

Мавр увидел пакетики, пузырьки, какие-то маленькие коробочки. Все это сильно пахло мылом. Сперва он взял пакетик, затем пузырек с микстурой от кашля, испытующе посмотрел на Билли. Тот отвел глаза.

– От Лекаря-Аптекаря?

Мальчишки прыснули. Билли сказал:

– Как это вы запомнили? Ну и память у вас!

Мавр улыбнулся.

– И это, по-твоему, я должен принять?

– А что такого? Если у вас все больны… Главное, чтобы они поправились.

– Это ты, разумеется, правильно говоришь, Кинг. Мне приятно, что вы приняли такое участие. И, как я вижу, вы постарались не на шутку. – Указав на трофеи грачей, он добавил: – Но ты ведь знаешь… – На мгновение Мавр нахмурил лоб, но, заметив, что сиявшее до этого лицо Билли сразу помрачнело, сказал: – Не хочу обижать вас. Вашу заботу обо мне и моих родных я ценю и поэтому возьму у вас микстуру от кашля. И грудную траву для Эдгара. – Он умолк, и оба грача поняли все без слов. – Каждый выражает свое сочувствие по-своему… – продолжал Мавр, – но…

Воспользовавшись минутной заминкой, Билли, неверно поняв ее, вставил, пододвигая самый большой пакет:

– Хоть мыло возьмите! Для малышки.

Мавр громко рассмеялся, и ребята вместе с ним.

– Тише! – тут же приложил он палец к губам, указывая на дверь в каморку Ленхен. – У нее жар. Итак, Кинг, чтобы мы раз и навсегда поняли друг друга: наш тогдашний уговор остается в силе. У меня свои принципы. Но этот маленький подарок я принимаю: ведь вы так старались мне помочь! А это я высоко ценю.

Мавр, отодвинув коробку с оставшимися в ней лекарствами, сказал ребятам, чтобы они ее вновь увязали.

– Я очень жалею, что не могу уделить вам больше времени, – добавил он, и Билли сразу почувствовал, что это искренне. – Рад был бы посидеть с тобой и твоим другом у себя в кабинете. Приходите как-нибудь в другой раз. А как тебя зовут?

Джек, не отрывавший глаз от Мавра, ответил:

– Джек. Я обязательно приду. Обязательно!

– Джек, значит…

– Это мой лучший друг, мистер Маркс, – вставил Билли. – Мы вместе работали на бумагопрядильне. Из-за него я и ушел оттуда. Они его забили до полусмерти.

Мавр еще внимательнее посмотрел на паренька.

А тот не сводил с него своих серых, не по годам печальных глаз. Книжный доктор нравился ему. Да и Мавру он пришелся по душе. Следы оспы, рубцы от побоев, рассеченная и неправильно сросшаяся верхняя губа красноречивее всяких слов говорили о горе и страданиях, доставшихся на долю этого подростка.

Джек испытывал какое-то прежде неведомое ему чувство. Он забыл обо всем на свете. Должно быть, так бывает, когда на тебя смотрит родной отец. При этой мысли он потупился, губы его задрожали. Но, тут же опомнившись, он с напускной беззаботностью пихнул Билли в бок:

– Пошли! – В дверях он еще раз обернулся: – Мы обязательно

придем. Всего вам хорошего!

И оба, громко топая, сбежали вниз по лестнице.

•

Ночью, разбуженная кашлем Эдгара, Лаура услышала, как родители тихо переговаривались. Девочка напрягла слух и вдруг разобрала одно слово: «Тамерлин». Что это? Неужели Мэми хочет отнести шкатулку в дом с тремя золотыми шарами? Сердце Лауры испуганно забилось. Она уже хотела крикнуть: «Не надо, не надо этого делать!» Но тут услыхала спокойные и решительные слова Мавра:

– «Тамерлин»? Нет, ни в коем случае!

– Но у нас больше ничего нет, – со вздохом сказала Мэми. – А как только придут деньги из Трира, мы его выкупим. Это поможет нам продержаться самое трудное время. Мне и самой тяжело было решиться, но ведь так продолжаться не может, Карл!

Дальше Лаура ничего не могла разобрать. Не знала она и того, что Мавр и Мэми уже однажды – с год назад – собирались заложить маленькое семейное сокровище, но близилось рождество и день рождения маленького Муша, и они раздумали, решив, что в такие праздничные дни лишиться любимого «Тамерлина» было бы чересчур большим огорчением для детей.

Проснувшись утром, Лаура сразу вспомнила ночной разговор. Значит, Мавр не хотел отдавать «Тамерлин» в дом с тремя шарами. А Дядюшка там – Лаура это хорошо знала – всякий раз давал им за принесенные из дому вещи много-много блестящих монет. А потом, что бы ему ни оставляли, все опять возвращалось домой. Как игла «Шей-сама» к мастеру Рёкле. Мавр ведь говорил, что черту не удавалось навсегда отнять у Ганса эти хорошие вещи. Черт! Наверно, он похож на Крысиный Ус. А его даже Ленхен боялась.

Одевшись, Лаура прокралась в кабинет Мавра и долго разглядывала серую картонку с «Тамерлином».

Все утро шел мокрый снег, свистел ветер, и Лауре лишь после обеда позволили сходить в молочную. Только она ушла, как почтальон принес письмо из Манчестера. В нем было написано всего четыре слова: «Выслал четыре фунта стерлингов».

Ки-Ки в это время спала. А Эдгар услышал, как Мавр крикнул Мэми:

– Gloria! Victoria![28] Скоро прибудут четыре фунта стерлингов!

Муш приподнялся в своей кроватке, подозвал Мавра и тихо

спросил:

– А откуда они прибудут, эти стерляди?

– Из Манчестера, от Генерала, – ответил Мавр.

Муш внимательно посмотрел на него:

– И ты их всех сразу зажаришь?

На мгновение Мавр растерялся, затем по-солдатски отрапортовал:

– Так точно, полковник Муш! Сегодня зажарю, завтра запарю, а послезавтра к утру приготовлю вам хорошее рагу!

Тем временем Лаура, продрогнув, добралась до молочной лавки. Хозяйка сразу набросилась на нее:

– Опять денег не принесла? Ничего у меня больше не получишь! Ступай домой! Да так и скажи!

В полном отчаянии Лерхен выбежала на улицу. Сверху сыпалась сырая и противная изморось – не то дождь, не то снег. Дрожа от холода, девочка жалась к стенам домов. Что теперь будет? Муш стал уже меньше кашлять. Горячее молоко ему помогло. А маленькая Франциска? И что скажет Мэми? Как она сегодня ночью вздыхала! «А если потихоньку взять „Тамерлин“ и отнести его к Дядюшке? За него он мне много монеток даст. И я куплю молока». У Лауры стало легче на душе. В мыслях она уже стояла в доме с тремя золотыми шарами. А вдруг там сидит Крысиный Ус, а не другой, добрый Дядюшка?

И тут она встретила Джо. Он как раз шел на Дин-стрит узнать, принес ли Билли лекарства.

– А я к вам иду. – Джо озабоченно посмотрел на маленькую девочку. – Плохо, да?

Лаура кивнула.

– Мне не дали молока! Денег нет, вот и не дали, – грустно пояснила она.

Заметив, как растерялся большой мальчик, она рассказала ему о музыкальной шкатулке, которую собиралась отнести в дом с тремя золотыми шарами. Потом как могла объяснила Джо, что в этом доме выдают деньги, если их у тебя нет. В конце концов Джо понял, что речь идет о ломбарде на Друри-лейн.

– А как же родители? – спросил он.

Тогда Лаура рассказала ему о подслушанном ночью разговоре:

– Мавр боится, что Ки-Ки, Муш и я не дадим ему отнести «Тамерлин». Но ведь его вернут! Всё вернули, что мы относили к Дядюшке. Но хорошо бы, ты пошел со мной, Джо.

– Пойти-то я бы пошел… Но, может, лучше все-таки…

Можно ли отдавать ростовщику «Тамерлин», не спросившись у Мавра? Но ведь Женни Маркс сама это предлагала! При этом

Джо вспомнил, как долго они скрывали все от матери, чтобы купить ей кровать… Вот он и подумал: если хочешь сделать что-нибудь хорошее, то иногда приходится кое-что скрывать.

– Но, если ты принесешь деньги домой, они же тебя спросят, откуда ты их взяла.

Лаура удивленно взглянула на него. Об этом она и не подумала.

– Постой, постой! Мы вот как сделаем, – сказал Джо. – Я пойду с тобой, и мы возьмем под залог шкатулки только десять шиллингов. А ты скажешь своему отцу, что это я дал тебе деньги. Знаешь, чтоб все было «по праву»…

Не спеша и как можно понятнее он объяснил Лауре, что семья Клингов все еще должна Мавру десять шиллингов – это как раз столько, сколько Мавр внес тогда, когда они покупали кровать. За месяц они накопят десять шиллингов и выкупят «Тамерлин».

– Выкупят? – задумавшись, произнесла Лаура. Значит, «Тамерлин» сам по себе не вернется? Но ведь главное, чтобы они сегодня получили за него деньги, тогда она принесет маленькой Франциске молока.

– Так мы и сделаем! – радостно воскликнула Лерхен.

Если бы Мавр впервые за много дней не ушел на целый час в библиотеку, Лауре вряд ли удалось бы незаметно выскользнуть из дому с большой коробкой в руках.

•

У ломбарда на Друри-лейн было два входа. Когда Джо и Лаура вошли в здание со стороны переулка, первое, что бросилось девочке в глаза, были таинственно сверкавшие золотые шары на бледно-розовом фоне. Посетителей было много: кто с постельными принадлежностями, кто с костюмом, ботинками или другим каким-нибудь скарбом.

За прилавком стоял не добрый Дядюшка, а другой – по прозвищу «Крысиный Ус». Как хорошо, что Джо согласился пойти с ней, подумала Лаура.

Когда подошла их очередь, Джо постарался держаться уверенно. Он впервые попал в ломбард: у Клингов не было ничего, что можно было бы заложить.

Ростовщик Уайтмен, лицо которого гораздо более, чем фамилия[29], подходило для этой профессии, бросив беглый взгляд на драгоценную шкатулку, с приторной любезностью попросил Джо и маленькую дочку доктора Маркса немного обождать. Он даже пододвинул для Лауры стул поближе к

камину.

– Понимаю, понимаю, – приговаривал он, – все дома больны.

Крысиный Ус уже давно взял себе за правило переговоры с несовершеннолетними вести без свидетелей. Быстро разделываясь с посетителями, он расспрашивал Джо и Лауру о своей постоянной клиентке мисс Демут. И не без удовлетворения отметил про себя, что эта энергичная особа не будет присутствовать при заключении сегодняшней сделки.

Джо заметил, что новых посетителей ростовщик отправлял в соседнюю комнату, к своему коллеге. В конце концов осталась только одна женщина, с виду настоящая леди. Но Джо обратил внимание на ее туфли: они были стоптанны и порванны. Время от времени она поглаживала принесенную в заклад вещь, руки ее при этом дрожали. Это был фрак из тонкого синего сукна. Глаза посетительницы со страхом смотрели на закладную квитанцию, которую Крысиный Ус торопливо заполнял. Кончив писать, он пододвинул к ней бумажку, выложил восемь шиллингов, скатал фрак и сунул его под прилавок. Пальцы женщины потянулись было за деньгами, но вдруг она подняла свое изможденное лицо и посмотрела на ростовщика.

– Я говорила вам, что меньше чем за двенадцать шиллингов фрак не отдам. Он же совсем новый. Мы заплатили за него три фунта. – При этом она старалась говорить твердо и решительно.

– Ай-ай-ай! Что вы говорите! – произнес Крысиный Ус, опершись обеими руками о прилавок.

Он подался вперед и с такой издевкой посмотрел на клиентку, что та даже отпрянула. Ростовщик швырнул фрак на прилавок, молниеносно вывернул подкладкой наружу, надпорол ножиком, разорвал по шву и сунул перепуганной женщине прямо под нос.

– А это что такое? Пыль, уважаемая! И пыль, несколько раз заглаженная. – С тем же дьявольским проворством он засунул правую руку по локоть в рукав и растопырил пальцы: – А это? Что скажете? Все уже блестит, дражайшая. И затерто кофейной гущей, чтобы не было заметно.

Вновь швырнув фрак на прилавок, он впился в посетительницу глазами и гаркнул:

– Восемь шиллингов!

– Но мне нужно двенадцать! – запинаясь, произнесла клиентка.

– Вам нужно! Скажите пожалуйста! – Мистер Уайтмен осклабился. – Какая новость!

– Мы люди не легкомысленные, только… мой супруг давно уже болен, и, если я не заплачу доктору долг, он больше не

придет. Я могла бы и продать фрак, но, когда муж выздоровеет…

– Я все сказал. Не хотите – забирайте фрак.

Крысиный Ус резко отвернулся и шагнул к своей конторке. Женщина открыла было рот, чтобы ответить, но вновь сжала губы, хотела было взять фрак, но взяла все же деньги. Джо сочувственно поглядел ей вслед, когда она, опустив голову, выходила из ломбарда.

Заперев за клиенткой дверь, мистер Уайтмен надеялся быстро закончить сделку с детьми. Долго проверять драгоценную шкатулку, принесенную ими, не было нужды. Работа ручная, отделка – слоновая кость, серебро, драгоценные камни. За десять фунтов стерлингов ее всегда можно продать. Если он даст за нее три фунта, то десять процентов в месяц вряд ли позволят доктору Марксу выкупить шкатулку – ведь через полгода это составит почти пять фунтов, а он и так постоянно нуждается в деньгах. Дельце подходящее! Мистер Уайтмен потирал руки.

– Так вот, друзья, мистер Маркс один из моих лучших клиентов. За шкатулку я даю три фунта, стало быть – шестьдесят шиллингов. На полгода!

– Шестьдесят? Нет, нет, нам нужно только десять! Десять шиллингов, не больше. И только на один месяц! – воскликнул Джо, страшно волнуясь.

Ростовщик насторожился. Только полфунта? Здесь что-то не так! Он пристально взглянул на Джо и, как бы невзначай, спросил:

– Десять шиллингов? Вы, должно быть, несведущи в нашем ломбардном деле, молодой человек. Что ж, тогда попросим маленькую барышню зайти в другой раз вместе с папой.

Он с удовлетворением отметил, что Джо испуганно посмотрел на Лауру. А когда она еще воскликнула: «Нет, нет, папа не должен об этом знать!» – ростовщику не стоило большого труда догадаться обо всем остальном. Человек с крысиными усами возликовал, но виду не подал.

– Н-да! Если так обстоит дело… – сказал он, словно раздумывая, и покрутил свой жиденький ус. – Стало быть, ты утверждаешь, что можешь выкупить заложенную вещь? А ты где-нибудь работаешь? И как тебя, собственно, зовут?

Джо торопливо ответил, что работает, и назвал свою фамилию.

– Тогда мне следует взглянуть на свидетельство с места твоей работы, – заявил ростовщик.

– Могу завтра принести, – тут же согласился Джо.

Ростовщик стоял, покачивая головой:

– Похоже, что ты честный малый. И с вашей стороны,

барышня, – он наклонился к Лауре, – весьма похвально желание прийти на помощь отцу. Что же нам предпринять?

Он принялся мерить шагами комнату, казалось размышляя над тем, как помочь детям. На самом же деле он думал: «Если они просрочат выкуп, я на этом славно заработаю! Тысяча процентов прибыли! К тому же вряд ли этот рабочий паренек сможет собрать необходимую сумму. Очень сомнительно! А даже если и соберет, то не к сроку».

Уайтмен был почти уверен, что дети просрочат платеж. В предвидении крупного куша он даже принялся насвистывать. И тут ему пришло в голову, как вернее околпачить юных клиентов.

– Хорошо, – неожиданно весело произнес он. – Слушай меня внимательно, Джо Клинг. Сегодня у нас двадцать восьмое января. Через месяц ты должен снова прийти сюда. – Он взял перо и заполнил квитанцию. – Проценты за четыре недели я припишу к закладной сумме. Сейчас я тебе выдам десять шиллингов. Но вернуть тебе надо одиннадцать.

– Одиннад… Почему одиннадцать?

Мистер Уайтмен снисходительно покачал головой:

– Десять шиллингов – это сумма заклада, плюс один шиллинг проценты и оплата за четыре недели хранения. Итого – одиннадцать шиллингов.

– Вот оно как! – медленно произнес Джо.

Вручив квитанцию и десять шиллингов, ростовщик попросил еще раз вернуть ему квитанцию, сложил ее вчетверо и спрятал в пустую коробку из-под шкатулки. Вкрадчиво улыбаясь, он сказал Лауре:

– Смотри, коробку поставь на место! А ты, Джо Клинг, не забудь через месяц выкупить заклад. Я не хочу из-за вас наживать себе неприятности.

Выбежав на улицу, Лаура и Джо готовы были скакать от счастья, и даже мокрый снег, валивший с серого неба, был им нипочем.

– Да он не такой злой, как кажется! – весело сказала девочка.

Джо кивнул. Все обошлось. И ростовщик все так хорошо продумал. Но тут же Джо забеспокоился. Снова он видел перед собой гнусную физиономию с крысиными усами, видел, как ростовщик тыкал несчастной женщине под нос распоротый фрак…

Лауру же звонкие монеты привели в полный восторг. Ей казалось, что их очень много. А когда она сказала, что сейчас же купит большой кусок ветчины и бидончик молока, то и Джо забыл о своих опасениях.

Закупив все, они вместе дошли до угла Дин-стрит. На

прощание Джо, видя, что девочка совсем продрогла, сказал:

– Ты и сама выпей стакан горячего молока!

Пустую картонку из-под шкатулки Лаура незаметно поставила на место. Ветчину она положила на стол в кухне, рядом – бидон с молоком и семь шиллингов сдачи.

Мэми, услыхав ее сбивчивый рассказ о якобы возвращенном Джо долге, озабоченно воскликнула:

– Немедленно отправляйся в постель, Лерхен! Боюсь, что у тебя жар. Хорошо, что доктор еще не ушел.

Уже засыпая в кровати, Лаура словно издалека услышала голос Эдгара:

– Лаура – Лерхен – Какаду! Скоро прибудут четыре фунта стерляди!

«Стерляди, – подумала Лаура. – Какие стерляди? Может, это вовсе и не стерляди, а какие-нибудь золотые рыбки из сказки?..»

Длинный путь

Вернувшись домой, Джо сразу же поделился с отцом своими заботами: через месяц надо во что бы то ни стало выкупить «Тамерлин». Эдвард Клинг достал горшочек, где хранились деньги на хозяйство. Рядом лежал листок бумаги с длинным столбиком цифр. Старший Клинг проверял его уже в третий раз. У двери с сумкой для покупок в руках ждала Полли. Она уже начинала терять терпение. А Эдвард Клинг все думал. Последние месяцы им жилось немного легче. Завтра получка, а еще осталось два шиллинга. Здоровье Мэри окрепло, с тех пор как она стала спать в кровати и лучше питаться. Каждое воскресенье они ели мясо. Но надо возвращать долги, и прежде всего – доктору Марксу. Эдвард Клинг покачал головой. Он и представить себе не мог, чтобы в доме такого человека тоже царила нужда! Все больны. Задолжали торговцам. Денег нет даже на молоко и хлеб. Правильно сделал Джо, что взялся вернуть одиннадцать шиллингов по закладу. Одни богачи всегда только о себе думают, а бедняки должны помогать друг другу.

Он оторвался от листка, протянул заждавшейся Полли шиллинг и ласково сказал:

– На воскресный обед: фасоль с салом.

Полли нерешительно опустила монету в кошелек и вышла из комнаты.

Эдвард Клинг еще некоторое время сидел задумавшись за столом, потом встал и прошелся по комнате. На прошлой неделе он сказал Робину: «Со следующей получки отдавай на хозяйство не одиннадцать, а десять шиллингов». Что ж, придется это отложить еще на целый месяц. Да Робин и слова не скажет, как только узнает, что творится на Дин-стрит. В последние недели он редко сидит дома и – что уж совсем на него не похоже – не говорит, где пропадает. Сегодня он, правда, сказал, что сговорился встретиться с Беном Коллинзом на Бетнал-грин. Но ведь кто его знает? – Эдвард Клинг улыбнулся. – Робину уже девятнадцать лет, парень он красивый. Почему бы ему не встречаться с какой-нибудь девушкой?

Но Робин действительно сговорился с Беном Коллинзом. В комнатке на Бетнал-грин Джек давно уже поджидал обоих друзей. Ему не терпелось рассказать о том, что он видел вчера на Дин-стрит. К тому же он приготовил для них небольшой сюрприз, так сказать, навел последний лоск в каморке Бена: воском из запасов Лекаря-Аптекаря натер полы.

Когда они с Билли впервые пришли сюда к другу Робина,

Бену, здесь лежал соломенный тюфяк, прикрытый старой попоной. Рядом стоял ящик да стул без спинки – вот и вся мебель. На полке возле очага они увидели две жестяные кружки и кувшин, а под ней – ведро для золы и ведро с водой.

Но Бен Коллинз об обстановке не беспокоился, и если комнатка его была пуста, то зато ящик – битком набит. И не бельем и одеждой, а самыми разнообразными книгами, брошюрами, отчетами о забастовках.

Там же Джек обнаружил старые газеты с помеченными карандашом статьями, пожелтевшие от времени листовки с призывами к стачке. На самом дне ящика лежали ведомости по приему членских взносов в профсоюз и тетрадки Бена. Они-то больше всего заинтересовали Джека. Все странички были аккуратно исписаны. Джек с трудом разобрал такие слова, как «теория денег», «капитал», но, сколько ни старался, читая по слогам, найти совет, как раздобыть побольше денег, так его и не нашел!

Джек знал, что Бен отдает за комнату треть своего заработка, и все для того, чтобы члены профсоюза прядильщиков могли здесь встречаться без помех. Приходя, гости Бена садились прямо на пол и, прислонившись к стене, читали, спорили, делились своими впечатлениями.

Джек был горазд на выдумки, и всё в руках у него спорилось. Стоило ему только подумать о том, что из каморки Бена можно сделать уютную комнатку, как он тут же принялся осуществлять свой план. Раздобыл досок, гвоздей, какие-то старые ящики, попросил у соседей инструмент. Бен Коллинз только диву давался. За несколько дней Джек из никому не нужных ящиков и дощечек соорудил стол, две скамьи, табуретку и коробку для мусора. Книжный ящик Бена он снабдил висячим замком, сделав тем самым его содержимое недоступным для посторонних глаз.

Вскоре Бен Коллинз заметил, что Джек жадно прислушивается к их разговорам, ищет случая поговорить. Бен и правда никогда не отзывался плохо или пренебрежительно о грачах и их темных делишках, и вообще он не рассуждал о том, что пока еще нельзя было изменить. Зато тем чаще говорил о фабричных делах. Его коньком были рабочие контракты. Джек на собственном горбу испытал, что представляют собой эти контракты: они отдают рабочих во власть хозяевам. Воспрещают уходить с фабрики на лучше оплачиваемую или более легкую работу. А если рабочие уходили без разрешения, их возвращали с помощью полиции и наказывали. Да и вычеты за штрафы, составлявшие порою более половины всего заработка, были хорошо знакомы Джеку. Бен часто говорил: «Надо добиться

отмены проклятых контрактов. И начнем с Паука в Уайт-чапле».

Сегодня Бен и Робин пришли не одни. С ними был Джон Бернер, которого Джек однажды мельком видел здесь. Седобородый Джон остановился в дверях, поднял кустистые брови и вопросительно взглянул на Бена. Но тот рассеял сомнения старика:

– На Джека можно положиться – он умеет молчать.

– Тогда ладно! – Бернер оглянулся. – Ловко тут у вас все переделали! Даже запах вроде другой стал.

Старик хотел было опуститься на свежевыкрашенную скамью, но Джек закричал:

– Нельзя, нельзя! Я же не знал… Ну, уж если хотите приклеиться, то пожалуйста!..

Все трое рассмеялись и похвалили работу Джека. Затем, как всегда, устроились кто на соломенном тюфяке, кто на ящике для книг, а кто на так называемом стуле. Джек заварил чай и поставил на стол две чашки, добытые на очередной распродаже «старого барахла». Джон Бернер принялся обстоятельно набивать трубку.

Наконец Робин сказал:

– Ну, так вот как условились: завтра утром сразу после ночной смены. Я приду пораньше и обо всем договорюсь с кочегарами. Если они остановят машины, нам легче будет весь народ собрать на дворе, а тогда окончательно решим, начинать забастовку или нет.

– Лучше мне поговорить с кочегарами, – сказал Бен. – Ты должен быть на дворе.

– Пожалуй, ты прав, – согласился Робин. – Ну вот, вроде все ясно?

– Гм!.. Бернер ногтем большого пальца прижал тлеющий в трубке табак. – А никто не скажет, почему не было Макферсона, когда мы вручали хозяевам наши требования?

– Почему? – переспросил Бен. – Да потому, что во второй смене у нас только один надежный человек. И лучше, если они его не будут знать.

– Что ж, это, пожалуй, правильно! – Бернер посасывал свою трубочку, раздумчиво выпуская дым изо рта. – Беспокоит меня вторая смена. С тех пор как хозяев заставили отменить ночную работу детей, у Макферсона сорок новеньких, и всё больше женщины. – Он посмотрел на Робина. – Может, нам недельку-другую обождать? Мы успели бы их лучше подготовить.

Робин покачал головой:

– Ждать? Нет! Сейчас мы держим хозяев за горло. Они во что бы то ни стало должны к сроку сдать заказы. Через две недели

положение может измениться… Нет, нет, нам нельзя откладывать.

Некоторое время все молчали.

– Не знаю я… – снова заговорил Бернер, почесав за ухом. – Мне что-то не по себе. Говоришь, «за горло держим»?

– Да, – спокойно ответил Робин. – Ткацкие фабрики работают сейчас с полной нагрузкой, только подавай пряжу. А у нас на складах пусто. Кросс уже запаздывает с поставками. Он ни на один час простоя не может пойти, не говоря уж о целой смене. Иначе потеряет своего лучшего клиента. Наше решение о стачке заставит его призадуматься. Пять тысяч фунтов потеряет, если не больше. Я это точно знаю. – С досадой он добавил: – Я уже три раза вам все это объяснял!

– Да ладно тебе! – успокоил его Бернер. – Такое дело и три раза обмозгуешь, – все равно мало. Наша-то смена не подведет. А вот Макферсон, тот ведь один все делал. Никто ему не помогал. И новенькие работницы еще не раскусили всей этой чертовщины, что записана в контрактах.

– Ты что это, Джон? – удивился Бен. – Что иной раз половина заработка на штрафы уходит, это они уже знают.

– Старики наши знают, это верно, – упрямо твердил свое Бернер. – Что ты сам испытал, то ты и знаешь. А с новенькими надзиратели последнее время осторожничают, записали им штрафа всего по нескольку пенни.

– Правильно, – согласился Бен.

– Все эти разговоры сейчас ни к чему! – вспылил Робин. – Теперь уже поздно идти на попятный и отказываться от стачки!

Бернер и Бен молчали. Оба сидели, опустив голову. А Робин встал и принялся беспокойно расхаживать по комнате, затем остановился у окна. Никто не проронил ни слова. Джек, волнуясь, переводил взгляд с одного на другого. Какие они все озабоченные! Но не могут же они взять да отказаться от стачки! Правда, на новеньких прядильщиц надежда плохая… А вдруг еще стачечный митинг провалится!

Джек тоже ломал себе голову. Внезапно он вскочил:

– Знаете, старик Келлинг заходил сюда сегодня утром. Я ему сам открывал. Чуть было не забыл сказать вам. Вот уж кто зол так зол! Говорит, рука его никогда не поправится и чтоб все хозяева сдохли от чумы! Вы его возьмите с собой на митинг, пусть тоже выступит. Он этим господам всыплет по первое число! А бояться он ничего не боится, ему терять нечего.

Все трое подняли головы.

– А верно, предложение дельное! – заметил Бернер.

– Послушай, Джон, – спросил Бен, – ведь в прошлую субботу с

кем-то из новеньких тоже несчастный случай был?

– Погоди, погоди! – Бернер несколько раз затянулся. – Да, да, точно! С молодой женщиной. Два пальца ей оторвало!

– И ее с собой возьмем! – гневно воскликнул Робин. – Поднимем ее руку и скажем: «Это они калечат наши трудовые руки! Жалко, видите ли, заплатить за чистку станков, все экономят на нас, вот работницы и чистят машины по субботам, не останавливая их. Глядите сюда, друзья! Они сэкономили полшиллинга, а она осталась калекой на всю жизнь!»

Теперь и Бернер отбросил все сомнения.

– Да, да, так это и надо сделать. А пойти – они пойдут… Вот что, нечего нам время зря терять. До начала смены надо с обоими поговорить.

– Тогда и я с тобой! – торопливо произнес Бен, схватив шапку. Потом добавил: – Значит, как договорились. Завтра мы с тобой вносим по пять шиллингов в стачечную кассу. А Бернер – два… Спокойно, Джон. Двух хватит. У тебя семья. – Бен обернулся, ища глазами Джека: – Хорошо, что ты здесь. Пошли с нами. Где живет старый Келлинг, мы знаем. А вот женщину, у которой пальцы оторвало, надо еще найти.

•

Когда Эдвард Клинг изложил свою программу экономии старшему сыну, от него не ускользнуло, что лицо Робина заметно помрачнело.

– Что, не нравится? – спросил он озабоченно. – Должно быть, уже планы всякие строил? Твое право, конечно, Робин. Ты себе и пенни никогда не оставляешь. А ведь и с девушкой куда-нибудь пойти хочется, верно я говорю?

– Нет, отец, не поэтому! – прервал его Робин. – Не поэтому. – Он крепко зажал руки между колен. – То, что Карл Маркс оказался в таком бедственном положении, для меня более тяжелый удар, чем ты думаешь. Вот почему поступок Джо меня радует, и я уверен, что через месяц мы соберем деньги. Если надо, я ни одного пенни на себя не истрачу, только вот…

Робин встал, посмотрел куда-то мимо отца, сделал несколько шагов к окну, затем, решительно повернувшись, проговорил:

– Вот что я хочу тебе сказать, отец. – Он откашлялся. – Завтра я должен внести пять шиллингов в стачечную кассу.

Эдвард Клинг вытаращил глаза:

– В стачечную кассу?

О стачке Робин хотел рассказать отцу только после митинга,

если он пройдет успешно, и сейчас у него язык не поворачивался, потому что после сомнений, высказанных Бернером, он не так-то был уверен в благополучном исходе дела. Говорил он сбивчиво и, во всяком случае, не так убедительно, как ему хотелось бы.

Медленно, словно с тяжелым грузом, Эдвард Клинг поднялся, расправил плечи и сжал кулаки. Но затем, глубоко вздохнув и взяв себя в руки, он внезапно окрепшим голосом заговорил. И не было в его словах ни следа прежней вялости и подавленности.

– Так вот оно что! Стачку, значит, хотите затеять! Контракты вам, стало быть, не нравятся. И штрафы чересчур высоки! И работать вам слишком долго приходится, и заработки малы. – Он засмеялся каким-то коротким, вымученным смехом, но тут же продолжал, не позволив сыну прервать себя: – У вас же есть работа. Разве это не самое главное? Двенадцать часов работаете и получаете двенадцать шиллингов в неделю. А мы? Мы работали по шестнадцати часов.

Робин с трудом сдерживал себя. Он снова сел за стол. Руки его сжимали горшок-копилку. Он вдруг резко отодвинул ее от себя и поднял голову.

– Надо нам наконец серьезно поговорить, отец! Ты пережил много тяжелого. Но разве мы, молодые, поэтому должны отказываться от борьбы? Чтобы все оставалось по-старому?

Эдвард Клинг тоже опустился на стул. Некоторое время он мрачно глядел куда-то в пустоту, затем, покачав головой, тихо сказал:

– Мальчик мой, хозяева сильнее нас. У них в руках парламент. Они устанавливают законы. У них полиция. Она расправляется с бастующими рабочими. У них газеты – они пишут, что́ им приказывают хозяева.

– А нас, рабочих, больше, и потому мы сильней…

– Больше-то больше, да не сильней – нет у нас никаких прав. Двадцать лет боролись чартисты за права рабочих, а теперь это движение почти умерло.

– Но живы профсоюзы, и никто уже не в силах уничтожить их. А они тоже за стачку. Мы всё хорошо обдумали. Стачка, можно сказать, уже выиграна. Она вызовет другие выступления. Наша победа будет иметь и политические последствия. Мы подадим пример другим. Настала пора пересмотреть позорные контракты!

– Не связывайся с этими делами, Робин! Сам же знаешь…

– Не могу, отец! Я коммунист, а мы не из тех, что прячутся, когда надо идти в бой! Рабочие смотрят на нас. И если мы будем трусить, то что же должны делать остальные? И зачем ты уговариваешь меня, отец?

Эдвард Клинг уронил голову на свои высохшие,

морщинистые руки. Они дрожали.

А Робин думал: почему я никак подхода к отцу не найду? Так хочется ему помочь! Ведь казалось, с тех пор как все уладилось с мамой и Джо, отец переменился, перестал быть таким угрюмым.

– Зачем? – повторил Эдвард Клинг, и в голосе его послышался гнев. Он поднял голову, лицо его было бледно. – Да затем, чтобы хоть кто-то из нашей семьи достиг скромного достатка и не мыкался всю жизнь. И я хочу, чтобы это был ты, потому что ты честный и хороший парень. Вот зачем. А ты меня и слушать не хочешь. И тоже поплатишься за это тюрьмой, а может, и чем похуже!..

– Одного они могут засадить в тюрьму, но не тысячи! – прервал его Робин.

– А я вот не хочу, чтобы ты был среди тех, кого засадят! – закричал Эдвард Клинг. – Не хочу! – Он вскочил и стал расхаживать по комнате. Когда он подошел к двери, та неожиданно открылась – на пороге стоял Джо. Он испуганно отпрянул.

Кто тут кричал? Неужели отец? Что случилось? Джо вопросительно посмотрел на брата. Тот грустно покачал головой. Эдвард Клинг несколько мгновений смотрел на Джо и вдруг втащил его в комнату. Пройдясь несколько раз взад и вперед, он стал на свое обычное место у окна и произнес:

– Не уходи, Джо, сын мой! Ты уже большой. Выслушай и ты, что я так долго таил от вас!

Таким, как сейчас, Джо и Робин никогда отца не видели.

– Твой брат Робин вздумал организовать забастовку у «Кросса и Фокса» в Уайтчапле. Да, да, организовать забастовку. Чтобы она послужила примером для других. Ему девятнадцать лет, а он уже лезет в вожаки! Ну что ж, придется и ему расплачиваться за это… – Он умолк на минуту, но, увидев, что Робин порывается ему возразить, сказал: – Садись, Джо, и слушай внимательно!

Джо послушно сел. Отец был неузнаваем. Лоб рассекала гневная складка.

– Может быть, вас удивляет, – начал Эдвард Клинг хриплым голосом, – что ваш отец, которого вы считали молчуном, вдруг заговорил. – Он смотрел сквозь мутные стекла на темную стену напротив. – Нас доконал пар, машины… и политика. Все началось с пара. Ваш прадед, Томас Клинг, ткал своими руками. Он приехал из Ирландии и думал, что в Англии будет жить по-человечески. А в тысяча семьсот девяностом году он повесился на чердаке своей жалкой лачуги. До сегодняшнего дня я никому не говорил об этом. Жена его умерла с голоду. Да, с голоду. А трех его сыновей – один из них мой отец – отправили в сиротский дом.

Вскоре для них начались годы ученичества. Это самое чудовищное и отвратительное, что могут выдумать люди для детей. Своего отца – его звали Джон – я не знал. Его разлучили с моей матерью, когда мне исполнилось всего несколько месяцев. Это было в январе тысяча восемьсот тринадцатого года.

Эдвард Клинг умолк.

Джо припоминал. Правда, они уже многие годы не говорили о дедушке Джоне, но он, Джо, ничего не забыл. В его памяти навсегда запечатлелись рассказы о страшных льнопрядильнях и тех муках, которые терпели там сироты. Маленький Джон, он был очень храбрый, три раза убегал оттуда – хотел добиться помощи для своих товарищей. А до мирового судьи было далеко – часами приходилось бежать через бесконечные поля! Джон умолял судью прийти на фабрику лорда Ке́нтерфула, где дня не проходило без побоев, где сирот заставляли голодать целыми сутками. А одного малыша, который от усталости упал возле машины, привязали к этой самой машине и замучили до смерти. Потом его закопали прямо на фабричном дворе. А сколько там еще детей умерло от побоев!

И три раза мировые судьи отсылали Джона обратно, обещали помочь, но после этого наказания и штрафы только увеличивались. И самого Джона так избили, что он чуть не остался калекой. Но в конце концов он все же удрал оттуда. Ему тогда шестнадцатый год пошел.

Эдвард Клинг пристально посмотрел на своих сыновей.

– Что тысяча семьсот девяностый год, что тысяча восемьсот тринадцатый – вам это ничего не говорит, а для сотен тысяч людей это были годы голода и унижений, годы отчаяния и мятежа. И когда ткачи в Ноттингеме разбили сорок паровых ткацких станков, среди них был и ваш дедушка Джон. Более тысячи рабочих маршем прошли через Ноттингем, Бирмингем, Манчестер и другие города. Они и там хотели разрушить машины, которые отняли у них хлеб и обрекли их на голодную смерть. Они поджигали цеха. Напрасно полиция пыталась найти поджигателей. Лишь когда правительство назначило громадную премию в две тысячи фунтов, все-таки нашелся предатель. Тринадцатого января казнили трех вожаков. Три дня спустя еще пятнадцать человек. Других выслали – среди них и вашего дедушку Джона. Он больше не вернулся. И где он погиб, никто не знает. Быть может, в пустыне, а может, и в море.

Эдвард Клинг закрыл глаза. Губы его пересохли. Прежде чем продолжить свой рассказ, он жадно припал к кувшину с водой.

– Что все это дало рабочим? С ними жестоко расправились. В цехах ставили всё больше машин, всё больше людей выгоняли на

улицу. И, хотя работают почти все дети в семье, рабочие живут впроголодь.

– Ты неправ, папа, все это было не напрасно! – тихо сказал Робин. – На таких примерах люди учатся. Твой отец, да и ты сам – вы настоящие смельчаки. Вас никогда не забудут, даже если порой и кажется, что это не так. Многое с тех пор изменилось. Об этом говорили в парламенте, и весь мир прислушивался. Ты подумай только: за рабочих заступился даже один поэт, к тому же лорд. Вот его слова: «Нигде в мире, даже в самой захолустной провинции угнетенной Турции, я не видел такой неописуемой нищеты, как в самом сердце этой христианской страны…» Да, так он и сказал, и все это услышали.

– Знаю, Байроном[30] звали этого лорда. Что ж, бывают и исключения. Но ведь таких, как он, таких, чтоб выступали за нас, было меньшинство, и закон, по которому всякое объединение рабочих каралось смертной казнью, остался в силе. Они начали травить нас, травить, как шелудивых собак. Они разгромили все наши группы. Запретили все сходки.

– Но ненадолго, отец! Им не удалось запретить их надолго. В тысяча восемьсот двадцать четвертом году этот закон отменили…

– Я еще не кончил, – сказал Эдвард Клинг так сурово, что Робин сразу умолк. – Ваша бабушка с тремя сыновьями перебралась в Манчестер, к сестре. Старший брат Ричард потом переселился в Южную Англию, в деревню. А в то время среди сельскохозяйственных рабочих вспыхивало одно восстание за другим. В Лампстоне и во многих других местах батраки поджигали риги, стога сена, хлева. Не видели они другого выхода в беде своей! Но ни людей, ни скотину они не трогали. И все же суды приговорили девятерых к смертной казни. Среди них были и дети. Их повесили. А моего брата Ричарда заковали в цепи. Четыре месяца без приговора в цепях сидел. Потом выслали на семь лет. Вместе с ним четыреста шестьдесят других батраков. Так и пропал наш Ричард. А Том, мой второй брат, в моряки пошел. Все хотел старшего брата найти. В колониях где-нибудь. Тома я больше всех любил. Но с тех пор никогда его не видал. Веселый парень был…

После долгой, тягостной паузы заговорил Робин:

– Не ожесточайся, отец! Эти поражения многому научили рабочих. Они создали свои союзы.

– Союзы! – Отец зло расхохотался. – Да, да, и я, ваш отец, тоже вступил в такой союз. Стал чартистом и членом союза. Я не хотел отставать от других. Как услышал однажды выступление ирландца О'Коннора[31], сразу сказал себе: «Это хорошее дело». И с таким делом я решил связать свою жизнь. Так и поступил. А

когда работал в Бирмингеме, мне поручили собирать стачечные деньги. Буржуи – те просто понять не могут, как это нам удается у бедняков собирать деньги для самых бедных. Им это казалось каким-то чудом. Я участвовал в составлении нашего воззвания. Когда же это было? Да, в декабре тысяча восемьсот тридцать третьего года. Мы тогда хотели поддержать бастующих рабочих в Дерби. Хозяева уволили тысячу пятьсот мужчин, женщин и детей. В ответ на это мы и призвали рабочих к забастовке.

Эдвард Клинг прислонился к прохладной стене и закрыл глаза. Воспоминания, захватывавшие его все сильней, все требовательнее, словно сами складывались в слова. И он заговорил, сперва запинаясь, а потом все увереннее:

– «Друзья! В этот час опасности мы призываем вас защищать права рабочих и разбить оковы рабства, грозящие задушить нас. В Дерби фабричные мастера сговорились с хозяевами, которые хотят держать нас вечно в нищете и невежестве… Вставайте, подымайтесь, рабочие люди, и помогайте вашим братьям в Дерби, ибо их дело – это наше дело, их чаяния – наши чаяния!»

От волнения голос Эдварда Клинга звучал хрипло. Долгие годы он прятал в своей груди воспоминание о тех пламенных днях, пытался стереть их из памяти, но сейчас они вновь вставали перед ним. Он поднял руки, чтобы его не прерывали.

– Это слова из нашего воззвания. Я помогал составить его. Мне тогда было двадцать два года. Год спустя наши союзы в Манчестере и Бирмингеме слились с союзами других английских городов в Великий национальный союз производств. Ах какие это были дни! Трудовой люд поднял голову. Но Объединенный союз существовал не больше года. Приток был слишком велик. Организация не поспевала за ним. Да многие и не хотели идти за Робертом Оуэном…[32]

– Мы уже не раз говорили об этом, отец, – осторожно вставил Робин. – Оуэн называет себя социалистом. Намерения его хороши, но он фантазер. Хочет создать царство справедливости, но не имеет никакого представления о том, как это осуществить. Он, правда, признал важность объединения, а все же верит, будто хозяева и рабочие могут мирно ужиться друг с другом. Не знает он пути, по которому должны идти рабочие.

– А ты сам-то знаешь? – резко оборвал сына Эдвард Клинг. Он всегда выходил из себя, когда критиковали героев его юности, особенно Роберта Оуэна.

– Да, знаю, – спокойно ответил Робин. – Знаю, потому что этот путь указали нам Карл Маркс и Фридрих Энгельс из Манчестера.

– А, да что там говорить! – Эдвард Клинг резко провел рукой

по столу. – Мы, англичане и ирландцы, совершили великие дела, у нас есть вожди – О'Коннор, Лич[33] и многие другие. Вспомни хотя бы тех, кто составлял нашу Великую петицию, нашу Народную хартию: «Мы требуем всеобщего избирательного права, избирательное право должно быть независимо от продажных богачей и силы власть имущих, оно должно быть тайным…»

Эдвард Клинг возвысил голос и выпрямился, как бы готовясь произнести речь с трибуны, но тут же снова поник. К чему вспоминать? По всей стране прокатилась мощная волна демонстраций, а что пользы? Сколько людей вышло тогда на улицу! В Глазго – двести тысяч, в Манчестере – триста тысяч, да и повсюду – в Лондоне, Ланкастере – сотни тысяч! Сколько подписей они тогда собрали – и все напрасно.

Джо с возрастающим волнением слушал отца. Он хорошо знал историю Великой петиции с ее шестью пунктами, Народную хартию, которую лондонские рабочие прикатили к зданию парламента в виде огромного пергаментного цилиндра. На нем значились миллионы имен английских рабочих и горожан. А сколько стояло там крестиков вместо имен! Про себя-то Джо потихоньку посмеивался над этой огромной катушкой. Но сейчас, слушая страстный рассказ отца, он как бы видел перед собой длинный и трудный путь, который пришлось проделать рабочим, прежде чем они передали свои требования парламенту.

– Провалили нашу петицию! – как-то беззвучно произнес Эдвард Клинг. – Им это было легче легкого. В парламент не пустили ни одного нашего представителя. Да и по сей день их там нет.

– Но по всей стране начались восстания. Не забывай этого, отец! Они взбудоражили людей. Нагнали на фабрикантов страху…

– Ты-то что знаешь, тебе тогда было всего семь лет!

– Я читал листовки, отец. Я все очень хорошо помню. Ты ходил на собрания, митинги, и я слышал, как ты говорил. Люди называли тебя хорошим оратором. Я сам видел, как женщины плакали. Должно быть, ты находил такие слова…

Желая подавить волнение, отец сурово прервал его:

– Безумцем я был, вот кем! Я провозглашал слова, написанные одним из наших – ирландцем О'Брайеном[34]: «Всеобщее избирательное право – это значит: хорошее жилище, хорошая еда и питье, хорошая заработная плата и короткий рабочий день». – Эдвард Клинг горько усмехнулся. – Мы требовали всеобщего избирательного права, чтобы и мы, рабочие, могли участвовать в выборах. Это была наша великая надежда. Но мы ничего не добились. Рухнули наши надежды.

– А мы добьемся, отец! – вскочив, воскликнул Робин. – Мы будем за это бороться. И за сокращение рабочего дня! И пусть нам придется бороться еще годы, пусть нас бросают в тюрьмы – настанет день, когда им придется отступить, ибо нас будет всё больше и больше. Нас будет так много, что они задрожат от страха.

Как бы защищаясь, Эдвард Клинг поднял руки. Он не отрывал глаз от сына: разве он сам не говорил когда-то эти же слова? Неужели дети должны всё испытать на собственном горбу? И никто им не может помочь… И, не дав Робину продолжить, отец снова заговорил, но как-то торопливо, будто радуясь, что наконец-то сбросит бремя, которое многие годы нес один:

– Сейчас я кончу, Робин. Ты говорил, что в том же году по всей стране начались восстания. Да, так оно и было. Мне пришлось тогда бежать из Бирмингема. Вместе с Личем и другими вождями чартистов я перебрался в Ньюпорт. Там мы хотели освободить из тюрьмы одного рабочего вожака. На дворе свирепствовала буря, лил проливной дождь, но мы вооружились дубинками и двинулись в путь. Конная полиция открыла огонь. Правительству нужен был предлог, чтобы бросить в застенки всех наших вождей, в том числе и О'Коннора, О'Брайена, Фроста[35]. Все чартисты. Мне чудом удалось пробраться в Лондон. А ваша мать привезла из Бирмингема тебя, Робин, и Билли. Когда мы наконец нашли себе комнатушку и я устроился на работу, родился ты, Джо. Но мама ваша была так истощена, что вскоре умерла. Вот что дала нам политика! – Ну так вот, женившись на Мэри, доброй сестре вашей матери, я дал себе клятву никогда больше не поднимать руки на хозяев, стал молчуном. Особой пользы мне это, правда, не принесло. То и дело меня увольняли… Должно быть, пронюхали, кем я был прежде. Вот я и сижу уже два года дома. И чиню ваши тряпки. Но ты, Робин, ты мой старший сын, сегодня заявил мне, что входишь в стачечный комитет! Да и Джо заделался мятежником. Выступает против своих хозяев. Правда, ему это сошло с рук, но ведь по чистой случайности. Этот Карл Маркс… – Эдвард Клинг внезапно умолк, как-то весь поник на стуле и опустил голову…

Робин подал Джо знак, чтобы тот молчал. Немного погодя он ласково проговорил:

– Ты храбрый. Ты много сделал для людей. Очень много! Ни твою борьбу, ни тебя самого, да и многих других, таких, как ты, люди никогда не забудут. Даже если не будут знать ваши имена. А сейчас наша очередь. Кое-что с тех пор изменилось. И не только в Англии. Во всем мире. Сколько ни бросают рабочих в тюрьмы, все равно, повсюду – в Париже, в Брюсселе, в Кельне и Берлине –

вспыхивают новые забастовки, новые демонстрации. Наше дело двигается вперед. Как ни угрожали вам смертной казнью за принадлежность к союзам, а союзы все крепли. Путь, которым мы идем, приведет нас к светлому будущему. Его увидит Джо, увижу я, увидят наши дети. А если мы будем трусить, всем нам вечно придется влачить рабское существование. Чартисты начали великое дело. Ваша борьба была гораздо труднее нашей. И поэтому, отец, позволь мне идти своим путем. Я продолжу то, к чему ты стремился, к чему стремились и наш дед, и дядя Ричард, и дядя Том. Все это было не напрасно!

Робин вдруг вспомнил, как он иногда мальчишкой говорил с папой, нежно и ласково. Он погладил руку отца и сказал:

– И Билли я верну! Он ведь тоже наш, только он пошел неверным путем. Бунт на свой страх и риск, даже если он направлен против хозяев, – уже пройденный этап. Но Билли твой сын и наш брат. Мы его не бросим!

Джо был счастлив. Он чувствовал, что стал в ряды рабочих. Он гордился своим отцом. Вскочив с места, он обнял отца за плечи и потерся щекой о его щеку.

– Я хочу быть таким, как ты, папа! Я тоже хочу бороться за счастье людей!

Эдвард Клинг поднялся, прижал Джо к себе и кивнул Робину. Не в силах справиться с волнением и не желая показывать его, он быстро вышел из комнаты.

•

На улице дул ласковый ветерок – предвестник весны. «Какие у меня прекрасные сыновья! – думал Эдвард Клинг. – И сыновья, и дочери. А ведь это куда важнее, чем хорошее жилище и хорошая еда…»

Он быстро шагал по переулкам, ничего не видя вокруг. Перед его внутренним взором снова вставало прошлое. Заслонив все остальное, оно требовательно звало его куда-то вперед.

Бекки

Бекки вздрогнула: не папа ли это идет? Она подбежала к мостовой, кровь бросилась ей в голову. Почему он не переходит на ее сторону? Она громко окликнула, потом позвала его. Еще раз! Но отец не расслышал. Вот он уже заворачивает за угол. Бекки сжала кулачки: «Возьму и убегу!» Но тут же она поняла, что не сделает этого.

Последнее время Бекки особенно тяжело жилось у Квадлов. Три недели хозяева не отпускали ее домой за то, что она уронила кружку с пивом. Как она тосковала по маме и маленькому братику! Трудно ей приходилось вдали от дома, у таких злых и нехороших людей. Джо утешал ее: «Крепись, Бекки, не так уж долго осталось. Скоро мы опять все вместе будем!» Каждый день она только об этом и думает.

Дома стало немножко полегче. Полли обещали хорошее место прислуги. И тогда Бекки будет вести все хозяйство у родителей. Руки-то у нее вон какие прилежные! Это мама обещала все так устроить. Но Бекки хорошо знала: от Квадлов нелегко будет вырваться. Вот уже и январь подходит к концу. А сколько раз она выглядывала на улицу, сколько раз вздрагивала при стуке в дверь, все надеясь, что это пришел отец или Робин, чтобы сказать хозяевам: она уходит от вас навсегда!

Сегодня Бекки с нетерпением поджидала возвращения Квадлов. Утром они обещали отпустить ее после полудня домой и даже разрешили остаться там на вечер. Но Робин уходит из дому около пяти, и, если не поторопиться, она уже не застанет его. Вот почему Бекки вышла за ворота и ждала здесь хозяев.

Тяжело вздохнув, Бекки снова вернулась на кухню, осмотрелась, проверяя, все ли она сделала. Да, все: покупки разнесла, плиту затопила, вода греется, горшки так и сверкают. Полы подметены. А сколько она заштопала носков!

Снаружи послышались шаги. Наконец-то! «Я еще успею домой!» – подумала она. Но почему Каро не лает? Может быть, миссис Квадл вернулась одна?

Бекки открыла дверь. Перед ней стояла соседка, швея миссис Гринвуд. В руках она держала беленький мешочек. Бекки хорошо знала эту добрую и приветливую женщину. Она жила в подвале недалеко от них. Летом прошлого года у нее родился маленький. С тех пор, сидя за работой в своей темной каморке, она часто напевала какую-нибудь песенку. Бекки очень нравился маленький Эрнест. Уж очень она любила малышей.

– Добрый вечер, миссис Гринвуд! – поздоровалась Бекки. –

Вам что?

Швея не ответила. Лицо ее было мертвенно-бледным, глаза горели. Вдруг, подойдя вплотную к Бекки, она подняла мешочек и угрожающе прошептала:

– Ты же знала все!

– Что знала? – запинаясь, переспросила Бекки.

– «Что, что»! Не притворяйся! – закричала миссис Гринвуд и замахнулась мешочком, будто хотела ударить Бекки по лицу. – Да что он гипс в муку подмешивает! Где твой мистер Квадл?

– Его нет дома, – ответила перепуганная Бекки, отступив на шаг.

Вдруг соседка громко разрыдалась. Мешочек выскользнул у нее из рук.

– Он умер! – всхлипывала она. – Мой маленький Эрнест умер! Умер!… В муке был гипс!

Бекки стояла, словно громом пораженная. Несколько раз она порывалась что-то сказать, но, прежде чем ей удалось произнести хоть слово в свою защиту, швея исчезла в подворотне. Бекки вся дрожала. Вдруг раздался лай Каро. Бекки инстинктивно схватила мешочек и спрятала его под своим тюфяком. В эту минуту в кухню вошла миссис Квадл и спросила с какой-то приторной ласковостью:

– Ну как, все в порядке? Хорошо! Можешь идти, как обещано. Сегодня ты больше не понадобишься.

Бекки, накинув пальтишко, выбежала на улицу. Свернув в свой переулок, она остановилась. Здесь ведь живет миссис Гринвуд. Окошко в подвале открыто. Дрожа от страха, девочка заглянула в каморку. Там было темно и тихо. У дверей стояли две женщины.

– …Да, в самый обед он помер. Заворот кишок…

– И неудивительно: она же у этого злодея муку покупает, у Квадла.

– А куда же ей податься? Швея ведь еще меньше нас получает.

– Надо бы заявить на него куда следует, на обманщика. Чтобы ему раз и навсегда по рукам дали! Да разве докажешь?

– Тс-с!

Женщины узнали Бекки и теперь с нескрываемой враждебностью смотрели на нее. Бекки, опустив голову, постаралась поскорее пройти мимо. Она прошла один квартал и остановилась.

«Покупает муку у этого злодея…» В ушах у нее так и звенело: «В муке был гипс… В муке был гипс!» Хозяева подмешали в муку гипс. …В голове гудело, мысли прыгали, и вдруг многое из того, что было до сих пор неясным, стало понятно. «Лживая-

фальшивая!» – кричали ей вслед мальчишки. А она думала, что ее с кем-то путают.

Квадлы приказывали ей сушить листья ежевики, растирать их, а потом подсыпать в банку для цейлонского чая; часами заставляли мять и катать бурую глину, потом приправлять ее жиром! А зачем? Чтобы людей обманывать! Даже гипс в муку подмешивали! Тут-то она и вспомнила: в хозяйском чулане стояли два больших бумажных мешка. Перед самым рождеством это было. Ничего не подозревая, она спросила:

«…Да какая же это мука, миссис Квадл! И на манку не похожа! Что это у вас в бумажном мешке?» Бекки никак не могла отмыть белое пятно с тележки, на которой они с Каро привезли эти самые мешки.

«Опять шпионишь? Этого еще недоставало!» – накинулась на нее лавочница, а хозяин больно хлестнул ее плетью. С тех пор Бекки никогда ничего не спрашивала. Так вот почему ее не пускали в чулан, почему все с такой ненавистью говорили о ее хозяевах!

Лавочник Квадл и его жадная супруга принадлежали к самой подлой разновидности мелких торговцев: к тем, кто сбывает недоброкачественный товар. Словно пиявки, присосались они к беднякам, продавали продукты на полпенни, на пенни и даже на два пенни дешевле, часто в долг, но зато они подмешивали к ним все, что только могли. К гороху и бобам – соломенную сечку, мелкие камешки и прочий мусор; в манную крупу и во все сорта муки – гипс и мел; в сахар – толченый рис; и при этом обвешивали покупателей, пуская в дело фальшивые гири. Больше всего Квадлы наживались на колониальных товарах. К индийскому чаю они добавляли лист ежевики и терновника; в какао – хорошо протертую бурую глину, сдобренную бараньим жиром; а в перец подсыпали пыль. Уличить их было трудно.

Время от времени продовольственные инспектора ловили таких подлецов и наказывали их, но спустя несколько недель они, как поганки, появлялись вновь, уже в других кварталах нищеты, – их ведь не счесть в этом огромном городе!

«Обманщики!» Губы у Бекки дрожали. А теперь вот маленький Эрнест умер. Нет, этого нельзя было так оставить. Надо на них заявить! Да, да, заявить! Но как докажешь? Как? А мешочек! Она должна вернуться и взять мешочек.

Зайдя в подворотню, Бекки на минуту остановилась, ее охватил ужас. Потихоньку она прокралась в кухню, схватила белый мешочек и уже хотела выйти, как услыхала голоса своих хозяев в чулане. Должно быть Квадлы думали, что они одни в доме.

– Раззява! Ишь, опять комок гипса попался. Говорил тебе – просей через сито! Еще в тюрьму из-за тебя попадем!

– Чего орешь, дурья голова! Сам бы и просеивал!

Бекки вся дрожала, она хотела убежать, но вместо этого вдруг забарабанила кулачками в дверь чулана, крича во весь голос:

– Откройте! Откройте!

За стеной мгновенно воцарилась тишина. Потом Бекки услышала, как хозяева стали шептаться.

Тогда она еще раз громко крикнула:

– Откройте!

– Это же наша Бекки! – послышался голос миссис Квадл, и она рывком открыла дверь. – Ты что это? Чего ты? – Она прямо задыхалась от злости. – Я думала, ты давно уже дома! Ну чего, чего раскричалась?

Храбрости Бекки как не бывало. Но тут она вновь услышала голос миссис Гринвуд: «В муке был гипс!» – и бросилась мимо ошарашенных хозяев к мешкам с мукой, рядом с которыми действительно стоял бумажный мешок с гипсом, гневно крича:

– Этого нельзя делать! От этого умирают дети! Миссис Гринвуд приходила. Умер маленький Эрнест. В муке был гипс! – И Бекки, протягивая хозяевам белый мешочек, громко разрыдалась.

Квадлы оторопело смотрели друг на друга. Внезапно хозяин нагнулся и схватил полено. Но Квадлша быстро оттолкнула его и стала успокаивать девочку.

– Ах, бедная женщина! Такая потеря для нее! Должно быть, умом тронулась! Не знает, что говорит! – И хозяйка вырвала у Бекки мешочек.

– Я на кухне была, а мистер Квадл сказал про гипс. Вон и мешок открытый стоит… – воскликнула Бекки.

Одним прыжком огромный Квадл очутился рядом с девочкой. В ожидании удара Бекки закрыла глаза. Но тут Квадл опомнился:

– Да ты небось все перепутала! Я говорил, что в муке комки попадаются и просеивать ее надо. Вот и все, что я говорил.

У Бекки зуб на зуб не попадал, но она храбро стояла на своем:

– Вы сами сказали: комки гипса в муке, и пусть миссис Квадл просеивает, а то вы в тюрьму попадете…

– Ишь врунья какая! – разорался Квадл. – Тварь проклятая! А ну-ка, закрой дверь! Где моя плетка?

Но хозяйка соображала лучше мужа. Она оттолкнула его и прошипела:

– У нас здесь плохой муки не найдут. Заруби себе это на носу. А теперь убирайся! Ты нам больше не нужна. И завтра не

понадобишься. И вообще, чтоб я тебя здесь больше не видела! Нам такие не ко двору. Всю вашу нищую семейку выкину из квартиры, если вы хоть на один день плату задержите. – Она подняла белый мешочек. – Можешь врать сколько влезет. В этом мешочке найдут только первосортную муку, уж будь спокойна! Да и кто вам поверит? Брат у тебя в ворах ходит, а мать… чего там говорить!.. – И она вытолкнула девочку за дверь.

…Возле дома Бекки наткнулась на Робина.

– Пойдем, сестренка! Проводи меня немного! – Робин не заметил, что на Бекки лица не было. Он обнял ее и сказал: – Хотел к тебе зайти сегодня, да уж поздно. Вдруг вижу, ты сама идешь. Когда домой прибежишь, Джо тебе все подробно расскажет. Ты уж нам помоги еще разок, Бекки.

Все, что ему надо было сказать, Робин быстро сообщил Бекки и, облегченно вздохнув, привлек сестренку к себе.

– Знаю, знаю. Противный Квадл все последнее время тебе житья не дает. Мы как раз собрались тебя совсем домой взять. Да теперь придется еще раз отсрочку на четыре недели просить, не можем мы сейчас заплатить за квартиру. Но ведь ты у нас храбрая. Уж как-нибудь потерпишь это время.

Только позднее Робин вспомнил, как выглядела сестра, какими огромными от страха глазами она смотрела на него и как дрожали ее губы, когда она говорила «Я все сделаю, Робин».

Медленно Бекки поднималась по лестнице. Нет, она никому ничего не скажет! И Джо не скажет. Да и к чему? Ведь мешочек у нее тоже отняли…

В тот вечер Бекки не спускала маленького братика с рук. Ходила ли она по комнате, сидела ли в углу, она все прижимала его к себе. От матери не ускользнуло ее волнение.

– Бекки, доченька моя, что с тобой? Что это ты бледная какая? Неужели он опять тебя побил?

Бекки покачала головой.

– Я же чувствую: что-то тебя мучает. Скажи мне, что?

Но Бекки продолжала молчать.

Прощаясь со старшей дочерью, мать спустилась с ней вместе вниз и ласково сказала:

– Да не убивайся ты так! Скоро мы тебя от них заберем.

Медленно-медленно шагала Бекки к дому хозяев, но в конце концов ей все же пришлось завернуть в подворотню. Она открыла дверь. Квадлы сидели за столом. Бекки не смела даже головы поднять. Хозяин, оттолкнув стул, резко спросил:

– Чего тебе еще тут надо?

– Можно мне остаться у вас? – чуть слышно спросила Бекки. Потом медленно подняла голову и сказала: – Пожалуйста, не

спрашивайте сейчас с моих родителей плату за квартиру. Пожалуйста, подождите еще месяц…

Лавочники молча переглянулись. Вдруг Квадл захохотал.

– Ай да девка! Ты нам подходишь! Вижу, вижу, ты на такие дела мастак!

Добравшись до своего соломенного тюфяка, Бекки упала на него. Она слышала, как хозяева возились то в чулане, то на кухне, что-то передвигали, иногда смеялись. На башне пробило девять. Бекки уткнулась лицом в тюфяк, пусть никто не знает, что она плачет…

Стачка

В этот вечер Джек вернулся поздно. Грачам, встрепенувшимся от сна, он не дал даже как следует глаза протереть и сразу же начал рассказывать, торопливо зажигая огарок свечи. Возможность помочь прядильщикам при подготовке стачки так воодушевила его, что он даже опешил, когда Оливер, громко зевая, вдруг прервал его:

– Да это же мура! Пошлют нас раза два сбегать куда-нибудь, вот и всё. Ни одной монеты не заработаешь.

Джек возмутился:

– Ты только послушай, Кинг! Какой барский сынок выискался! Такое дело – и вдруг монеты! А я-то думал, он уже совсем наш… – Джек внезапно умолк: Билли толкнул его.

А Оливер разошелся:

– Рабочие бастуют, потому что жрать хотят, это понятно: без угля очага не разведешь. В том числе и нашего. Но кто мы такие, в конце концов? Шайка грачей или благотворительное общество?

– Полегче, полегче, – послышался голос Хенни. Он выбрался из-под одеяла. – Оливер прав, но Джек тоже прав. Когда надо прижать Кровососа, ни он, ни Билли не могут спокойно сидеть и поплевывать в потолок. Это ясно! Но ясно и другое: помогать пойдут только те, кому это дело по душе, а кому нет, тому и встревать нечего. К примеру: Оливеру и близнецам.

– А нам почему нельзя? – возмутился Джим Теленок. – У нас мать тоже в прядильне работает, а раз стачка на пользу прядильщикам, мы не будем тут сложа руки сидеть.

Билли продолжал молчать. Но вот в конце концов заговорил и он:

– Да, пускай Оливер тут остается. Здесь тоже кому-нибудь надо быть. Завтра Бробби обещал прийти. А мы, пятеро, вроде уже договорились: раз мы нужны рабочим, мы им всегда поможем.

Джек объяснил: Билли и ему Бен поручил привести на фабрику рабочего Ке́ллинга, того самого, с которым недавно произошел несчастный случай. Хенни и один из близнецов – лучше всего Джим, так он, Джек, предлагает – должны незаметно затесаться в толпу ребят из утренней смены и поддержать их.

– Идет! – подвел черту Кинг. – А сейчас давайте на боковую, а то вставать в четыре утра.

Вскоре все крепко спали, один Оливер все не ложился и мрачно смотрел на догорающую свечу. Впервые, с тех пор как он попал в шайку грачей, он почувствовал себя одиноким. Но не сам

ли он виноват? Недовольный собой, он задул наконец свечу.

Больше всего Билли не любил ходить по утрам на фабрику. Серая безмолвная масса плелась на смену, словно на каторгу. А сегодня? Какое странное чувство охватило его, когда он снова оказался среди рабочих!

Прежде всего они зашли за Келлингом. Но ночью у старого прядильщика открылась рана, и толстая повязка вся пропиталась кровью. Грачи даже растерялись. Но Джек придумал устроить из стула носилки. Если поспешить, они еще вовремя поспеют на фабрику.

Ледяной ветер дул им навстречу, и все же оба скоро вспотели. Пока они не выбрались из толпы, им все время приходилось остерегаться, как бы кто-нибудь не толкнул Келлинга. Но вот наконец они остановились, и Билли сказал:

– Последние сто метров нам надо без Джека одолеть. Нельзя, чтобы его кто-нибудь около фабрики видел.

– Брось ерунду пороть! – обозлился Джек. – Ты сейчас не обо мне думай!

– А я не о тебе думаю! – огрызнулся Билли. – Ты вот забыл, что Очкастый Черт с начала года работает в Уайтчапле старшим надзирателем. А ему в лапы тебе лучше не попадаться.

– Оставайся здесь, Джек! – решил спор Келлинг и сразу встал. Он опирался на плечо Билли. – Надо так пройти, чтобы никто на нас и внимания не обратил.

Тут они увидали, как из ворот вышел Бе́рнер и направился прямо к ним.

– Лучше бы вам здесь подождать. Раньше времени не стоит показываться. – Одобрительно взглянув на носилки, он добавил: – Это вы хорошо придумали, ребята! Молодая работница уже тут. Вон она, на той стороне. А ты давай со мной, Билли, подождешь у ворот. Как только я подам знак, вы переберетесь во двор, но не раньше. – И Бернер поспешил назад.

– Эй, куда? Куда? – закричал ему вслед вахтер.

Но Бернер даже не обернулся. Билли пристроился у забора и хорошо видел все происходящее на фабричном дворе. На минутку к нему подбежал Эдди и шепнул, что Хенни и Джим уже пробрались на территорию фабрики.

Часы показывали десять минут седьмого, а никто из ворот не вышел. На дворе, тесно сомкнувшись, полукругом стояли прядильщики; из цехов выходили всё новые и новые молодые и старые рабочие и работницы, кое-кто еще держал получку в руках. Слышно было, как шаркали ноги по мостовой.

Билли прокрался поближе к воротам. Вахтер, покинув свой пост, следил только за тем, что происходило на дворе. Глядя на

рабочих, Билли диву давался: раньше он видел их всегда сгорбленными, с равнодушными лицами, а сегодня все словно выпрямились, и старые и молодые. И работницы тоже. У всех был такой решительный вид!

Билли овладело новое, неведомое чувство. Он не понимал, что сегодня впервые видит лицо своего класса, решившего подняться на бой.

•

Бен и Робин стояли у входа в подвал, где находились паровые котлы.

– Пора машины останавливать, Робин! – торопил Бен.

– Надо подождать, пока рабочие не получат заработную плату.

– Тем, наверху, уже донесли, – беспокойно шептал Бен. – Как бы они нас не опередили. – И он посмотрел на окна главной конторы.

– Первое дело – не терять голову! – Робин крепко стиснул руку Бена.

Тут к нему подбежал молодой рабочий.

– Они приостановили выдачу заработной платы!

И действительно, через несколько секунд из главного входа вышел Очкастый Черт. Тяжело ступая, он двинулся к собравшимся во дворе рабочим. За ним, правда медленно и нерешительно, шли несколько надзирателей.

С тех пор как Кросс-младший устроил Белла старшим надзирателем в филиале, у Очкастого Черта было только одно желание: доказать шефу, что у него нет более верного слуги, чем он, Белл. С первого же дня он стал штрафовать всех направо и налево. Создал себе целую сеть доносчиков и только и делал, что подслушивал да подсиживал. Не прошло и нескольких недель, как все рабочие и работницы Уайтчаплского филиала возненавидели его.

Теперь, думал Белл, настал его час. Теперь он покажет своим хозяевам, как надо расправляться с мятежом! Засунув руки в карманы, сбычившись, он медленно приближался к стоявшим полукругом рабочим.

– Что тут происходит? – прорычал он, еще сдерживая себя. – Чего по домам не расходитесь?

Никто даже не пошевельнулся.

Шагах в десяти Белл остановился.

– Я вас спрашиваю, что тут происходит? Вы что, язык

проглотили? – разнесся его голос по всему двору.

Белл сделал еще несколько шагов, но вынужден был снова остановиться. Каменной стеной стояли перед ним рабочие. На фабричном дворе воцарилась мертвая тишина. Лицо Белла налилось кровью. Он поднял голову.

– Предупреждаю! От имени правления фабрики я требую, чтобы вы немедленно покинули двор! В противном случае…

В ответ – ни единого звука, ни единого движения.

Очкастый Черт утратил свою всегдашнюю уверенность и оглянулся, ища глазами других надзирателей, но те предусмотрительно держались в отдалении.

Белл стал шарить глазами по шеренге рабочих. Но что это? Всё незнакомые лица! И чем-то все похожи друг на друга. Сжав губы, прядильщики сурово смотрели куда-то мимо него, поверх его головы. И в каждом лице – Белл вдруг ясно это ощутил – была угроза. Сейчас он бы много дал, чтобы не стоять так близко. Ведь каждый из них готов теперь свести с ним счеты. И, когда один из рабочих резким движением выдернул руку из кармана, Белл отскочил. Ему показалось, что он слышит какой-то глухой рокот, прокатившийся по толпе. Колени у него подкосились, перед глазами все запрыгало – вот-вот они набросятся на него! Он отступил еще дальше, потом повернулся и… побежал вслед за остальными надзирателями, уже скрывшимися за дверьми главного входа. Злой смешок прошелестел по рядам. Прошло еще несколько мгновений, и раздался голос Робина.

– Продолжайте выплату! – Рука его указывала в сторону кассы, где бухгалтера сидели, прижав носы к стеклу. Молниеносно их лица исчезли. Заработную плату тут же начали выплачивать.

Робин расправил плечи. Всю ночную смену он очень волновался. Не раз перед ним вставало озабоченное лицо отца, а к концу смены он уже не находил себе места. Его мучили сомнения, но теперь он понял – необоснованные. Ни один рабочий не покинул двора. Вот они стоят здесь, и, чем теснее друг к другу, тем зримее их сплоченная сила! Еще немного, и можно будет остановить машины и вызвать прядильщиков утренней смены во двор. Тут из прядильного цеха вышла группа человек в десять. У каждого в руках была кипа хлопка. Посреди полукруга они сложили кипы таким образом, что получился большой куб.

Улыбнувшись про себя, Робин подумал: «Оттуда я буду говорить».

Фабричные часы показывали двадцать минут седьмого.

Тем временем в конторе предпринимались все усилия к тому, чтобы правдами и неправдами уговорить фабричного инспектора Эндера. Для этого его и вызвали сюда в столь ранний час. Но Эндер не сдавался. Его совет вступить с рабочими в переговоры чуть не довел Кросса-младшего до бешенства.

– Переговоры? Под угрозой стачки? Это же капитуляция!

Каттл, которому в последний момент донесли о готовящемся выступлении рабочих, успел уже принять кое-какие контрмеры. Он тоже напряженно следил за грозными событиями на фабричном дворе, однако считал уместным, чтобы дирекция выступила с каким-нибудь успокоительным заявлением. Он-то и сообщил Эндеру о том, что Робин Клинг две недели назад передал хозяевам фабрики требование о небольшом повышении заработной платы. При этом Сэмюел Кросс, к сожалению, несколько неосторожно рассказал о напряженном положении дел фирмы и обещал выполнить требование рабочих.

– Почему же это обещание не было выполнено? – спросил фабричный инспектор Эндер.

– Да потому, что мы заранее знали: этим глотку не заткнешь. Они потребуют еще и еще. И так без конца. Сперва мы были вынуждены отменить ночную работу детей на Паркер-стрит и ввести для них восьмичасовые смены, а потом вы, господин инспектор Эндер, заставили нас сделать это и здесь, в филиале.

– Детский труд – это действительно моя область. Однако к стачкам я…

– Хорошо, хорошо! – прервал его Каттл. – Но вы же сами понимаете, что современное предприятие – это сложнейший механизм. И если лишь в одном месте переставить шестерни, то это может привести к совершенно непредвиденным последствиям. К каким, вы теперь сами убедились.

Эндер пожал плечами.

– Я обязан был выполнить свой долг.

– А теперь ваш долг, – резко прервал его Каттл, – добиться отмены забастовки, в противном случае фирма «Кросс и Фокс» расторгнет контракты.

– Мой долг заключается сейчас в том, чтобы дать вам разумный совет, – спокойно возразил ему Эндер. – А потому я предлагаю: пересмотрите рабочие контракты – время для этого настало.

– Пересмотреть? – с издевкой повторил Каттл. – На что же будут похожи такие контракты? Без права на штрафы? И кончится тем, что рабочие смогут по своему усмотрению менять место

работы. Этого они и добиваются! Но подобные контракты для нас, предпринимателей, не имеют никакого смысла.

Так как Эндер, на которого эти слова, должно быть, не произвели впечатления, лишь невозмутимо пожал плечами, Каттл продолжал настаивать.

– Поймите, нам, фабрикантам, нельзя вступать в переговоры. Рабочие немедленно прижмут нас к стене. Они превосходно знают, что сейчас мы не можем себе позволить ни одного дня простоя. К тому же, если они объявят забастовку у нас, это прозвучит как сигнал к выступлениям на всех заводах и фабриках страны.

Должно быть, этот аргумент все же произвел впечатление на Эндера, и Каттл не преминул этим воспользоваться.

– Но вы, инспектор Эндер, именно вы могли бы найти какой-нибудь компромисс. Впрочем, если считаете, что это вас не касается… Как хотите. Что ж, придется нам капитулировать. – И он язвительно добавил: – Быть может, после этого вы удостоитесь чести быть упомянутым в парламенте вместе с другими подстрекателями.

В эту самую минуту воцарилась какая-то необыкновенная тишина. Гул машин внезапно оборвался.

Часы показывали двадцать пять минут седьмого.

– Дождались! – зло воскликнул Кросс-младший и со страхом уставился на Каттла.

Тот молчал.

– Что это означает? – торопливо спросил Эндер.

Каттл, бледный как полотно, поднялся и, опершись кулаками о стол, произнес сдавленным голосом:

– Бунт! Рабочие остановили машины.

– Но это же… – вскочив с места, воскликнул Эндер.

Каттл медленно подошел к двери, открыл ее и патетически произнес:

– Инспектор Эндер! Умоляю вас, предупредите насильственные меры, воспользуйтесь случаем, обещайте им все, что сочтете необходимым! Мы предоставляем вам полную свободу действий.

Лишь мгновение инспектор Эндер колебался, затем, чертыхнувшись про себя и подумав: «Теперь они взвалили всю ответственность на меня!» – он быстрыми шагами покинул контору.

Кросс-младший собрался было последовать за ним, но Каттл, иронически улыбаясь, задержал его:

– Пусть инспектор один поговорит с ними… Все остальное мы сможем сделать потом. – С этими словами Каттл вышел в

приемную, но тут же вернулся с Беллом. – Где ваши надзиратели? – спросил он.

– Ожидают на лестнице.

Выглянув в окно, Каттл приказал:

– Незаметно займите помещение котельной. Воспользуйтесь для этого запасным выходом. Мы с хозяином покажемся народу в открытом окне. Как только кончит говорить Эндер, я выступлю. И в эту же секунду вы должны пустить все машины. Ясно?

Белл кивнул. Каттл пояснил Кроссу-младшему:

– Это собьет их с толку. Тогда-то мы и ударим.

•

Как только машины остановились, Билли подумал: «Пора!» – и протиснулся к воротам. Вахтеры не обратили на него внимания, они все как завороженные смотрели во двор. Рабочие тоже не отрывали глаз от входов в прядильные цеха. Внезапно по толпе пронеслось: «Идут!»

Тут Билли увидел, как во двор стали стекаться рабочие утренней смены – мужчины, женщины, дети. И сейчас же Робин вскочил на кипы хлопка. Его хорошо было видно, голос гулко разносился по всему двору:

– Две недели назад фирма «Кросс и Фокс» обещала нам повысить заработную плату. Мы требуем очень немногого, и все же фирма не торопится выполнить свое обещание. Мы знаем, что каждый день хозяева наживаются на нас. Мы знаем, что пряжу, которую мы прядем, заказчики рвут у них из рук. Своим трудом мы создаем прибыль этим господам, а им нет никакого дела до того, как мы живем. И именно потому, что фирма бездействует, должны действовать мы. Пусть эти господа сегодня сами к нам придут! – Робин поднял руку и указал на окна конторы, за которыми стояли Каттл и Кросс.

По двору прокатился гул одобрения. Робин выпрямился.

– Станки стоят! Мы больше не работаем! Мы все, как один, решили: стачка! Но теперь мы требуем не только повышения заработной платы – мы требуем пересмотра контрактов…

Услышав эти слова, Билли бросился назад. Как только его увидели поджидавшие за углом товарищи, он, помахав им рукой, крикнул:

– Скорей сюда! Робин уже говорит!

Старик Келлинг совсем ослабел, и, прежде чем они добрались до ворот, прошло несколько минут. Бернера нигде не было видно. Келлинг остановился пораженный.

– Но ведь говорит совсем не Робин Клинг!

Билли и Джек прислушались. Потрясенные, они взглянули друг на друга.

– Что это значит? – спросил Джек. – И куда девался Бернер? – Все они смотрели на фабричный двор.

Толпа беспокойно гудела. Но вот и сюда донесся голос оратора:

– Я обещаю вам, что фирма вступит в переговоры. Вы можете мне довериться. Вы же хорошо меня знаете…

Выкрики из толпы прервали говорившего:

– Нет, мы тебя не знаем!

– Пусть сами хозяева выйдут сюда!

– Да это же Эндер, фабричный инспектор.

– Пусть говорит!

– Нечего ему тут болтать!

Эндер? Билли и Джек переглянулись. Но вот до них снова донесся голос фабричного инспектора:

– Это я добился, чтобы дети работали не больше восьми часов. Я заверяю вас…

Толпа постепенно успокаивалась. Люди стали прислушиваться. Эндер говорил так тихо, что в воротах, где стоял Билли и его товарищи, слов нельзя было разобрать. Один из вахтеров обратил на них внимание.

– Вам чего здесь надо? – спросил он.

Молодая работница испуганно потянула старика Келлинга за рукав, говоря:

– Нам нельзя здесь стоять. Нам велели ждать Бернера.

Снова сюда донеслись отдельные слова Эндера:

– …Невозможно требовать всё сразу… Шаг за шагом…

Рабочие снова зашумели. По толпе прошло какое-то движение. Все головы повернулись в одну сторону. Там кто-то говорил.

– Вот черт! – выругался Джек. – Что еще там такое?

– Это Каттл, собака! – прохрипел Келлинг.

Толпа на дворе напряженно слушала. Голос Каттла был здесь хорошо слышен.

– Я повторяю: мы согласны повысить зарплату. Но с условием, чтобы двор был немедленно очищен. Я даю пять минут сроку. Через пять минут мы закроем ворота. Все, кто к тому времени останется во дворе, будут уволены. Трех зачинщиков забастовки мы уже уволили.

В ответ послышался гул возмущения. Вот-вот толпа взбунтуется. Вперед выскочил молодой рабочий и крикнул Каттлу:

– Пусть сам хозяин говорит!

Но в то же мгновение со всех сторон послышались испуганные крики:

– Машины заработали!

Несколько мгновений царила мертвая тишина. Затаив дыхание все слушали глухой стук машин, в котором теперь звучала угроза. Неужели в цехах уже приступили к работе? И вот уже две-три женщины бросились в прядильни. Одна из них тащила за собой мальчика и в страхе кричала подруге:

– Идем, идем скорее, а то они нас уволят!

Дети еще колебались. Но скоро несколько парнишек потянулись за прядильщицей. Тут все увидели Хенни и Джима. Джим Теленок расставил руки, пытаясь удержать отхлынувших ребят. А Хенни сорвал с себя шапку, высоко подбросил ее вверх и звонко воскликнул:

– Стойте, стойте! Мы не зайчишки-трусишки! Нас не запугать!

Но к цехам устремлялось все больше и больше работниц, увлекавших за собой и детей.

– Стойте! – кричали рабочие ночной смены. Потом еще раз хором: – Стойте!

Но поток уже нельзя было остановить. Женщины, мужчины, дети в панике ринулись к рабочим местам. Стачечный митинг был сорван. Правда, большинство рабочих и работниц ночной смены еще держались, но кое-кто из стоявших поблизости от фабричных ворот уже направился к выходу. Два молодых парня подскочили к ним:

– Неужели вы бросите товарищей?

– Неужели вы покинете в беде Бернера, Клинга и Коллинза?

– Кто выйдет на улицу, тот предатель!

Несколько человек повернули обратно. Теперь к тем, кто стоял в воротах, подошли еще десяток рабочих и все вместе, взявшись за руки, закрыли выход. Но откуда-то из середины двора стали напирать на толпу.

– Выпустите нас! Выпустите!

– Освободите проходную!

С горечью Джек и Билли увидели: рабочие раскололись на два лагеря. Они еще не знали, что это надсмотрщики во главе с Очкастым Чертом подталкивали прядильщиков к проходной. Но вот они расслышали голос Белла:

– Всех записывайте! Все будут уволены! Все, кто через три минуты не покинет двор! Через три минуты ворота будут заперты!

Преодолев охвативший его страх, Робин подбежал к воротам, поднял руку и крикнул:

– Товарищи! Без паники! Наша смена сомкнутыми рядами покинет двор.

Бернер и Бен тоже громко призывали:

– Сохраняйте спокойствие! Мы продолжаем борьбу!

Все трое стали у ворот, как на боевом посту. Теперь проход был свободен. Вахтеры не смели приблизиться к ним.

Тем временем Джека подхватил общий поток и вынес его на улицу. «Пропало! Все пропало!» – думал он.

Билли стоял позади Робина. Он приметил, что понуро подходившие рабочие и работницы, поравнявшись с ними, выше поднимали головы. Всего, что произошло здесь, он еще не понял, но одно было ясно: это организованное отступление, а не беспорядочное бегство.

Очкастый Черт с блокнотом в руках тоже протиснулся к воротам. Он хотел записать всех, кто станет упорствовать, чтобы затем уволить. Увидев в проходной вместо вахтеров трех руководителей забастовки, а рядом Билли Клинга, он озадаченно остановился. Лицо его расплылось в отвратительной ухмылке. С издевкой он воскликнул:

– Поглядите-ка, братья Клинг! Один – уволен, другой – сбежал. И оба еще на территории фабрики. Вот мы и застукали бунтовщиков. Только третьего братца недостает! – Он махнул рукой надзирателям. – Обоих парней взять и выдать поли…

Но тут речь его оборвалась. Он издал какой-то гортанный звук, задыхаясь, прикрыл лицо, на мгновение исчезнувшее за облачком желтой пыли, и упал на руки перепуганных надзирателей. Они думали, что его хватил удар. Белл то стонал, то хрипел.

Никем не задержанный, Хенни вместе с Кингом проскользнул мимо Робина на улицу. Это он выпустил из небольшой трубочки заряд толченого перца и ловко попал Очкастому Черту прямо в нос.

•

На быстро опустевшем дворе рядом с кипами хлопка стоял фабричный инспектор Эндер и не отрываясь смотрел вслед удалявшимся прядильщикам. Презрительные взгляды, которыми окидывали его проходившие мимо рабочие, причиняли ему боль. Он был слишком потрясен и не знал, как ему поступить. Но что-то делать надо – это он хорошо понимал. Увидев Каттла и Кроссамладшего у входа в контору, он быстрыми шагами направился к ним. Кросс предпочел немедленно скрыться, но Каттл спокойно

поджидал фабричного инспектора.

– Вы немедленно отмените приказ об увольнении стачечного комитета! – крикнул он Каттлу.

Тот только усмехнулся в ответ, заявив:

– Мы чрезвычайно признательны вам за ваши усилия, господин инспектор Эндер, однако в том, как поступать с подстрекателями, мы уж как-нибудь сами разберемся. Тут мы не нуждаемся в ваших советах.

Эндеру кровь бросилась в голову.

– Вы заманили меня в ловушку!

Каттл пожал плечами:

– Я делал только то, что было в интересах фирмы.

– Вы же дали мне полномочия вести переговоры!

– Небольшая военная хитрость, – ответил Каттл, и легкая улыбка скользнула по его губам. – Иначе вы вряд ли согласились бы выступить.

Губы Эндера дрожали. Собрав все силы, он подавил волнение и почти спокойно сказал:

– Теперь я хорошо понял вас и знаю, что мне надо делать.

Оставив начальника личного состава у дверей, инспектор поспешил за выходившими из ворот рабочими.

На вопрос, где найти Робина Клинга, ему ответили презрительным взглядом. Но тут Эндер заметил Билли и Джека, которые как раз поднимали старика Келлинга на носилки. Около них с самым невозмутимым видом стоял Портовый Хенни. Подойдя к ним, Эндер спросил:

– Вы тоже из рабочих?

Джек кивнул.

– Ты можешь передать записку стачечному комитету? Но надо, чтобы она непременно до полудня попала к ним в руки.

Джек переглянулся с Билли. Тот смерил Эндера мрачным взглядом.

– Будет сделано, – ответил Джек. – Где ваша записка?

– Одну минутку. Мне ее надо еще написать. – Эндер вырвал листок из блокнота, быстро набросал несколько слов, сложил листок и передал Джеку. – Я могу быть уверен, что поручение будет исполнено? – спросил он.

– Можете!

•

Неподалеку от фабрики рабочие стояли группками и горячо обсуждали возможности продолжения борьбы, тут же собирая

деньги в стачечный фонд. Когда Робин, Бен и Бернер тоже хотели внести свою долю, один из рабочих сказал:

– С вас мы возьмем только после того, как выиграем стачку.

Бен торопил:

– Пошли скорей! Возьмем с собой по одному человеку от каждой группы, и айда в мою каморку!

Вскоре все собрались в каморке у Бена Коллинза. Прежде всего предстояло обсудить вопрос о создании нового стачечного комитета.

– Рассчитывать на кого-нибудь из смены Макферсона, пожалуй, трудно, – сказал Бернер, – на этих они теперь навалятся всеми силами!

– И все-таки надо! У нас впереди еще вторая половина сегодняшнего дня и воскресенье. Мы вполне успеем с ними поговорить. Да и ночью можно, – решительно сказал Робин.

Бен предложил напечатать листовку.

– На Ливерпуль-стрит у нас есть хорошие ребята. Они нам сегодня же отпечатают. А нашей смене поручим тайком доставить их в понедельник на фабрику и распространить среди рабочих.

Тут в комнатку ворвался Джек с запиской Эндера. Робин пробежал ее глазами и сказал, облегченно вздохнув:

– Это нам поможет. Слушайте! – Он громко прочел: – «Стачечному комитету! Я получил от администрации фабрики полномочия вести переговоры с рабочими и приступил к ним в твердой уверенности, что переговоры являются наилучшим выходом для обеих сторон. Но теперь я знаю, что меня преднамеренно ввели в заблуждение и использовали для того, чтобы внести раскол в ряды рабочих. Я глубоко сожалею, что повредил вашему делу. Ваша борьба за пересмотр рабочих контрактов вполне справедлива. Они давно нуждаются в изменении. Томас Эндер, фабричный инспектор».

Лица рабочих посветлели. Робин сказал:

– Думаю, неплохо будет, если мы заявление Эндера используем в листовке. – Он подозвал к себе Джека: – Слушай, все эти дни нам понадобится помощь грачей.

– А мы всегда готовы, – обрадовался Джек.

– Хорошо бы поскорей известить моего брата Джо. Передай ему, чтобы он шел сюда сразу же после смены. Ни сегодня, ни завтра мне не удастся побывать дома. Во что бы то ни стало надо создать новый стачечный комитет. А Джо пусть уведомит отца.

– Будет сделано! – воскликнул Джек. – Мы тут, где-нибудь поближе, устроим штаб-квартиру. А я буду курьером.

•

Временную штаб-квартиру грачи устроили в одной из подворотен, в глубине лабиринта переулков, где обычно проходил воскресный базар.

Оливеру поручили привести туда Джо. О событиях этого утра Оливер только и знал, что стачечный митинг не удался и комитет уволен. Но об этом Кинг своему брату сам расскажет. Поэтому Оливер по дороге в штаб-квартиру весело тараторил об успешной операции на «распродаже барахла» и не переставая отпускал всякие шуточки но адресу Телят-близнецов, которые-де теперь разодеты так, что стали походить на джентльменов.

Но Джо плохо слушал его, и конец пути они прошли молча. В подворотне они застали только Билли. Джек был в бегах, ведь он теперь курьер. Оливер немедленно смылся, решив раздобыть что-нибудь съестное.

– Мне надо сейчас же поговорить с Робином, – сразу заявил Джо, поздоровавшись с братом.

Билли покачал головой.

– Подожди еще часок. Надо сперва обсудить все как следует. Джек скоро вернется, Хенни и близнецы тоже вот-вот должны подойти… Нынче утром тут заваруха была! Я тоже участвовал.

– Ты? – удивился Джо.

Билли кивнул:

– И грачи мои тоже.

Кинг без всякого хвастовства и самодовольства рассказал о событиях минувшего утра в полной уверенности, что наступила лишь передышка, борьба будет продолжаться и в ближайшие дни рабочие победят. Поэтому он, не подумав, сообщил брату и об увольнении руководителей забастовки.

Джо в ужасе отпрянул.

– Уволили? И Робина нашего уволили? Да как же я об этом отцу скажу? Он ведь нам это сразу предсказал.

– Предсказал?

Сперва запинаясь, но затем все более горячо Джо передал брату вчерашний разговор отца с Робином.

Билли был потрясен. «Я ведь несправедлив был к отцу, – думал он. – Считал его тряпкой. А он был вожаком рабочих, и его отец, наш дед, тоже. И братья были бунтарями. Все они боролись, все Клинги… А я?» Вдруг он спросил, и в голосе его слышалось глубокое волнение:

– Но почему же отец никогда ничего не рассказывал нам об этом?

– Потому… – Джо задумался. – Наверно, не хотел, чтобы Робин пошел по тому же пути. Ведь с тех пор как отец перебрался в Лондон, он подолгу нигде не работал. Хозяева всегда

дознавались, кто он такой, и первым увольняли его.

Билли долго молчал.

– Да, уж теперь нам трусить не к лицу, брат, – сказал он. В словах его звучала твердая уверенность. – А отцу так и передай: борьба продолжается и мы добьемся победы. Я знаю, он поймет нашего Робина, обязательно поймет. Ведь отец сам был таким же смельчаком.

В подворотне показался Оливер. В руках он нес хлеб, лук и морковь. Немного погодя прибежал Хенни с близнецами. Кое-как поев, они заспорили, кому первому рассказывать. Билли коротко разрешил спор:

– Джим Теленок оставался на фабрике. Пусть говорит, что там было.

– Ребятишки там молодцы! – весело доложил Джим. – Когда надзиратели стали искать парня, который пальнул в Очкастого Черта, они меня даже спрятали. Ну, скажу я вам, разукрасил наш Хенни Очкастого! Я сам его видел. Носище красный, будто раскаленный паяльник, а из глаз все еще капало.

Все с восхищением смотрели на Хенни.

– А как ты оттуда выбрался, Джим? – расспрашивал Кинг.

– Да с полчаса подождал, а потом улизнул через другие ворота.

Эдди добавил:

– Мы с Хенни дождались его. А как окончилась смена, мы еще поговорили с ребятами из прядильного цеха.

Кинг нетерпеливо спросил Хенни:

– Ну и как?

– Если взрослые будут хотя бы наполовину такими боевыми, как малыши, на следующей неделе все пройдет гладко, – спокойно ответил Хенни.

А Джек добавил:

– И я так думаю. Стачечный комитет выпускает листовку, и, если в понедельник она попадет на фабрику, во вторник утром все пойдет как по маслу.

Все грачи были того же мнения. Даже Оливер одобрительно кивнул. Но Джо покачал головой:

– А вы соображаете, что́ говорите? Знаете, что́ там утром в понедельник у ворот твориться будет? Небось всех обыскивать станут. Они же с Паркер-стрит вызвали на подмогу еще нескольких надзирателей! Мне Энди сказал. Как же листовка попадет на фабрику?

Грачи озабоченно переглянулись. Они хорошо понимали: надзиратели не должны найти ни одной листовки.

– Даже если листовки попадут на фабрику, – вслух

размышлял Джо, – новых комитетчиков рабочие не очень-то послушаются. Вот если бы Бернеру и Робину и еще Бену удалось пробраться туда!

Грачи призадумались. Вдруг Кинг спросил:

– Послушай, Хенни, а как вы сегодня утром попали на фабричный двор?

– С другой стороны. Они там с шести утра уголь завозят. Через задние ворота, прямо в котельную. – Хенни улыбался во весь рот. – Я как увидал – сразу шасть на фуру и лицо углем вымазал. А Джим то же самое на второй фуре проделал.

Грачи развеселились. Да, уж на такие дела Хенни мастер!

Билли вдруг звонко рассмеялся, глаза загорелись.

– Доставим листовку! Но Джо верно говорит: этого мало! Я знаю, что́ мы посоветуем комитету. Пусть Джо передаст наше предложение. Слушайте внимательно!

Прошло всего несколько минут, а грачей как подменили! Слышался смех, свист. Хенни, надвинув капитанскую фуражку на лоб, крикнул:

– Вот здорово будет! Но я за чистую работу! Надо сегодня еще раз сходить туда, поглядеть, как и что.

Оливер тоже решил присоединиться к Кингу и грачам. Их ожидало настоящее приключение, а вовсе не «мура», как он сперва подумал.

Джо, поднимаясь вместе с Джеком в каморку Бена, теперь забыл обо всех своих страхах – уверенность грачей передалась и ему.

•

Прошло несколько дней. Отправившись с утра в библиотеку, Маркс встретил по дороге инспектора Эндера. Тот сразу же заговорил о волнующих событиях в Уайтчапле и о новом выступлении рабочих во вторник, заставившем капитулировать фирму «Кросс и Фокс».

– Робин Клинг возглавлял стачечный комитет? – переспросил Маркс. – Рассказывайте, рассказывайте!

Они медленно расхаживали взад и вперед, порой Маркс останавливался. Ему надо было знать все до мелочей, и он подчас задавал такие вопросы, на которые Эндер не знал, как ответить. Зато он очень подробно описал Марксу свое столкновение с Каттлом и Кроссом. Рассказывая о позорной роли, которую ему уготовили хозяева прядильни, молодой инспектор не переставал возмущаться.

– Нет, вы подумайте, какая низость! Так использовать мой честно заработанный у рабочих авторитет! Поставить меня в такое положение! Положение…

– Это ваш первый опыт. Но не последний. Когда дело идет о прибыли, фабриканты шагают по трупам. Неужели вы думаете, что их остановит даже самая незапятнанная репутация фабричного инспектора!

Мрачно глядя перед собой, Эндер покачал головой.

– И все-таки, уважаемый доктор Маркс, существует же самая элементарная порядочность! Но этот Кросс, этот Каттл – это же… это же…

– …к сожалению, не исключение, – прервал его Маркс. – Припомните, как несколько месяцев назад мы с вами после ночной инспекции на Паркер-стрит возвращались домой. Тогда вы считали, что для вас лучше всего не становиться ни на ту, ни на другую сторону. Более того: вы полагали, что фабричный инспектор скорее принесет пользу рабочим и хозяевам, если у него есть друзья среди самых различных слоев. И среди чартистов, и среди либералов, и среди консерваторов, и… среди коммунистов.

Некоторое время они молча шагали рядом. Эндер припоминал. Да, да, примерно так он тогда и говорил: если ты намерен занять действительно справедливую позицию, ты обязан находиться между фронтами. Маркс возразил ему не без сарказма: между классовыми фронтами стоять нельзя, между классовыми фронтами можно только колебаться.

Маркс прервал ход его размышлений:

– Что же было дальше? Требования их удовлетворили? А трех руководителей стачки приняли снова на работу?

– Предполагаю, но окончательной уверенности у меня нет. – Эндер рассказал о листовке, весьма хитроумным путем попавшей на фабрику, и с удовлетворением добавил: – Забастовочный комитет использовал в листовке и мои слова.

– На сей раз вы приняли правильное решение! – воскликнул Маркс. – Для честного человека нет ничего отвратительней, как видеть, что искренние его намерения и благородные цели искажаются до неузнаваемости. Тут можно сделать только одно: надо разорвать коварно сплетенные сети и выйти на открытый суд общественности. Вы так и поступили. Поздравляю вас!

Эндер облегченно вздохнул. Похвала умного и столь уважаемого им человека была ему приятна.

– Как только я узнаю что-нибудь новое, – сказал он, – я извещу вас. А теперь позвольте мне откланяться. Вон подъезжает мой омнибус. Прощайте!

Маркс стоял на оживленной Оксфорд-стрит и, глядя вслед удалявшемуся омнибусу, думал: «Робин Клинг! Хороших ребят воспитал прядильщик Эдвард Клинг. Непременно надо будет познакомиться и со старшим. Впрочем, почему бы не сделать это уже сегодня?»

Возвращаясь из Британского музея, Маркс завернул в Грачевник. Однако перед домом, где жили Клинги, он остановился в нерешительности: в этот час он застанет Эдварда Клинга за ненавистной чинкой и штопкой. Да, пожалуй, заходить не стоит. Маркс тут же набросал несколько строк Робину.

Примерно час спустя пришел Робин и очень обрадовался, когда отец, подмигнув, вручил ему записку. «Какие дни наступили! – думал он. – Борьба в Уайтчапле завершилась победой. Отца не узнать. И сам Карл Маркс хочет со мной встретиться».

Джо тут же послали на Дин-стрит, чтобы договориться о встрече через день у Бена Коллинза. Вечером Робин еще долго беседовал с отцом.

Когда Робин на следующий день пришел к Бену, он оторопело остановился в дверях: в комнате оказались не только Бен, Бернер и Макферсон, но и все пять членов расширенного стачечного комитета. И среди них сидел Маркс. Неужели они уже всё рассказали ему?

Маркс поднялся и, протянув руку, приветствовал его словами:

– Вы Робин Клинг? Конечно, тут не ошибешься. Семейное сходство! Я тоже только что пришел. Кое-что о вашей борьбе в бумагопрядильне мне уже известно от инспектора Эндера. Но теперь рассказывайте со всеми подробностями.

Рабочие уселись поближе друг к другу, чтобы освободить место. Робин мог уже начинать свой отчет. Но как? Что уже знал Карл Маркс? Робин волновался даже больше, чем перед своим выступлением на фабричном дворе.

– Мы ведем борьбу за пересмотр рабочих контрактов… – сказал он тихо.

Но постепенно голос его зазвучал уверенней. Робин кратко изложил весь ход подготовки к стачечному митингу. И, чем дольше он говорил, тем легче было ему.

Маркс умел хорошо слушать. Робина окрылял пытливый взгляд человека, написавшего «Манифест», и речь его делалась все живей. Он рассказал о том, как прядильщики не дали себя запугать и после увольнений с еще большей решимостью выступили во второй раз.

Марксу понравился старший сын Клингов. Он видел в нем

настоящего рабочего вожака. Молодого, задорного. Ведь они всё продумали, каждый свой шаг. И первая неудача не сбила их с толку. Самые смелые и решительные увлекли за собой колеблющихся и нерешительных.

– И все же я сделал большую ошибку, непростительную ошибку, – продолжал Робин. – Мне было поручено выступить. Я знал, как мне убедить рабочих. У меня были неотразимые доводы. Все слушали меня. И вот я на какое-то мгновение успокоился, позволил выступить фабричному инспектору! А этого ни в коем случае нельзя было делать! Если бы я не сплоховал, мы бы одержали победу еще в субботу.

Маркс положил свою руку на руку Робина:

– Я хорошо понимаю вас. Но на таких ошибках учишься больше, чем когда все сходит гладко. Заранее рассчитать и предвидеть все невозможно. В трудном положении важно сделать правильно следующий шаг. И это вы поняли превосходно. Отличная мысль – вывести всех рабочих со двора организованно!

Когда Бен сообщил о листовках, которые печатники на Ливерпуль-стрит отпечатали в субботу, оставшись после смены, Маркс сказал:

Блистательная идея – использовать в листовке слова фабричного инспектора. Лучше не придумал бы и опытный политик.

Робин даже покраснел. Он робко заметил:

– И все таки мы чуть было не провалились! Ведь задача заключалась не только в том, чтобы в понедельник утром доставить листовки на фабрику и после гудка раздать их рабочим ночной смены. Нам надо было еще усыпить бдительность хозяев. Поэтому до начала нашего выступления ни одна листовка не должна была попасть к ним в руки. Удар надо было нанести совершенно неожиданно. И таким образом добиться того, что́ мы упустили в субботу.

Маркс кивнул:

– И вам действительно удалось переправить листовки в понедельник утром?

– Нет, утром у нас ничего не вышло. Они мобилизовали всех надзирателей и даже вызвали нескольких с Паркер-стрит. Хотели в зародыше задушить всякую агитацию, в том числе и в прядильных цехах. Двор охранялся и ночью. Однако мы нашли способ доставить на фабрику не только листовки, но и Бена и меня. Угольные фуры!

Маркс переводил взгляд с Робина на Бена.

– Вас обоих? На фабрику? Под углем? – Он рассмеялся. – Фирма «Кросс и Фокс» доставила руководителей забастовки в

собственном экипаже прямо на фабрику! Фура с углем сыграла роль Троянского коня! Вот это я называю военной хитростью!

Маркс никогда не упускал возможности сообщить своим слушателям что-нибудь ценное, и он тут же, обращаясь ко всем, спросил:

– Но вы, должно быть, не знаете мифа, в котором говорится о Троянском коне? – А затем коротко рассказал, как троянцы сами подготовили свое поражение. Они втащили в Трою огромного деревянного коня хитроумного грека Одиссея, в котором укрылись самые храбрые из греческих воинов.

Подчеркнув значение военной хитрости в классовой борьбе, Маркс, улыбаясь, сказал Робину:

– Это была блестящая идея!

Робин смутился. Разве мог он тут, перед всеми, рассказать, кому пришла в голову эта идея и кто помог ее осуществить? Допустимо ли прибегать к помощи таких союзников? Но в конце концов он решительно заявил:

– Все это придумали грачи. Я говорю о ребятах из шайки грачей. Вы ведь их знаете?

– Грачи? – Маркс был крайне удивлен. – Неужели они объединились с вами? Или это вы объединились с ними?

– То, что Билли, мой брат, организовал эту… шайку и стал ее «кингом», угнетало не только отца и мать, но и меня. Однако в последнее время у Билли снова появился интерес к нашей борьбе. – Робин, который до этого говорил, глядя куда-то в сторону, теперь посмотрел Марксу прямо в глаза. – Мне кажется, что, с тех пор как на фабрике пропали кружева и после всех событий, вызванных этой пропажей, а главное – после разговора с вами, Билли изменился, с ним что-то происходит.

– Значит, это Кинг! Удивительное дело! Рассказывайте, рассказывайте, Робин! – настаивал Маркс.

– Грачи нам помогли. Даже очень. Фуры для доставки угля, на которые мы так рассчитывали, в тот понедельник, как нарочно, не возили уголь в прядильню.

– Да что вы говорите! – воскликнул Маркс. – И как же вы вышли из положения?

Робин переглянулся с Беном и Бернером. Те улыбались.

– Мы уговорили грузчика угля принять участие в нашей операции, – продолжал свой рассказ Робин. – Ну так вот. Его ребята в тот день возили уголь на другую фабрику. За них на погрузку встали Билли и Джек. А для меня и Бена сколотили из досок нечто вроде шалашей в каждой фуре. Там мы и спрятались, прихватив с собой листовки. Потом нас сверху завалили углем. У ворот угольщик сказал вахтеру, что на этот раз он и в

понедельник будет возить уголь. Все должно было сойти гладко: Билли и Джек так вымазались угольной пылью, что их невозможно было узнать.

– А у меня все-таки кошки на душе скребли, – вставил Бернер. – Хоть задние ворота и открыли сразу, но к ним тут же подбежал Очкастый Черт – должно быть, решил сам все проверить. Однако как раз в эту минуту трое других грачей предприняли смелый маневр, чтобы отвлечь его внимание. Они стали перелезать через высокий каменный забор, делая вид, будто хотят пробраться на фабрику. А один из них – кажется, это был Хенни – уже залез наверх и сидел на гребне, утыканном битым стеклом. – Усмехнувшись, Бернер покачал головой. – Правда, пострел подложил мешок. Но что бы там ни было, а ребята правильно рассчитали. Как только надзиратели узнали в парнишке, сидевшем верхом на стене, того самого, который в субботу выпустил в надзирателя целый заряд перца, они стали громко звать Белла. Тот чуть не спятил. Ну, а покуда надзиратели бегали за Хенни, наши парни, те, что разыгрывали из себя угольщиков, преспокойно проехали через ворота и сдали кому следовало Бена и Робина вместе с листовками.

– Великолепно! – воскликнул Маркс, громко смеясь. Смеялись и все остальные. Весело, по-мальчишески Маркс хлопнул рукой по столу и добавил: – Так, значит, на этот раз грачи ничего не стащили, а напротив – втащили.

Робин сначала тоже смеялся, но вдруг на лице его снова появилось озабоченное выражение. Заметив это, Маркс серьезно сказал:

– Хорошо, что вы решили привлечь грачей. Это поможет им понять, где их настоящее место.

Робин с благодарностью взглянул на Маркса, затем продолжил свой рассказ:

– Все остальное прошло у нас хорошо. До конца смены мы просидели в угольном бункере в котельной, а тем временем листовки уже начали оказывать свое действие. Когда мы незадолго до конца ночной – шести еще не пробило – неожиданно оказались среди рабочих, все бурно приветствовали нас. Не прошло и нескольких минут, как рабочие обеих смен заполнили весь двор. Тут же было принято решение о стачке. Ну, а затем мы оба с Макферсоном и еще тремя рабочими заявились к Кровососу. Того как громом поразило. Каттл с радостью приказал бы арестовать меня и Бена, но, выглянув во двор, они с хозяином прекрасно поняли, что игра их проиграна. Они согласились на все наши требования. И нас троих им пришлось снова принять на работу. – Робин вытер пот со лба. – Ну да! Потом-то все кажется

очень просто, но кое-чего это стоило: сколько страху мы натерпелись, сколько было всяких сомнений, недовольства собой! Долго я на фабрике у этого Кровососа не продержусь, это ясно. Он воспользуется первым же предлогом, чтобы меня вышвырнуть.

Маркс некоторое время молча смотрел на Робина, потом сказал:

– Тогда вы отдадите все свои силы тред-юнионам. Там вам очень пригодится ваш опыт борьбы, и вы передадите его другим.

Такая оценка Мавра преисполнила Робина гордостью. Но заслужил ли он ее? Созрел ли он уже для роли настоящего вожака?

А Марксу нравилось, что Робин ничего не решал сплеча, а все основательно обдумывал.

Рабочим надо было спешить – они работали в ночную смену. На улице Маркс и Робин молча шагали рядом. Наконец Маркс спросил:

– Ну, а ваш брат? Что будет с Билли?

– Думаю, он вернется к нам. Он очень гордится нашим младшим братишкой Джо. Ну, быть может, немного и… мной. Но Билли не хочет расставаться с Джеком, я его вполне понимаю. Да и грачей своих он не хочет бросать. Вот почему я его не тороплю.

– А его надо торопить, – серьезно сказал Мавр. – Теперь не давайте ему передышки. Разумеется, о его друге Джеке тоже надо позаботиться. Это превосходный парень.

– Джека хочет взять к себе Бен Коллинз, – ответил Робин. – Он там и жить может, это мы уже с Беном обсудили. Правда, сам-то Джек об этом пока еще ничего не знает.

«Тамерлин»

Февраль принес с собой дожди, изо дня в день заливавшие улицы и площади города. По немощеным переулкам лондонских трущоб местами нельзя было пройти, подвалы затопило. Но, когда солнце наконец пробилось сквозь завесу туч и с поистине весенней щедростью одарило своим теплом все вокруг, люди вновь поверили, что его-то никогда не затопит и не зальет и что оно готово доставить им хоть немного радости.

Впервые в этом суровом и безрадостном году Мэми вывела детей на прогулку. Только Лаура осталась дома. После длительной, сопровождавшейся осложнениями простуды ей еще не разрешали выходить. Ленхен, воспользовавшись случаем, приступила к большой уборке. Когда она добралась до кабинета Мавра и стала там вытирать пыль, ей попалась под руку серая картонка, и у Ленхен ноги подкосились от ужаса.

Почему коробка такая легкая?

Ленхен сняла крышку. Пусто! «Тамерлин» исчез. А это что? Залоговая квитанция!

Ленхен Демут опустилась на стул. «Тамерлин» заложили и даже слова не сказали!.. Она взглянула на квитанцию: 28 января! Это когда она слегла и металась в жару. Да, да, вся семья тогда болела! В доме не было ни пенни. Что ж, вот они и отнесли шкатулку. Но как же так? Всего за десять шиллингов? Десять шиллингов! Нет, это невозможно! Такую редкую вещь, семейную драгоценность Вестфаленов, с двумя настоящими камнями! Это немыслимо! Сердце Ленхен стучало, как молоток. Слава богу, срок еще не прошел. Обычно ведь всегда закладывали на месяц. Но надо немедленно выкупать. Сегодня ведь уже 28 февраля. Мавр вернется поздно. Нет, его нельзя дожидаться.

– Лерхен!

Бледная и худая после долгой болезни Лаура вошла и сразу увидела открытую картонку из-под шкатулки и расстроенное лицо Ленхен. Девочка задрожала. Сбивчиво, с трудом вспоминая, как было дело, она рассказала все, закончив словами:

– Ты ведь его знаешь, Ленхен. Это Джо. И Мавр его хорошо знает. Джо обязательно принесет деньги. Он обещал. Вот мы и выкупим «Тамерлин» из дома с тремя золотыми шарами.

Лицо Ленхен мрачнело все больше и больше.

– Почему же ты об этом раньше ничего не сказала?

– А я… я забыла.

Ленхен, тяжело дыша, стояла посреди комнаты. Неужели бранить девочку за то, что она хотела помочь? Месяц назад,

наверно, и не было другого выхода. Конечно, не было, раз даже Мавр, когда она его спросила, с улыбкой отмахнулся. «Видишь, все мы живы, Ленхен, и земля по-прежнему крутится вокруг своей оси». Стряхнув с себя оцепенение, Ленхен сняла фартук, трясущимися руками надела шляпу и сунула квитанцию в кошелек.

– Ты уходишь, Ленхен? Не оставляй меня одну!

– Мне обязательно надо уйти, Лаура, маленькая моя Лерхен! И как можно скорей. Нужно продлить залог, понимаешь? – Ленхен очень хотелось выкупить «Тамерлин», но где взять одиннадцать шиллингов? – А ты садись, решай задачки. Через несколько дней тебе вместе с Женни снова идти в школу, а сколько ты пропустила! Если постучат, не отворяй! Я запру тебя снаружи.

И вот Ленхен уже стоит в лавке на Друри-лейн перед ростовщиком, по прозванию Крысиный Ус.

– А-а-а! Мисс Демут! Что же вы пришли так поздно? Бог ты мой! Как же вы могли пропустить срок?

– Срок? Пропустить? – пролепетала Ленхен. – Но сегодня ведь только двадцать восьмое февраля!

– Проценты уплачены за четыре недели, – проскрипел Крысиный Ус. – Ваш срок истек двадцать пятого. Вот видите, здесь значится – четыре недели. А считаете вы отлично, моя дорогая. Кто-кто, а я это знаю…

Кончики его усов вздрагивали. Покачивание головой должно было изображать озабоченность и сострадание. Его гнусный расчет оправдался. Когда перепуганные дети стояли перед ним с драгоценной шкатулкой в дрожащих руках, он сказал им, чтоб они приходили через месяц, а квитанцию выписал только на четыре недели. Большинство людей попадалось на этот подлый трюк и опаздывало на два-три дня.

Елене Демут показалось, что она летит в бездонную пропасть. Когда она вновь открыла глаза, ростовщик уже разговаривал со следующим клиентом. Она возмущенно воскликнула:

– Нет, вы еще не кончили со мной, мистер Уайтмен! Не хотите же вы сказать… я имею в виду… Ведь шкатулка должна быть еще… – Она протянула руку к зарешеченным стеллажам и бессильно уронила ее.

Все было тщетно. Ленхен поняла это по прищуренным глазам оценщика. «Тамерлина» здесь уже нет!

– Мисс Демут, вы же не новичок, – сказал Крысиный Ус сладеньким голосом. – Вам отлично известны правила заклада. Пропустили срок – и вещь реализуется. К тому же такая прелестная шкатулка… – Он закусил губу. – Я хотел сказать, на

подобную антикварную вещицу покупателей хоть отбавляй. Да и складских помещений у нас не хватает, чтобы неделями хранить всякий хлам…

Хлам! Ленхен готова была вцепиться подлецу в горло. Как отвратительно он смотрит на нее, мерзкий ханжа!

– Вы хорошо знаете, что это драгоценная вещь, произведение искусства! К тому же семейная реликвия. Настоящие камни и слоновая кость.

Ленхен не могла больше вымолвить ни слова и опустилась на скамью. Ожидавшие своей очереди посетители не обращали на нее никакого внимания. Подобные сцены были здесь в порядке вещей. Ленхен уронила голову на руки и зарыдала.

Крысиный Ус преспокойно протирал стекла очков. Потом кашлянул.

– Надеюсь, вы несколько успокоитесь, узнав, что у меня приготовлена для вас значительная сумма. (Ленхен поднялась и подошла к прилавку.) Шкатулку оценили в тридцать пять шиллингов. Столько и выручено за нее на аукционе. Прошу вас расписаться. Десять шиллингов вы получили двадцать восьмого января. Один шиллинг – процент заклада. Остаток в двадцать четыре шиллинга выплачен сегодня. – Метнув взгляд на стоявших в очереди клиентов, он добавил: – Мы солидное предприятие. Не в наших обычаях обогащаться на чужой счет.

Ленхен взяла себя в руки.

– И вы хотите меня уверить, будто шкатулка стоит меньше двух фунтов? – Горько усмехнувшись, Ленхен добавила: – Ей цена добрых десять – пятнадцать фунтов, а то и двадцать, если не больше. Точно я не знаю.

– Возможно, возможно, уважаемая, однако это нас не касается. Мы не ювелирный магазин, мы ломбардное заведение. Имеем дело с малыми суммами. Получите деньги, и прошу вас более меня не задерживать. Распишитесь.

– Скажите мне хоть, где был аукцион? Куда мне обратиться, чтобы выкупить шкатулку!

– Весьма сожалею. – Ростовщик облизнул потрескавшиеся губы. – Аукцион состоялся вчера. Доступ, как известно, свободный, людей там было много, много и антикваров, ювелиров разве всех упомнишь! Поздно вы спохватились… Следующий, прошу!

– Нет вы обязаны назвать мне имя аукционщика…

– Ничего я не обязан. Да и бесполезно все это. Шкатулка пошла с молотка. Впрочем, раз вы при деньгах, уважаемая мисс, у меня на полках хранится несколько невыкупленных вещей доктора Маркса.

Ленхен задыхалась. Она с трудом собрала монеты. Нет, она должна немедленно сообщить все Мавру. Быть может, он с помощью суда добьется возврата шкатулки. Ах, Лерхен, Лерхен, какая беда свалилась на нас!

•

Между тем на Дин-стрит Джо стоял перед запертой дверью и через замочную скважину переговаривался с Лаурой. Увидев поднимающуюся по лестнице мисс Демут, он сразу подумал: что-то случилось!

Но, сколько Ленхен ему ни объясняла, Джо никак не мог взять в толк: ведь он вовремя принес одиннадцать шиллингов, значит, шкатулку можно сегодня же выкупить. Да Ленхен ни в чем его и не винила. Она сказала:

– Уж я-то знаю этого мистера Уайтмена. Это самый вероломный, я хочу сказать – самый отпетый негодяй во всем Лондоне. У сатаны легче вымолить отсрочку. Нет, тут уж ничего не поделаешь!

Джо грустно смотрел на плачущую Лауру. Они же старались помочь! Обращаясь скорее к себе самому, он сказал:

– Но ведь шкатулка к кому-то попала! – Лаура кивнула. – Надо в лепешку расшибиться, а узнать, к кому.

– Я уже пыталась узнать, – упавшим голосом сказала Ленхен. – Все напрасно.

– Ну, а теперь я попробую. Не один, конечно. Грачи мне помогут. Мой брат Билли. Грачи знают все ходы и выходы.

Джо как мог успокоил Лауру, а затем сразу же поехал в доки.

•

На этот раз дорога в порт и к «Пьяному киту» показалась Джо особенно длинной. Месяц назад грачи не могли дать ему взаймы даже десять шиллингов, так на что ему надеяться сейчас? Высмеют, только и всего. И в первую голову – Оливер и Хенни. Скажут: «Какое нам дело до шкатулки твоего мистера Мавра. На ней не разживешься!» Вот Билли и Джек – те поймут его. Но что они могут сделать? Шкатулки ведь им не найти. Правда, он только что сам утешал Лауру: грачи, мол, все могут, знают все ходы и выходы. Сказать-то это было легко. Джо горестно вздохнул. Дал слово – держись.

Простояв довольно долго перед входом, но так и не

дождавшись никого из грачей, Джо заставил себя перешагнуть порог «Пьяного кита». Одноглазый хозяин, прижав палец к губам, толкнул его за сальную занавеску и шепотом спросил:

– Ты его брат, что ли? Ну да. Так вот, слушай внимательно.

К своему ужасу, Джо узнал, что грачи «улетели». Вернее, им пришлось «улететь». Полиция их разыскивает. От страха лицо Джо побелело. Хозяин успокаивал:

– Да нет же, говорю: чуть было не накрыла! А «чуть было» не считается. Кинг парень тертый! Грачи смылись вовремя, как в воду канули. – Он осклабился. – Легавым их не поймать. – Хозяин отдернул рваную занавеску и объяснил Джо дорогу к новому пристанищу грачей. – Из Лондонских доков держи прямо на «Табачную трубку». Знаешь ведь? А уж там прошмыгни незаметно. Сразу позади двух пакгаузов стоит «Голубой сарай». Там-то они и свили себе новое гнездо.

Хозяин «Кита» объяснил Джо, какой ему подать знак, и выпроводил его через черный ход.

Всю дорогу у Джо дрожали колени. Грудь давило. «Чуть было не накрыли! А я опять с таким делом иду к Билли!»

Начало смеркаться. Над кузницами верфей веером рассыпались искры. Джо вздрагивал от каждого удара молота, грохота упавшего стального листа. Наконец он добрался до двух пакгаузов.

Место глухое. Но где же «Голубой сарай»? Может, это вон та деревянная лачужка? Что-то на голубую не похожа! Вот бочка под желобом, может, и была когда-нибудь вымазана голубой краской. Сейчас она стояла желтой каймой кверху. Значит, грачи в сборе. Джо три раза подряд бросил камешком в стенку будки. Долго все оставалось тихо. Наконец, словно из-под земли, показалась голова Джима Теленка. Он поманил Джо, и они вместе спустились на несколько ступенек, а потом пролезли в коридор, вход в который был завален какой-то рухлядью.

Грачи приветствовали Джо громкими криками. И вид у них был совсем не запуганный. Напротив, они были куда разговорчивей, чем обычно. Да и лачуга внутри выглядела далеко не так неприглядно, как снаружи. Здесь было даже уютно. Все щели в дощатых стенах грачи заделали. На гвоздиках аккуратно висели всевозможные «трофеи» и предметы одежды. Сами грачи разместились на ящиках. Было здесь и что-то вроде очага, в котором чуть тлели угли – большой-то огонь разжигать было, вероятно, опасно. Рядом стояли помятые кастрюли, кружки, миски.

Билли сразу понял, что с братом творится что-то неладное. Он тут же напустил на себя веселый, беззаботный вид:

– Каким это ветром тебя к нам занесло, братишка? Садись, устраивайся как дома. Месяца не пройдет, и мы перекочуем на свою летнюю дачу в Ислингтон. Там, видишь ли, не все еще отделано. А пока мы на временной квартире.

– Зато надежной! – вставил Хенни. – Пойдем, покажу тебе запасной выход. – Он подмигнул. – Главное в лисьей норе – это выходы.

В углу довольно просторной комнаты Хенни поднял крышку люка, и Джо заглянул в узкий, подземный ход.

– Ведет прямо в амбар. А там Эдди на страже стоит. – Хенни дернул за какую-то веревку, и немного погодя появился Эдди Телячья Ножка. Хенни махнул ему рукой и сказал: – Пробная тревога. Можешь оставаться тут. – Он похлопал Джо по плечу. – Понял?

Джо кивнул, но волнение все еще сжимало ему горло. Подойдя к Билли, он перевел дух и произнес сдавленным голосом:

– Хорошо, что вы все тут вместе. А хозяин «Кита» сказал, будто один из вас погорел. Ну, что полиция его сцапала. – Он вопросительно посмотрел на брата.

– Это верно, – мрачно ответил Билли. – Бробби. Самый ловкий из нас. Завалился на продаже красок. Этот Лекарь-Аптекарь оказался не таким дураком, за какого мы его принимали. Натравил на нас полицию. Но у нас ушки на макушке: взяли да перекочевали на запасную квартиру.

Джек пододвинул Джо ящик.

– Да садись ты. Чего стоишь?

– Лекарь-Аптекарь – это тот, у кого вы лекарства… – начал было Джо, нахмурив лоб.

Кинг молчал. Джек ковырял кочергой в углях.

– Ну да. Разнюхал, что мы бочку пробуравили. А ты с чем пожаловал?

Нелегко было Джо рассказывать грачам о случившемся. Передавая им историю с закладом шкатулки, он заметил, что Оливер презрительно скривил рот, но потом вдруг вскочил, потер руки и весело рассмеялся.

– Что ж, значит, следующее дельце пойдет под девизом «Тамерлин»!

Билли и Джек удивились. Уж от кого-кого, а от Оливера они не ожидали никакого сочувствия. Должно быть, невдомек им было, что Оли всякое дело представлялось соблазнительнее, чем тупое выжидание в этой деревянной лачуге. Оливер мечтал поскорее выбраться из нее и снова побегать по городу.

– Денег у нас нет ни пенни, – сказал Кинг и, обращаясь к

Джо, добавил: – Хотели сорвать несколько фунтов, да они в Темзе утонули. Нам сказали, будто Бробби бросил банки с индиго в реку, когда понял, что ему все равно не уйти. Да голубое пятно на воде выдало его.

Грачи подавленно молчали.

Первым заговорил Джек. Он спросил, желая подбодрить товарищей:

– Как я вижу, вы не прочь еще раз выручить книжного доктора?

– А ты что думал? Мы тут будем киснуть, а Джо – сидеть в луже? Постараемся уж ради Джо, а не ради pro доктора, – хмыкнул в ответ Хенни.

– Да пусть его радуется, когда мы ему шкатулку вернем, – добавил Джек. – Но довольно трепаться. Куда же Крысиный Ус мог сплавить штукенцию с музыкой?

Грачи задумались. Кинг пристально обводил взглядом свою команду. Джим Теленок, который после стачки стал неузнаваем и казался самому себе не менее хитрым и изворотливым, чем благородный разбойник Робин Гуд, важно заметил:

– Эта проклятая штуковина где-то припрятана. Но мы ее разыщем. Будь покоен, Джо, на нас можешь положиться.

Покровительственный тон Джима Теленка разозлил Хенни.

– И на тебя особенно, Теленок! – съязвил он. – У тебя котелок здорово варит! Значит, ты берешься ее найти? А где?

– У какого-нибудь барахольщика. Мало ли их!

– А дальше?

– Дальше? Чего дальше? Сперва надо разнюхать, у какого.

Желая поддержать брата, Эдди сказал:

– Может, у какого-нибудь антикварщика или ювелира?

– Вот-вот! – обрадовался Джим и с горячностью продолжал: – Если каждый из нас потрется возле таких лавок со старым барахлом? Да по всему городу, а?

Эдди восторженно поддакивал брату. Наконец-то они выберутся из этого сарая! Да и припасы уже подходят к концу.

– Мозговитые у нас телята, ничего не скажешь! – усмехнулся Хенни. – А вы считали, сколько этих лавок по всему Лондону? Из теленка в старую корову превратишься, пока найдешь эту шкатулку!

Раздался дружный хохот. Смеялись и близнецы. Только Джо даже не улыбнулся.

От Кинга не ускользнуло мрачное настроение брата.

– Давайте, ребята, покумекаем, – сказал он, обняв Джо за плечи. – Не вешай носа, малыш! Самое главное – что мы все вместе навалимся на это дело. Ну, а болванов мы не держим, так

что уж до чего-нибудь докопаемся. У Теленка, правда, опыта маловато, но в одном он прав: на нас, грачей, положиться можно.

Джим с благодарностью посмотрел на Кинга.

Грачи долго держали совет. Что Крысиный Ус сбыл шкатулку, все понимали. В этом и была вся загвоздка. Билли подытожил:

– Кому он мог ее передать? Аукционщику. Ну, а какому? Такому, к которому полиция носа не сует. Почему? А чтобы подешевле оценить и побольше нажиться при продаже. Но, постойте, до этого мы еще не дошли! – Кинг попросил еще раз сказать, когда заложили шкатулку и когда истек срок выкупа. – Надо прежде всего разнюхать, где в последние дни состоялись аукционы. Предлагаю назначить ищейкой Хенни!

Хенни как стоял, так и сел. Даже ящик под ним треснул.

– Нашел себе ищейку! Давайте лучше отдубасим как следует эту крысу, и всё. Я так и предлагаю: затащить его в закоулок погрязней и окунуть его распрекрасные усы в хорошую лужу. Тут он нам все и выложит. Назовет, с кем он в паре обстряпал дельце. Если бы все было по-честному, он бы преспокойно сказал этой мисс… мисс… Как ее?.. Кто покупатель.

Джо кивнул ловкому пареньку:

– Правильно! Этому негодяю давно пора намылить крысиную рожу!

– Я тоже – за! – присоединился к ним Джек.

– А я – нет! – возразил Кинг, раскрыв ладонь и сжав ее снова в кулак. – Вы правы: этому навозному жуку надо бы смазать как следует, да много времени потеряем. Пришлось бы разыскивать, где он живет, узнавать, когда выходит из дому, один ли или с кем-нибудь. Нет, провозимся только. К тому же в ближайшие дни нам всей шайкой ходить по городу нельзя. Так что ничего из этого не выйдет. А я вот что думаю… (Все с нетерпением посмотрели на Кинга.) Послушайте-ка внимательно. Один из этих сквалыжников – назовем его Обдиралой – недавно предлагал нам работенку. Чтобы мы во время продажи с молотка всякие драгоценные вещицы прикарманивали, а потом сдавали ему, конечно, не задаром. Но мне неохота было встревать в такое дело. Да и Джек отсоветовал. А то протянешь такому типу палец, он всю руку заграбастает. Но это вовсе не значит, что мы брезгаем сами подставить ему ножку. Вот я и скажу ему, только для виду, конечно, что мы, мол, не прочь. Потом… Но это уж предоставьте мне. Я вам объясню, когда сам все обмозгую как следует. – Билли даже немного повеселел.

С некоторой надеждой пустился Джо в обратный путь. Многое из того, о чем говорили грачи, осталось для него непонятным. Но все они хотели прийти ему на помощь, и это его

ободрило.

Когда он на следующий день, уже ближе к вечеру, вновь пробрался в «Голубой сарай», все грачи были в превосходном настроении.

Билли радостно приветствовал его:

– Знаешь, братишка, можем снова летать на воле. Хозяин «Кита» дал знать, что никто за нами больше не гоняется. А во-вторых, дельце с этим Обдиралой завязалось. Оказывается, он сам ее перекупил. Ну, а так как у него, кроме шкатулки, еще полным-полно всяких вещиц, то он и оставил ее за мной – в награду за обещанную помощь.

– И шкатулка у тебя, Билли? – воскликнул Джо, сияя от счастья.

– Шкатулка? Что ты чушь несешь! След! Только след ее, понял? А след – это уже очень много. Да и не запутанный он совсем. Обдирала через своих людей предложил музыкальную шкатулку двум хозяевам антикварных лавок. Сегодня утром у одного мы уже побывали – в Ислингтоне. Он знать ничего не знает. Остается второй, на Чансери-лейн.

– Прямо под крылышком у Верховного суда, – добавил Хенни.

Билли кивнул.

– Хенни с Оливером, давайте сразу трогайте! И Джо прихватите. Он шкатулку помнит, расспрашивать долго не придется. У тебя, Хенни, глаз верный, сразу увидишь: торгаш из упрямых или слаб на угрозу. Валяйте, вы у меня народ толковый!

Чансери-лейн была улицей судей и адвокатов. Шаря глазами по сторонам, Джо, Оливер и Хенни шагали по тротуару. Перед одной из бронзовых вывесок они остановились и прочли:

«М.С. Кун. Антикварный магазин. Покупка и продажа».

Мимо вывески вполне можно было пройти, не обратив на нее никакого внимания, но пропустить дверь никак нельзя было. Вся она искусно и в то же время практично была обита широкими металлическими полосами. Над ней, под сводом небольшой ниши, в медных ветвях тонкой работы сидели две диковинные птицы с переливающимися хвостами. Оливер оглядел дверь, нишу и вдруг вспомнил: малышом он не раз останавливался здесь полюбоваться птицами; вспомнил он и необыкновенную ручку в виде журавлиной головы на длинной тонкой шее.

Легкое нажатие – дверь отворилась как бы сама. И сразу раздался перезвон колокольчиков: бинг-банг-бонг! Долго этот звук висел в воздухе. Несколько ступенек спускались в сводчатое, похожее на часовню, помещение. Уже при виде диковинных птиц над входом Джо охватило какое-то странное чувство. Со всех сторон, переливаясь волшебными красками, его обступили какие-

то фигурки, кругом висели бронзовые блюда, стояли разрисованные вазы, и навстречу им, приветливо улыбаясь, вышел удивительный человечек с седой косичкой… Джо почудилось, что он где-то все это уже видел.

Хозяин-китаец со смуглым, будто дубленым лицом, испещренным морщинками, подплыл к ним, неслышно ступая мягкими войлочными туфлями. А наряд его в представлении ребят был под стать только императору или королю. Мистер Кун преспокойно рассматривал несколько необычных посетителей, как бы давая пораженным мальчишкам время прийти в себя. Затем обратился к Джо, который, должно быть, приглянулся ему больше других, и совершенно серьезно приятным тихим голосом спросил:

– Чем могу служить?

Джо молчал. Нет, он еще не пришел в себя. А Оливер уже расхаживал с видом знатока по всему магазину. Как и было условлено, Хенни отвесил свой самый вежливый поклон и приветствовал китайца, как ему казалось, на чистом испанском языке. Мистер Кун, спрятав улыбку, ответил на испанское приветствие по-испански и, выждав из вежливости, задал Хенни по-испански же несколько вопросов, из которых тот, разумеется, ни слова не понял. Но, невзирая на это, он еще раз поклонился, раздумывая при этом, как ему быть дальше. Как подойти к этому мандарину?

Наконец пришел в себя и Джо:

– Мистер… мистер… мы ищем шкатулку… такой серебряный домик с музыкой. И четыре фигурки кружатся… Шкатулка нам нужна очень, потому…

Но тут подскочил Оливер и грубо крикнул:

– Вам ее сегодня утром доставили. Нам все известно! – Как это Джо, этот молокосос, посмел ввязаться в такое ответственное дело! Еще спутает им все карты! С такими торгашами, как этот китаец, надо говорить резко и решительно: «У вас это есть! Вы должны! Нам все известно!» – и так далее. Но хозяин все так же вежливо смотрел на ребят и ждал.

Вдруг Джо увидел на полке, рядом с которой он стоял, резную деревянную фигурку – крестьянина с волынкой. Не сдержав своей радости, он воскликнул:

– Точь-в-точь такой мужичок с волынкой выскакивал из домика. Из шкатулки с музыкой. Я сам видел! Пожалуйста, верните нам ее! Она принадлежит…

Джо осекся. Он заметил, что лицо китайца помрачнело, лоб нахмурился.

– У меня ее нет! – произнес мистер Кун и, как бы защищаясь,

поднял руки. – То есть уже нет… – Больше он ничего не сказал, заметив, что на паренька, который так понравился ему с первого взгляда, эти слова произвели ошеломляющее впечатление.

Утром торговец антикварными изделиями купил за десять фунтов оригинальную шкатулку у человека, который ему уже предлагал однажды при несколько необычных обстоятельствах другую драгоценную вещь. Но тогда он не пошел на сделку. Сегодня утром он не смог удержаться, и напрасно! Что-то с этой шкатулкой нечисто. Покупая вещь, он был несколько озадачен тем, каким путем в руки совершенно необразованного человека, неспособного и двух слов связать, попал такой шедевр. Однако торговцы антикварными изделиями не должны ничему удивляться. Расширенные от страха глаза мальчика окончательно убедили мистера Куна в том, что́ он только подозревал сегодня утром: шкатулка была краденая.

Хенни сразу заметил замешательство хозяина лавки. Он встал перед ним, засунув руки в карманы, и грубо сказал:

– Вы-то уж точно знали, что человек, который принес вам эту штуку, не получил ее в наследство от своего дедушки! – Хенни выждал несколько мгновений, словно прикидывая, не зашел ли он слишком далеко, и, увидев, что китаец не протестует, продолжал: – Мы напали на след этой вещички по поручению ее владельца, у которого ее похитили. Это очень важное лицо… ученый доктор. А ну, покажите нам шкатулку! Думаю, вам лучше иметь дело с нами, чем с полицией.

Китаец, на которого наглый наскок Хенни не произвел никакого впечатления, все с большим участием следил за бледным лицом Джо и наконец, подняв руки, огорченно сказал:

– Да, мне предложили шкатулку, и я заплатил за нее десять фунтов. – Не обратив никакого внимания на то, что Хенни несколько неучтиво присвистнул, он продолжал, обращаясь к Джо: – Я понимаю, что она стоит гораздо больше.

– Где шкатулка? – произнес Джо чуть слышно.

– Продана, – так же тихо ответил мистер Кун. – Она была у меня менее часа.

Джо не сдержался:

– Не может этого быть! Она здесь, у вас! Эта вещь принадлежит такому доброму, такому хорошему. – В отчаянии мальчик закрыл лицо руками, но только на один миг. Тут же он сжал кулаки. – Я должен вернуть шкатулку, понимаете, должен! Я сам виноват во всем. Я ее заложил ростовщику. Доктор ничего не знал об этом. У них не было денег, и все они лежали больные. За десять шиллингов у меня взяли шкатулку, а когда я принес залоговые деньги, ее уже не было!

– Десять шиллингов? Это чудовищно! Это… – Мистер Кун не сводил глаз с Джо. Он откашлялся, сел на шелковый пуховик, откинул рукава с глубокими разрезами, скрестил руки и сказал: – Эта шкатулка – произведение искусства. Я охотно оставил бы ее себе. Однако в ту минуту, когда я ее завел в третий раз, вошел господин, неоднократно посещавший мой магазин, и, не спросив о цене, выложил кредитку в двадцать фунтов. Он не дал мне и слова вымолвить: это как раз то, что ему нужно. Он хочет порадовать двух своих сыновей.

Джо впился глазами в седого китайца:

– Это правда? Двадцать фунтов? Столько денег нам никогда не собрать! Никогда!

– Уверен, что он не отдаст ее и за двойную цену. Это весьма состоятельный человек и большой любитель антикварных вещей. В наше время никто уже ничего подобного не умеет делать… – Заметив, что старшие мальчики перешептываются, мистер Кун умолк.

Но Оливер и Хенни уже успели прийти к выводу: старикашка, должно быть, говорит правду. На этот раз Оливер очень вежливо обратился к антиквару:

– Вы не могли бы назвать нам имя покупателя и его адрес? Нет, не подумайте, что мы сразу вломимся к нему в дом. – Он усмехнулся и в высшей степени изысканным жестом указал на свои лохмотья: – Об этом не беспокойтесь! Но господин, которому принадлежит шкатулка, доктор Маркс, и ваш покупатель могли бы договориться.

Мистер Кун задумался.

– Имя покупателя мне неизвестно. Знаю только, что он банкир, весьма состоятельный. Уже многие годы он коллекционирует произведения искусства. К тому же часто путешествует. Он живет в Лонг-Экр. Вот и все, что я о нем знаю. Быть может, это вам пригодится?

Оливер быстро прикинул: доктор Маркс никогда не пойдет к банкиру. Да и к чему? У него же нет двадцати фунтов. Все это они сами должны обстряпать. Как-нибудь, а должны. Лонг-Экр ведь недалеко отсюда.

Вдруг он встрепенулся:

– А ведь у него есть ребята! Вы говорили, двое? Сколько им лет? То есть малыши или такие, как мы?

Мистеру Куну снова пришлось подавить улыбку. Что затевают эти странные лазутчики? Несомненно, ребята головастые. Похоже, что и покупателя уже знают.

– Да, двое сыновей. В вашем возрасте? Нет, моложе, немного моложе. Года два назад они были здесь с отцом. Я еще

припоминаю: оба в матросских костюмчиках. Да, да, это совершенно точно. Для своих рыжеголовых мальчиков банкир купил тогда маленький парусник из слоновой кости. Паруса были перламутровые. Чудесной работы вещь!..

– Хорошо, спасибо! Этого нам вполне достаточно, сэр. Посмотрим, что нам удастся сделать. – Оливер поклонился.

Хенни последовал его примеру. Не напрасно они, значит, побывали у китайца.

А Джо, покидая лавку с поникшей головой, уже не замечал ничего из всей окружающей его роскоши. Двадцать фунтов?! Нет, шкатулка потеряна, и потеряна навсегда!

Бинг-банг-бонг! – прозвенел колокольчик.

Грачи возвращают долг

– Не по нутру мне эта улица! Надо смываться, а то еще к родственничкам в лапы попадешь, – сказал Оливер, когда они с Хенни шагали по Лонг-Экр. Он уже год обходил эти места стороной. Да и сейчас он старался держаться в тени домов.

– Вон там, в одной из этих коробочек, живут рыжеголовые. Однако мне здесь что-то неуютно.

Оливер собрался уже улизнуть, но Хенни удержал его:

– Брось ты, Оли! Придумал тоже! Да кто тебя узнает? В таком-то наряде! Ты только вспомни, каким ты к нам заявился. В шелковых портках! – Он ущипнул Оливера, поднял ему воротник и еще больше разлохматил волосы.

Оливер взглянул на свое отражение в витрине. А ведь друг его прав: никто из родственников не узнает его в таком маскараде. Он облегченно вздохнул.

– Да, знаешь, иногда вот нападет такое… А с тобой этого не бывает? Может тебя кто-нибудь разыскивать? Ну, родственники какие-нибудь.

В ответ Хенни только шмыгнул носом.

– Хватит, давай о чем-нибудь дельном потолкуем! Думаю, начнем с того, что приглядимся к обеим коробочкам.

Часа два они ждали, но рыжеголовые не показывались.

– Или мне сейчас дадут пожрать, или меня сожрет мое собственное брюхо! – проворчал Оливер.

– Ладно, мотай отсюда, – усмехнулся Хенни, – а я еще тут поразнюхаю.

На следующее утро оба приятеля снова разгуливали по Лонг-Экр. Накануне Хенни удалось кое-что выведать, и вечером он подробно доложил обо всем грачам. Рыжеголовых отпрысков банкира Ньюмена звали Том и Дэви, одному было тринадцать, другому – четырнадцать лет. Об их проделках соседи могли рассказывать часами. Да и мальчишка булочника и торговка на углу немало о них знали. Хенни захлебывался от восторга, выкладывая все подробности. Дело в том, что банкирские сынки, несмотря на запрет, общались с одним пройдохой. Показывался этот субъект лишь изредка и подбивал обоих юнцов на разного рода рискованные предприятия. Разумеется, за соответствующее вознаграждение в звонкой монете.

С некоторых пор всякое общение деток с ним было прервано папашей-банкиром. Звали пройдоху Чарли Смит.

Разузнав обо всем этом, грачи, воспользовавшись запасами похищенных на аукционах вещей, вырядили Оливера настоящим

денди – он должен был разыгрывать из себя приятеля этого самого Чарли. Когда Оливер, зажав под мышкой бамбуковую тросточку, отправился в путь, ребята от смеха за животики держались.

Оливер, помахивая тросточкой, подошел к дому № 18. Перед подъездом стоял человек в сапогах для верховой езды и кучерской ливрее.

– Молодой человек, вы к кому? – спросил кучер.

– К своим друзьям, Дэви и Тому Ньюмен.

– Молодые господа вернутся только вечером. Неделя уж, как гостят у бабушки за городом. – При этом кучер улыбнулся и подмигнул.

Оливер много дал бы за то, чтобы отгадать, что означала эта улыбка. Да, до Портового Хенни ему далеко! В сыщики он явно не годился и только пробормотал:

– Тогда я попрошу вас передать моим друзьям самый искренний привет. До вечера!

Кучер, шагнув к нему, спросил:

– А от кого, разрешите узнать?

Да! От кого же? Вот еще привязался, черт бы его побрал! Оливер мучительно раздумывал, потом, напустив на себя важность, ответил:

– От… Зеленого Перца. – А когда у кучера на лице появилось выражение любопытства, с напускным спокойствием, однако внутренне весь насторожившись, добавил: – Друга Чарли Смита.

Судя по всему, что Хенни до сих пор разузнал об этом Чарли, показываться здесь ему было запрещено. Но возможно, что кучер с ним в сговоре? Да, так оно и есть. Приложив палец к губам, кучер подмигнул Оли и тихо сказал:

– Будет исполнено. – После чего не без доброжелательства посмотрел вслед уходившему Зеленому Перцу. Барчуки, значит, опять связались с каким-то вертопрахом. Ну, он-то их не выдаст! Ребята славные, да и на подачки не скупятся, чего об этом Перце никак не скажешь.

Прошел еще день. Оба грача снова прохаживались возле дома банкира. Оливер на сей раз уже без «маскарада», как он сам выразился.

Наконец часа через три из ворот дома показался один из рыжеголовых. Поглядел налево, потом направо и припустил бегом. Хенни не спускал с него глаз. Вот рыжий скрылся за дверью книжной лавки. Вышел он из нее некоторое время спустя, уткнувшись носом в книгу, и уже никуда не торопился. Хенни нагнал рыжего и шагал рядом до тех пор, пока тот не взглянул в его сторону.

– Чего уставился? Проходи!

– Мистер Дэви, вас, должно быть, очень надолго задержали в книжной лавке?

– А я и не Дэви совсем.

– Мистер Том, значит, виноват. У меня важная новость для вашего брата. – И шепотом: – От Чарли Смита.

От испуга Том выронил книгу. Хенни бережно поднял ее, прочел заглавие: «Приключения на море и на суше», вежливо вручил владельцу. Том был озадачен: только что вернулись от бабушки, куда были отправлены в наказание, и снова какая-то история с этим Чарли!

– Чего ему опять от нас надо? – спросил он плаксиво. – Нам не разрешают с ним встречаться. Папа грозит посадить нас под замок. Этого нам еще не хватало!

Хенни участливо кивнул. Он не стал ни о чем спрашивать. Нет, нет, лишним словом только дело испортишь! Как-нибудь этот банкирский сынок сам проболтается. Но «сынок», явно что-то заподозрив, косо глядел на шагавшего рядом незнакомого парня и тоже молчал. Тогда Хенни решился на следующий шаг:

– Я лазутчик Чарли Смита, его правая рука. Мне вы можете поручить все, что угодно. Язык мой нем, как череп на Хайгетском кладбище.

Том расхохотался. Такие словечки были ему по душе.

– Давай выкладывай! Какая у тебя новость?

– Вот, гляди! – Хенни порылся в кармане и достал потертую, когда-то позолоченную пуговицу с изображением якоря. – Сперва держи это! Если завтра пуговица будет лежать у ограды вашего дома, то это для Чарли будет знак, понял?

Том долго разглядывал пуговицу.

– Идет, договорились! – сказал он наконец, добавив с напускной важностью: – И еще вот что: такими делами всегда старший брат занимается. Но все равно скажи Чарли: пусть является, только когда наконец корабль будет наготове.

Хенни навострил уши. «Корабль?» Ведь китаец рассказывал им про какой-то кораблик из слоновой кости. Может быть, это о нем сейчас и говорил Том? Для верности Хенни спросил:

– Такой маленький парусник?

– Да ничего подобного, никакой не маленький. И не парусник вовсе. Пусть это будет настоящий большой пароход. И чтоб шел он в Америку. А еще лучше – в Индию. И, если нужны деньги, пускай передаст, сколько.

– Да нет, про это он ничего не передавал, – небрежно бросил Хенни, подумав: «Должно быть, у них денег куры не клюют!»

Тут Том зашипел на него:

– Уходи скорей! Вон наш дом. Нас не должны видеть вместе.

•

– Ну и парень же ты, Хенни! – смеясь, говорил Оливер своему приятелю, восхищаясь такой успешной разведкой. – Никогда бы не подумал, что так скоро станем на правильный курс. На пароходе, значит… – Он присвистнул. – Мой пример до сих пор многим дорогу показывает. С этим Чарли Смитом мы, значит, в точку попали. А дальше что?.. Айда!

Он затащил Хенни в подворотню. Тот коротко сообщил ему еще кое-какие подробности, которые выведал у мальчишки-булочника. Неожиданно Оливер громко расхохотался:

– А пуговицу он все-таки взял, да?

– Этот-то? Еще бы! На всякие тайные знаки такие барчуки сразу попадаются. Он бы и катышек конского навоза взял…

•

На следующее утро Зеленый Перец, уже без тросточки, но зато с черными как вороново крыло волосами, выкрашенными краской Лекаря-Аптекаря, дождался, пока Хенни не выколупал из щели в ограде пуговицу с якорем и подал ему знак. Дэви, значит, тоже клюнул! Некоторое время спустя Дэви, так же осторожно, как его брат Том, выглянув из ворот, зашагал в сторону книжной лавки. Оливер припустил за ним.

– Мистер Дэви! – шепнул он, нагнав банкирского сынка. – Привет от Чарли Смита. Вам нельзя так надолго уезжать за город. У Чарли было для вас шикарное суденышко на примете. Курс – Цейлон. Да, да! Маршрут первый сорт! Бискайский залив – Острова Зеленого мыса – Кейптаун и прямо в Индийский океан. Но «Розермир» не мог больше ждать и сегодня утром отдал концы. Лоцман даже готов был немного задержать отплытие. Но не больше чем на полдня. Чарли заплатил ему десять шиллингов за хлопоты.

– Только десять? И всё? Пожалуйста, вот, возьмите!

И Дэви, не задумываясь, достал монету из кармана. «Мелочи» у них всегда было вдоволь. Папаша-банкир всегда внушал сыновьям: «Тратьте деньги на разумные вещи. Покупайте книги, атласы! Это вам пригодится для вашего образования».

Осторожности ради Дэви тоже не стал затягивать разговор.

– Передайте Чарли, чтобы он ни в коем случае не

показывался. А вам, как его курьеру, я скажу: для нас все остается по-прежнему, курс – Индия!

Вернувшись в «Голубой сарай», Хенни и Оливер прежде всего выложили на стол десять шиллингов. Грачи с восторгом встретили появление денег и тут же решили истратить их на неотложные нужды. Когда лазутчики отчитались, все нашли, что дела оборачиваются как нельзя лучше. Обоих банкирских отпрысков уже заарканили. Все необходимое о них выяснили, но заводить речь о шкатулке, пожалуй, еще рано. Для отвода глаз надо было начать с мнимого найма барчуков на корабль. А это не такая уж простая операция! Правда, Хенни недаром звали Портовым Хенни: знакомых в порту у него хоть отбавляй – матросы, грузчики, лоцманы, докеры. К тому же ему еще повезло. Два дня спустя он столкнулся нос к носу с Ра́сселом, механиком «Эрроу». Еще в прошлом году тот хотел взять Хенни с собой в плавание. Такого толкового и выносливого паренька, к тому же весельчака, не всякий день встретишь.

– Как живешь, дружок? Есть для тебя предложение. У нас во Фриско юнга смылся. Давай к нам!

Хенни грустно ответил:

– Ничего не выйдет. Может, в другой раз когда?

– Да я тебя и не тороплю. Отчаливаем не сегодня и не завтра. Две недели еще в доке стоять будем. У Дептфордской набережной.

Хенни колебался. Может, ему и правда отплыть с Расселом, обделав дело с барчуками? Нет, нет, с этим еще можно подождать!

Шагая рядом с механиком «Эрроу», он рассказал ему о плане грачей нанять банкирских деток на корабль. У Рассела улыбка не сходила с лица, – он знал толк в настоящей морской шутке!

•

Теперь дело завертелось вовсю! Через два дня вечером Дэви опять выскользнул из ворот дома № 18. Около книжной лавки его уже поджидал Хенни.

– Дело слажено. Пора. Обо всем уже договорились. «Эрроу» называется ваш корабль. Грузовой пароход. Сперва идет в Канаду, затем вдоль берегов Южной Америки. Такого сноровистого парня, как ты, им как раз и надо. Уже контракт подготовили. Ну, а если вы вдвоем заявитесь, то второго они тоже за борт не выкинут.

– Так ты, значит, считаешь, что Тому тоже можно ехать? – чуть не задыхаясь от волнения, спросил Дэви.

– Думаю, да. Мой друг механик Рассел говорит, что у кока и для Тома дело найдется. А как Рассел сказал, так оно и будет – я его уже много лет знаю. На «Эрроу» я сам вас доставлю. Я уже все обдумал. Посадка, конечно, через иллюминатор. И ночью, в туман. Дня на два, на три надо захватить чего-нибудь пожрать. «Эрроу» не сразу отчалит. Ну так вот, завтра в путь! Вечером встретимся с моим механиком у Дептфордского моста. Он будет в шлюпке ждать. А до моста я вас провожу.

Дэви с удовлетворением перевел дух.

– Наконец-то! – только и сказал он. Но потом, спохватившись, спросил: – А что нам надевать?

Хении подумал.

– Сейчас начало марта, ночи холодные. И, пока вы будете прятаться, ни чихать, ни кашлять вам никак нельзя. Одеться надо потеплее: вязаный свитер, шарф и шапка. – Хенни еще раз объяснил, где им предстояло встретиться. – От угла пройти два квартала. Ровно через час после наступления темноты… – Он замялся: наступила самая ответственная минута. – Знаешь, тут еще… еще одна вещь…

– Да, да, – прервал его Дэви. – Знаю, насчет денег, что ли? Не беспокойся. Мы кое-что отложили. Говори, сколько?

У Хенни даже под ложечкой засосало. Но он сказал себе: «Только бы теперь не сорваться. Если молокосос что-нибудь заметит, все пропало, потом уж не поправишь. Надо было его хоть подготовить немного. Не могу же я ему так, с бухты-барахты сказать: „Давай шкатулку!“» И Хенни завел речь о Томе, о корабельном коке, у которого он будет работать, о том, какой тот замечательный человек, как долго они бывают в плавании, как скучают, и что кок «Эрроу» больше всего на свете, видите ли, любит музыку.

– Сам понимаешь, что твой брат Том шикарно устроится у кока. Только надо получше подъехать к нему, что-нибудь преподнести. И лучше всего что-нибудь музыкальное.

– Как это «музыкальное»?

– Ну, понимаешь, чтобы музыка играла. Не пианино, конечно. Может, скрипка или волынка… что-нибудь в этом роде, конечно. Там-трам-трам-там-там! – Хенни готов был и дурачком прикинуться, только бы Дэви ничего не заметил.

– Нет, нет. У отца, правда, есть такая шкатулочка. Но на ней играть нельзя. Она сама всегда одно и то же играет. Заведешь – и играет.

– Ну и что? Может, это и подойдет. А большая она? Тяжелая? Фунтов сто?

– Да что ты! – рассмеялся Дэви. – Маленькая такая, из

серебра вся. Ее ключиком заводят. Она даже вроде нашей считается. Отец недавно подарил. На что она нам? Ерунда какая-то! Но, может, она и правда понравится коку, как ты думаешь?

Дэви озабоченно взглянул на Хенни. А тот от радости готов был в пляс пуститься. Но он подавил свой восторг, и ему действительно удалось совершенно спокойно ответить:

– Может, и правда она ему подойдет. Там-трам-трам-там-там – он и будет доволен. Да, да! Давай приноси ее. Но уж обязательно! Хватит этого для кока. Ну, и моему механику надо что-нибудь, горлышко прополоскать.

– Есть механику горлышко прополоскать! Ром, виски? – с готовностью ответил Дэви.

«Ишь ты! – подумал Хенни. – А паренек, видно, уже нюхнул морского воздуху. Соображает».

– Ну, а для тебя и Чарли? – напирал на него Дэви.

– Это дельце я один обстряпал, без Чарли.

– Вот и хорошо! Что тебе причитается?

Хенни покраснел до ушей. «Барчуки эти счет деньгам не ведут, а нам монета до зарезу нужна… Спокойствие, спокойствие прежде всего», – приказал он себе.

– Перво-наперво – вас в шлюпку посадить надо. Если все сойдет гладко, тогда и расплатишься. Три фунта это будет стоить.

– Идет, – сразу согласился Дэви, и глазом не моргнув.

Неподалеку в переулке ждал Оливер. Хенни от радости бросился ему на шею.

•

На следующий вечер, спустя два часа после наступления темноты, на ящике посреди «Голубого сарая» стояла красивая серебряная шкатулка, которую только что завели золотым ключиком. И вот уже из домика вышел волынщик, повернулся и исчез; за ним и пастушок с флейтой, потом свирельщик и под конец – странствующий подмастерье со скрипочкой. Тени изящных фигурок приплясывали на дощатой стене сарая. Таинственно звучали нежные звуки, но скоро колокольчики отзвенели, и воцарилась тишина…

Билли сказал:

– Стоило похлопотать и побегать. Дьявольски, хорошенькая штучка! Кому-нибудь другому, не доктору Марксу, мы бы ее ни за что не отдали.

– Неплохо бы каждый день ее заводить на сон грядущий…

В ту ночь еще не раз в «Голубом сарае» звенели колокольчики

«Тамерлина».

•

Одного Хенни не было среди грачей. И ночью он не вернулся. Ему еще надо было доставить банкирских детей через весь город, провести их по Лондонскому мосту, петлять многие километры по темным закоулкам до Восточной гавани. Оба мальчика смело шагали за ним, не отставая. Незадолго до полуночи они добрались до Дептфордского моста. Механик Рассел их уже ждал. При виде бутылки он сразу повеселел.

Хенни подмигнул ему:

– А «музыку» Оли прямо передаст коку. Тот сегодня всю ночь будет тянуть грог у «Кита».

– Порядок! – И Рассел обратился ко всем троим: – Отдавай концы!

Оба мальчика спрыгнули в шлюпку, за ними и Хенни. Механик, осторожно отталкиваясь веслом, вел шлюпку вдоль берега.

– Через иллюминатор пролезете? В угольном трюме у меня не чихать, поняли? Поесть захватили? – тихо спрашивал он.

Парнишки молча кивали, показывая свои объемистые свертки с провизией.

Все было так увлекательно! На несколько мгновений месяц скрылся за рваными облаками, и глухая окраина с ее обветшалыми домиками и сараями сделалась еще таинственней. Пробило полночь. Где-то неподалеку еще стучали молотом по железу. Том испуганно оглянулся, ища глазами Хенни.

– Все идет как полагается! – сказал он.

– Вон «Эрроу» стоит, – добавил Рассел и указал куда-то в темноту, которая временами, казалось, рассеивалась, но потом снова сгущалась в непроницаемый мрак. Шлюпка пристала к берегу.

– Давай отчаливай! – Механик спрыгнул на берег. – На корабль подниматься, только когда месяц скроется за облаком. И чтоб молчком, поняли? Два дня еще в верфи простоим, а потом в море. Адью!

Медленно и осторожно Хенни греб к верфи. Они плыли мимо каких-то настилов, под сходнями, подбираясь все ближе и ближе к корпусу судна, огромной черной тушей высившемуся впереди.

Дробный стук молотков уже стих. Была ночь на воскресенье, и кругом царила полная тишина. Месяц выглядывал из-за туч, не скрываясь надолго. Хенни терпеливо выжидал, внимательно

следя за небом.

– Пора! Вон иллюминатор! Второй с кормы. – Хенни уже давно приметил свисавшую с борта веревочную лестницу. Два раза он бесшумно опустил весла в воду, и шлюпка очутилась под ней. – Валяйте!

Дэви, как и договорились, вручил Хенни три фунта и медленно, но не без некоторой сноровки полез вверх. За ним следом Том. Не прошло и минуты, как оба исчезли.

Неплохо он, Хенни, их упрятал! И он беззвучно присвистнул сквозь зубы.

Когда немного погодя Хенни пришвартовал шлюпку за верфью, месяц ярко осветил корабль. Теперь стало видно белевшее на черном носу название – «Эрроу». Хенни тяжело вздохнул: через две недели судно выйдет в открытое море, а он останется на берегу!

•

На следующее утро Хенни снова стоял у дома № 18.

Кучер сперва не хотел впускать чересчур уж бойкого паренька.

– Опять нет покоя! Всю ночь даже прилечь не дают! – ворчал он.

– Какая сейчас ночь, шесть уже пробило! – невозмутимо бросил Хенни.

Тогда кучер рассказал, что мистер Ньюмен ночью весь дом на ноги поднял. Оказывается, оба его сынка смылись. Банкир и плакал, и рыдал, и кричал, и в полицию сообщил, и обвинял его, кучера, во всем, но под утро обвязал голову мокрым полотенцем да так и заснул, сидя за письменным столом.

Наконец Хенни удалось отвязаться от разговорчивого кучера, и он очутился в полутемном, прокуренном кабинете банкира. Когда слуга бросился ему навстречу, намереваясь немедленно выставить, он громко крикнул:

– Здрасте, мистер Ньюмен!

Банкир вздрогнул, поднял голову и уставился на непрошеного гостя сонными глазами. Но, только он хотел заорать на него, Хенни спокойно, словно речь шла о самом что ни на есть обыкновенном и само собой разумеющемся деле, сказал:

– Я пришел к вам по поручению ваших сыновей, Дэви и Тома.

Мистер Ньюмен остолбенел, затем сорвал полотенце с головы и бросился в спальню жены, крича:

– Мэй, Мэй! Нашли, нашли! Дэви и Тома нашли!

Вернувшись, он жестом приказал слуге удалиться, плюхнулся в кресло и зарыдал… Вновь овладев собой, он строго взглянул на Хенни.

– Где они? Веди меня к ним. За любое вознаграждение. Здоровы, надеюсь? С ними ничего не… – Он впился глазами в Хенни, словно уже догадываясь, куда занесло его двух жаждущих приключений отпрысков.

Хенни решил, что банкир весьма разумный человек. Немного потребовалось слов, чтобы растолковать ему весь план путешествия его сыновей в Индию. А когда Хенни передал банкиру записку от Рассела, тот немедленно отдернул гардины, но все же зажег еще одну свечу и вслух прочитал, причем улыбка уже не сходила с его лица:

«…дайте им покоптиться дня два-три в угольном трюме. Так их легче всего отучить от жажды морских путешествий. Провизии у них достаточно. Судно наше не отчалит раньше чем через две недели, вот и будет полный порядок. Механик Рассел.

И двадцать фунтов подателю сего…»

Хенни насторожился. Банкир снова взглянул на него строго. Уж не мошенник ли этот парень? Двадцать фунтов – сумма большая. Пожалуй, даже чересчур велика.

– Двадцать фунтов я заплачу, – сказал он, раздумывая. – Для сыновей я денег не пожалею. Но сперва ты меня отведешь на корабль.

– Пожалуйста, мистер Ньюмен, – преспокойно согласился Хенни. – Но только в вашей карете. Я туда сегодня ночью на своих двоих уже два раза бегал, с меня хватит.

Банкир громко рассмеялся. Все сомнения его рассеялись.

– Пусть ребята и вправду денька два покоптятся в трюме. Даже три. Я сам за ними тогда приеду. – И он достал из бумажника двадцатифунтовую кредитку, положил ее перед Хенни, не спуская с него глаз. – Ну, а теперь расскажи, что ты намерен сделать с этими деньгами. Купишь себе новый костюм?

Хенни улыбнулся.

– Эти двадцать фунтов нужны моим друзьям. Они хотят выкупить у одного богатого человека музыкальную шкатулку. Господин этот купил ее, не подозревая, что она краденая. А теперь мы сможем вернуть шкатулку ее настоящему хозяину. Вот удивится-то!

С этими словами Хенни пододвинул кредитку поближе к банкиру.

– Пожалуйста, вот деньги. Шкатулка уже у нас!

– Что, что такое? Шкатулка. Погоди, погоди…

Мистер Ньюмен хотел уже броситься из кабинета, но Хенни

удержал его, заявив столь же невозмутимо, как и до этого:

– Искать вам ее незачем. Она и правда уже у нас. Ребята ваши ее нам передали. Ну, а монеты – монеты пришлось сперва заработать. Вот я и думаю, что теперь обе стороны оказались в барыше.

И, прежде чем банкир успел осознать, что произошло, Хенни уже покинул кабинет.

Первое, что пришло в голову мистеру Ньюмену, – это поскорее опрокинуть рюмочку. Однако он тщетно искал бутылку с ромом. Обычно хранившаяся под рукой в выдвижном ящике стола, она, теперь уж конечно без рома, валялась на дне Темзы, неподалеку от Дептфордской набережной.

•

Что книжный доктор удивится – в этом грачи не сомневались.

Шкатулку решили доставить в тот же день. И непременно все вместе. Билли нахмурил лоб. Так уж и все? Нет, не пойдет! Но он промолчал. Джек тоже следил за лицами друзей: пожалуй, никто из них добровольно не откажется пойти.

Когда стали собираться, Кинг вдруг сказал:

– Пусть Хенни отнесет шкатулку. Тебе, Оли, придется отказаться. Ты столько раз бывал во всяких домах, где живут ученые, а мне обязательно надо пойти. У меня свои счеты с доктором. Пора ему должок вернуть.

С этим все согласились. После полудня грачи вышли проводить Хенни и Билли. Ждать договорились на площади Сохо. Уходя, Кинг услышал, как Джек крикнул:

– Ты вызови доктора вниз, на улицу!

На этот раз у Билли было совсем другое настроение, чем в тот день, когда они приносили сюда коробочку с лекарствами. Сегодня Кинг мог прямо смотреть в глаза доктору, совесть у них у всех была чиста и рук своих они не замарали.

Поднимаясь по лестнице, он сказал:

– Больше всего мне понравилось, как ты этому тузу деньги вернул. Правда, мы об этом не договаривались, но ты и сам смекнул, как поступить. Ты, Хенни, парень что надо!

Они уже стояли у дверей.

•

Вся семья Мавра веселилась от души, слушая рассказ Хенни

об увлекательных приключениях шкатулки.

– Итак, оба морехода вероятнее всего до сих пор сидят в угольном трюме, если у папаши-банкира хватило ума проучить их как следует, – заметил Мавр, смахнув набежавшую от смеха слезу. – Молодцы, что подарили ему эти двадцать фунтов!

Но вот колокольчики «Тамерлина» отзвенели в последний раз, и его снова уложили в картонку и водрузили на старое место. Ленхен Демут даже потихоньку погладила его. Все вздохнули с облегчением.

Но Мавр не отпускал грачей. Он усадил их на кожаный диван, а сам сел за письменный стол, на котором высились стопы книг.

– А где же все остальные? – спросил он.

– Ждут нас на Сохо. Джек очень просился к вам, да и Оливер, и Телята тоже.

– Я потом спущусь вместе с вами.

– Вот Джек обрадуется! – сказал Билли, а сам подумал: «Мавр тебя насквозь видит, знает даже то, что ты еще и подумать не успел!»

– Я хочу всем пожать руку. Особенно Джеку, он отлично помогал во время стачки.

Кинг и Хенни переглянулись. И об этом доктору все известно?

Мавр закурил длинную черную сигару, выпуская затейливые кольца дыма, расплывавшиеся в полутьме комнаты.

– Да, – начал он. – «Тамерлин» всем нам был очень дорог, из-за детей, конечно. Но вот стачка… Если бы не ваша помощь, не думаю, чтобы все сошло так гладко. Вы доказали, на что способны. Стоит, оказывается, поломать себе голову, чтобы помочь другим. А в тот раз это принесло пользу нескольким сотням рабочих, да и в будущем окажет свое благотворное действие. – Мавр немного помолчал, затем продолжал, кивнув Билли: – Я хочу сказать, Кинг, что ваше хорошее дело пойдет на пользу человечеству. Кровососу же этот удар обойдется в несколько тысяч фунтов. Подороже, чем кружева!..

Несколько тысяч фунтов! Билли был поражен. Он с гордостью посмотрел на Хенни. Но тут Мавр спросил:

– Ну, а теперь? Опять на старую дорожку? Опять за мелкое воровство?.. На что-то ведь жить надо…

Прежде, когда этот вопрос задавал Джек и особенно Робин и Бен, Билли всегда уклонялся от ответа. Но здесь, в этой комнате, от него нельзя было уйти…

Хенни от волнения заехал себе всей пятерней в волосы. «Может, мне сказать? – думал он. – Сейчас вроде подходящий

случай». Он как раз собирался в ближайшие дни рассказать грачам о своем плане. Хенни уже открыл было рот, но тут Билли как-то глухо заговорил:

– Не могу я грачей бросить – Хенни, Джека, Оли…

– Не в этом дело! – Хенни прыснул. Теперь-то он все выложит начистоту. – О нас можешь не беспокоиться. – Он замолчал, заметив, что Билли растерянно взглянул на него. Ну, а так как о столь важном деле трудно говорить сидя, Хенни вскочил, выпрямился, одернул куртку, посмотрел сперва на человека за письменным столом, затем на Билли, почесал в затылке и выпалил: – Считаю, что дело со шкатулкой было нашим лучшим делом. Выше нам никогда не прыгнуть. А потому…

Кинг никак не мог понять, куда Хенни клонит.

– …пусть оно будет и последним.

– Это еще почему? Я об этом ничего не говорил! – вспылил Билли.

– Зато я.

Мавр, опершись на руку, неотступно смотрел на Хенни. Казалось, это придало парнишке силы, и он сказал все, что было у него на душе.

– Да ты не прикидывайся, Кинг! Сам давно так думаешь. И Джек. И близнецы тоже. Нет у нас ни у кого настоящей охоты. С тех пор еще. С Оливером я уже говорил об этом. Он думает вернуться в дом на площади Портмен. – Для Мавра Хенни пояснил. – К родителям. – Затем продолжал: – Хочет эту… навиграцию… или как ее там… изучать.

– Навигацию!

– Ага, спасибо. Не оставаться же ему грачом, пока у него борода до полу не вырастет. Капитаном хочет стать. А я буду плавать с ним на его корабле.

Хенни изложил свой план. Через десять дней он на «Эрроу» снимется с якоря. Будет плавать на Южно-Американской линии. Он договорился с Расселом. Тот обещал подучивать его и со временем сделать из него стоящего механика.

«Ты, Хенни, значит, смыться решил?» – хотел было сказать Билли, но сказал совсем другое:

– У Оливера отец богач, вот сыну и можно учиться на капитана. – Он взглянул на бородатого доктора, как бы ожидая поддержки. – А наш лучший грач Хенни, который нас всегда выручал, самый маленький среди нас, зато самый головастый, пускай, значит, черную работу делает?

– Ты потише на поворотах-то! – Хенни так смутился от подобной похвалы, что ему ничего лучшего не пришло в голову, как ответить любимым выражением самого Кинга: – Начинать-то

когда-нибудь надо. А с чего – это уж смотря по обстоятельствам. Мои обстоятельства не такие, как у Оли. Пока он кончит школу этой самой навигации, я уже буду помощником механика у Рассела. Наш капитан, Оли, конечно, ничего не будет смыслить в том, как машины смазывать. А без этого ни одно суденышко с места не тронется. Уж если в море выходишь, надо, чтобы у тебя толковый механик был. Им я и буду. Ну, а если из нашего Оли выйдет этакий разряженный петух со всякими побрякушками да лентами-позументами, если он забудет, кто из него сделал настоящего честного парня, забудет нас, грачей, то addio, а не rivederci![36] Разойдемся в разные стороны, хотя, конечно, вместе было бы здорово, да и вообще было бы здорово всем грачам попасть на один корабль, как это вы тогда с нашим Кингом кумекали.

От удивления Билли не мог и рта раскрыть. Вот до чего его ребята додумались! А что, плохо разве?

Мавр весело посмеивался. Этот Хенни ему определенно нравился. А так как Кинг все еще не знал, что сказать, он заметил:

– Считаю, что ты неплохо продумал свою жизнь, Хенни. Как-то надо начинать. И каждому – смотря по обстоятельствам. Это ты правильно сказал, превосходно сформулировал. Пока что это действительно так: сыну буржуа дозволяется вести корабль, а сыну рабочего – смазывать машину. Но это не всегда будет так. И тогда каждый будет работать и получать по способностям. Да, так оно и будет.

Билли вытаращил на Мавра глаза: ведь об этом они тогда и говорили. Хенни сказал:

– Я уже пристроился. Оли тоже. Телята вернутся к своей матери. У кого есть мать, тому вернуться легче легкого.

Но Билли не уступал:

– А у Джека вот нет матери… и вообще нет никого. У него только я и есть. И мы с ним останемся вместе.

Мавр зашагал по комнате.

– Джек? По-моему, ему уже подыскали место на верфи. Это Бен Коллинз устроил. Он считает, что Джек вполне может жить у него. И прежде всего потому, что никто не умеет варить такой вкусный картофельный суп, как Джек.

– Это я его научил! – воскликнул Билли и тоже рассмеялся.

Мавр надел пальто и шляпу и, когда они уже спускались по лестнице, задумчиво сказал:

– Но, может быть, на верфи и для его друга местечко найдется?

– Для кого это, для Бена? – испугавшись, спросил Билли.

– Нет, для того, кто побыл Кингом и опять станет Клингом…

Сапоги времени

Бывают в жизни такие дни, которые не забудешь и через десять, и через двадцать лет, и даже на склоне жизни. Стоит только закрыть глаза, и перед тобой всплывает все минувшее и люди тех времен оживают вновь.

Тринадцатилетний Джо Клинг пережил такой незабываемый день: он провел целое воскресенье с Мавром в пустоши. Был с ними еще один человек, он участвовал в такой прогулке уже не в первый раз, – Вильгельм Либкнехт. В семидесятилетием возрасте Либкнехт вспоминал:

«Наши прогулки в Хемпстедскую пустошь! Проживи я еще тысячу лет – я их не забуду…

Всю неделю дети только об этом и говорили, да и мы, взрослые, старики и молодежь, радовались этой прогулке. Уже само путешествие туда было праздником… От Дин-стрит… было туда добрых полтора часа ходьбы, и обычно мы уже около одиннадцати часов утра пускались в путь. Иной раз, правда, мы выходили позже… привести все в порядок, собрать детей и уложить корзину – на это всегда уходило некоторое время.

Ах, эта корзина! Она стоит или, вернее, висит перед моим „духовным оком“ настолько живо, представляется мне такой заманчивой и аппетитной, словно я лишь вчера в последний раз видел ее в руке у Ленхен.

Дело в том, что корзина эта была нашим „провиантским складом“, а когда у человека здоровый желудок и при этом очень часто в кармане нет мелочи (о крупных деньгах в ту пору вообще речи не могло быть), тогда проблема провианта играет чрезвычайно важную роль. Славная Ленхен отлично это знала, и для нас, вечно голодных гостей, ее доброе сердце всегда было открыто. Главным блюдом воскресного обеда в пустоши был освященный традицией огромный кусок жареной телятины…

В авангарде шел я с двумя девочками, то рассказывая им всякие истории, то собирая полевые цветы, которые в то время были там еще не так редки. Поднявшись на холм, мы прежде всего выбирали место, где встать биваком… Какая это была радость, когда однажды во время прогулки мы наткнулись на маленький, затененный деревьями пруд и я показал детям первые незабудки! Еще больше было радости, когда однажды на темно-зеленом бархатном лугу мы нашли среди других полевых цветов такие редкие гиацинты…»

От маленького пруда вела узкая тропинка на каменистый холм, прозванный детьми «Чертовы камни». Тут Муш, как всегда

отстававший – уж очень много было везде интересного и все-то надо было рассмотреть, – сразу выскочил вперед. Он первым увидел вдали громоздившиеся друг на друге глыбы. Будто какой-то великан рассыпал свои игральные кости. Муш промчался мимо Женни Маркс и дяди Фредрика к сестрам, которые вместе с дядей Уильямом составляли «авангард».

– Если вы тоже попросите, Мавр обязательно расскажет нам сегодня сказку про Ганса Рёкле, – выпалил малыш.

Лаура и Ки-Ки рассмеялись.

– Конечно, мы попросим, да он не захочет рассказывать.

– Почему это?

– Да потому! – Ки-Ки состроила озабоченное лицо. – Джо-то знает историю только до иглы «Шей-сама». А о дудочке «Дождик-лей-скорей» он ничего не знает, о волчке Амарантисе – тоже… А Бекки совсем сказки не знает. Ты что, думаешь, Мавр будет все сначала рассказывать? Ни за что!

Муш нахмурил брови.

– Ты назначь Джо и Бекки в «передовой дозор», – посоветовал дядя Уильям, – вот вы галопом и промчитесь до Чертовых камней. Там, наверху, вы им расскажете все, чего они еще не знают.

Муш потопал назад. Мавр и Джо так углубились в разговор, что он не решился им помешать, а только коротко отрапортовал:

– Мавр, я отхожу к провиантскому складу. Через десять минут мы с Джо и Бекки захватим Чертовы камни и обеспечим бивак для всей армии.

Мавр кивнул:

– Не возражаю!

После того как Муш «отдал рапорт» еще Генералу и Мэми, он присоединился к Бекки и Ленхен, давно уже шагавшим рядом. Маленькая Бекки с первого взгляда полюбилась Ленхен Демут, которой самой, когда ей было всего восемь лет и она еще не умела ни читать, ни писать, пришлось «жить в людях». Правда, ей посчастливилось: она попала в дом к Вестфаленам, добрым людям, познакомилась с Женни и Карлом, полюбила их и осталась у них на всю жизнь.

Бекки тоже сразу потянуло к Ленхен. Она рассказала ей о своих родных, о маленьких сестрах, о братике Карле, который уже сам встает. Когда к ним подбежал Муш, Бекки как раз говорила:

– Как мне жалко, что нет уже с нами нашей Дороти! Мы ведь наконец переезжаем из грязного Грачевника!

Ленхен ласково сказала:

– Я знаю, Лерхен встретила вас, когда вы возвращались с пустой тележкой…

– Нам так долго пришлось ждать, пока мы смогли похоронить

ее! – тихо произнесла Бекки. – Денег на гробик не было…

Ленхен обняла Бекки за плечи. Муш заметил, что у обеих грустные лица. А так как ему очень хотелось утешить Бекки, но в то же время самому почему-то стало грустно, он сказал громче, чем надо было:

– Наша маленькая Франциска тоже умерла. Она три дня лежала в спальне, потому что для нее не было гробового домика. Мы все спали на полу в комнате Мавра.

– Когда же это случилось? – тихо спросила Бекки.

Они шли сразу за Женни. Теперь Бекки поняла, почему Женни была такой печальной и бледной.

Ленхен поставила тяжелую корзину на землю и выждала, пока Женни и Энгельс не ушли подальше вперед. Только после этого она ответила:

– Еще трех недель не прошло, как я отнесла пустую колыбельку на чердак.

•

Женни Маркс вздрогнула, услышав имя Франциски. Энгельс помрачнел: и надо же было маленькому Мушу в этот первый весенний день напомнить своей маме о столь горькой утрате!

Неподалеку от тропинки у ручья цвели первые в этом году незабудки. Два прыжка – и Энгельс очутился на берегу, бережно сорвал несколько цветков, затем, нагнав Женни, ласково вложил маленький букетик ей в руку. Женни Маркс задумчиво рассматривала голубые звездочки.

– Неужели когда-нибудь и правда у людей будет волчок Амарантис, который изгонит все болезни и преждевременную смерть? – произнесла она.

Этот вопрос и не требовал ответа. Скорее, просто мысли вслух. И Энгельс промолчал. Когда видишь, как гибнет только что начавшая расцветать жизнь, невольно впадаешь в бессильное отчаяние. Но люди изменят это, подумал он, и, глубоко вздохнув, уверенно сказал:

– Болезни и ранняя смерть исчезнут. Ни одна человеческая жизнь не должна погибать понапрасну! И ни одна не будет подвергаться бессмысленной опасности. Самым дорогим для всех жителей нашей планеты станет жизнь человека…

– Да, – отозвалась Женни очень тихо, – когда-нибудь так оно и будет. – Она неожиданно взяла его руку и сказала: – Дорогой Фредрик! А как же мы, мы, которые только еще находимся на пути туда? Даже в самом начале этого пути? – Она остановилась,

обвела взглядом луга и холмы. – Если уж мне не суждено пережить это самой, мне хотелось бы хоть взойти на ту гору, о которой говорится в легенде, и, прежде чем умру, увидеть перед собой эту обетованную землю!

Энгельс посмотрел вперед. Маркс, как всегда, когда вырывался на простор, шагал быстро, решительно, гордо подняв голову.

– Вон идет наш проводник на эту гору, дорогая фрау Женни, – сказал Энгельс. – Каждый из вас в одиночку часто переживал бы минуты такого отчаяния. Но вы ведь шагаете вместе, вы, Женни и Карл! И, не будь вас у Мавра – вы это так же хорошо знаете, как и я, – он не смог бы создать тот мощный рычаг идей, с помощью которого перевернет весь старый мир. Пусть понадобятся еще десятилетия, но он завершит этот труд! И врата в страну Завтра-и-Послезавтра откроются! Это так же верно, как то, что небесные тела вращаются по своим орбитам.

В эту минуту Мавр как раз остановился и, широким жестом указав Джо на мягкую цепь холмов, обернулся назад, ища глазами Женни и Энгельса. Приветливо кивнув им, он продолжил свой разговор с Джо:

– А Билли говорил с отцом честно и откровенно?

Подумав, Джо ответил:

– Да, он вроде все ему сказал. И как тогда вышло с мукой, и как они жили шайкой, и то, что это он украл кружева, но… – Джо замялся, – может, ему не надо было об этом говорить?..

– Не надо? Почему не надо?

– Потому что… когда он потом добавил: «Ну что ж, ведь все сошло гладко!» – отец рассердился, стукнул по столу и накричал на Билли: «Не твоя заслуга, что мама и Джо не угодили в тюрьму и мы не опозорены на всю жизнь!» Тут Билли уже больше ничего не сказал. Просто встал и ушел.

– Ну, а Робин?

– Тот хотел его вернуть. Но отец не велел. Горбатого, говорит, только могила исправит…

Джо говорил все тише и тише. Вот он глубоко вздохнул и как-то неуверенно взглянул на Мавра. На языке у него вертелся вопрос, но он не смел произнести его вслух.

– Бекки говорила, что отец больше всех любит Билли, – сказал после небольшой паузы Маркс. – И, должно быть, это верно, поэтому он так строго его и судит. Но он ошибается: люди растут иначе, чем деревья. Билли нелегко выбраться на верную дорогу, но он уже не одинок. Ты был у него на верфи?

Джо кивнул:

– Вчера как раз. С Робином и Беном. Билли еще сказал:

«Дайте только срок, я отцу докажу!»

•

Тут раздался голос Муша:

– Вот мы и пришли! – Он помчался вперед, чтобы выбрать получше место для бивака.

Еще по дороге сюда Лерхен, Ки-Ки и Муш начали рассказывать Джо и Бекки продолжение истории про мастера Рёкле. Но все они без конца только перебивали друг друга. Лауре хотелось непременно рассказать о волчке Амарантисе, который был похож на продолговатую, опушенную серебристым снегом еловую шишку. Стоило только этому волчку завертеться и начать приплясывать, как раздавалась музыка и все больные выздоравливали.

Мушу больше всего нравилась дудочка «Дождик-лей-скорей», которую Ганс Рёкле вырезал для Якова из деревни. Малыш все хотел получше объяснить волшебные слова, без которых дудочка не играла. *Питирим* – если нужно вызвать шторм и ветер, *Патарам* – когда требовался дождь, и *Замберзум* – когда солнышку сиять.

Ки-Ки, страшно волнуясь, рассказывала о подлой хитрости черта, о его шпионах и слугах, которых он рассылал во все стороны, чтобы выведать нужные ему волшебные слова.

Джо и Бекки трудно было сразу во всем разобраться. Питирим… Замберзум… Патарам… Амарантис… Волшебная дудочка. Все это как-то перемешалось. Но все же они оба поняли: между чертом и Гансом Рёкле разгорелась отчаянная борьба. Черт завладел волшебной дудочкой и решил с ее помощью вновь раздуть огонь в аду, но ума, чтобы правильно пользоваться ею, у черта не хватило, и он, конечно, все перепутал: вместо ветра вызвал дождь, и всю преисподнюю затопило. Тогда черту опять пришлось крикнуть: «Назад, к Рёкле!» А этого ему больше всего не хотелось.

Когда Муш, восседая на самом большом из Чертовых камней, просигнализировал «главным силам армии», что бивак находится под надежной охраной, Бекки и Джо вместе с Ки-Ки выбрали себе местечко помягче, прямо в вереске. К ним вскоре присоединилась и Лаура. Она нашла одуванчик, осторожно донесла воздушный шар до места и только здесь сдула все облачко маленьких зонтиков-семечек.

Из всех чудесных вещей, которые вырезал Ганс Рёкле, Бекки больше всего пришелся по душе волчок Амарантис.

– А правда все выздоравливают, когда волчок вертится и пляшет? – спросила она.

– Да, все! – ответила Лерхен. – Слепые делаются зрячими, хромые – ходячими!

Бекки задумалась.

– Как же Гансу Рёкле добиться, чтобы черт не забирал у него все эти прекрасные вещи?

Да, правда, как добиться? Этого ни Ки-Ки, ни Лерхен тоже не знали.

Тут Муш возьми да и крикни сверху:

– А это мы узнаем сегодня, когда Мавр расскажет нам сказку дальше! – И, когда Мавр подошел, он пристал: – Мавр, а Мавр! Залезай сюда! Залезай! Отсюда до самого конца света видно. Здесь тебе хорошо будет рассказывать. Здесь уж ветер разлохматит тебе бороду! – И он стал обеими руками зазывать к себе отца.

Но Мавр не полез наверх.

– Ветер мне сейчас не нужен, полковник Муш! – ответил он, опускаясь рядом с большой корзиной Ленхен. – А ты стой там на посту, это очень важно, а то как бы к нам из пустоши не подкрался разбойник Робин Гуд и не похитил у меня прекрасную баронессу Женни фон Вестфален или не ограбил бы наш провиантский склад. И то и другое незаменимо!

Муш так и не понял, серьезно говорит Мавр или шутит. Сверху ему хорошо было видно, как все торжественно уселись вокруг корзины Ленхен.

– А мы здесь внизу тем временем расправимся с жареной телятиной, – услышал он голос дяди Ангела.

«Что, что? Без меня?» – подумал Муш, и в следующее мгновение камень опустел. Прошла еще секунда, и голова Муша высунулась из-под руки Ленхен.

Мавр устроился рядом с Женни, Энгельс – у белой скатерти, разостланной Ленхен, а сложивший руки на коленях Либкнехт походил на ребенка за рождественским столом. Все молча ждали. Работала одна Ленхен. Слышно было, как шуршит бумага.

– О-о-о-о-о! – раздался общий вздох, в котором звучало и удовлетворение и нетерпение.

Это Ленхен распаковала «освященную традициями» телятину. Больше всех горели глаза детей. Поэтому Ленхен быстро разрезала горбушку на пять продолговатых кусочков и тут же сунула их каждому в рот. Первый – Бекки. Затем она раздала хлеб, и пиршество началось.

После того как все закусили, начались игры, о которых дети мечтали всю неделю. Особенно весело было во время турнира

всадников – ведь на сей раз в нем участвовал и Генерал. Дети Мавра по жребию разобрали «лошадей» и с гиканьем ринулись друг на друга.

Джо и Бекки не отрываясь следили за состязанием. Наездница Ки-Ки на Мавре дважды выходила победительницей против Лерхен, а затем, тоже два раза, она сразила Муша. Как ни ловчил, как ни изворачивался Генерал с полковником на плечах, какие прыжки ни выкидывал, а против стойкости Мавра и его гибкой и храброй наездницы Ки-Ки не мог устоять. Муша стащили с «коня».

Чтобы заманить Маркса и Либкнехта на часок в таверну и там с друзьями и знакомыми осушить кружку пива, Энгельс раздобыл где-то ослика для катанья и кричал, смеясь:

– Это для тебя, Мавр! Пора начинать тренироваться, если на троицу собираешься в Манчестере выехать со мной на прогулку верхом! – При этом он весело оглянулся на Женни.

– Тренироваться? Разве мы с тобой в этом нуждаемся, длинноухий? – живо отозвался Маркс. – Да я еще студентом превзошел искусство верховой езды!

Но Энгельс, лукаво подмигнув детям, шепнул Женни, что Карл дальше третьего урока так никогда и не продвинулся. Однако Маркс быстро вскочил на ослика, шлепнул его и крикнул:

– А теперь покажи, на что ты способен, серенький!

Ослик тут же стал брыкаться, доставляя Марксу немало хлопот.

– Шенкеля, Мавр, шенкеля! – давясь от хохота, наставлял его Энгельс.

Но ослик встал на дыбы и чуть не сбросил Мавра. Мавр вцепился ему в гриву, крича:

– Он из породы бременских музыкантов, хочет на лютне играть, а не Мавра на спине катать!

В то же мгновение серенький помчался галопом прямо к таверне. Фалды сюртука Мавра так и развевались на ветру. Дети, громко смеясь и издавая дикие крики, бросились вдогонку, что, разумеется, еще больше подгоняло и без того перепуганного ослика.

В садике перед таверной Маркса радостно приветствовали знакомые. Завязалась оживленная беседа.

•

Несколько часов спустя, когда день уже клонился к вечеру, Маркс и все его близкие устроились чуть ниже Чертовых камней.

Перед их взорами простирался необозримый ландшафт. Светлая зелень лугов волнами набегала на темные островки леса, росшего на отдаленных холмах. На огромном небосводе ни облачка. На горизонте вырисовывались крошечные деревушки с красными черепичными крышами. Кое-где дрок уже протягивал свои первые усыпанные желтым веточки, казавшиеся веселыми огоньками в прозрачном, отливающем синевой воздухе.

Маркс оглядел детей одного за другим. Взглянул на Джо, кивнул Ленхен и Либкнехту, посмотрел и на Энгельса, пожалуй с не меньшим нетерпением, чем дети, ожидавшего продолжения сказки. Потом взгляд Маркса остановился на лице Женни. После нескольких часов, проведенных на свежем воздухе, оно казалось уже не таким грустным. Он начал:

– Страна Завтра-и-Послезавтра – не пустая фантазия. Люди найдут туда дорогу, как ни длинен, как ни тернист будет этот путь. Они прогонят всех чертей, прогонят навсегда, как Ганс Рёкле прогнал черта в истории, которую я вам сейчас расскажу.

•

Черт страшно злился, прямо дрожал от злости. Только об одном и думал: как бы сделать так, чтобы Гансу радость была не в радость и жизнь не в жизнь, как бы выкрасть у него все те чудесные вещи, которые он создавал для людей: иглу «Шей-сама», дудочку «Дождик-лей-скорей» и многие другие. Всех своих слуг он разослал в разные концы, чтобы они выспрашивали детей. Летучая мышь и скорпион давно уже затаились в подвале Ганса Рёкле, всё подсматривали и подслушивали.

Как-то раз Луиза привела к Гансу Рёкле мальчика, который родился хроменьким. С большим трудом он на костылях приковылял в подвал. Ганс Рёкле взял волчок Амарантис и сказал:

– Хризантимос!

Волчок сразу завертелся – быстрей и быстрей – и весь засиял голубым светом. Сперва тихо, потом громче полилась музыка, светлая и радостная, как песнь жаворонка. Вдруг хроменький мальчик отбросил свои костыли и подбежал к мастеру Рёкле – он выздоровел.

Но, как только Луиза ушла с мальчиком, Ганс спрятал подальше волчок Амарантис. И все же летучая мышь приметила, куда он его спрятал, полетела к черту и рассказала ему обо всем, что видела. А потом снова вернулась в подвал к Рёкле и повисла под потолком в самом темном углу.

Прошло несколько дней, и Луиза принесла мастеру Рёкле иглу «Шей-сама».

– Возьми ее лучше себе, – сказала она. – Без конца вертятся вокруг меня какие-то чужие люди, и лица у них вроде приветливые, а глаза злые-презлые. Из-за них я не решаюсь сказать волшебное слово.

– Ни к чему эта вещь, если она добра никому не приносит, – сказал Рёкле, взяв ларчик с чудо-иглой. – Дай-ка я припрячу ее до лучших времен.

Но было ему при этом очень грустно. И когда Луиза захлопнула за собой дверь, борода Ганса Рёкле стала совсем седая. И об этом летучая мышь поспешила донести черту.

На следующий день в подвале объявился Яков с дудочкой «Дождик-лей-скорей». Он рассказал мастеру то же, что и Луиза.

– Ни к чему эта вещь, если она никому не приносит добра, – сказал и на этот раз Рёкле. – Дай-ка я припрячу ее, покуда опасность не минует.

И Яков, грустный, покинул подвал.

Хотел было Ганс Рёкле взяться за работу, но не смог – не было у него сил.

А когда Луиза и Яков вновь навестили его, они даже испугались – так Рёкле изменился.

– Борода у тебя совсем белая, – сказала Луиза, – и голова тоже.

А Яков спросил:

– Что с тобой, мастер?

Ганс Рёкле ему ответил:

– Лишился я всякой радости. Сомнения грызут меня.

Дети посоветовались друг с другом и сказали Гансу:

– Ты, пожалуйста, не грусти больше. Мы снова возьмем у тебя иглу и дудочку и сбережем их, не отдадим хитрому черту.

А Ганс Рёкле им и говорит:

– Нет, этого вы не сумеете! Черт поставил на ноги своих шпионов, и все вещи, которые должны служить людям на пользу, причиняют им зло.

– Нельзя, чтобы так было! – воскликнул Яков. – Ты должен хорошенько спрятать от него все эти вещи. И я знаю, где: в стране Завтра-и-Послезавтра!

– Путь в страну будущего очень далек! – ответил им Ганс Рёкле. – Мои ноги не вынесут.

– А ты сделай себе семимильные сапоги, – сразу предложила Луиза.

– Семимильные сапоги унесут меня далеко-далеко, но они не могут перенести меня ни в прошлое, ни в будущее. Им не

подчиняется время.

Тут Яков крепко призадумался. Но вдруг его осенило:

– А ты сделай себе Сапоги времени, мастер!

Ганс Рёкле даже опешил.

– Хороший совет, – сказал он. Потом добавил: – Знаете что? Приходите ко мне завтра.

Дети ушли, а Ганс Рёкле тут же принялся за дело. Прежде чем миновала ночь, Сапоги времени были готовы. К Гансу Рёкле снова вернулась радость.

Летучая мышь сразу полетела к черту.

– Опять молодым стал твой Рёкле-то, – пищала она ему на ухо. – Сапоги себе смастерил, чтобы верхом скакать. А вещички, что по контракту все твои, собирается припрятать. В какой-то стороне – уж я не разобрала, в какой.

Когда на другой день утром Луиза и Яков опять навестили Ганса Рёкле, они первым делом увидели на нем новые сапоги. И сшиты они были из какого-то совсем неизвестного материала. Синего-синего. И в него серебром были вотканы знаки Зодиака.

Тем временем черт успел пробраться в подвал, спрятался и стал подслушивать, что Ганс говорит детям.

– Я скоро вернусь. А вы, дети, следите за часами. Покуда я в дороге, стрелки будут крутиться вихрем. Но, как только прибуду на место, поползут по-старому. Вы тогда посмотрите в трубу «Куда хочу – туда загляну» и сразу увидите меня в стране будущего. – И Ганс очень тихо произнес волшебное слово.

Черт навострил уши, так напрягся, что они чуть было не лопнули. Но он все равно ничего не расслышал. А Ганс Рёкле сделал один шаг, второй – и вот уже помчался во времени!

– И я с тобой, Ганс Рёкле! – закричал черт, пытаясь схватить Ганса.

Но тот уже стал легче воздуха и, прежде чем дьявол успел опомниться, исчез. Только смех его и был слышен.

Дети сидели в подвале и внимательно следили за часами. И правда, сперва стрелки вертелись вихрем, но потом все медленней и медленней и снова поползли как обычно. Тогда Луиза и Яков посмотрели в трубу «Куда хочу – туда загляну». Но в ту же минуту в подвал вошел кто-то чужой. Одежда на нем была из ярко-желтого материала, расшитого черными змейками, высокую шляпу украшали павлиньи перья. Сладеньким-пресладеньким голосом он сказал:

– Меня прислал мастер Рёкле. Я принес тебе, Яков, волшебный нож, чтобы ты мог так же вырезáть, как сам Ганс. Ты давно хотел, чтобы у тебя был такой нож. Вот он! – С этими словами он положил на верстак нож с ручкой, отделанной

драгоценными камнями.

Яков словно завороженный смотрел на нож и уже было его схватил, но Луиза как закричит:

– Это не Рёкле прислал! Разве ты забыл его слова: «Вырезать надо учиться, дело не в ноже!»

Яков сразу выронил нож. А Луиза посмотрела в трубу «Куда хочу – туда загляну» и воскликнула:

– Я вижу Ганса Рёкле. Вот он помахал мне рукой.

Но тут же вокруг нее вспыхнул ядовито-зеленый круг, и Луиза упала без чувств. У ног Якова полыхал такой же заколдованный чертов круг. А фальшивый вестник, гогоча, сказал:

– Теперь ты знаешь, кто я такой. Ну так вот, слушай, что я тебе скажу. Волчка Амарантиса у вас нет, и Луиза останется хромой до конца своих дней. Если хочешь ей помочь, делай все, что я тебе повелю!

– А что ты велишь? – спросил Яков.

– Достань мне новые сапоги мастера, тогда и нож будет твой, и девчонка выздоровеет.

– Не помогут тебе сапоги, – сказал Яков, – ты же не знаешь волшебного слова, и я его не знаю.

– Давай вместе посмотрим в трубу «Куда хочу – туда загляну», – предложил хитрый черт, – и ты позови Ганса Рёкле, пусть он возвращается. Без сапог-то он вернуться не может, я и заберу их у него. А волшебное слово он нам сейчас сам скажет.

У бедного Якова стучало сердце, он все ломал себе голову, как бы ему черта перехитрить. И вот наконец придумал.

– Идет! – сказал он и подошел к трубе.

Черт стал рядом.

Луиза взмолилась:

– Пусть я на всю жизнь останусь калекой, дорогой Яков, только не выдавай нашего Рёкле!

Но Яков знал, что́ делает. Он как крикнет в трубу:

– У нас беда!

И Ганс Рёкле услышал его зов. Он тут же натянул Сапоги времени, хлопнул по голенищам и сказал:

– А ну, живей, быстрее ветра!

Черт даже подпрыгнул от радости. Он уже торжествовал.

– Ну, теперь Рёкле от меня не уйдет! – прошипел он и спрятался в уголке подвала.

Стрелки на часах завертелись вихрем: Ганс Рёкле был снова в пути, на этот раз уже домой.

Луиза заплакала, но Яков шепнул ей:

– Давай и мы с тобой спрячемся. Мастер с чертом уж как-

нибудь сам справится.

Ганс Рёкле сразу догадался, кто прячется у него в подвале. И детей он увидел, но подал им знак сидеть тихо и стал разуваться. А сапоги поставил так, чтобы черту их легко было стащить.

– Луиза, Яков! Где вы? – кричал Рёкле, притворяясь, будто не знает, где дети, а сам, словно бы разыскивая их, подошел к трубе.

Черт – хоп! – и подскочил к нему сзади. На нем был плащ из черного бархата, такой богатый, в каком он еще никогда не показывался людям.

– Наконец-то ты попался мне в сети, Рёкле!

Ганс сделал вид, что он страшно удивлен:

– Не ожидал, не ожидал вас встретить здесь! Насчет каких это вы сетей изволили говорить?

– Гляди, что́ на мне!

Черт распахнул свой бархатный плащ и показал сапоги.

Ганс Рёкле притворился огорченным:

– Украл, конечно, как всегда?

– Не украл, а взял по моему чертову праву, как оно и записано в контракте.

Ганс Рёкле притворился оскорбленным:

– Прошу тебя, верни мне сапоги. Они тебе все равно ни к чему, ты же не знаешь волшебного слова.

Но черт только расхохотался в ответ.

– А мне его твой Яков выдал, умник-разумник! Старался, старался для сопляков, а они тебя и предали.

– Ты лжешь, черт, – спокойно ответил ему Ганс Рёкле. – Яков верен мне, как верны мне все дети. Да, кстати, никогда тебе не стронуть с места этих сапог.

Черт не выдержал и закричал:

– Довольно болтать! Сейчас сам убедишься. Увидишь, как я отправлюсь в путь и притащу все твои распрекрасные вещи из страны Басен-и-Побасенок, а потом и за тобой приду.

– Что ж, скатертью дорога! – напутствовал его Ганс Рёкле.

– Что, что? Не веришь? – рассердился черт. – Вот я тебе сейчас покажу! – И, так же как Рёкле хлопнув себя по голенищам, крикнул: – А ну, живей, быстрее ветра!

Мгновенно с него слетел плащ и на голове выросли рога. Ганс Рёкле так громко рассмеялся, что весь подвал заходил ходуном. Дети выбежали из своего тайника и тоже начали смеяться.

– Чего это вы гогочете? – глупо спросил черт, делаясь все тоньше и меньше.

– Да ты неправильное волшебное слово сказал! – крикнул Ганс Рёкле. – Теперь ты быстрее ветра мчишься назад, в прошлые времена. Там тебе и место!

Черт как взвоет:

– Стащите с меня эти сапоги!.. Я дам вам… обещаю…

Чтобы удержаться, он протягивал руки то к Гансу Рёкле, то к детям, но сам делался все прозрачней и… вдруг исчез. В подвале только и остался, что гнилой душок от него.

Тогда Ганс Рёкле подвел детей к трубе «Куда хочу – туда загляну», и они увидели: сапоги с чертом неслись из настоящего времени в прошлое. Черт отбрыкивался изо всех сил. Но сапоги уносили его всё дальше и дальше – мимо старинных замков, где он когда-то жил, мимо могучих властелинов, которые ему когда-то служили. Черт молил их о помощи. Тщетно! Ибо прошлое уже не имело власти.

А сапоги всё неслись и неслись. Земля окуталась в непроницаемый туман. Завыла буря, загудела метель. А потом уже ничего не осталось: кругом была ледяная пустыня. Но сапоги все еще неслись. Теперь они уже замедлили свой бег и наконец вовсе остановились. Бушевала метель. Черт все глубже и глубже погружался в снег и лед. Некоторое время еще видны были его рога. Но вот его совсем не стало.

Дети вскочили и стали плясать. Рёкле тоже радовался ото всей души. Первым пришел в себя Яков.

– Хорошо, что черт не знал правильного волшебного слова! – Он посмотрел на Ганса Рёкле. – А теперь ты скажешь его нам?

Ганс привлек к себе детей.

– Конечно, скажу. Тот, кто хочет попасть в страну Завтра-и-Послезавтра, тому надо произнести: «Вперед с быстротою мысли!»

– Как жалко, – с грустью воскликнула Луиза, – что у тебя больше нет Сапог времени!

– Об этом вам нечего тужить, – ответил Ганс, – я ведь могу и новые сшить. И ни один черт мне в будущем не помешает…

•

Веселый смех не умолкал всю обратную дорогу. Солнце уже закатилось, и на небе взошла вечерняя звезда.

Мавр с Бекки и Джо обогнали других. Джо никак не мог успокоиться и все спрашивал:

– Но ведь труба «Куда хочу – туда загляну», которую сделал Ганс Рёкле, может быть только в сказке?

– Как знать! – таинственно отвечал Мавр. – Быть может, и у меня есть такая труба, через которую я могу заглянуть и в прошлое, и в будущее…

Городской шум доносился еще слабо. Вечерний ветер

перешептывался в листве деревьев. Джо покосился на Маркса. А может быть, Мавр и есть сам Ганс Рёкле?

– Дети тоже должны знать, как чудесно изменится мир в будущем, – сказал Маркс. – Для этого я и рассказал вам сказку о Гансе Рёкле.

Бекки теснее прижалась к нему.

Он обнял ее за плечи.

– Ну, уж Сапоги времени никто себе сшить не может! – все сомневался Джо.

Они шагали рядом, устремив взгляд на затянутый дымкой горизонт, на котором четко выделялись силуэты старинных башен и фабричных труб. А вверху повис еще бледный, но резко очерченный серп луны, стремясь охватить своим полукружием вечернюю звезду.

Мавр привлек к себе и Джо:

– Есть и Сапоги времени. И вы научитесь шить их: ведь умные и храбрые люди познают и возвещают людям то, что грядет. На крыльях своей смелой мечты они уже сегодня способны унести нас в страну Завтра-и-Послезавтра.

•

Прошло двадцать лет.

Джо Клинг часто водит своих детей на прогулку в пустошь, и они доходят до того холма, где Маркс рассказывал о победе Ганса Рёкле над чертом. И тот же самый ландшафт простирается перед ними. Быть может, и вереск стоит как раз в цвету или же березки накинули свой золотой осенний наряд. Пустошь всегда хороша, но такой, как в тот памятный весенний день, она уже никогда не будет!

Порой Джо принимается рассказывать – правда, это случается довольно редко, – и тогда уж он непременно упомянет о голубых незабудках на берегу ручья и о веселой прогулке Мавра на ослике. Джо ведь помнит даже, у какого холма начался турнир и кто из детей выиграл…

Эдди, его старший сын, обыскав глазами зеленое море пустоши, спрашивает:

– А где же маленький пруд, папа?

Но этого не знает и Джо Клинг. Скорее всего, пруд высох. Но как растолковать маленькому Эдди, что он, Джо, все равно видит его перед собой! А крошка Женни расспрашивает отца о черноволосой девочке Женни, которую звали Ки-Ки, а иногда даже китайским императором.

Ну, а так как детям всегда всего мало и они спрашивают еще и еще, то Джо начинает весь рассказ с самого начала: сперва о тяжелой жизни ребят на прядильной фабрике, вот уж поистине отданных во власть черта! И о том, как Мавр сказал кондуктору омнибуса: «Дети со мной!» Ведь с того самого дня жизнь Джо преобразилась, и не только его, но и его братьев, всей семьи Клингов, да и многих других людей.

Джо ничего не забыл. Не забыл он и слов Мавра, сказанных им всем здесь, в пустоши:

«Страна Завтра-и-Послезавтра – не пустая фантазия. Люди найдут туда дорогу, как ни длинен и ни тернист этот путь. Они прогонят всех чертей, прогонят навсегда, как прогнал черта Ганс Рёкле».

Должны были пройти годы, прежде чем Джо понял, что́ скрывается за этими словами. Ему пришлось прожить целую жизнь, чтобы понять и осознать их до конца.

В тот день, когда над прекрасным Парижем взвилось знамя коммунаров, тридцатитрехлетнему Джо Клингу показалось, что до обетованной земли уже близко. Но до нее было еще очень далеко. Ведь путь туда был длинен и тернист.

Пошел пятый год нового столетия. Над огромной империей царя впервые, словно буревестники, взвились знамена пролетариата. Джо Клинг был тогда уже стариком. Ему опять показалось, что врата в страну будущего распахнуты. Но они вновь захлопнулись.

А когда наконец пламенное знамя «Авроры» – корабля утренней зари – взвилось над горизонтом истории, дабы никогда больше не опускаться, то увидели его уже только дети и внуки Джо Клинга.

И я, и ты – мы видим, как знамя это, знамя самой жизни, развевается над победным шествием миллионов. Оно уже поднялось до самых звезд и возвестило оттуда: империям господ и чертей приходит конец! Страна Завтра-и-Послезавтра, о которой отцы наши могли только мечтать, становится для нас явью. Ибо мы держим в руках трубу Ганса Рёкле «Куда хочу – туда загляну» и видим в нее, что делается за самыми высокими горами и глубоко-глубоко в недрах гор, за самыми широкими морями и глубоко-глубоко на дне морском! Видим мы и самое что ни на есть малое, и самое что ни на есть великое: мы умеем заглянуть и в сердце соловья, и в далекие звездные миры.

Сноски

notes

Примечания

1

Коттонлорд – хлопчатобумажный лорд: презрительное прозвище владельцев бумагопрядильных фабрик.

2

Дорогая (англ.).

3

Но! (нем.) Пошел! (англ.) Скорей! (франц.)

Лерхен – жаворонок (нем.).

5

Мюнцер Томас (ок. 1490 – 1525) – вождь крестьян и городской бедноты во время Великой Крестьянской войны 1524 – 1525 годов в Германии.

6

Фрейлиграт Фердинанд (1810 – 1876) – немецкий поэт. В 1848 – 1849 годах один из редакторов «Новой Рейнской газеты», издававшейся под редакцией Маркса, член Союза коммунистов – первой международной коммунистической организации, созданной К. Марксом и Ф. Энгельсом. В 50-х годах Ф. Фрейлиграт отошел от революционной борьбы.

7

Рорбах Йеклейн (ум. 1525) – один из наиболее революционных руководителей Крестьянской войны 1524 – 1525 годов в Германии.

8

Хельфенштейн Людвиг, граф (ок. 1498 – 1525) – австрийский наместник в Вейнсберге (Вюртемберг), известный своим вероломством по отношению к крестьянам. Попал в плен к Йеклейну Рорбаху.

9

А дождь льет и льет (англ.).

10

Персонаж из одноименной сказки Братьев Гримм.

11

Манчестер – название ткани, изготовляемой в городе Манчестере.

12

Пошли! (франц.)

13

Чартизм – революционное рабочее движение в 1836 – 1848 годах в Англии, ставившее целью добиться всеобщего избирательного права. По названию документа, в котором излагались основные требования рабочих, – «Народная хартия», – движение получило наименование «чартизма».

14

«Вперед, вперед, сыны отчизны!» Первые слова «Марсельезы» (франц.).

15

Песню о «Дубинке и проворной метле» перевел с немецкого Ю. Коринец.

16

Малыш (итал.).

17

Маленький мальчик (англ.).

18

Вперед! (итал.)

19

О небо, пресвятая Мария! (итал.)

20

Вот это пыл! (итал.)

21

Да, да, да (итал.).

22

Нет, нет! (итал.).

23

Прекрасная Сицилия (итал.).

24

Прощай (итал.).

25

До свидания, малыш! (итал.).

26

Пипер Вильгельм – немецкий филолог и журналист, член Союза коммунистов, эмигрант в Лондоне. В 1850 – 1853 годах был близок к Марксу.

Индиго – синий краситель.

Слава! Победа! (лат.)

29

Порядочный человек (англ.).

30

Слова, приведенные здесь, были произнесены Байроном в палате лордов 27 февраля 1812 года в речи, направленной против проекта закона, устанавливающего смертную казнь для луддитов, то есть рабочих, которые разрушали вновь вводимые машины, видя в них причину безработицы и нищеты.

31

О'Коннор Фергюс (1794 – 1855) – один из активных деятелей чартизма. Прекрасный оратор. После 1848 года реформист.

32

Оуэн Роберт (1771 – 1858) – великий английский социалист-утопист.

33

Лич Джемс – по профессии ткач, один из руководителей чартистских организаций в Ланкашире в 40-х годах XIX века.

34

О'Брайен Джеймс Бронтер (1805 – 1864) – видный деятель чартистского движения в Англии.

35

Фрост Джон (1784 – 1877) – деятель чартистского движения. Организатор восстания горняков в Уэльсе в 1839 году. Был приговорен к пожизненной ссылке в Австралию.

36

Прощайте, а не до свидания! (итал.)